

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ШАГИ

/STEPS

Т.4. №2 2018

Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва
2018

ШАГИ

ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
SCHOOL OF PUBLIC POLICY

SHAGI

/STEPS

Vol. 4. No. 2 2018

The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Moscow
2018

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Главный редактор

С. Ю. Неклюдов (куратор направления «Теоретическая фольклористика»)

Редакция

М. В. Ахметова (зам. главного редактора)

М. И. Байдуж (зав. редакцией)

Н. П. Гринцер (куратор направления «Античная культура»)

И. А. Женин (куратор направления «Историко-культурные исследования»)

М. С. Неклюдова (куратор направления «Культурология и социальная коммуникация»)

Д. С. Николаев (координатор редакции)

В. Ф. Спиридонов (куратор направления «Когнитивные исследования»)

Н. Ю. Чалисова (куратор направления «Востоковедение. Сравнительно-историческое языкознание»)

Е. П. Шумилова (координатор издательских программ ШАГИ)

Редакционная коллегия

Х. Баран, Университет Олбани (США)

Н. Б. Вахтин, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)

Л. М. Ермакова, Университет иностранных языков города Кобе (Япония)

А. Л. Зорин, Оксфордский университет (Великобритания); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

С. Э. Зуев, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

С. А. Иванов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия)

К. Келли, Оксфордский университет (Великобритания)

А. А. Кибрик, Институт языкознания РАН (Россия)

М. А. Кронгауз, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия)

С. Ловелл, Лондонский университет, Кингс Колледж (Великобритания)

В. А. Мау, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

Ю. Л. Слёзкин, Калифорнийский университет в Беркли (США)

Т. В. Черниговская, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

А. Шёнле, Лондонский университет королевы Марии (Великобритания)

Editor-in-Chief

S. Yu. Nekliudov (Responsible for Theoretical Folklore Studies Section)

Editorial Team

M. V. Akhmetova (Deputy Editor-in-Chief)

M. I. Baiduzh (Editorial Staff Manager)

N. Yu. Chalisova (Responsible for Oriental Studies and Comparative Linguistics Section)

N. P. Grintser (Responsible for Classical Studies Section)

M. S. Neklyudova (Responsible for Cultural and Social Communication Studies Section)

D. S. Nikolaev (Editorial Coordinator)

E. P. Shumilova (Coordinator of Publication Programs of the School for Advanced Studies in the Humanities)

V. F. Spiridonov (Responsible for Cognitive Studies Section)

I. A. Zhenin (Responsible for Historical and Cultural Studies Section)

Editorial Board

H. Baran, University at Albany, State University of New York (USA)

T. V. Chernigovskaya, St. Petersburg State University (Russia)

L. M. Ermakova, Kobe City University of Foreign Studies (Japan)

S. A. Ivanov, National Research University “Higher School of Economy” (Russia)

C. Kelly, University of Oxford (Great Britain)

A. A. Kibrik, The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia)

M. A. Krongauz, National Research University “Higher School of Economy” (Russia)

S. Lowell, University of London, King’s College (Great Britain)

V. A. Mau, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

Yu. Slezkine, The University of California, Berkeley (USA)

A. Schönle, Queen Mary University of London (Great Britain)

N. B. Vakhtin, European University at St. Petersburg (Russia)

A. L. Zorin, University of Oxford (Great Britain); The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

S. E. Zuev, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
-------------------	---

СТАТЬИ

Античное наследие в европейской истории, политике и культуре: Средние века. Новое время. Новейшее время. Материалы круглого стола

И. М. Никольский. «Раннесредневековое» развитие «позднеантичной» политической модели: «Satisfactio» Драконция в редакциях V и VII вв.	10
Е. Д. БРАУН. Джентри и античное наследие. Казус Уильяма Уорчестера	23
Е. В. Илюшечкина. Ученый-гуманист vs. античный автор: комментарии раннего Нового времени к энциклопедии Плиния Старшего	38
А. В. Воеводский. Роль античного наследия в осмыслении имперского опыта Британии Джеймсом Миллем	56
Н. П. Танышина. Образы античности в интеллектуальном наследии Франсуа Гизо	68
И. В. Игнатченко. Пьер де Кубертен и возрождение Олимпийских игр в XIX в.	80

Образы Средневековья

И. Г. МАТЮШИНА. «Битва в Финнсбурге» и песнь скопа на пиру в «Беовульфе»	92
Е. С. МАРЕЙ. Город святых апостолов: образ Рима в письмах Григория Великого	120
Н. А. ПАСТУШКОВА. Легенда об основании города в «Истории Испании» Альфонсо Мудрого	139

XX век: коллективный опыт эпохи

А. В. ШАРОВА. Первая Мировая война как личный опыт историков	150
О. В. ЗАСЛАВСКАЯ. Между войной и революцией: транснациональный контекст коллективной биографии «потерянного поколения» Восточной Европы	166

VARIA

С. Ю. КОРОЛЁВА. Простонародные спиритические гадания в XX в. (столоворчение и круг с буквами)	204
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

И. ЖЕПНИКОВСКА. В поисках закономерностей текстообразовательных потенций культурной традиции	228
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. В. АУРОВ, Д. В. ЗАЙЦЕВ. Античность после античности	234
--	-----

Редакция журнала «Шаги / Steps» благодарит О. В. Аунова и Е. С. Марей за помощь в подготовке номера и за участие в написании редакционного предисловия.

CONTENTS

Editorial note

ARTICLES

Classical heritage in European history, politics and culture: Middle Ages. Modern Age. Contemporary history. Materials of the roundtable discussion

- I. M. NIKOLSKY. The 'Late Antique' political model in the 'Early Mediaeval' context: *Satisfactio* by Dracontius in 5th and 7th century redactions 10
- E. D. BRAUN. Gentry and the classical heritage. The case of William Worcester 23
- E. V. ILYUSHECHKINA. Humanist scholar vs. ancient writer: Commentaries from the Early Modern period on the Encyclopedia of Pliny the Elder 38
- A. V. VOEVODSKY. The role of the classical heritage in James Mill's assessment of Britain's imperial experience 56
- N. P. TANSHINA. Images of Antiquity in the intellectual heritage of François Guizot 68
- I. V. IGNATCHENKO. Pierre de Coubertin and the revival of Olympic Games in the 19th century 80

Images of the Middle Ages

- I. G. MATYUSHINA. The Finnsburg Fragment and the Lay of Hrothgar's scop in *Beowulf* 92
- E. S. MAREY. The city of saintly apostles:
The image of Rome in *Registrum epistolarum* of Gregory the Great 120
- N. A. PASTUSHKOVA. The legend of the founding of the town
in *Estoria de España* of Alfonso X el Sabio 139

20th century: Collective experience of the epoch

- A. V. SHAROVA. The First World War as personal experience of historians 150
- O. V. ZASLAVSKAYA. Between war and revolution: The transnational context of the collective biography of Eastern Europe's "lost generation" 166

VARIA

- S. Yu. KOROLYOVA. Folk spiritualistic fortune-telling in the 20th century (table-turning and circle with letters) 204

REVIEWS

- I. RZEPNIKOWSKA. In search of patterns in the text-generating potentialities of cultural tradition 228

ACADEMIC LIFE

- O. V. AUROV, D. V. ZAITSEV. Antiquity after Antiquity 234

The Editorial Team of "Shagi / Steps" wants to thank O. V. Aurov and E. S. Marey for their assistance in preparing this issue of the journal and for their participation in elaboration of the Editorial note.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск журнала посвящен исторической проблематике в самом широком смысле этого слова. Хронологически вошедшие в него статьи охватывают период от Средних веков до Новейшего времени, а их основными темами являются рецепция исторического наследия в культуре различных периодов, историческая рефлексия и конструирование истории в текстах, коллективный опыт в кризисную эпоху, отдельные культурные тексты и практики.

Одна из главных тем данного номера — рецепция античного наследия во всем многообразии его форм. Раздел «Античность в европейской истории, политике и культуре: Средние века. Новое время. Новейшее время. Материалы круглого стола» отражает материалы одноименного мероприятия, состоявшегося в Школе актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС 13 сентября 2017 г. (в номере публикуется также подробная хроника круглого стола, написанная **О. В. Ауровым** и **Д. В. Зайцевым**). Основной идеей, отразившейся в публикациях этого раздела, стало представление о широко понимаемой интегрирующей роли античности в истории и культуре Европы. Авторы всех статей, составивших раздел, исходили из тезиса о том, что если Средневековье сформировало первые, еще нечеткие очертания «Европы отечеств», а Новое время способствовало их кристаллизации, проводя многочисленные линии политических, религиозных и культурных разделов, то античности, в противовес им, мы обязаны тем общим, что, вопреки всем разделительным линиям, сохраняет образ единой Европы — по меньшей мере в историко-культурном смысле.

Так, статья **И. М. Никольского** посвящена проблеме фиксации границ античного и средневекового миров, эта проблема решается на материале вандальской Африки. Основным источником работы стало поэтическое произведение «Искупление» («Satisfactio»), написанное в конце V в. в Карфагене римским ритором и юристом Драконцием и переизданное в сокращенной редакции в VII в. толедским архиепископом Евгением II. По мнению автора, различия между двумя редакциями отражают не столько индивидуальные особенности авторских подходов, сколько глобальные тренды, связанные с глубокими изменениями в идеологии и культуре латинского Запада в условиях кризиса античной цивилизации. **Е. Д. Браун** обращается к культурным реалиям иной, хотя столь же рубежной эпохи. Предмет ее статьи — особенности рецепции античного наследия в среде английского провинциального дворянства (джентри) на рубеже Средневековья и раннего Нового времени; материал — документы из семейного архива Пастонов. На примере восприятия личности и творчества видного историка Уильяма Уорчестера показана престижность эрудиции в сфере античной культуры, ставшая в исследуемый период одной из черт аристократического образа жизни, которому стремились подражать провинциальные джентри. Объектом исследования **Е. В. Илющенко** стала рецепция «Естественной истории» Плиния Старшего в комментариях Маркантонио Сабеллико (1436–1506), Стефана Аквея (? — ок. 1537) и Якоба Далекампия (ок. 1513–1588), отразивших важные особенности культу-

ры Ренессанса в целом. Автору представляются значимыми как конкретные сюжеты, вызвавшие интерес позднейших комментаторов, так и содержание самих комментариев, отразившее и культуру чтения, и методы интерпретации античного текста, свойственные исследуемой эпохе. **А. В. Воеводский** посвятил свое исследование особенностям форм восприятия и интерпретации античного наследия в трудах английского писателя и политического мыслителя Джеймса Милля (1773–1836), предложившего проект реорганизации колониальной Британской империи на принципах, свойственных, по его мнению, модели Великой греческой колонизации VIII–VI вв. до н. э. Доказывая необходимость отказа от устоявшихся представлений, продиктованных, по его мнению, преувеличением значения римской модели, Дж. Милль в ряде важных аспектов предвосхитил формирование будущей системы доминионов. **Н. П. Таньшина** рассматривает роль интерпретации античного наследия в творчестве выдающегося французского историка и политика Франсуа Гизо (1787–1874). Сторонник значимости фактора континуитета в истории Франции, Ф. Гизо, которого с детства отличал глубокий интерес к истории и культуре античности, видел прямую преемственность между историей древней Галлии и Францией своего времени; при этом особое внимание уделялось проблемам упадка античной цивилизации и генезиса Средневековья, значимым с точки зрения Гизо-политика. Статья **И. В. Игнатченко**, завершающая раздел, посвящена фигуре основателя олимпийского движения барона Пьера де Кубертена (1863–1937). Автор показывает, что этот знаменитый французский общественный деятель, никогда особенно не увлекавшийся историей и культурой античности, обратился к идее возрождения Олимпийских игр, исходя из сугубо прагматических соображений; он рассматривал их как форму пропаганды спорта. Кроме того, большое значение для него имела идея олимпийского перемирия.

Авторы следующего раздела обращаются к текстам европейского Средневековья, от героического эпоса до исторических хроник. **И. Г. Матюшина** предпринимает реконструкцию сюжета о битве в Финнсбурге, сравнивая отрывок из не сохранившейся полностью древнеанглийской поэмы и так называемый Финнсбургский эпизод из англосаксонского эпоса «Беовульф» с точки зрения сюжетно-мотивных, метрических и языковых особенностей этих памятников. Статьи **Е. С. Марей** и **Н. А. Пастушковой** объединены темой города, точнее, его образа, предстающего в текстах. В первой статье речь идет о том, как изменяется облик и символический образ Рима стараниями папы Григория I Великого (в православной традиции — Двоеслова). При нем Рим постепенно превращается в город, находящийся под особым покровительством святых апостолов Петра и Павла. Изменяется и городская архитектура: общественная жизнь перемещается в базилики и монастыри, а религиозные процессии и ритуалы становятся неотъемлемой частью городской жизни. Статья Н. А. Пастушковой переносит читателя в мир кастильского Средневековья. Автор анализирует рассказы об основании городов в «Истории Испании» — первом историческом произведении, написанном на старокастильском языке. Согласно хронистам, почти все значимые города были основаны античным героем (например, Геркулесом) или мудрым правителем/правительницей. Придавая рассказу об основании города полупоэтический характер, авторы «Истории Испании» представляют его историю как более славную и блестящую.

В двух статьях, составивших отдельный раздел, драматические события первой половины XX в. анализируются сквозь призму личных судеб российских и европейских интеллектуалов. **А. В. Шарова** рассматривает отношение российских историков-медиевистов к событиям Первой мировой войны, демонстрирует, как стремительно менялось их отношение к главному противнику России — Германии и, соответственно, к немецкой науке и культуре. Статья лишний раз указывает на то, как сильно влияют внешние политические обстоятельства не только на личное мировоззрение историка, но и на его научные выводы. **О. В. Заславская** обращается к коллективному опыту венгерских представителей «потерянного поколения» — молодых интеллектуалов преимущественно еврейского происхождения, на социализацию которых серьезное влияние оказали Первая мировая война и революционные события в Европе и России.

Особняком в номере стоит статья **С. Ю. Королёвой**, где на российском материале рассматриваются спиритические гадания — трансформации этой практики в XIX–XXI вв., ее особенности в городской и сельской среде, в том числе в этнолокальных традициях. Представленный анализ перспективен в аспекте не только фольклористики и этнологии (а статья написана именно в этом ракурсе), но и истории культуры, поскольку исследование затрагивает функционирование соответствующей вернакулярной практики в различных социальных средах и ее изменения в различные временные периоды.

Никольский Иван Михайлович

*кандидат исторических наук
преподаватель, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47*

*научный сотрудник,
Центр «Восточная Европа в античном и средневековом мире»,
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Тел.: +7 (495) 954-44-82
E-mail: ivan.nikolsky@mail.ru*

«РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ» РАЗВИТИЕ «ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ: «SATISFACTIO» ДРАКОНЦИЯ В РЕДАКЦИЯХ V и VII вв.

Аннотация. Статья посвящена трансформации политической идеологии позднего Рима в условиях постримского мира — в варварских королевствах, возникших в процессе распада Западной Римской империи и существовавших в средиземноморском регионе в V–VII вв. Материалом для работы послужило произведение «Искупление» («Satisfactio»), написанное в конце V в. в Карфагене римским ритором и юристом Драконцием и переизданное в сокращенной редакции в VII в. в Толедо местным епископом Евгением. На этом материале рассматривается вопрос, как эволюционировал образ идеального правителя в поздней империи, а также в королевствах вандалов и вестготов. В статье проводится сравнительный анализ версий Драконция и Евгения с учетом политического, культурного и литературного контекстов их возникновения.

Ключевые слова: вестготы, вандалы, Драконций, Евгений II, Исидор Севильский, Римская империя, поздняя античность, раннее Средневековье

Заводя разговор о рецепции тех или иных явлений античной культуры в более поздние эпохи¹, невозможно уйти от вопроса: где проходит граница, по достижении которой можно было бы уверенно определить антич-

¹ В разделе журнала, открывающемся этой статьей, размещены материалы круглого стола «Античность в европейской истории, политике и культуре: Средние века. Новое время. Новейшее время» (ШАГИ РАНХиГС, 13 сентября 2017 г.). Хронику круглого стола см. на с. 234–246. — *Прим. ред.*

ность как «прошлое». Если же речь заходит об эпохе варварских королевств, возникших в период распада Западной Римской империи и во многом выросших на ее «обломках» (V–VII вв.), этот вопрос дополняется еще одним: а можно ли провести эту границу в принципе?

С тем, что 476 год — временная точка, которой формально принято отделять «Древний мир» от «Средневековья», — очень условна и никак не передает всех нюансов трансформации римского и варварского мира, большинство специалистов согласны уже довольно давно². В этом смысле более или менее компромиссным решением стал взгляд на весь период V–VII вв. как на переходную эпоху, однако оценивать ее как нечто абсолютно однородное — тоже своего рода упрощение. Ситуацию с каждым политическим образованием этого времени, с каждым варварским королевством нужно рассматривать существенно индивидуально. В зависимости от степени «романизованности», преемственность античной традиции в них ощущалась совершенно по-разному. Очевидно одно: любое противопоставление «античного» «средневековому» применительно к этим хронологическим рамкам видится во многом искусственным, а попытки четко определить различия между ними сводятся к формированию перечня довольно условных критериев и не менее условных договоренностей — что чем считать и что к чему относить — а потому эти определения вынесены в заглавие работы в кавычках.

В настоящей статье, с учетом заявленных в ней хронологических рамок, проблема преемственности античной традиции рассматривается через призму непосредственной и непрерывной трансформации последней. Материалом для соответствующих наблюдений является произведение «Satisfactio» («Искупление») Блоссия Эмилия Драконция — римского поэта, юриста и риторика, выходца из семьи сенатора, жившего в Карфагене в конце V в. Этот текст интересен не только своими жанровыми особенностями (Драконций написал поэму, явно отсылающую к Овидиевым «Тристиям», оформленное в стихах прошение о помиловании, адресованное вандальскому королю Гунтамунду, 484–496), но и своей дальнейшей судьбой. В середине VII в. этот текст — уже в довольно сильно сокращенной редакции — выпустил Евгений II, епископ Толедский (646–657)³.

Для того чтобы понять, почему и как возникла эта вторая редакция, необходимо представлять себе контекст — политический, культурный, событийный — в котором это произведение создавалось и в котором оно получило вторую жизнь. Королевство вандалов, под властью которых к середине V в. находились все бывшие североафриканские провинции Римской империи, во второй половине столетия столкнулось с системным политическим кризисом. Его важнейшим опознавательным знаком стал конфликт элит. В частности, местная «старая» римская знать, представленная в основном пишущими интеллектуалами⁴, неохотно принимала «новую», варварскую, военизирован-

² Среди исследователей, стоявших у истоков идеи «долгой поздней античности» (long late Antiquity), можно отметить П. Брауна [Brown 1971]. См. также, например: [Cameron 1993; Kaldellis 2007]. Подробнее о развитии соответствующей концепции см., например: [Селунская 2005].

³ Подробнее об этих текстах, а также их перевод см. в работе [Никольский 2017а].

⁴ Речь идет о представителях так называемого вандальского Ренессанса — о сравнительно широком круге авторов рубежа V–VI вв.: Фульгенции, Флорентине, Катоне, Луксории, Феликсе. Подробнее см.: [Nays 2004; Nen 2007].

ную. Расхождения между этими группами ощущались на самых разных уровнях — и культурном, и этническом (римляне против варваров), и религиозном (католики-римляне против вандалов-ариан).

Параллельно все сильнее обострялись и разного рода внутриэлитные конфликты, в частности борьба за королевский престол среди представителей вандальской знати. При том что фактический основатель и первый правитель королевства Гейзерих (428–477) установил довольно прозрачный и простой порядок престолонаследия, предполагавший передачу трона членам семьи по старшинству⁵, на практике эта система дала сбой менее чем через десять лет после его смерти. Третий по счету король вандалов Гунтамунд — тот самый, при котором Драконций написал «Искупление», — пришел к власти в результате продолжительной подковерной борьбы с кланом своего предшественника и непосредственного наследника Гейзериха Хунериха (477–484)⁶. С учетом этих обстоятельств тот факт, что Драконций был арестован за восхваление некой личности, оказавшейся при Гунтамунде *persona non grata*, не вызывает большого удивления⁷.

Рефлексия, возникшая у людей мыслящих и пишущих по поводу внутренних политических конфликтов, породила корпус текстов, объединенных идеей «воспитания» правителя. Получившие образование в соответствии с римской традицией и римскими представлениями о власти, авторы последней четверти V — начала VI в., используя разные жанры⁸, воспроизводили привычную для себя модель поведения правителя, на которую должен был ориентироваться читатель. Особенно наглядной в этом смысле можно считать их терминологию: слова и выражения, адресованные королям, напрямую отсылают к титулатуре римских императоров. Важное место среди них занимали эпитеты *piissimus*, *clementissimus*⁹, но особенно ярко смотрелось в этом ряду выражение *dominus noster rex*, поставившее в один ряд традиционное для варварских правителей обозначение *rex* и императорский титул *dominus noster*¹⁰.

«Искупление» Драконция с учетом всех обстоятельств его создания можно считать кульминационным выражением рефлексии по поводу внутриполитических катаклизмов и одной из наиболее ярких попыток погасить их через дидактику, «воспитание». Помимо слов покаяния и просьбы автора простить и выпустить его из тюрьмы, в произведении содержится воззвание с настоя-

⁵ См. об этом, например: [Merrills 2010].

⁶ См. об этом: [Merrills 2010].

⁷ Для обозначения этого персонажа Драконций использует выражение *dominus ignotus* (Sat. 93–94). О том, кто это мог быть, единого мнения у исследователей нет. О судьбе и возможном герое «утраченного панегирика» см.: [Merrills 2004; González García 2012].

⁸ Например, эпистолярный, как в случае с Фульгенцием, или жанр панегирика, как в случае с Флорентином (см. прим. 4).

⁹ Fulg. Ad Thrasamundum. 1.1.1: *Triumphalibus tuis sensibus, piissime rex, nequaquam crediderim oblivione subtractum...* — «Никогда не поверил бы, благочестивейший король, что позабыт в твоих триумфальных мыслях...»; 1.1.2: *Nam studio vestro, clementissime rex, compertum esse non ambigo apud eos qui Christianae gratiae participatione redempti sunt, pene id esse, fidem nolle asserere, quod negare...* — «Ведь я не сомневаюсь, милостивейший король, что от вашего усердия не ускользнуло, что у тех, кто разделяет благодать христианской [веры], признавать, что не знаешь веры, [считается] почти тем же самым, что ее отрицать...».

¹⁰ Подробнее см.: [Никольский 2017b].

тельной рекомендацией королю соответствовать в своем поведении определенному набору качеств — в основном связанных с милосердием и разными способами его проявления. Драконций прямо заявляет о такой необходимости, не только подкрепляя ее богатым терминологическим рядом (*pietas, clementia, venia*)¹¹, но и сопровождая примерами, при этом среди прочего упоминая как римских правителей (Цезаря, Октавиана, Тита, Коммода — Sat. 175–190), так и библейских царей (Давида, Соломона — Sat. 157–165). Все это указывает на то, что карфагенский поэт не просто сочинял «Тристию» вслед за Овидием, а создавал определенную политическую модель, которой должны были бы следовать правители, в частности вандалские короли.

Если взглянуть на вестготскую Испанию середины VII в., т. е. времени появления второй редакции «Искупления», определенные ассоциации с вандалской Африкой 150-летней давности неизбежны. Важнейшим сходством можно считать масштабный политический кризис, который королевство вестготов переживало на протяжении практически всего VII в. У его истоков стояли события предыдущего столетия: потеря южногалльских территорий после поражения от франков (507 г.) и прерывание правящей династии Балтов (531 г.), вызвавшее вакуум в системе престолонаследия — и непрерывную цепь узурпаций королевского престола как следствие.

Как и в Африке V–VI вв., в Испании VII в. сложился круг людей, которых можно отнести к интеллектуальной элите, — причем в данном случае имеется в виду не только их уровень образованности, но и возможности определять ключевые политические решения¹². Известные испанские писатели этого времени занимали должности как минимум епископов, а зачастую — митрополитов, и соответственно имели рычаги влияния на власть, по крайней мере участвуя (тем более председательствуя) на соборах, определявших основные положения канонического права. Речь прежде всего об Исидоре Севильском (ок. 560–636), с именем которого связано не только собственное литературное наследие — и в частности энциклопедический труд в 20 книгах, «Этимологии», — но и возникновение целой плеяды авторов, его учеников и последователей. К их числу относился и Евгений, обучавшийся у ученика Севильца Браулиона Сарагосского (631–651). В 646 г. он стал митрополитом (епископом Толедо) и в этом качестве председательствовал на четырех общегосударственных соборах, в том числе на том, где был принят свод законов, известный как «Вестготская правда» (см.: [Марей 2012]).

Как и в случае с африканскими предшественниками, испанские интеллектуалы реагировали на политическую турбулентность попытками выстроить теоретическую модель внутривластных отношений, стремление к которой позволило бы минимизировать политические конфликты.

Фактическим законодателем мод в этом смысле на многие поколения вперед также стал Исидор. В «Этимологиях» он сформулировал две базовые королевские добродетели, два качества истинно христианского правителя —

¹¹ Sat. 192–193: ecce quid impendit homini clementia simplex / ut praestet bona dans conferat atque animae; Sat. 109–110: imperet armato pietas tua, prospera mandet / rex dominusque meus semper ubique pius; Sat. 119–120: da dextram misero / veniam concede precanti, tempore tam longo non decet ira pium.

¹² Из новейших работ об этом см.: [Ауров 2017].

«справедливость» (*iustitia*) и «благочестие» (*pietas*). При этом в рамках его политической модели «благочестие» было приоритетным и фактически сводилось к милосердию, призванному компенсировать излишнюю «суровость» (*severitas*), исходящую от «справедливости»¹³.

Евгений, творческое наследие которого составили, среди прочего, дидактические стихи, обращенные к королям («*De iustitia*», «*De misericordia*», «*De clementia*»)¹⁴, действовал строго в русле доктрины Исидора. Он точно так же стремился воспитать в своих читателях — например, в занявшем престол в 649 г. молодом короле Рецесвинте — в первую очередь милосердие. Но эта же доктрина, в свою очередь, вполне соответствовала и концепции, ранее сформулированной Драконцием.

Сходства между Исидором и Драконцием особенно хорошо прослеживаются на уровне терминологии. В частности, обращает на себя внимание употребление слова *pietas*, которое они оба понимают как проявление милосердия. Такое максимально приближенное к *clementia* понимание *pietas* было, с одной стороны, не вполне типично для античной традиции с ее «четырьмя добродетелями щита Августа» — набором необходимых для императора достоинств (*pietas, virtus, iustitia, clementia*)¹⁵. В этом ряду понятие *pietas* означало «почитание», в буквальном смысле «пиетет» по отношению к старшим и к богам, и четко отделялось от *clementia*, милости именно по отношению к низшим¹⁶. В то же время похожие случаи его употребления можно зафиксировать, к примеру, у Августина, связывавшего *pietas* с идеей покаяния правителя за собственные грехи и сопутствующего этому прощения подданных¹⁷. И если все же включать творчество Августина (и Драконция) в «живую» античную традицию, то и Исидорова модель, используемая также и его учениками, в том числе Евгением, вполне в нее укладывается.

При этом, даже если отделять позднеантичную модель Августина и Драконция от условно «классической» античной модели идеального правителя, замечая и обозначившийся смысловой разлом в привычных терминах (как с тем самым словом *pietas*), и нехарактерные для классики линии поведения (покаяние), милосердие правителя все равно окажется общим, объединяющим их элементом.

Термин *clementia* вошел в политический лексикон Рима задолго до того, как в литературе начал формироваться образ «христианского правителя». Его принято связывать еще с именами Цицерона и Цезаря (первый, цитируя

¹³ Isid. Etym. IX 3: Regiae virtutes praecipuae duae: iustitia et pietas. Plus autem in regibus laudatur pietas; nam iustitia per se severa est — «Есть две незыблемые королевские добродетели — справедливость и милосердие. Причем больше поощряется наличие у королей милосердия. Ведь справедливость по своей природе сурова».

¹⁴ Опубликовано в: Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 273, 275.

¹⁵ Возникновение этого «квартета» добродетелей в исследовательской литературе принято связывать с Октавианом: в «Деяниях Божественного Августа» (Res Gestae 34.2 говорится о золотом щите, который «сенат и римский народ» (senatus populusque Romanus) преподнесли императору в награду за «доблесть, милосердие, справедливость и благочестие» (virtutis clementiaeque et iustitiae et pietatis causa). Подробнее об этом см., например: [Егоров 1998].

¹⁶ Подробнее см.: [Garrison 1992: 93; Ganiban 2007: 18–19; Егоров 1998].

¹⁷ См., например, «О Граде Божьем» (Aug. De Civ. 17.20).

второго, определил «милосердие» как «новый способ побеждать», *nova ratio vincendi* — Cic. Ad Att. 9.7c), а еще более прочно в терминологическом аппарате он закрепился благодаря одноименному трактату Сенеки «De Clementia», «О милосердии» [Syme 1958: 414; Earl 1967: 60; Konstan 2005].

Вокруг именно этого качества строится вся модель Драконция, и вокруг него же прежде всего — также модель Исидора, «уравновесившего» справедливость милосердием. Наконец, так же — причем в том числе и независимо от Драконция — строит свою политическую модель и Евгений, действовавший, не выходя за рамки Исидоровой парадигмы: его стихотворения «О милосердии», «О справедливости» написаны в соответствии именно с ней [Марей 2012: 30].

Существование такой преемственности позволяет, на мой взгляд, опровергнуть точку зрения исследователя творчества Драконция М. Тиццони, который, сравнив «вандалскую» и «вестготскую» версии «Искупления», отнес их к разным культурам. Тиццони пришел к выводу, что первая из них принадлежала еще ко вполне живой классической традиции, вторая же была сугубо «средневековой». В качестве главного аргумента исследователь выдвинул чрезмерную лаконичность Евгения [Tizzoni 2012: 258–279].

«Вестготская» версия действительно оказалась в полтора раза короче оригинала (220 строк против 316). Евгений (по вполне справедливому наблюдению Тиццони) исключил из текста фрагменты, либо связанные с личными переживаниями Драконция (просьбы выпустить его «из оков», не мучить его близких и т. п. — Sat. 280–285; 315–318), либо определяющие специфический «вандалский» контекст. Так, Евгений вычеркнул слова о «славе Асдингов», которую автор «Искупления» так хотел бы «воспеть» и в стихотворении жалел, что не сделал этого вовремя¹⁸.

Эта лаконичность Евгения, по мнению М. Тиццони, стала выражением принадлежности толедского епископа к абсолютно аскетичной, построенной на идеализации монашеского образа жизни культуре, стремящейся к избавлению от всего лишнего, что могло бы пойти в ущерб дидактике. Такой контекст, по мнению Тиццони, означал исключительно механическое использование уже мертвых приемов и образов, взятых из античности, — или во всяком случае не ощущавшихся как живые.

¹⁸ Ср. текст в редакции Драконция (Sat. 19–26: Sic mea corda deus, nostro peccante reatu / Temporis immodici, pellit ad illicita, / Ut qui facta, ducum posse narrare meorum, / *Nominis Asdingui bella triumphigera*, / Unde mihi merces posset cum laude salutis / Munere regnantis magna venire simul, / Praemia despicerem tacitis tot regibus almis, / Ut peterem subito certa pericla miser — «Так что я, который мог бы живописать деяния моих вождей, триумфальные именем Асдинга войны, Что могло бы принести мне великую награду и славу (...) презрел награды (...) чтобы тут же навлечь на себя верную беду») — и Евгения (Sat. 19–24: Sic mea corda, deus, lingua patrans reatum // Noxia culpa ligans trahit ad illicita, / Ut, qui facta ducum possem narrare meorum, / Unde mihi possent dona venire simul, / Praemia despicerem tacitis / tot regibus almis / Et peterem subito certa pericla miser — «Так что я, который мог бы описать деяния моих вождей, <***> Что могло бы принести мне великие дары, — <***> Я презрел награды столь многих неназванных царей-кормильцев и тут же навлек на себя верную беду, несчастный»). Тройной астериск в угловых скобках маркирует отсутствие здесь слов, присутствующих в другой редакции.

Однако стоит отметить, что М. Тиццони пришел к такому заключению, сравнивая тексты Евгения и Драконция исключительно с точки зрения стилистики, а также основываясь на анализе *loci similes* — параллелей с «*Satisfactio*», обнаруженных им в Библии и классической античной литературе. Если же рассмотреть саму по себе политическую модель, которую выстраивал Драконций и использовал Евгений, картина получится совершенно иной.

Драконций и Евгений, безусловно, принадлежали к одной политической культуре, за формированием и сохранением которой стояли также фигуры как минимум Августина и Исихора Севильского. Но стоит отметить, что влияние Драконция на последующую традицию и политическую идеологию вестготской Испании не ограничивалось трансляцией набора терминов, регулирующих поведенческие стратегии правителей.

В «Искуплении» особое внимание обращают на себя персонажи, которых Драконций (как впоследствии и Евгений) использовал в качестве примеров «правильного» поведения короля. Среди них, как уже говорилось, есть не только римские императоры, но и библейские цари, Давид и Соломон. И в контексте их появления выражение *dominus noster rex*, известное как определение вандальских (а впоследствии, к слову, и вестготских) королей и фигурировавшее в этом качестве также в тексте «*Satisfactio*» в обеих редакциях, играет новыми красками.

Дело в том, что это выражение, помимо того что является сочетанием императорского и королевского варварского титулов, еще и отсылает к ветхозаветной традиции. Выражение «господин [и] царь» или «господин наш царь» (*dominus rex, dominus noster rex*) далеко не один раз использовалось в соответствующей части Священного Писания по отношению к тому же Давиду¹⁹. А эта отсылка очень важна с учетом уже дальнейшего развития политической идеологии как в вестготской Испании, так и в Европе VII в. и последующих нескольких столетий в целом.

Основным средством трансляции этой идеологии продолжали оставаться тексты. И одним из самых ярких произведений, написанных с несомненно пропагандистскими целями, стала «История короля Вамбы» — текст под авторством Юлиана Толедского, ученика Евгения.

Это произведение посвящено событиям 672–673 гг., т. е. первого года правления короля Вамбы, занимавшего престол Толедского королевства с 672 по 680 г.²⁰ Три основных события, вокруг которых разворачивается повествование, — избрание Вамбы, мятеж его полководца Павла в Галлии (куда последний был отправлен для подавления другого мятежа и где провозгласил себя королем) и военная экспедиция против этого мятежа. Основная интрига состоит в противостоянии законно избранного правителя и мятежника, весь дидактический пафос — в их противопоставлении.

При этом реальные Вамба и Павел имели весьма опосредованное отношение к тому, что описывалось в «Истории». Скорее и этих персонажей, и пересказанные в сочинении Юлиана события можно считать рамочной конструкцией, в которую встроена разработанная им политическая модель. Показательный момент: Юлиан почти никогда не называл главного героя сво-

¹⁹ См.: 1Reg. 1:2, 1:11, 1:13, 1:18, 1:20, 1:21, 1:24, 1:27, 1:31, 1:36, 1:37, 1:43, 1:47; 2Sam 15:15.

²⁰ Перевод латинского текста (HW) на русский язык см. в [Юлиан 2006].

его произведения, Вамбу, по имени. Для его обозначения он, как правило, использовал формулу *princeps religiosus*, «добродетельный правитель».

По целому ряду признаков в основе политической модели, построенной Юлианом (а в том, что он в ее конструировании был значительно более смелым и независимым от доктрины Исидора, чем Евгений, пожалуй, нет сомнений), можно обнаружить отсылки к Ветхому Завету, а именно к образам библейских царей.

Особенно сильна эта параллель, когда речь заходит о вступлении Вамбы на престол. Юлиан отмечает, что новоизбранный король принял помазание, причем обряд сопровождался чудом: над головой помазанного возник столб света, и с нее слетела пчела²¹.

«История» Юлиана Толедского стала первым случаем, когда этот ритуал засвидетельствован и как-то описан²². Однако в контексте проблематики настоящей работы более важно даже не то, когда этот обряд был зафиксирован, а то, когда за его описанием стала видеться конкретная поведенческая модель, — и здесь Юлиан действительно оказался новатором. Если его предшественники, рисуя портрет идеального правителя, так или иначе опирались на римскую модель, базировавшуюся на четырех добродетелях щита Августа, то в «Истории» возникает образ правителя чрезмерно сильного, сильного настолько, что он стоит и над подданными, и над законом.

Особенно показателен в этом смысле эпизод с описанием того, как Вамба наказывал солдат-насильников из своего войска. Герой «Истории» (и здесь речь идет именно о Вамбе-персонаже, а не о реальном прототипе) наказал виновных, совершив то ли их оскотление, то ли обрезание. Ни того, ни другого действовавшее тогда законодательство не предполагало, а за последнее по отношению к христианам еще и жестоко карало²³. Однако дальнейшие слова Юлиана — «свидетельствует об этом крайняя плоть некоторых насильников» — вызывают прямую параллель с текстом первой Книги Царств. В ней известен эпизод, когда царь Давид принес Саулу крайнюю плоть поверженных филистимлян²⁴, который Юлиан и повторил почти дословно²⁵.

Возможные причины такого поворота в идеологии обнаружить нетрудно — достаточно взглянуть на сопутствовавшие события. Политический кризис, долгие годы остававшийся без разрешения, привел к тому, что в 670-е годы вестготское королевство стало *de facto* распадаться на части — при активном участии близкой ко двору аристократии — а короли были не в силах ни остановить этот процесс распада, ни умерить амбиции знати. Показателен сам сюжет «Истории»: два мятежа подряд, второй из которых возглавлен са-

²¹ HW 4: *euaporatio quaedam fumo similis in modum columnae sese erexit in capite, et e loco ipso capitis apis uisa est prosilisse, quod utique signum cuiusdam felicitatis sequutur speciem portenderet* — «Тут же с его (Вамбы. — И. Н.) макушки, помазанной елеем, пошло испарение, подобно столбу вставшее над его головой, и было видно, как с этого места на его голове слетела пчела, возвестившая о благополучии, которое должно наступить в будущем».

²² См., например: [Díaz, Valverde 2000: 78].

²³ На это обращает внимание, в частности, издавший «Историю» в английском переводе Х. М. Писарро [Pizarro 2005: 133].

²⁴ 1Sam 18:25: *Centum praeputia Philistinorum, ut fiat ultio de inimicis regis...* 18:27: *Et percussit ex Philistiim ducentos viros, et attulit eorum praeputia...*

²⁵ HW 10: *Testantur e hoc praecisa quorundam adulterorum praeputia.*

мопровозглашенным королем. Запрос на образ правителя — «сильной руки» в пропагандистской риторике был очевиден.

При всех замеченных нюансах новая идеологическая конструкция выросла из зародыша, оформившегося еще в эпоху Римской империи. Любые параллели с ветхозаветными царями были очень редкими — можно сказать, маргинальными для нее, но они существовали уже и в V, и в IV в. До Драконция эти образы эксплуатировали, в частности, Августин и Амвросий (последний — приводя в пример Феодосию Давида). Благодаря Евгению «Искупление» Драконция стало своеобразным «мостиком», вряд ли единственным и эксклюзивным — но по крайней мере одним из связующих звеньев, обусловивших то, что идеологическая модель, предполагавшая использование таких образов, обрела новую почву. Когда политическая конъюнктура сформировала потребность в новом образе правителя, именно это направление и получило развитие.

На вопрос, свидетельствовали ли эти ветхозаветные отсылки, присутствующие у Юлиана, о том, что его мир был уже полностью «средневековым», однозначно ответить сложно. С одной стороны, они привязывали его концепцию к практикам более поздних политических образований — а именно к помазанию, известному, помимо самой вестготской Испании, по империи Каролингов и Византии, где этот ритуал стал фиксироваться не ранее чем в X в.²⁶ С другой — ряд иных политических практик, на которых Юлиан сделал акцент как на вещах, важных для обоснования легитимности правителя, отсылает все же к античной традиции. Среди них можно отметить обязательное и единодушное провозглашение претендента на престол правителем со стороны подданных²⁷, которое с учетом использованной Юлианом терминологии («народ и родина избрали»)²⁸ имело явную параллель с римской формулой «сенат и римский народ» (*Senatus populusque Romanus*).

Не претендуя на то, чтобы в рамках настоящей работы окончательно решить дискуссионный вопрос об «античном» или «средневековом» характере политической концепции, сформулированной учеником Евгения Толедского, можно констатировать: даже если в его случае уместнее говорить о некой «римской» модели, это была уже ее модификация, весьма далекая от классических образцов. Мир Амвросия, Августина, Драконция, Исидора и Евгения отличался от мира Юлиана. Для первых идеальный правитель был «христианским» прежде всего в смысле милосердия, и образы библейских царей они использовали в этом ключе; второго же образцового короля воплощал властный и brutальный субъект, способный обуздать мятежную знать и остановить развал королевства.

Литература

Ауров 2017 — Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII века): Исследования и переводы / Сост. О. В. Ауров. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017.

²⁶ О помазании у Каролингов см.: [de Jong 2005]. О помазании византийских императоров см.: [Успенский 2000: 20].

²⁷ О процедуре *Acclamatio* (провозглашения Вамбы королем) см.: HW 2–3.

²⁸ HW 2: ...totius gentis et patriae communio elegit...

- Егоров 1998 — *Егоров А. Б.* Добродетели щита Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры: Сб. ст. / Под ред. И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 280–293.
- Марей 2012 — *Марей Е. С.* Образ правителя в стихах Евгения Толедского и его параллели с «Книгой приговоров» (*Liber Iudiciorum*) // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Всеобщая история. 2012. № 9 (89). С. 24–33.
- Никольский 2017a — *Блоссий Эмилиий Драконций*. Искушение / Пер. с лат. И. М. Никольского // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. Т. 16. 2017. С. 73–106.
- Никольский 2017b — *Никольский И. М.* Dominus noster rex — что означала надпись на вандальских монетах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / Отв. ред. А. С. Щавелев; Отв. ред. серии Е. А. Мельникова. М.: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского; Рус. фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 247–260.
- Селунская 2005 — *Селунская Н. А.* «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» (Central European University) // Вестник древней истории. 2005. № 1. С. 249–253.
- Успенский 2000 — *Успенский Б. А.* Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Юлиан 2006 — *Юлиан Толедский*. История короля Вамбы / Пер. с лат. И. М. Никольского, под ред. О. В. Аурова и К. И. Тасица, вступ. ст. и коммент. И. М. Никольского, О. В. Аурова // Кентавр = Centaurus (*Studia classica et Medievalia*). 2006. № 3. С. 204–232.
- Brown 1971 — *Brown P.* The world of Late Antiquity: AD 150–750. New York: Folio Society, 1971.
- Cameron 1993 — *Cameron A.* The Mediterranean world in Late Antiquity, A. D. 395–600. London: Routledge, 1993.
- de Jong 2005 — *de Jong M.* Charlemagne's Church // Charlemagne: Empire and society / Ed. by J. Story. Manchester: Manchester Univ. Press, 2005. P. 103–135.
- Diaz, Valverde 2000 — *Diaz P., Valverde M. R.* The theoretical strength and practical weakness of the Visigothic Monarchy of Toledo // Rituals of Power. From Late Antiquity to the Early Middle Ages / Ed. by F. C. W. J. Theuws, J. L. Nelson. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. P. 59–94.
- Earl 1967 — *Earl D.* The moral and political tradition of Rome. London: Thames & Hudson, 1967.
- Ganiban 2007 — *Ganiban R. T.* Statius and Virgil: The *Thebaid* and the reinterpretation of the *Aeneid*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.
- Garrison 1992 — *Garrison J. D.* Pietas from Vergil to Dryden. Pennsylvania: Pennsylvania State Univ. Press, 1992.
- González García 2012 — *González García A.* Hunerico y Draconcio. La imperialización del reino vándalo y la represión de la disidencia // Herakleion. Vol. 5. 2012. P. 71–83.
- Hays 2004 — *Hays G.* Romuleis Libicisque Litteris: Fulgentius and the 'Vandal Renaissance' // Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa / Ed. by A. Merrills. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 101–132.
- Hen 2007 — *Hen Y.* Roman barbarians. The royal court and culture in the Early Medieval West. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Kaldellis 2007 — *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.
- Konstan 2005 — *Konstan D.* Clemency as a virtue // Classical Philology. Vol. 100. No. 4. 2005. P. 337–346.

- Merrills 2004 — *Merrills A.* The perils of panegyric: The lost poem of Dracontius and its consequences // *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa* / Ed. by A. Merrills. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 145–162.
- Merrills 2010 — *Merrills A.* The secret of my succession: Dynasty and crisis in Vandal North Africa // *Early Medieval Europe*. Vol. 18. No. 2. 2010. P. 135–159.
- Pizarro 2005 — *Pizarro J. M.* The Story of Wamba. Julian of Toledo's *Historia Wambae Regis*. Washington: The Catholic Univ. of America Press, 2005.
- Syme 1958 — *Syme R.* Tacitus. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1958.
- Tizzoni 2012 — *Tizzoni M. L.* The poems of Dracontius in their Vandalic and Visigothic contexts. Leeds: Univ. of Leeds, 2012.

Сокращения

- Aug. De Civ. = S. Aurelii Augustini De civitate Dei // *Corpus Christianorum. Series Latina*, 47–48. Turnhout: Brepols, 1955.
- Cic. Ad Att. = Cicero, M. Tullius. Ad Atticum // *M. Tullii Ciceronis opera quae supersunt*. T. 11. Leipzig: Fleischer, 1816.
- Fulg. Ad Thrasamundum = St. Fulgentii Ad Thrasamundum libri tres // *Corpus Christianorum, Series Latina*. T. 91. Turhout: Brepols, 1968. S. 97–185.
- HW = Julianus Toletanus. *Historia Wambae Regis* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum*. T. 5. Hannover; Leipzig: Hahn, 1910. S. 501–526.
- Isid. Etym = Isidori Hispalensis episcopi *Etymologiarum sive Originum libri XX* / Ed. by W. M. Lindsay. Oxford: Oxford Univ. Press, 1911.
- Res Gestae = *Res Gestae Divi Augusti* // *Velleius Paterculus. Compendium of Roman History, Res Gestae Divi Augusti* / Ed. by T. E. Page. London; Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1924 (Loeb Classical Library). P. 344–405.
- Sat. = Blossius Aemilius Dracontius. *Satisfactio ad Gunthamundum regem Wandalorum* / Ed. F. Vollmer // *Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi*. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 114–131.
- 1Reg = 3-я Книга Царств (Библия, Ветхий Завет).
- 1Sam = 1-я Книга Царств (Библия, Ветхий Завет).
- 2Sam = 2-я Книга Царств (Библия, Ветхий Завет).

THE 'LATE ANTIQUE' POLITICAL MODEL IN THE 'EARLY MEDIEVAL' CONTEXT: *SATISFACTIO* BY DRACONTIUS IN 5TH AND 7TH CENTURY REDACTIONS

Nikolsky, Ivan M.

PhD (Candidate of Science in History)

Researcher, Center 'Eastern Europe in the Ancient and Medieval World',

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Russia, 119991, Moscow, Leninsky prospect, 32a

Tel.: +7(495)954-44-82

Lecturer, Department of World History, Institute of Social Sciences,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: ivan.nikolsky@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of transformation of the political ideology in the Late Roman Empire and in the post-imperial world, in the barbarian kingdoms that appeared during the period of decline and fall of the West Roman Empire and existed in the Mediterranean region. The main source for our work is the poem *Satisfactio*, written in Carthage at the end of the 5th century by the Roman rhetor and lawyer Dracontius, and republished in an abridged version in the 7th century in Toledo by the bishop of this city, Eugene. Based on this material, we examine the question of how the image of an ideal ruler had been evolving in the Late Empire, as well as in the Vandal and Visigothic kingdoms.

Keywords: Visigoths, Vandals, Dracontius, Eugene II, Isidore of Seville, Roman Empire, Late Antiquity, Early Middle Ages

References

- Aurov, O. V. (Ed.). *Teologiya i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (V — nachalo VIII veka): Issledovaniia i perevody* [Theology and policy. Power, Church and text in Visigothic kingdoms (V–VIII centuries A.D.): Studies and translations]. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS. (In Russian).
- Brown, P. (1971). *The world of Late Antiquity: AD 150–750*. New York: Folio Society.
- Cameron, A. (1993). *The Mediterranean world in Late Antiquity, A. D. 395–600*. London: Routledge.
- de Jong, M. (2005). Charlemagne's Church. In J. Story (Ed.) *Charlemagne: Empire and society*, 103–135. Manchester: Manchester Univ. Press.
- Diaz, P., Valverde, M. R. (2000). The theoretical strength and practical weakness of the Visigothic monarchy of Toledo. In F. C. W. J. Theuws, J. L. Nelson (Eds.). *Rituals of power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages*, 59–94. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Earl, D. (1967). *The moral and political tradition of Rome*. London: Thames & Hudson.
- Egorov, A. B. (1998). Dobrodeteli shchita Avgusta [Virtues of the Shield of Augustus]. In I. Ia Froianov (Ed.). *Antichnyi mir. Problemy istorii i kul'tury* [The ancient world. Problems of history and culture], 280–293. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU. (In Russian).
- Ganiban, R. T. (2007). *Statius and Virgil: The Thebaid and the reinterpretation of the Aeneid*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Garrison, J. D. (1992). *Pietas from Vergil to Dryden*. Pennsylvania: Pennsylvania State Univ. Press.
- González García, A. (2012). Hunerico y Draconcio. La imperialización del reino vándalo y la represión de la disidencia. *Herakleion*, 5, 71–83. (In Spanish).
- Hays, G. (2004). Romuleis Libicisque Litteris: Fulgentius and the 'Vandal Renaissance'. In A. Merrills (Ed.). *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa*, 101–132. Aldershot: Ashgate.
- Hen, Y. (2007). *Roman barbarians. The royal court and culture in the Early Medieval West*. New York: Palgrave Macmillan.
- Kaldellis, A. (2007). *Hellenism in Byzantium*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Konstan, D. (2005). Clemency as a virtue. *Classical Philology*, 100(4), 337–346.
- Marei, E. S. (2012). Obraz pravitelia v stikhakh Evgeniia Toledskogo i ego paralleli s "Knigoi prigovorov" (Liber Iudiciorum) [The image of the sovereign in the poems of Eugenius

- of Toledo and its parallels with the Visigothic Code (Liber Iudiciorum)]. *Vestnik RGGU* [RSUH/RGGU Bulletin], Ser. *Istoricheskie nauki. Vseobshchaia istoriia* [Historical studies. General history], 2012(9(= 89)), 24–33. (In Russian).
- Merrills, A. (2004). The perils of panegyric: The lost poem of Dracontius and its consequences. In A. Merrills (Ed.). *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa*, 145–162. Aldershot: Ashgate.
- Merrills, A. (2010). The secret of my succession: Dynasty and crisis in Vandal North Africa. *Early Medieval Europe*, 18(2), 135–159.
- Nikol'skii (Nikolsky), I. M. (Trans.) (2017a). Blossii Emilii Drakontsii. Iskuplenie [Blossius Aemilius Dracontius. *Satisfactio*]. *Aristei: Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii* [Aristeas. Journal of Classical Philology and Ancient History], 16, 73–106. (In Russian).
- Nikol'skii (Nikolsky), I. M. (2017b). *Dominus noster rex* — chto oznachala nadpis' na vandal'skikh monetakh [*Dominus noster rex* — What's hidden behind the inscription on Vandal coins?]. In A. S. Shchhavelev, E. A. Melnikova (Eds.). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2015 god: Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e* [The earliest states of Eastern Europe. 2015: Economic systems of Early Medieval Eurasia], 247–260. Moscow: Izdatel'stvo Universiteta Dmitriia Pozharskogo; Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke. (In Russian).
- Nikol'skii (Nikolsky), I. M. (Trans.), Aurov, O. V., Tasits, K. I. (Eds.), Nikol'skii, I. M., Aurov, O. V. (Intro. and Comment.) (2006). Iulian Toledskii. Istoriia korolia Vamby [Julian of Toledo. *History of King Wamba*]. *Kentavr = Centaurus (Studia classica et Medievalia)*, 2006(3), 204–232. (In Russian).
- Pizarro, J. M. (2005). *The Story of Wamba. Julian of Toledo's Historia Wambae Regis*. Washington: The Catholic Univ. of America Press
- Selunskaiia, N. A. (2005). “Late Antiquity”: istoricheskaia kontseptsiiia, istoriograficheskaia traditsiia i seminar “Empires Unlimited” (Central European University) [“Late Antiquity”: The concept, the context of historiography and “Empires Unlimited” Seminar (Central European University)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 2005(1), 249–253. (In Russian).
- Syme, R. (1958). *Tacitus* (Vol. 1). Oxford: Clarendon Press.
- Tizzoni, M. L. (2012). *The poems of Dracontius in their Vandalic and Visigothic contexts*. Leeds: Univ. of Leeds.
- Uspenskii, B. A. (2000). *Pomazanie na tsarstvo i semantika monarshikh titulov* [Royal unction and the semantics of monarchical titles]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).

To cite this article:

NIKOLSKY, I. M. (2018). “RANNESREDNEVEKOVOE” RAZVITIE “POZDNEANTICHNOI” POLITICHESKOI MODELI: “SATISFACTIO” DRAKONTSIIA V REDAKTSIIAKH V I VII vv. [THE ‘LATE ANTIQUE’ POLITICAL MODEL IN THE ‘EARLY MEDIAEVAL’ CONTEXT: *SATISFACTIO* BY DRACONTIUS IN 5TH AND 7TH CENTURY REDACTIONS]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 10–22. (In Russian).

Received January 11, 2018

Браун Елена Давыдовна
кандидат исторических наук
доцент, кафедра всеобщей истории,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел: +7 (495) 250-64-56
доцент, кафедра всеобщей истории, ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел: +7 (499) 956-96-47
E-mail: braun-helen@yandex.ru

ДЖЕНТРИ И АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ. КАЗУС УИЛЬЯМА УОРЧЕСТЕРА

Аннотация. Общеизвестно, что джентри, во-первых, ценили прежде всего практические знания и, во-вторых, крайне редко интересовались историей и культурой античности. В данной статье предпринята попытка выяснить, как джентри XV в. относились к тем немногочисленным представителям своей социальной группы, которые позволяли себе читать сочинения греческих и римских философов, покупать книги и заниматься другими столь же непрактичными вещами. Основным источником является семейный архив Пастонов; «главным героем» исследования — Уильям Уорчестер — джентри, антикварий, библиофил, автор «Itinerarium», «Annales Rerum Anglicarum» и других сочинений.

Пример Уильяма Уорчестера показывает: для джентри XV в. чтение античных авторов и французских книг могло быть вполне достойным увлечением. Однако единой меры заинтересованности не существовало. Границы дозволенного менялись в зависимости от финансовой состоятельности «антиковеда» и его социального статуса. Любимец магната только выигрывал, если его считали утонченным интеллигентом, ценящим книги превыше земных благ; лишенный такой поддержки дворянин должен был продемонстрировать в первую очередь деловые качества.

Ключевые слова: Уильям Уорчестер, Пастоны, джентри, эпоха Войн Роз

В данной статье речь пойдет не об античном наследии как таковом, а об одном из аспектов его восприятия. Автор попытается соотнести два пласта культуры Англии XV столетия — совокупность текстов, идей и образов, которую принято называть античным наследием, и совокупность понятий, представлений, ценностных ориентиров, характерных для субкультуры

джентри. В качестве основного источника использованы документы из семейного архива Пастонов. Архив Пастонов, пожалуй, самый крупный комплекс текстов XV в., он насчитывает более 1500 документов. Члены этой дворянской семьи сохранили адресованные им письма, черновики собственных посланий, королевские ордонансы, воззвания магнатов, хозяйственную документацию и т. п. Основу коллекции Пастонов (более 90%) составили письма, дающие редкую возможность реконструировать диалог людей XV столетия.

Поскольку весь дальнейший анализ построен на работе с письмами, имеет смысл сказать несколько слов о специфике эпистолярных источников XV в. Эти документы мало похожи на современные послания. Прежде всего, джентри писали только по делу, а именно для того, чтобы сообщить своим корреспондентам совершенно необходимую информацию. Также необходимо подчеркнуть, что письма XV в. ни в коей мере не были личными, приватными посланиями. Их очень часто диктовали секретарю и всегда читали в присутствии других членов семьи и слуг. Было также принято пересказывать содержание писем дальним родственникам и даже соседям. Упомянутая традиция была настолько сильна, что факты, не подлежащие оглашению, ни когда не записывали, их сообщали устно через подателя письма [Браун 2016: 18–23]. Таким образом, в письмах джентри фиксировали только те факты, поступки, изъясления чувств, которые считали необходимым обнародовать. Письменное упоминание о чем-то было равнозначно публичному заявлению.

Несмотря на то что собрание Пастонов было введено в научный оборот более двух столетий назад, никто не пытался привлечь его для реконструкции «античного» пласта мировосприятия джентри. Между тем материал переписки позволяет предпринять такую реконструкцию.

Среди корреспондентов этой семьи был знаменитый Уильям Уорчестер — человек, которого смело можно отнести к английскому Предвозрождению. Стоит отметить, что указанный корпус источников позволяет исследовать взгляды Уорчестера и его место в социальной иерархии джентри Норфолка с достаточной полнотой. Наиболее авторитетное на данный момент издание переписки Пастонов 2004 г. [Paston letters 2004] содержит 22 письма, написанных Уильямом Уорчестером (это письма 496, 498, 506, 529, 535, 537, 540, 558, 559, 566, 571, 572, 576, 604, 727, 770, 883, 884, 888, 899, 912, 913), и более полутора десятков документов, в которых Уорчестер упоминается.

Уильям Уорчестер (1415 — до 1485) был личностью действительно необычной. По своему происхождению он принадлежал к небогатым джентри (его семья владела двумя небольшими манорами на юго-востоке Англии). Уорчестер получил вполне типичное и исключительно популярное в его среде юридическое образование. Еще в Оксфорде талантливый студент был замечен знаменитым Джоном Фастольфом и в течение 27 лет (с 1432 по 1459 г.) успешно исполнял обязанности личного секретаря и помощника магната. Круг обязанностей Уорчестера был довольно широким — он не раз ездил в Лондон по делам господина, контролировал ход его тяжб, сообщал Фастольфу наиболее важные новости, передавал его поручения родственникам и свитским, проверял счета, осуществлял общий надзор за доходностью имений своего лорда, а также понемногу приводил в порядок его архив [McFarlane 1957: 197–201].

После смерти патрона Уильям Уорчестер не нашел общего языка с его наследниками, Пастонами, и стал одним из инициаторов долгого судебного процесса, в ходе которого завещание в пользу Пастонов пытались объявить подложным. К концу 1460-х годов конфликт был исчерпан, но из круга корреспондентов Пастонов Уорчестер не исчезает. Он несколько раз выполнял поручения главы семейства, однако большая часть писем этого периода связана с попытками Уорчестера убедить прижимистых нуворишей выполнить волю покойного Джона Фастольфа и основать хотя бы крошечный колледж. С младшим представителем рода Пастонов, Джоном (в историографии его принято обозначать как Джона Пастона III), Уорчестер даже подружился и завещал ему часть своих книг [Richmond 2002: 63–107].

Принято считать, что в среде джентри Уорчестер был настоящей белой вороной. Исследователи подчеркивали, что еще в университете секретарь Фастольфа был гораздо начитаннее и образованнее своих однокашников, он интересовался не столько юридическими тонкостями, сколько различными «древностями». Уорчестер много путешествовал и всегда возил с собой сложенные листы бумаги, на которые заносил свои путевые заметки. Впоследствии эти листы были переплетены в три длинных узких тома [Gransden 1996: 332–338]. Первый из трех томов при издании был условно назван «Itinerarium», что в дословном переводе означает «Описание путешествия». «Itinerarium» публиковали в оригинале (т. е. на характерной для сочинений Уорчестера смеси не самой лучшей латыни и английского) в 1738 и 1834 гг.; издание 1969 г. было дополнено переводом на современный английский язык [Harvey 1969]. В 2000 г. были изданы не вошедшие в публикацию 1969 г. материалы по истории и топографии Бристоля [Neale 2000].

Стоит отметить, что «Itinerarium» — это отрывочные путевые заметки, в которых описания церквей и городов перемешаны с цитатами из сочинений античных авторов, астрологическими записями, сведениями по зоологии, ботанике и другой, в сущности посторонней информацией. Второй том сочинений Уорчестера объединил записи стихов, афоризмов и цитат, третий том составили медицинские заметки [Wakelin 2007: 93–94]. Из-под пера Уильяма Уорчестера вышло еще несколько сочинений, охватывающих период с 1430 по 1468 г., — это не сохранившиеся до наших дней перечень родословных дворян Норфолка («De Agri Norfolcensis Familiis Antiquis»), «Antiquitates Anglie», а также «Annales Rerum Anglicarum» [Gransden 1996: 332–333; Gairdner 1904: 193].

Отношение к Уильяму Уорчестеру подавляющего большинства историков вполне можно назвать восторженным. Колин Ричмонд видит в Уорчестере настоящего подвижника, потратившего бездну времени и сил на безуспешные попытки организовать оговоренный в завещании Фастольфа колледж [Richmond 2002: 53–107]. Д. Рандел не без юмора пишет, что «Уорчестер известен всем как многострадальный секретарь сэра Джона Фастольфа»; вынужденный терпеть дурной характер своего господина, он «отомстил исследователям, оставив в их распоряжении паукообразные, корявые каракули» [Rundle 2015]. Из этого «слаженного хора» выбиваются очень немногие; одним из исключений является статья Джонатана Роуза, посвященная перипетиям борьбы за наследство Джона Фастольфа [Rose 2012]. Вероятно, в силу узкой направленности исследования созданный Дж. Роузом портрет Уорчестера вышел удиви-

тельно однобоким — гуманистическая составляющая жизни секретаря Джона Фастольфа практически игнорируется, он оказывается всего лишь рядовым участником затянувшейся земельной тяжбы.

Еще раз подчеркнем — все исследователи, углублявшиеся в изучение биографии или документального наследия Уильяма Уорчестера, неизменно акцентировали внимание на его рафинированности и описывали секретаря сэра Фастольфа как крайне нетипичного представителя провинциального дворянства [Gairdner 1904: 151–153; McFarlane 1957: 196–221; Gransden 1996: 332–441; Neale 2000: vii–x; Wakelin 2007: 93–98].

Автор данной статьи ставит перед собой задачу выяснить, действительно ли Уорчестер так сильно отличался от других дворян Норфолка. Его интерес к античному наследию, истории и культуре Англии, вне всякого сомнения, был чужд большинству джентри, но как они воспринимали эту чуждость? И вел ли себя Уорчестер как джентри во всех остальных случаях (т. е. тогда, когда дело не касалось его изысканных увлечений)? Иными словами, могли ли джентри позволить себе роскошь предаваться столь непрактичным занятиям, как изучение латыни, чтение античных текстов, составление описаний британских «древностей» и т. п., или расплатой за это мог стать разрыв с породившей их социальной группой?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего следует хотя бы бегло обозначить ценностные ориентиры джентри XV в. Этот материал уже был проанализирован нами ранее [Браун 2016: 35–84], поэтому в данном случае вполне возможно ограничиться тезисным изложением выводов.

Для начала стоит подчеркнуть, что «мир джентри» был очень небольшим — по сути, их жизнь ограничивалась рамками родного графства, которое они называли «своей страной» (*our country*) и покидали лишь в самых крайних случаях. События, происходившие в рамках графства, для джентри были несравненно важнее общенациональных; в свою очередь, то, что происходило в их собственных владениях, было куда более значимым, чем то, что творилось в остальной «стране». В переписке Пастонов местные новости почти всегда излагаются после информации о том, что произошло в их манорах. Кстати, к своим землям джентри относились с исключительным пиететом, воспринимая их как нечто основополагающее, как то, без чего жизнь попросту лишена смысла.

Самым главным для джентри было «жить достойно» (на наш взгляд, именно это словосочетание наиболее точно передает смысл, который джентри вкладывали в понятие *worship*). Итак, для провинциального дворянства в эпоху Войн Роз «жить достойно» значило всегда блюсти интересы семьи; неустанно заботиться о сохранении и приращении собственных земельных владений; быть бережливыми, если не сказать прижимистыми; проявлять безупречную точность в денежных делах; жить с оглядкой на общественное мнение; всегда проявлять подчеркнутое уважение к власти имущим или просто к «нужным людям»; называть друзьями только тех, кто мог быть им полезен. Ценилось и образование, но лишь то, что могло пригодиться в дальнейшей жизни, а именно полученное на юридических факультетах Оксфорда и Кембриджа [Браун 2016: 69–82]. Таким образом, ценностную шкалу джентри смело можно назвать утилитарной.

Попытаемся проанализировать, как эта система приоритетов соотносилась с тем, что мы знаем об Уильяме Уорчестере. На первый взгляд, ответ очевиден: Уорчестер удивительно мало походил на своих соседей и корреспондентов. Недаром его патрон сэр Фастольф как-то заметил, что Уорчестеру «следовало бы стать священником, тогда его речи были бы более уместны» [Paston letters 2004: 101–102]. Возможно, более детальный анализ изменит эту устоявшуюся, общепринятую точку зрения.

Для начала попытаемся сравнить систему ценностей джентри с тем образом, который создал сам Уильям Уорчестер (его условно можно назвать автопортретом). Обобщенные результаты представлены в *Табл. 1*.

Таблица 1

Ценности джентри	Ценности, которые афишировал Уильям Уорчестер
Эмоциональная значимость собственных земельных владений.	Ироничное отношение к своим землям.
Неустанная забота о сохранении и приращении собственных земельных владений.	Уорчестер писал, что несравненно большую радость получает от книг.
Локальность сознания, очевидный приоритет интересов собственного мира и нежелание покидать его пределы.	Уорчестер путешествовал для развлечения, составил «Itinerarium».
Бережливость, а может быть, и прижимистость.	Уорчестер тратил деньги на изучение латыни и французского, на книги.
Безупречная точность в денежных делах.	Уорчестер подчеркивал, что между ним и сэром Фастольфом существовали доверительные отношения, не требовавшие строгой отчетности.
Практически ориентированное образование.	Интерес к античности и французской поэзии.
Ярко выраженное стремление к общественному одобрению, к тому, чтобы «быть как все».	Уорчестер подчеркивал свою необычность и отшучивался в ответ на неудобные вопросы.
Подчеркнутая церемонность, льстивость в общении.	Уорчестер просил и даже требовал от своих корреспондентов не превышать его социальный статус.
Утилитарное понимание дружбы.	Традиционное понимание дружбы.

Очертив общую картину, попытаемся взглянуть в детали. Для джентри собственные земли были почти сакральной ценностью (т. е. вне зависимости от реальных достоинств свои маноры выводились из зоны критики, их количество и качество никогда публично не обсуждалось). Уорчестер же писал, что доходов от двух его крошечных поместий «едва хватало на приличную шляпу» [Paston letters 2004: 101]. Безусловно, в данном случае мы имеем дело с самоиронией. И все же в переписке Пастонов такие высказывания выглядят чужеродными. Важно подчеркнуть: только Уорчестер рисковал критиковать свои земли. Пастоны и их корреспонденты могли написать и не раз писали о том, что денег им не хватает, но (пусть даже в шутку) объединить в одном предложении бесконечно ценимые ими поместья и шляпу было nonsensical.

Неустанное стремление джентри к приращению своих земель вроде бы также служило Уорчестеру поводом для шуток. Однажды он заметил, что «будет так же рад и счастлив получить хорошую французскую книгу, как лорд Фастольф обрадуется покупке доброго манора» [Ibid.: 174–175]. Опять же здесь важен сам факт иронии над тем, что джентри ценили превыше всего. Для типичного представителя указанной социальной группы земли и книги — вещи в принципе несопоставимые. Земля — это основа жизни, главная ценность, за которую надо бороться всеми доступными средствами, ну а французские книги — откровенное излишество. Во всяком случае, Пастоны и другие джентри Норфолка покупали книги крайне редко, а если уж позволяли себе такую роскошь, то приобретали не стихи или роман, а Библию или молитвенник [Bennet 1932: 123–125]. Тот, кто утверждает, что радуется французской книге так же, как достойный человек — новому поместью, откровенно эпатирует окружающих.

Неудивительно, что траты Уорчестера его корреспонденты рассматривали как крайне неразумные. В частности, на сороковом году жизни Уорчестер стал учеником ломбардца Карла (или Карло) Жилия (Carol Giles), который наставлял его в правилах стихосложения и во французском языке; у него же Уорчестер купил несколько книг (которые в тем времена стоили немалых денег) [Ibid.: 174–175]. Путешествовал Уорчестер тоже нередко за свой счет [Neale 2000: vii–x], что для джентри было уже откровенно nonsensical.

Непонятным для джентри было и то, что после смерти сэра Фастольфа его секретарь не смог представить удовлетворительный отчет о довольно внушительной сумме, которую господин дал ему буквально накануне кончины. Сам Уорчестер настаивал, что деньги были потрачены на необходимые покупки в столице, а приобретенные товары придут позже, но Пастоны сочли всю историю крайне подозрительной [The Paston letters 1956 (1): 144].

Джентри неизменно стремились «быть как все»; Уорчестер любил подчеркивать свою необычность. Нетипичной, даже несколько чуждой для джентри была прежде всего та легкость, с которой Уильям Уорчестер брался за перо. Для большинства представителей провинциального дворянства письмо все еще оставалось трудным и в высшей степени серьезным искусством; Уорчестер же мог написать несколько слов просто для удовольствия или ради шутки. Напомним, что в архиве Пастонов более полутора тысяч документов, но шутки можно обнаружить только в письмах Уильяма Уорчестера. Наиболее красноречивым примером может послужить письмо, в котором Уорчестер со-

общает, что его господин сэр Фастольф не далее как вчера был в исключительно дурном расположении духа и фактически накричал на него. Заканчивает этот рассказ фразой: «Простите меня, я писал лишь для того, чтобы вас рассмешить. Даст Бог, мой лорд сменит гнев на милость и по отношению к другим, и по отношению ко мне» [Paston Letters 2004: 101–102]. Рискнем предположить, что, несмотря на явную несерьезность самого рассказа о ворчливости Джона Фастольфа, корреспондентам Уорчестера все же требовалось дополнительное подтверждение того, что они имеют дело именно с шуткой, а не с жалобой провинившегося свитского (что в глазах джентри было бы откровенно дурным тоном).

Необычность Уорчестера проявлялась не только в легкости пера и в уже упоминавшихся шутках на запретные для джентри темы, нетипичным было и как бы случайное употребление французских и латинских фраз, и то, что Уорчестер категорически не желал слышать в свой адрес лесть. Последний тезис заслуживает более подробного рассмотрения. Знакомство Пастонов и Уильяма Уорчестера состоялось при весьма любопытных обстоятельствах. В 1454 г. разменявший восьмой десяток и, что самое главное, бездетный Джон Фастольф решил окончательно перебраться в свои английские владения. Предприимчивые родственники магната Пастоны поспешили завязать с ним и его приближенными как можно более тесные отношения. В частности, глава семьи Джон Пастон I отправил пользовавшемуся полным доверием Фастольфа Уорчестеру льстивое послание, в котором именовал его «мой господин». В ответном письме Уорчестер шутливо заметил, что все его земли приносят лишь несколько шиллингов в год, и потребовал «забыть» о том, чтобы называть его «господином» [Ibid.: 101–102].

Наконец, в отличие от большинства джентри, Уорчестер вроде бы понимал дружбу вполне традиционно. Например, именую Джона Пастона I своим другом, он писал в том числе об эмоциональной привязанности. Если верить Уорчестеру, он относился к Джону Пастону «с тем же почтением, с каким относился бы к родному отцу, если бы тот был жив» [The Paston letters 1956 (1): 144–145]. Однако для джентри подобные уверения были абсолютно не характерны, более того, они мало что значили. Для Пастонов и их корреспондентов «дружба» была формой делового сотрудничества (причем не индивидов, а семей) и не имела никакого отношения к сантиментам. Джентри называли своими «друзьями» тех, кто всегда был готов прийти им на помощь «конно, людно и оружно», знакомил с нужными людьми, давал денег взаймы, отстаивал их интересы в суде и т. д. Чаще всего этот термин маркировал членов неофициального союза, нацеленного на отстаивание общих земельных интересов (в каждом графстве было несколько таких объединений, очень напоминавших мафиозные кланы). Иными словами, дружба была формой социальной организации сообществ джентри. В случае, если речь шла о менее значимых формах поддержки (например, о сообщении важных новостей или публичных высказываниях в защиту кого-то), использовался термин «доброжелатель» (*well-willer*) [Браун 2016: 55–68]. Очевидно, что в этой системе координат изъясления дружеских чувств попросту не котиrowались.

Итак, «автопортрет» Уильяма Уорчестера полностью совпадает со знакомым нам по историографии образом прекрасного интеллигента, мало

в чем похожего на других джентри. По всей видимости, исследователи отнесли к саморепрезентации секретаря сэра Фастольфа с полным доверием. Однако если взглянуть не на то, что Уорчестер писал и говорил, а на то, что он делал, такое доверие может оказаться не до конца обоснованным. Результаты сопоставления «слов» и «дел» Уорчестера представлены в *Табл. 2*.

Таблица 2

Ценности, которые афишировал Уильям Уорчестер	Ценностные ориентиры, которые демонстрировал Уильям Уорчестер
Ироничное отношение к собственным землям.	Включился в борьбу за наследство лорда Фастольфа (хотя господин ему ничего не завещал) и получил свою долю.
Уорчестер писал, что несравненно большую радость получает от книг.	В борьбе за земли использовал стандартный набор аморальных методов.
Уорчестер тратил деньги на изучение латыни и французского, на книги.	Но, если речь не шла о его хобби, был так же прижимист, как любой другой джентри.
Уорчестер подчеркивал, что между ним и лордом Фастольфом существовали доверительные отношения, не требовавшие строгой отчетности.	По-видимому, приворовывал на службе у сэра Фастольфа.
Интерес к античности, французской поэзии и всяческим «древностям».	Но все это «добавлялось» к почитаемым джентри навыкам юриста.
Уорчестер подчеркивал свою необычность и отшучивался в ответ на неудобные вопросы.	А собеседники оставляли его в покое, так как дела Уорчестера неизменно шли хорошо.
Уорчестер просил корреспондентов не завышать его социальный статус.	По отношению к другим столь же церемонен, как и его корреспонденты.
Традиционное понимание дружбы.	Просил «друзей» о материальной поддержке в обмен на уже оказанную им помощь.

Проанализируем каждый из пунктов внимательнее. При ближайшем рассмотрении оказывается, что отношение Уильяма Уорчестера к собственным землям не было ни ироничным, ни легкомысленным. Он мог шутливо сетовать на незначительность своих владений, но когда после смерти сэра Фастольфа (1459) выяснилось, что «добрый лорд» не оставил Уорчестеру ничего, кроме должности душеприказчика, интеллигент и библиофил перешел к самым решительным действиям.

Поначалу Уорчестер, видимо, рассчитывал на ощутимую материальную благодарность наследников Фастольфа — Пастонов. Такая благодарность была бы вполне логичной платой за услуги Уорчестера, ведь именно благодаря его протекции Пастонам удалось заслужить благосклонность Джона Фастольфа. Во всяком случае, так ситуация выглядела с точки зрения Уорчестера. Он писал: «...Если бы я хлопотал о противном, клянусь душой — а это самая великая клятва, какую я могу дать — они [Пастоны] никогда не заняли бы того положения рядом с моим господином, какое они занимают сейчас» [The Paston letters 1956 (1): 144]. Вполне возможно, Пастоны придерживались совсем иного мнения по этому поводу.

Однако существовала еще одна, на этот раз несомненная причина, по которой Уорчестер мог надеяться на свою долю «пирога», — именно с его помощью Пастоны захватили большую часть движимого имущества сэра Фастольфа. В отсутствие прямых наследников громадные владения Джона Фастольфа должны были стать (и действительно стали) настоящим яблоком раздора. Пока тяжбы и судебные разбирательства еще не начались, Уильям Уорчестер посоветовал Пастонам приехать в главную резиденцию своего покойного господина — замок Кайстер — и вывезти оттуда все сколько-нибудь ценное [Ibid.: 145] (напомним, что Уорчестер пользовался полным доверием Джона Фастольфа и прекрасно знал, «где что лежит»). Всего через неделю после смерти Фастольфа, опять же с помощью мистера Уорчестера, аналогичная операция была проведена в отношении лондонского имущества магната — все вещи были собраны, вывезены и спрятаны [Gairdner 1904: 198–199].

Любопытно, что в других подобных ситуациях Уорчестер действовал сходным, не вполне моральным и не до конца законным образом. Например, в 1461 г. некий Кристофер Хадсон умер, не оставив завещания. В результате из движимости покойного родственники не получили ровным счетом ничего. Бумаги, касающиеся держателей Пастонов, Уорчестер отдал их поверенному, а остальные вещами «распорядился так, как ему показалось наиболее удобным» [The Paston letters 1956 (1): 220].

Вернемся к наследству сэра Фастольфа. Несмотря на все заслуги Уильяма Уорчестера, Пастоны не спешили с ним делиться. Тогда Уорчестер заявил, что незадолго до смерти Джон Фастольф якобы прилюдно заявил о намерении подарить своему секретарю несколько маноров и даже предложил Уорчестеру выбрать их по своему вкусу. Свидетелем обещания сэра Фастольфа оказался духовник покойного — сэр Томас Хоус — по «случайному» стечению обстоятельств он был родным дядей супруги Уорчестера [Gairdner 1904: 198].

Пастоны снова не восприняли притязания Уорчестера всерьез, и тогда он присоединился к тем, кто вовсе хотел лишить эту семью наследства. Двое из десяти душеприказчиков Фастольфа — судья Йелвертон и Уильям Дженни — отказались подтвердить права Джона Пастона на наследство. Они поклялись, что завещание в пользу Пастонов, составленное буквально накануне смерти Джона Фастольфа, — не что иное как подделка, а настоящая посмертная воля магната выражена в гораздо более раннем документе, где о Пастонах нет ни слова [Gairdner 1904: 199–203]. Начавшийся судебный процесс растянулся на много лет, и все это время Уорчестер пытался «договориться» с Пастонами на прежних условиях. В частности, он прямо

заявлял, что готов изменить показания, если Пастоны уступят ему несколько маноров в Драйтоне [Paston letters 2004: 272].

Еще одним свидетельством на редкость крепкой жизненной хватки Уорчестера является то, что ему удалось навязать Пастонам свой ритм переговоров. В 1462 г., когда споры вокруг имущества покойного сэра Фастольфа приняли особенно ожесточенный характер, Уорчестер предпочел на время полностью пресечь контакты с его наследниками. Маргарет Пастон жаловалась мужу, что вот уже несколько месяцев не может переговорить с Уильямом Уорчестером, так как когда бы и кого бы она к нему ни посылала, жена Уорчестера всегда отвечает, что мужа нет дома [The Paston letters 1956 (1): 236].

В итоге победа осталась за Уорчестером. Показания секретаря и душеприказчика сэра Фастольфа, а также находившиеся в его руках документы покойного были чрезвычайно важны. Пастоны предпочли уступить его притязаниям и отдать Уорчестеру те маноры, которые он сам пожелал получить [Gairdner 1904: 243–258]. Важно подчеркнуть, что после получения «своей» доли наследства Уорчестер остался с Пастонами в хороших отношениях и даже вновь начал выполнять их поручения. По-видимому, его твердое намерение получить часть земель покойного господина было воспринято сообществом джентри как вполне «достойная» стратегия поведения.

Примерно то же самое можно сказать о денежных тратах Уильяма Уорчестера. В обширном собрании документов Пастонов нет ни одного, где о секретаре Джона Фастольфа отзывались бы как о человеке, транжирившем деньги на одежду, драгоценности, празднества или на что-либо иное, кроме книг и путешествий. В данном случае мы вполне можем предположить, что если другие «неразумные» траты не упоминаются, то их, скорее всего, и не было. Иными словами, там, где речь не шла об увлечении «древностями», Уорчестер, по всей видимости, придерживался столь же строгой экономии, как и любой другой представитель его социальной группы.

На службе у Джона Фастольфа Уорчестер, скорее всего, заботился не только об интересах своего господина, но и о собственном кармане. Во всяком случае, после смерти патрона Уорчестер четко заявил, что более не намерен поступать к кому-то на службу [The Paston letters 1956 (1): 139]. Напомним, что прожить на доходы от двух своих маноров Уильям Уорчестер не мог; тем не менее в переписке Пастонов нет ни слова о том, что Уорчестер испытывал серьезные денежные затруднения. По-видимому, у секретаря сэра Фастольфа были какие-то «неучтенные» средства, позволившие ему достойно существовать еще как минимум несколько лет (до момента получения «своей» части наследства Джона Фастольфа).

В пользу того же предположения свидетельствует и полное возмущение письмо Уорчестера, в котором он подчеркивал, что покойный Джон Фастольф никогда не требовал у него немедленного отчета о потраченных в Лондоне деньгах, а Пастоны не просто потребовали, но и усомнились в его честности [Ibid.: 144]. Стоит отметить, что присвоение части доходов управляющими и прочими служащими в XV столетии считалось вполне обычным делом, и если слуга подворовывал умеренно, никому и в голову не приходило считать его по-настоящему нечистым на руку [Bennett 1983: 123–147]. Сделать однозначный вывод по имеющимся в распоряжении

исследователей документам вряд ли возможно, но автору данной статьи представляется, что сомнения Пастонов были небезосновательны, ведь во всех прочих отношениях Уильям Уорчестер проявлял редкую практичность. Вполне вероятно, сама попытка затребовать от Уорчестера точный отчет была вызвана тем, что сэр Фастольф и его наследники имели принципиально разное представление об «умеренном» хищении: то, что казалось пустяком «доброму лорду» Фастольфу, Пастоны сочли выходящим за рамки приличия.

Тот факт, что Уильям Уорчестер на самом деле был довольно типичным джентри и вел себя в соответствии с общепринятыми нормами, т. е. «достойно», подтверждается неизменным уважением его корреспондентов. Показательным примером может служить реакция собеседника Уорчестера на уже процитированную нами шутку (на вопрос Генри Виндзора о том, не ввергнет ли он себя в долги покупками книг, секретарь Джона Фастольфа ответил, что будет рад хорошей книге так же, как его господин — приобретению доброго манора). Реакция собеседника Уорчестера весьма показательна: «Из этих слов я заключил, что он [Уильям Уорчестер] не расположен обсуждать эту тему» [Paston letters 2004: 174–175]. Иными словами, уход Уорчестера от ответа вызвал прекращение расспросов; по-видимому, эта тема вообще больше не поднималась (во всяком случае, в документах из архива Пастонов упоминаний об этом нет).

Не лишним будет отметить, что, хотя Уорчестер не приветствовал лести в свой адрес, его собственные послания содержат все общепринятые формы обращения и словесные клише.

Наконец, понимание дружбы в письмах Уорчестера при ближайшем рассмотрении оказывается столь же утилитарным, как у его корреспондентов. В том самом письме, где Уорчестер заявлял об исключительной теплоте и сердечности, с которой он относился к Джону Пастону I, он весьма «кстати» цитирует поговорку, которую ошибочно приписывает Аристотелю и Цицерону, — «Друг познается в беде» (*A friend in need is a friend indeed*). Развивая эту мысль, Уорчестер просит своего корреспондента¹ пересказать, что Пастоны говорят о нем в его отсутствие, ведь в аналогичных обстоятельствах Уорчестер уже оказал «другу» аналогичную услугу. Ну а если «друг» сочтет это требование чрезмерным, то пусть хотя бы перескажет это послание Джону Пастону [The Paston Letters 1956 (1): 144]. По-видимому, имелся в виду в первую очередь пересказ перечня заслуг Уильяма Уорчестера и тех пассажей, где живописалось его трепетное отношение к главе рода Пастонов. Таким образом, возвышенные речи и «античные» цитаты (к которым никто, кроме Уорчестера, не прибегал) были всего лишь красивым фасадом, за которым скрывался все тот же характерный для джентри принцип: друг — только тот, кто готов оказать вам услугу.

Итак, во всем, что не касалось любви к «древностям», «бессребреник» Уорчестер оказался вполне типичным джентри. Он был готов отстаивать свои владения и права любыми, в том числе не вполне законными методами, не тратил деньги зря, со спокойной совестью обогащался за счет господина, следо-

¹ Установить, к кому обращено это послание, исследователям не удалось. Письмо традиционно обозначают «От Уильяма Уорчестера к Анониму».

вал общепринятым правилам поведения и понимал «дружбу» исключительно как взаимовыгодную сделку.

В заключение стоит сказать несколько слов о том, насколько непрактичной на самом деле была тяга Уорчестера к чтению латинских и французских текстов, изучению истории и т. п. Подобные увлечения в XV столетии вовсе не были чем-то исключительным. Однако важно подчеркнуть, что распространены они были в другой социальной среде — при дворе и, шире, среди аристократии. В эпоху, которую сейчас принято называть английским Предвозрождением, каждый уважающий себя вельможа основывал колледжи, покровительствовал ученым, собирал книги (читать их, кстати говоря, было не обязательно, учитывался сам факт наличия в личной библиотеке нескольких пухлых томов). Наконец, любой стремящийся к общественному одобрению аристократ должен был демонстрировать интерес к сочинениям античных мыслителей, в идеале стоило заказать их перевод на английский язык [Wake-lin 2007: 15–46]. Таким образом, увлечения Уильяма Уорчестера были вполне нормальны для среды, в которой он провел значительную часть своей жизни. Безусловно, сэра Фастольфа ценил в своем секретаре прежде всего деловые качества. Тем не менее образованность и изящные увлечения Уорчестера были важным бонусом, так как без дополнительных трат улучшали имидж магната.

Для самого Уорчестера интерес к античности, французской поэзии и прочим, казалось бы, абсолютно непрактичным вещам, тоже был небесполезен — он подчеркивал его привилегированное положение (ведь для этих увлечений требовались и свободное время, и лояльность господина), а также близость к аристократическим кругам. После смерти сэра Фастольфа ситуация, разумеется, изменилась, но именно в этот момент Уорчестер продемонстрировал в высшей степени важные для каждого уважающего себя джентри качества — решительность, изворотливость и несгибаемое стремление отстаивать свои материальные интересы.

* * *

Подведем итоги. Тот факт, что джентри крайне редко интересовались античным наследием, был отправной точкой нашего исследования. Но как они относились к тем немногочисленным представителям собственной социальной группы, которые имели настолько нетипичные увлечения? Безусловно, прямого ответа на этот вопрос в переписке Пастонов не содержится. Тем не менее в нашем распоряжении оказалась внушительная совокупность косвенных данных.

Прежде всего мы выяснили, что «друзья» и соседи Уорчестера никогда не отзывались о его увлечениях неодобрительно. То есть их отношение к чтению античных текстов, французских стихов и т. п. было как минимум нейтральным.

Осуждение, точнее, беспокойство, джентри высказали только однажды — когда им показалось, что покупка книг и изучение языков могут подорвать хрупкое благосостояние Уорчестера. Напомним, что секретарь Фастольфа не пожелал обсуждать эту тему, и она была благополучно закрыта. Иными словами, «друзья» Уорчестера признали, что раз сам он спокоен, затратное хобби — не повод для злоречия. Это еще раз подводит нас к выводу — джентри не считали такие расходы недостойными. Таким образом, интерес к антич-

ному наследию и изящным искусствам для джентри был вполне терпим, но только если не наносил заметного ущерба их финансовому благополучию.

Далее, мы установили, что Уильям Уорчестер не только подчеркивал, но и изрядно преувеличивал свою образованность и рафинированность. Напомним, мистер Уорчестер был весьма практичным джентльменом, к тому же, с точки зрения джентри, он всегда вел себя достойно; вероятно, упомянутая саморепрезентация должна была возвышать его в глазах окружающих. Возможно, джентри считали интерес к истории и поэзии почетным? Не всегда. Анализ данных архива Пастонов показывает: все письма, в которых Уильям Уорчестер рискованно шутил и бравировал собственной необычностью, относятся ко времени его службы у сэра Фастольфа. По-видимому, созданный Уорчестером образ интеллигента и библиофила был уместен лишь тогда, когда он пользовался благосклонностью «доброго лорда», ценившего и спонсировавшего столь изысканные занятия. Итак, пример Уильяма Уорчестера показывает: для джентри чтение античных авторов и французских книг могло стать вполне «достойным» увлечением, возвышавшим своего обладателя в глазах окружающих, однако единой для всех, безусловно одобряемой меры заинтересованности не существовало. Границы дозволенного менялись в зависимости от финансовой состоятельности «антиковеда» и его социального статуса. Любимец магната только выигрывал, если его считали утонченным интеллигентом, ценящим книги превыше земных благ; лишенный такой поддержки дворянин должен был демонстрировать в первую очередь деловые качества.

Литература

- Браун 2016 — *Браун Е. Д.* Войны Роз. История. Мифология. Историография. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Bennett 1932 — *Bennett M. S.* The Pastons and their England. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1932.
- Bennett 1983 — *Bennett M. S.* Community, class and careerism: Cheshire and Lancashire society in the age of Sir Gawaine and the Green Knight. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Gairdner 1904 — *Gairdner J.* Introduction // The Paston letters, A. D. 1422–1509: New complete library edition / Ed. by J. Gairdner. Vol. 1. London: Chatto & Windus, 1904. P. 25–329.
- Gransden 1996 — *Gransden A.* Historical writing in England. Vol. 2: C. 1307 to the early sixteenth century. London: Routledge, 1996.
- Harvey 1969 — William Worcestre: Itineraries / Ed. by J. H. Harvey. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- McFarlane 1957 — *McFarlane K. B.* William Worcestre, a preliminary survey // Studies presented to Sir Hilary Jenkinson / Ed. by J. C. Davies. London: Arnold, 1957. P. 196–221.
- Neale 2000 — William Worcestre: The topography of medieval Bristol / Ed. by F. Neale. Bristol: Bristol Record Society, 2000 (Bristol Record Society's publications; Vol. 51).
- Paston letters 2004 — Paston letters and papers of the fifteenth century / Ed. by N. Davis, C. Richmond. Part 2. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Richmond 2002 — *Richmond C.* The Paston family in the fifteenth century. Vol. 2: Fastolf's will. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.

- Rose 2012 — *Rose J.* Medieval estate planning: The wills and testamentary trials of Sir John Fastolf // *Laws, lawyers and texts: Studies in medieval legal history in honour of Paul Brand* / Ed. by S. Jenks, J. Rose, Ch. Whittick. Leiden: Brill, 2012. P. 299–326.
- Rundle 2015 — *Rundle D.* The Itinerary of the Itineraries of William Worcester // *Bonæ litteræ: Occasional writing from David Rundle, Renaissance scholar*. 2015. October 18.
URL: <https://bonaelitterae.wordpress.com/2015/10/18/the-itinerary-of-the-itineraries-of-william-worcester>.
- The Paston letters 1956 — *The Paston letters* / Ed. by J. Warrington. 2 vols. London; New York: Dent & Sons, 1956.
- Wakelin 2007 — *Wakelin D.* Humanism, reading, and English literature, 1430–1530. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2007.

GENTRY AND THE CLASSICAL HERITAGE. THE CASE OF WILLIAM WORCESTER

Braun, Elena D.

PhD (Candidate of Science in History)

Associate Professor, Department of World History,

Russian State University for the Humanities

Russia, 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6

Tel.: +7 (495) 250-64-56

Associate Professor, Department of General History,

School of Advanced Studies in the Humanities,

The Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: braun-helen@yandex.ru

Abstract. We know that the gentry appreciated first of all practical knowledge and education; they had no particular interest in ancient history and culture. In this article, the author tries to analyze what fifteenth century gentry thought about those, – who belonged to their social group, but who dared to read Greek and Roman philosophers, to buy books and to do other impractical things. The main sources are the Paston letters. The ‘main character’ is William Worcester — a member of the gentry, a famous antiquary, a bibliophile, and author of *Itinerarium*, *Annales Rerum Anglicarum* and other works.

The results of the analysis are as follows. William of Worcester’s example shows that for fifteenth century gentry reading ancient authors and French books could be quite a “worshipful” hobby, however, an exact measure of interest did not exist. The boundaries of the permitted varied depending on the financial viability of the “scholar” and on his social rank. The confidant of a magnate could represent himself as a refined intellectual who treasured books above all earthly blessings; a person deprived of such support had to demonstrate pragmatism.

Keywords: William Worcester, Paston family, gentry, age of the Wars of the Roses

References

- Bennett, M. S. (1932). *The Pastons and their England*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Bennett, M. S. (1983). *Community, class and careerism: Cheshire and Lancashire society in the age of Sir Gawaine and the Green Knight*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Braun, E. D. (2016). *Voiny Roz. Istoriia. Mifologiya. Istoriografiia* [The Wars of the Roses. History. Mythology. Historiography]. St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).
- Davis, N., Richmond, C. (Eds.) (2004). *Paston letters and papers of the fifteenth Century* (Part 2). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Gairdner, J. (1904). Introduction. In J. Gairdner (Ed.). *The Paston letters, A. D. 1422–1509: New complete library edition* (Vol. 1), 25–329. London: Chatto & Windus.
- Gransden, A. (1996). *Historical writing in England* (Vol. 2: *C. 1307 to the early sixteenth century*). London: Routledge.
- Harvey, J. H. (Ed.) (1969). *William Worcestre: Itineraries*. Oxford: Clarendon Press.
- McFarlane, K. B. (1957). William Worcestre, a preliminary survey. In J. C. Davies (Ed.). *Studies presented to Sir Hilary Jenkinson*, 196–221. London: Arnold.
- Neale, F. (Ed.) (2000). *William Worcestre: The topography of medieval Bristol*. Bristol: Bristol Record Society (Bristol Record Society's publications; Vol. 51).
- Richmond, C. (2002). *The Paston family in the fifteenth century* (Vol. 2: *Fastolf's will*). Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Rose, J. (2012). Medieval estate planning: The wills and testamentary trials of Sir John Fastolf. In S. Jenks, J. Rose, Ch. Whittick (Eds.). *Laws, lawyers and texts: Studies in medieval legal history in honor of Paul Brand*, 299–326. Leiden: Brill.
- Rundle, D. (2015, October 18). The Itinerary of the Itineraries of William Worcestre. In *Bonæ litteræ: Occasional writing from David Rundle, Renaissance scholar*. Retrieved from <https://bonaelitterae.wordpress.com/2015/10/18/the-itinerary-of-the-itineraries-of-william-worcestre>.
- Wakelin, D. (2007). *Humanism, reading, and English literature, 1430–1530*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press.
- Warrington, J. (Ed.) (1956). *The Paston letters* (2 Vols.). London; New York: Dent & Sons.

To cite this article:

BRAUN, E. D. (2018). DZHENTRI I ANTICHNOE NASLEDIE. KAZUS UIL'IAMA UORCHESTERA [GENTRY AND THE CLASSICAL HERITAGE. THE CASE OF WILLIAM WORCESTER]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 23–37. (IN RUSSIAN).

Received January 5, 2018

Илюшечкина Екатерина Викторовна

кандидат исторических наук, PhD

доцент, кафедра всеобщей истории,

Институт общественных наук РАНХиГС,

старший научный сотрудник,

Лаборатория античной культуры, ШАГИ РАНХиГС

Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Тел.: +7 (495) 433-25-62

E-mail: ilyushechkiniae@gmail.com

УЧЕНЫЙ-ГУМАНИСТ VS. АНТИЧНЫЙ АВТОР: КОММЕНТАРИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ К ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

Аннотация. На примере комментариев Маркантонио Сабеллико (1436–1506), Стефана Аквея (? — ок. 1537) и Якоба Далекампия (ок. 1513–1588) к «Естественной истории» рассматриваются особенности восприятия труда Плиния Старшего, а также изменения во взглядах и подходах ученых-гуманистов в XV–XVI вв., которые сыграли важную роль в становлении науки об античности.

Ключевые слова: «Естественная история», Плиний Старший, Маркантонио Сабеллико, Стефан Аквей, Якоб Далекамбий, Новое время, комментарии

Цель статьи состоит в том, чтобы на основе анализа комментариев XV–XVI вв. к «Естественной истории» выявить специфические особенности восприятия гуманистами труда Плиния Старшего. Одновременно с этим предстоит проследить изменения во взглядах и подходах ученых-гуманистов XV–XVI вв. к тексту Плиния Старшего в зависимости от задач, стоявших перед комментаторами в разные исторические эпохи. В отличие от нынешних комментариев, выполняющих по преимуществу вспомогательные функции, комментарии XV–XVI вв. играли важную роль в становлении науки об античности (выработка специальных навыков при работе с древними кодексами, сверка и исправление рукописей, исторические оценки или уточнения источника текста и т. п.); помимо всего, гуманистический комментарий представлял собой подобие жанрообразующей формы¹. Материал, послужив-

¹ Ср. [Grafton, Jardín 1986; Шичалин 1989; Gehrke 2005: 33–35; Брагинская 2009]; о рукописной традиции «Естественной истории» и о ренессансных изданиях Плиния Старшего см.: [Подосинов 2011: 153–155; Бран Гарсия 2011; de Beer 2013; Enenkel 2014; Kraus, Stray 2016; Шумилин 2016].

ший основой для этой статьи, показал, что степень критического отношения ученых XV–XVI вв. к содержанию текста Плиния Старшего была обусловлена не столько уровнем образования гуманистов и преследуемых ими индивидуальных целей, но и радикальным пересмотром традиционных представлений об окружающем мире, который вызвали географические и научные открытия раннего Нового времени. Критическое направление филологии XV–XVI вв. относительно текста Плиния Старшего позволяет осветить также следующие аспекты: 1) отношение гуманистов к латыни как языку профессионалов, уровень знания греческого языка комментаторами и использование ими греческих источников в период работы над текстом «Естественной истории», 2) собственные замечания комментаторов и их способы расположения материала, 3) историко-филологическое исследование комментаторами латинского текста Плиния Старшего, 4) ссылки комментаторов на определенные античные, средневековые, ренессансные источники и следование принципу историзма, 5) отбор достоверных и мнимых сведений, содержание которых варьировалось со временем (на примере засвидетельствованных в тексте Плиния наблюдений за поведением слонов и медведей).

Маркантонио Сабеллико (1436, Виковаро, Тиволи — 1506, Венеция)

Хотя и нельзя с определенностью говорить о времени и месте создания «Annotationes» Сабеллико к тексту Плиния Старшего, все же некоторые косвенные свидетельства позволяют думать, что «Примечания», или комментарии старшего современника Эразма Роттердамского, были завершены около 1493 г. Комментарий Сабеллико был написан примерно в одно время с «Исправлениями к Плинию», или «Castigationes Plinianaе», Эрмолао Барбаро Младшего, которые вышли в 1492/1493 г. и тотчас обрели статус образцового для последующих поколений гуманистов издания Плиния Старшего. По-видимому, спустя год-другой и был опубликован труд Сабеллико, включавший его пояснения — помимо Плиния — к другим латинским авторам².

В основе комментария лежит семинарский курс по «Естественной истории», который на протяжении нескольких лет Сабеллико вел в венецианской школе Сан-Марко³. По прошествии некоторого времени Сабеллико вновь об-

² См.: [СТС (4): 344–348]. Маркантонио Сабеллико был официальным историографом Венеции, его перу принадлежит «История Венеции», прославляющая Венецианскую республику, содержащая описание города в трех книгах (до 1487 г.) и диалог с венецианскими магистратами (Venetiis: A. de Strata, 1489). «Всеобщая история от Сотворения мира» Сабеллико была опубликована в 1498–1504 гг. под заглавием «Enneades XI seu rhapsodiae historiarum ab Orbe condito» (Venetiis: B. dei Vitali); это opus magnum, между прочим, содержало информацию о двух древнерусских городах — Новгороде и Москве (col. 906–908). См. также: [Gilbert 1971; Lee 1985; Mund 2004; Шумилин 2016: 226–227]. Наиболее раннее сочинение, посвященное каталогу племен в VII книге Плиния Старшего, легло в основу содержания поэмы Сабеллико «De rerum et artium inventoribus», написанной гексаметром в Риме предположительно между 1460 и 1472 гг. и опубликованной в 1483 г. в Падуе. См. также: [Atkinson 2007: 42–43].

³ Ср. его слова из первого предисловия в комментарии: Nos vero non quia plus virium quam illi haberemus, sed maiore quadam fiducia freti tertio ab hinc anno Plynium eo consilio interpretandum suscepimus, ut non rerum solum, sed quantum in me esset omnis etiam uerborum explicaretur ratio fuit fateor certamen illud longe acerbius quam ab initio conceperam (Sabel. Dedic. ad Grim. pag. 1).

ратился к изучению труда Плиния Старшего: во втором посвящении своему другу Джованни Франческо Фортуньо (впервые опубликованное в Венеции в 1502 г., посвящение многократно переиздавалось)⁴ ученый-гуманист упоминает о внесенных в первую редакцию добавлениях, отражая атаки неизвестных нам критиков.

Первое предисловие Сабеллико посвящает своему венецианскому другу, меценату и собирателю произведений искусства, кардиналу (с 1493 г.) Доменико Гримани (1461–1523). Поскольку в своем обращении Сабеллико не упоминает священнического сана Гримани, можно предположить, что изначально текст комментария к «Естественной истории» Плиния Старшего был написан до 1493 г. В то же время Сабеллико связывает с Гримани почетный титул «рыцаря» (*eques*), которым его удостоил в 1489 г. император Священной Римской империи Фридрих III (1415–1493). Сопоставив обе даты *termini post* и *ante quem*, можно допустить, что Сабеллико трудился над комментарием в период между 1489 и 1493 г. и предположительно завершил работу в 1493/1494 г. в Венеции, где он в то время проживал.

В начале своего предисловия Сабеллико отмечает очень плохое состояние латинского текста «Естественной истории», который оставлял желать лучшего, поскольку никто из предшествующих ученых-гуманистов не брался поправить неверные прочтения⁵. Сабеллико даже сравнивал состояние уязвимых мест текста Плиния Старшего с последствиями военной кампании⁶. Несмотря на постоянно возникающие сложности, Сабеллико продолжал готовить к печати издание Плиния Старшего, опираясь на поддержку друзей и коллег, прежде всего венецианского гуманиста Антония Морета, «наиболее эрудированного среди ученых: наилучшего покровителя исследований» (*homo ut nostri nostratium litterarum perbelle eruditus: studiorumque fautor maximus* — Sabel. Dedic. ad Grim. pag. 1), который был тесно связан с типографским делом и убеждал Сабеллико в необходимости продолжать его занятия научной деятельностью (см.: [СТС (4): 345]).

В изданиях позднего времени комментарий Сабеллико к тексту Плиния Старшего обычно включался в состав его *Observationes* по поводу разных латинских авторов⁷ и сопровождался вторым посвящением его другу Джованни Франческо Фортуньо (ок. 1470–1517), который с 1500 г. неоднократно посещал Венецию. Из текстов античных авторов Сабеллико отобрал более трехсот отрывков, собственно и составляющих его комментарий, и указал нумерацию книг и глав в середине страницы, чтобы читателю легче было ориентироваться

⁴ См. издание 1502 г.: Ioannes Bembo Venetus Andreae Anixi Corcyraeo S. P. D. ... Venetiis. MDLxi Kal's Februarii (fol. «a 1 v»).

⁵ Sed cum hanc quoque varie tractare dicaris quae te diutius in sui admiratione detineat prae naturali illa, quam Plynus sex et triginta complexus est voluminibus, audio esse nullam. Verum quo maiori illius studio teneris, eo te iniquius ferre certum habeo quod ex uberrima hac recentiorum hominum fruge nemo ad hunc extiterit, qui lectionem ipsam a vitio partim temporum iniquitate partim librorum inscitia contracto sit vindicare adortus (Sabel. Dedic. ad Grim. fol. 1).

⁶ At fuerunt qui sparsim paucissima quaedam velut in transcurso subnotarent: fuitque illud intra hostium vallum iaculari: non statariam conserere pugnam (Sabel. Dedic. ad Grim. fol. 1).

⁷ C. Plinius, Cicero, Annaeus Lucanus et qui Argonautica scripsit Flaccus (Sabel. Dedic. ad Fortun. fol. c r).

в материале⁸. Используемые им средства и методику работы над сочинением Плиния Старшего Сабеллико причислял к своим достижениям: основываясь на исключительно надежных, по его мнению (т. е. античных), источниках, он исправлял спорные пассажи, не удаляя их, но параллельно помещая на полях свои соображения по критике текста⁹.

Пояснения Сабеллико к «Естественной истории» Плиния Старшего, начиная со 2-й книги и завершая 37-й, весьма лаконичны, тем не менее содержание лемм свидетельствует о тщательном подходе ученого-гуманиста к их анализу. Сравнивая материал Плиния Старшего с греческими и латинскими текстами других античных авторов, Сабеллико нередко цитирует их полностью, что весьма непривычно для комментаторов XV в. Складывается подчас впечатление, что научная традиция, представленная греческими авторами, обладает для Сабеллико даже большей значимостью, чем латинский текст Плиния: вероятно, потому, что он рассматривал их в качестве источников «Естественной истории».

Главную задачу Сабеллико видел в посильном исправлении латинского текста Плиния и внятных пояснениях, которые бы объясняли читателю трудные места и содействовали адекватному пониманию содержания «Естественной истории»¹⁰. После сравнения разночтений Сабеллико рассуждает о реалиях и фактической стороне дела: к примеру, в комментарии на отрывок Плиния Старшего о слонах (Plin. NH VIII 10) внимание Сабеллико привлекает фраза о том, что пиявки-кровососы, попавшие в дыхательные органы слона во время водопоя, доставляют животному невероятные страдания. Сопоставив несколько рукописей (ср. его пояснения вроде «так во многих [кодексах]...» или «однако в самой древней рукописи [такое-то чтение]...» и т. д.), Сабеллико предлагает собственную конъектуру и объясняет исправление:

Однако anime canali [вместо amne canali] предпочтительнее, т. е. по которым движется воздух, т. е. дыхание. Поскольку они представляют собой словно два канальца, или трубки, идущих книзу от входа в глотку¹¹.

Далее Сабеллико обращается к таким авторитетам, как Платон, греческий врач Филистион Локрский, гиппократик Диоксип и анатом Эрасистрат, поскольку приоритетом у гуманиста пользуется не столько опытное знание о строении и назначении слоновьего хобота, сколько естественнонаучные

⁸ Quaeris quid actum sit? Tercentum et amplius locos in ordinem redigi: quos velut libello uno complexus ita digessi ut quoto quisque sit capite librove observatus facile cognosci possit (Sabel. Dedic. ad Fortun. fol. c r).

⁹ Quid quod in re tam tenui non solum non exquisito aliquo sum usus verborum fuco copiae orationis? Sed ne iudicium quidem ullum recens adhibui praesenti recognitioni omnia ad pristinam illam censuram referens satis credo tibi nota est verecunda illa professionis ratio in tuo Sabellico, qui in obscuris et ambiguis nihil mutat, nihil restituit nisi iudicio fretus et auctoritate: ubi utraque re laboratur asteriscum margini affigit (Sabel. Decid. ad Fortun. fol. c r).

¹⁰ Monetque lectorem videat an eo modo rectius legi possit (Sabel. Dedic. ad Fortun. fol. c r).

¹¹ Haec ubi «in ipso amne canali» se fixit in tolerando afficit dolore sic in multis: vetustior tamen codex «in ipso amne carnali». Sed «anime canali» melius, id est per quem meat anima, idest spiritus. Nam quum duae sint quasi canaliculae seu fistulae ab oris faucibus deorsum tendentes... (Sabel. Annot. fol. a 4 r).

представления античной нарративной традиции¹². По-видимому, расхождения греческих авторов и их противоречивые мнения относительно функций этого органа составляли наибольшее затруднение для ученых-гуманистов XV в. и последующих веков [Leitner 1972; Gotthelf 1997].

Характерные для Сабеллико ученые отсылки к греческим авторитетам обнаруживают себя и в комментариях о медведях — точнее говоря, об их отсутствии в Африке. Ученый-гуманист согласен с тем, что во времена Плиния Старшего медведи в Нумидии уже не водились (NH VIII 54), однако, как он полагает, медведи могли обитать в других регионах африканского континента. Ссылаясь на свидетельство Геродота (Herod. IV, 191), который упоминает медведей в перечне североафриканских зверей, Сабеллико пишет:

Если это верно, то их могли видеть другие. Поскольку не стану скрывать, что Геродот, наиболее основательный автор [произведения] об африканских делах, сообщает, что наряду со множеством других зверей в Ливии обитают и медведи¹³.

В целом комментарии Сабеллико больше напоминают авторские маргиналии на полях печатного издания — ведь его заметки и пояснения возникли по ходу учебных занятий со студентами, когда он вместе с ними разбирал и интерпретировал трудные места из «Естественной истории». Помимо этого, научно-педагогическая деятельность Сабеллико предполагала к тому же еще и тщательное улучшение дошедшего текста Плиния Старшего, устранение несообразностей, прежде всего в отношении сомнительных чтений, а также достаточно обоснованные пояснения комментатора в соответствии с требованиями гуманистической филологии XV — начала XVI в. И хотя критический подход к тексту Сабеллико согласовывал, как правило, с рукописной традицией, его свободное владение древними языками, ясность мысли, самый тон ученых пояснений позволяют причислить «Annotationes in Plinium» («Примечания к Плинию») к самым авторитетным комментариям¹⁴.

¹² Per earum unam Plato et Philistion Locrus et Dioxippus Hippocraticus humores pulmoni rigando fovendoque necessarios defluere crediderunt: hanc eandem esse *τραχειαν αρτηριαν*, idest asperam arteriam, vocant: per quam spiritus a summo ore in pulmonem atque inde rursus in os et in naris commeet: que Herasistratus medicus negaverit per asperam arteriam quicque potus aut cibi defluere. Sed illi aliter, ut dixi, statuerunt: ut sine cunctatione affirmare possis «animae canali» esse legendum: qua spiritus et potus commeet. Altera canalicula ea est: per quam esculenta omnia et, ut soli Herasistrato placuit, item et poculenta ad stomachum defluunt (Sabel. Annot. fol. a 4 r).

¹³ Miror adiectum Numidicos ursos, quum in africa ursos non gigni constet. Haec Plinius. Verum si in Numidia tum ursos non generari dixisset, fuisset eius sententia adhuc aequius ferenda: at tota africa ferae genituram exclusit. Quod an verum sit alii viderint. Illud non dissimulabo Herodotum rerum africanarum auctorem diligentissimum tradere lybiam inter multa et varia animalia ursos quoque alere (Sabel. Annot. fol. a 4 r).

¹⁴ Хотя Ардуэн отзывается довольно скептически о конъектурах Сабеллико: In quibus [Annotationibus] sunt admodum pauca scite animadversa: cetera conjecturae omnino infelices (Dedic. fol. «9»).

Стефан Аквей
(предположительно родом из Бурже — скончался ок. 1537)

На титульном листе издания Плиния 1530 г. Стефан Аквей поименован Bituriscenses, т. е. причислен к уроженцам и гражданам Бурже, французского города в департаменте Шер (в прошлом — столицы провинции Берри и герцогства Беррийского, а также резиденции архиепископа). В предисловии на французском языке («Extrait des registres de Parlement») автор комментария представлен в качестве Этьена Лагье, эсквайра и синьора де Бойян в Берри (Estienne Laigue Escuyer, seigneur de Beauuays en Berry), а само издание «Естественной истории» датируется обычно тем же временем, что и предисловие. Спустя год после вероятной даты выхода в свет комментария Аквея Беат Ренан из Селесты подверг его резкой критике в эссе-послании «Epistola ad D. Philippum Puchaimerum, de locis Plinii per St. Aquaeum attactis, ubi mendae quaedam eiusdem auctoris emaculantur, antehac non a quoquam animadversae», опубликованном в Базеле в качестве приложения к труду «История германцев в трех книгах» («Rerum Germanicarum libri tres») в 1531 г., который может служить *terminus ante quem* для датировки труда Аквея¹⁵.

Свой комментарий к «Естественной истории» Аквей посвятил знаменитому Филиппу де Шабо (1492–1543), сеньору де Брион, графу де Шарни и Безансуа, более известному под именем адмирала де Бриона¹⁶, назначенному после сражения при Павии правителем Бургундии в 1526 г. — этим годом в качестве *terminus post quem* можно датировать завершение труда Аквея. Возможно, лишь выйдя в отставку, Аквей приступил к работе над трудом Плиния Старшего, поскольку он дважды упоминает о своей службе на военном поприще — в посвящении и в обращении к читателю¹⁷. Аквей вовсе не намеревался заново пересмотреть «Естественную историю»: он лишь хотел привлечь внимание на неясные места, осмыслить текст Плиния Старшего и, насколько удастся, прокомментировать его книги¹⁸, не вдаваясь в излишние подробности и ограничиваясь общими положениями¹⁹. Среди своих предшественников Аквей называет прежде всего Эрмолао Барбаро Младшего (1453/1454–1493) и Гийома Бюде (1467–1540) — последний, правда, никогда не издавал книг Плиния Старшего, но тем не менее соста-

¹⁵ См. подробнее: [СТС (4): 381]; ср. [Boutroue 1992]. О Беате Ренане из Селесты (1485–1547) и его друге Сигизмунде Гелении (1497–1554), которые входили в окружение Эразма Роттердамского (1466–1536), см.: [Pfeiffer 1982: 109–112].

¹⁶ GENEROSISSIMO, AC ILLVSTRISSIMO DOMINO, Domino Philippo Chaboto, Franciae Admiralo, siue thalassiarcho, ac spectatissimo Burgundiae Moderatori, Stephanus Aquaeus. S. P. D. (Aquaeus: 1530, fol. ā ij r).

¹⁷ ...me hominem triobolaris literaturae, & militia iamdudum obrutum (Aquaeus: 1530, fol. ā ij r); Post autem Martios tumultus, ac rei militaris functiones, quibus me dudum addixi, mihi interdum licuit ad musas quietiores redire, in quarum amoenulo diuersorio agens, commentariolos in Pli.cudere institui, ac locos aliquot repurgare (Aquaeus: 1530, fol. ā ij v).

¹⁸ Operae precium me profecto facturum sum arbitratus, si huic, quod tandiu caligiai obiectum fuerit, tandiuque obscuratum, aliquid lucis viderer adtulisse, hoc est, Plinianam lectionem repurgasse, ac omnibus Plinij libris commentaria indidisce (Aquaeus: 1530, fol. ā ij r).

¹⁹ Non profecto in interprete phrasis sed integra interpretatio perpendenda est (Aquaeus: 1530, fol. ā ij r).

вил выборку отрывков из «Естественной истории» для очерка, посвященного античным монетам, который заслужил высокую оценку гуманистов²⁰.

По стилю комментария и авторской интонации складывается впечатление, что непрерывный монолог по поводу латинского текста Плиния Старшего воспроизводит устное выступление Аквея перед аудиторией. Как правило, Аквей комментирует содержание в целом, начиная с первой же фразы Плиния Старшего, а не отдельные слова или предложения. Отдельные части комментария объединяют между собой краткие ремарки Аквея, которые отсылают читателя к латинскому тексту Плиния Старшего²¹. Нередко используя превосходные степени, Аквей, кажется, искренне убежден в том, что Плиний Старший, как, впрочем, и большинство античных авторов (прежде всего Аристотель), соответствует классическому идеалу и должен оцениваться по достоинству.

В примечаниях к тексту Плиния Старшего Аквей неизменно упоминает латинские и греческие источники, которые он, несмотря на знание греческого языка, цитирует в переводе на латинский, проявляя, по-видимому, заботу о читателях. Несколько пассажей Аквея содержат греческие цитаты, что подтверждает его знакомство с греческим языком; так, Аквей считает необходимым перевести латинскую фразу (из пассажа Плиния об ученом слоне) по-гречески:

...он [Плиний] говорит, что слон выучил греческие буквы, что по-гречески было бы ΑΥΤΟΣ ΕΓΩ ΤΕ ΔΕ ΕΓΡΑΨΑ ΛΕΦΥΡΑΤΕ ΚΕΛΤ' ΕΝΕΘΙΚΑ...²²

В другом случае Аквей предпочитает уточнить греческое название «медвежьей берлоги»:

К тому же не помешает взять на заметку, что место, где укрываются медведи, по-гречески называется φωλιάμ, т. е. по-латински pholiam²³.

В то же время Аквей цитирует Аристотеля исключительно в латинском переводе Феодора Газы (ок. 1370–1475); так, он уклоняется от ученой полемики относительно обозначений месяцев аттического календаря — в частности, о спорном названии месяца ἐλαφβολίων (НА VI, 30, 579 а 18) — и вслед за Феодором Газой идентифицирует греческий месяц с «февралем»:

²⁰ Quamvis non me lateret viros cum singulari ingenio, tum exactissima doctrina insignes, locos aliquot deluxatos, ac improbatas lectionis emendasse. In quorum albo Hermo[laus] Bar[barus] fuit. Budaeus item noster, homo extra omnem (quod de Cicerone dictum est) ingenii aleam positus (Aquaеus: 1530, fol. а ij r). Работа Гийома Бюде о римском ассе с его подразделениями: Libri V de Asse et partibus eius. S.L. 1514. О Гильоме Бюде как основателе научной метрологии и т. п. см.: [Доватур 1997: 72–73; Sandy 2002]. См. также об Эрмолао Барбаро Младшем: [Баткин 1978: 153–157; Кудрявцев 1991; Fera 1996; Ramminger 2005; Blake McNam 2013: 274 sq.].

²¹ Например, «и Плиний добавляет» (et subnectit Plinius), «затем Плиний говорит» (Plinius deinde ait) и т. п.

²² QVIBVS SVNT MINIMI, &c. «...» Graecas literas didicisse elephantum ait hic, graece enim haec erant, ΑΥΤΟΣ ΕΓΩ ΤΕ ΔΕ ΕΓΡΑΨΑ ΛΕΦΥΡΑΤΕ ΚΕΛΤ' ΕΝΕΘΙΚΑ, quae latine sonant, ipse ego haec scripsi spoliaque celtica dicaui (Aquaеus: 1530, fol. <C>).

²³ ANNALIBVS NOTATVM est, &c. «...» Porro non obfuerit hic annotasse latebram vrsorum grecis dici φωλιάμ hoc est pholiam (Aquaеus: 1530, fol. <CX v>).

Медведи спариваются, как пишет Аристотель в VI книге «Истории животных» в 30-й главе «...» в феврале месяце²⁴.

Очевидно, что подобные отсылки к античному наследию и цитаты из классических авторов демонстрируют не только незаурядную начитанность Аквея, но и его стремление осветить проблему греческих источников Плиния Старшего, которая, скорее всего, и составляла основную цель разысканий Аквея. Таким образом, даже возможность дать развернутую историческую справку сводится к перечню близких по содержанию античных свидетельств, как, например, в замечании о мавританском царе Бокхе:

Это тот [самый] царь, которого упоминает Страбон в XV книге и Ливий в LXVI книге [в периодах], Саллюстий в «Югуртинской войне», Плутарх в «[Жизнеописании Гая] Мария», Силий [Италики] в III книге «[Пунических войн]»²⁵.

Достоверность информации поддерживалась главным для Аквея авторитетом — Аристотелем: даже если сообщаемые Аристотелем свидетельства вступали в противоречия со сведениями Плиния Старшего, Аквей предпочитал не замечать этого. Так, комментируя пассаж Плиния Старшего о способности слонов плавать (NH VIII 5, 11), Аквей пересказывает близко к тексту отрывок из «Истории животных» (NA IX, 46 630 b 26), не исправляя при этом ошибочного допущения Аристотеля, что слоны не могут держаться на воде:

Аристотель в IX книге «Истории животных» [глава 46] писал, что слоны «...» не могут плавать вследствие тяжелого тела²⁶.

Однако ниже, опираясь на свидетельство Филострата о том, как стадо слонов переплывает реку (VA II 12; ср. II 14), Аквей не возвращается к недавно сказанному и не оспаривает заключения Аристотеля:

²⁴ EORVM COITVS hyemis initio, &c. [на полях: Vrsus.] Meminit vrsorum coitus Aristoteles sexto de historia animalium, cap. trigesimo. Vrsi (inquit) coeunt humi strati, fert vterum dies triginta vrsa, parit tum vnum, tum etiam duos, sed complurimum quinque. Foetum minimum pro sui corporis portione aedit: quippe quae minorem catto, maiorem mure solet parere, modum item & caecum, et cruribus propemodum membrisque alijs plurimis indiscretum, & rudem, coit mense februario, parit eo tempore quo latet, per tempus pinguescit tam mas quam foemina vehementer: cum prolem nutrierit, exit a mense iam veris tertio. Eadem etiam Solinus quae Pli. hic refert, foetus rigentes frigidissimos (Aquaеus: 1530, fol. <CX v>).

О древнегреческих календарях и определении времени см.: [Бикерман 1975: 23–28; Скржинская 2010: 375–389].

²⁵ CVM BOCCHVVS, &c. Hic est rex, cuius meminit Strabo, libro decimo quinto, & Liuius, libro. lxvi. Salustius in Iugurth. Plutarchus in Mario. Sylius, libro tertio (Aquaеus: 1530, fol. <C v>).

²⁶ ELEPHANTI GREGATIM, &c. «...» Amnes amare elephantos Aristo. nono de animalium historia scriptum reliquit, amat amnes, inquit, & quamuis animal non sit aquaticum, tamen riparium dici potest: incedit etiam per aquam & eatenus mergitur quatenus eius proboscis superat, reflat enim per eam, & spiritum recipit & reddit: sed natare satis pondere sui corporis non potest, haec ille (Aquaеus: 1530, fol. <C v>).

Аполлоний Тианский противоречит Плинию Старшему относительно способности слонов переплывать через реку, как сообщает Филострат в II книге «Жизни Аполлония Тианского»²⁷.

Было бы опрометчивым ожидать от Аквея, который заново обратился к памятникам античной словесности, не свойственной его эпохе исключительной независимости исследовательской мысли: сопоставляя величину индийских и африканских слонов, Аквей предпочитает следовать античной нарративной традиции, содержащей порой недостоверную информацию о том, что по размерам индийские слоны превосходят африканских. Очевидно, у Аквея не было возможности наблюдать этих экзотических для европейца животных в реальной жизни или, в крайнем случае, обратиться к более поздним по времени источникам:

Филострат сообщает в II книге о величине слонов следующее: индийские слоны больше ливийских настолько, насколько ливийские слоны больше нисейских коней²⁸.

Исходя из доступных ему литературных сообщений, а не из опытного знания о животном мире, Аквей не спешит с исправлением положений Плиния Старшего о том, что слоны пережевывают и поглощают пищу ртом, однако дышат, пьют и обоняют с помощью хобота (Aquaеus: 1530, fol. «CI v»).

Ценность филологического труда Аквея, несмотря на его зависимость от авторитетов античной словесности, блестяще подтверждается тем, что его комментарий к «Естественной истории» Плиния Старшего в качестве отдельной книги был перепечатан несколько раз и, кроме того, не единожды включался в состав более поздних «хрестоматийных» изданий. Хотя этот комментарий и не доставил «нетленной славы» эрудиции или эмендациям Аквея, тем не менее он, безусловно, свидетельствует о распространении интереса к произведению Плиния Старшего в XVI в. со стороны образованной европейской публики²⁹.

Якоб Далекамбий
(ок. 1513, Каен — 1588, Лион)

В конце XVI в. был издан обширный комментарий Якоба Далекампия к «Естественной истории», ставший впоследствии известным в качестве одного из наиболее значительных трудов. В 1544–1547 гг. в университете Монпелье Далекамбий изучал лечебные свойства растений и трав под руководством про-

²⁷ PVDORE NVNQVAM NISI IN ABDITO, &c. [на полях: Coitus elephantorum] «...» Apollonius Tyaneus discrepat a Pli.de tranatione fluminum elephantorum, sicut docet Philostratus, libro secundo vitae illius, cuius verba sunt. Cum videret Apollonius, ait, elephantos Indum flumen transeuntes. Erant autem triginta, & duce vtebantur eo, qui inter ipsos minimus erat. Maiores vero, ipsorum dentium eminentiis pullos gestabant proboscique tanquam vinculo ipsos complecteres, &c. (Aquaеus: 1530, fol. «C v»).

²⁸ BIPENNI, «...» Philostratus, libro secundo de magnitudine elephantorum sic agit. Quanto equo Nyseo maior est Libycus elephas, tanto libycis maiores elephantentes sunt Indici (Aquaеus: 1530, fol. «CI v»).

²⁹ Ср. чтение Ардуэна: mole magis quam eruditione insignes (Dedic. fol. «5»).

фессора медицины Гийома Ронделе (1507–1566). Спустя несколько лет, проведенных им в Гренобле и в Валенсии, Далекамбий переезжает в 1552 г. в Лион, где до последних дней жизни трудится на медицинском поприще. Далекамбий вел переписку со многими гуманистами своего времени³⁰ и, активно занимаясь врачебной деятельностью, подготовил к выходу в свет «Хирургию во Франции» (Лион, 1570), подборку перевода нескольких сочинений Галена на французский (Лион, 1672) и «Пир мудрецов» Афиня на латинский язык (Лион, 1583); но главной его книгой стала «Всеобщая история растений» (Лион, 1586) — оригинальное исследование по ботанике в двух томах, содержащее около трех тысяч описаний лекарственных трав и растений, а также более двух тысяч иллюстраций.

Практическое изучение лечебных свойств растений во многом обусловило интерес Далекампия к энциклопедическому труду Плиния Старшего. Однако, сравнивая себя с прославленными предшественниками-гуманистами, ученый медик и ботаник Далекамбий весьма скромно оценивал собственные возможности, когда дело касалось рукописной традиции или внесения исправлений в текст «Естественной истории»:

...итальянец Барбаро, испанец Пинтиан, немец (в действительности чех. — Е. И.) Гелений, мой соотечественник Турнеб уже изучали этот труд (sc. «Естественную историю». — Е. И.), и делали это весьма успешно³¹.

Основную задачу комментария к сочинению Плиния Старшего Далекамбий видел в более полном освещении научного материала в области ботаники и медицины, а также в специальных пояснениях, посвященных лекарственным травам³². Для читателей комментария лечебные свойства растений и их использование во врачебных целях принадлежали к культурному пласту знаний XVI в. Многоуровневая структура замечаний в связи с «Естественной историей» не только свидетельствует об исключительной эрудиции Далекампия, который устанавливает связи между знанием древних и его современников, но и позволяет рассматривать комментарий в контексте своего времени.

Комментарий Далекампия сосуществует на равных с текстом Плиния Старшего и вовсе не представляет собой привычного приложения с пояснениями, которое слепо следует содержанию античного памятника словесности. Прежде всего Далекамбий четко разграничивает оба текста — Плиния Старшего и собственный³³. Что касается самого комментария, то он подразделен на разделы, снабжен подробным перечнем содержания из I книги латинско-

³⁰ Подробнее о переписке Далекампия с Гийомом Ронделе, Конрадом Геснером, Иосифом Юстом Скалигером, Робертом Константином, Жаном Ферне и т. д. см.: [Schmitt 1977: 399–434].

³¹ [praesertim cum...] ex Italis Barbarus, ex Hispanis Pincianus, Gelenius ex Germanis, Turnebus ex nostratibus laborem eum susceperint, illoque strenue ac foeliciter defuncti sint (Dalec., praef., fol. <5 r>).

³² Permultos equidem miraturos prospicio, in medicina facienda mihi occupatissimo quid venerit in mentem, Plinium ut tractare vellem, scriptorem, ob rerum quas mandavit literis varietatem ac obscuritatem, paucis familiarem, opera mea ut is emendatio prodeat, & quae ad posteros transmisit, ductu meo cunctis sint clariora, & faciliora (Dalec., praef., fol. <5 r>).

³³ Ср. также: [de Beer 2013]. Благодарю автора статьи, любезно предоставившую мне возможность ознакомиться с содержанием ее работы.

го автора, причем за каждым их пунктом Далекамбий поместил собственные «Annotationes» («Примечания»). Варианты чтения Далекампия (emendationes) сродни прототипам современных критических примечаний (apparatus criticus) и сопровождают печатный текст в виде заметок на полях. Отдавая дань предшественникам относительно критики текста, Далекамбий не уклоняется от самостоятельной работы с рукописным преданием: впоследствии его комментарий приобрел особую ценность и влияние благодаря тому, что внесенные автором эмэндации основывались на материале «шести рукописных кодексов», два из которых пользовались особым авторитетом у Далекампия и легли в основу его издания. Одним из этих кодексов была «самая древняя и в сохранном состоянии рукопись из Безансона», а именно, из личной библиотеки врача Чивлетия, который на год одолжил ее Далекампию (так называемый Codex Chiffletianus)³⁴. Другую рукопись Далекампию подарил юрист Д. Куяций, который обнаружил ее «в пыльном чулане с хламом некоего монастыря»³⁵. Работая над исправлением текста «Естественной истории», Далекамбий вносит эмэндации не только на основе сохранившихся рукописей, но и уточняет сомнительные места в предыдущих изданиях Плиния Старшего (например, в изданиях Геления, Сабеллико, Пинтиана и т. д.), приводит перекрестные ссылки, а порой и параллельные пассажи из античных авторов (к примеру, из Аристотеля). Помимо разметки текста с помощью сделанных на полях замечаний, Далекамбий использовал знаки — цифры, буквы и т. п., облегчающие читателю знакомство с изданием и вместе с тем вводящие его в область кабинетных штудий, результатов сверки рукописей и вариантов гипотетических прочтений. В качестве дополнения к изданию прилагались два указателя — указатель растений и указатель географических названий — выполненные Далекамбием на основе критически пересмотренных материалов Каммерса и Геления. Так или иначе, Далекамбий сумел в этой своей работе показать, что, используя филологические методы, можно устранить ошибки и неточности античного текста, а также расхождения между предыдущими изданиями.

В своих «Annotationes» Далекамбий обращается к греческим и латинским текстам, в которых он обнаруживает, с одной стороны, источники произве-

³⁴ Ad eum vero conatum cum valde iam proclivis essem, nihil me vehementius impulit, quam quod propitia fortuna, exaratos penna sex codices nactus sum, & inter eos antiquissimum ac sanissimum Vezontinum, e Chiffletij bibliotheca, medici doctissimi ac probissimi: cuius beneficio mihi concessum est per annum totum examinare singula in impreßis codicibus suspecta, prospero, nisi fallor, successu, quod innumeris locis ea restituta sint, quae deplorata credebantur (Dalec., praef., fol. <6 v>).

Ныне Codex Chiffletianus обозначен в рукописной традиции списком f, а вот в XIX в. Детлефсен, несмотря на скептицизм ряда ученых, идентифицировал этот список с рукописью F, или Codex Leidensis Lipsii начала X в. [СТС (4): 409].

³⁵ Attulit quoque multum opis D. Cujacij non sine praefatione laudis & honoris appellandi, liber manuscriptus, e pulverulentis coenobij cuiusdam tablinis erutus, post Chiffletianum prae alijs integer, ac incorruptus, quo me pro sua ingenti munificentia donavit. His adiutus subsidij, magni profecto momenti, alacrius & audentius Plinium ita sum aggressus, ut dies ac noctes quantum valetudo & privata negotia permiserunt, manum a tabula nunquam removerim (Dalec., praef., fol. <6 v>).

«Другую рукопись», которую Далекамбий в постраничных глоссах обозначил знаком М, также приняли в наши дни и включили в современную рукописную традицию под знаком z [СТС (4): 409].

дения Плиния Старшего, с другой — стремится выявить в произведениях поздней античности схожие с тематикой книг Плиния сведения. Не уточняя, какие именно отрывки того или иного сочинения Плиний мог использовать в качестве своих источников, Далекампий, основываясь на содержании пассажей «Естественной истории», предлагает собственное прочтение, как если бы заинтересованный читатель обладал возможностью рассуждать с ним над текстом Плиния Старшего и прийти к обоюдному заключению. Так, в отличие от Пинтиана, Далекампий приводит данные о численности слонов, захваченных у карфагенян на Сицилии и переправленных в Италию на плотах (согласно Плинию Старшему — 142 слона, NH VIII 6), ограничиваясь перечнем аналогичных сведений из античных авторов без каких-либо дополнительных замечаний:

...у Ливия в эпитоме [периохе] книги XIX [и] у Сенеки [Младшего] в [трактате] «О краткости жизни» — 110 [слонов], у [Луция Аннея] Флора [«Две книги эпитом римской истории»] примерно 100 [слонов], у Евтропия [в «Бревиарии»] — 130 [слонов], у Павла Орозия [в «Истории против язычников»] — 104 [слона]³⁶.

Далеко не всегда греческие цитаты в комментарии сопровождаются латинским переводом, что говорит о весьма разносторонней эрудиции Далекампия, и в частности об отличном знании греческого языка. Наряду с античными источниками в поле зрения Далекампия нередко попадает энциклопедический труд итальянского гуманиста Целия Родигина (или Лодовико Челио Рикьери, 1469–1525)³⁷. При сопоставлении текста «Естественной истории» Плиния, труда Родигина и выборных параллельных мест из античных произведений (и это помимо использования рукописей и т. п.) в методе Далекампия проявляются признаки историзма, что намечает более критический подход к предмету исследования:

[О реке Амил] Дион[исий?] говорит, что течет πρὸς ὕδωρ ἀένναον «[поток] неиссякаемой воды». Древние кодексы дают Annulo, что, возможно, испорченное слово от греческого ἀένναος. Родигин, гл. 18.13. Одержав победу над индами, Александр [Македонский] первым из царей Европы захватил множество слонов; много их было и у Антигона [Гоната]; После того как Деметрий [Полиоркет] потерпел поражение, немало захваченных в битве [слонов] Пирр отослал римлянам. То же [сказано] у Родигина, гл. 20.22³⁸.

³⁶ Dalec. Ad Plin. Natural. hist. lib. VIII, cap. VI, pag. 155.

³⁷ Antiquarium Lectionum libri XVI (editio princeps 1517 г. в Венеции у Альда Мануция, а второе, расширенное — в 30 книгах, посмертное издание 1542 г. вышло в свет в Базеле). См. также: [Schierbaum 2007: 92–93].

³⁸ a. Dion ait pergere πρὸς ὕδωρ ἀένναον, perennem aquam. Vetusti codices habent Annulo, quae vox a Graeca ἀένναος fortassis depravata est. Rhodig. cap. 18.13. Primus ex Europae regibus Indis victis elephantos Alexander habuit plurimos Antigonus: multos Pyrrhus in praelio captos superato Demetrio, quos Romanis obiecit. Idem Rhod. cap. 20.22 (Dalec. Ad Plin. Natural. hist. lib. VIII, cap. I, pag. 153). Cp. также: Paus. I, 12, 4.

Выпущенные в честь выдающихся римских полководцев денарии, в частности с изображением на реверсе слона — родового символа Цецилиев Метеллов, становятся также предметом историко-нумизматических наблюдений Далекампия:

Именно поэтому на многих античных денариях воспроизводят [победные] деяния Метеллов то с изображением одного слона, то двух слонов со стоящим в [боевой] колеснице полководцем, который увенчан Викторией (sc. обозначение триумфа. — *Е. И.*), то с головой слона под бигой (sc. в упряжке из двух коней. — *Е. И.*), которой управляет полководец Vrsinus 38³⁹.

В гуманистическом комментарии Далекампия проявились — помимо вопросов, связанных с критикой текста и филологическими замечаниями, — элементы исторического мышления: античные свидетельства Плиния Старшего Далекамбий нередко интерпретирует в контексте новоевропейской культурной традиции, абстрагируясь от латинского текста «Естественной истории» и рассматривая его с точки зрения современника XVI в. К примеру, уточняя календарное время рождения медвежьего потомства, Далекамбий ищет ответа у Аристотеля, а затем самостоятельно оценивает ситуацию с практической точки зрения:

Аристотель в 30 главе VI книги «Истории животных» [пишет] «в месяце элафиболионе», т. е., как переводит [Феодор] Газа, «в феврале», поэтому я предпочел бы читать «в конце зимы»⁴⁰.

Случается, что достоверность информации Плиния Старшего подвергается критике и в заметной степени утрачивает характер авторитетного свидетельства. Например, когда Плиний Старший сообщает о новорожденных медвежатах, представляющих собой «белые бесформенные комочки плоти» (NH VIII 54), Далекамбий исправляет его, опираясь на собственный опыт и увиденное своими глазами:

Это неверно. В брюхе беременной медведицы, пойманной и выпотрошенной охотниками, я [воочию] видел детенышей [sg. медвежат] с определенными и вполне сформировавшимися членами⁴¹.

³⁹ c. Hanc ob caussam in multis denariis antiquis, Metellorum gestas res indicantibus, nunc elephans vnicus impressus fuit, nunc ad currum iuncti duo cum Imperatore stante, quem coronat victoria, nunc sub biga, cui insidet Imperator, Elephanti caput. Vrsinus 38 (Dalec. Ad Plin. Natural. hist. lib. VIII, cap. VI, pag. 155). Подробнее о римских монетах периода Республики см.: [Crawford 1974: 55–70].

⁴⁰ a. Aristot. cap. 30. lib. 6. Histor. mense Elaphibolione, id est, vt Gaza traduxit, Feliruario, quare potius legerim, hyemo definente (Dalec. Ad Plin. Natural. hist. lib. VIII, cap. XXXVI, pag. 168).

⁴¹ b. Hoc falsum. In vtero grauidae vrsae a venatoribus captae & exenteratae omnibus suis membris distinctos catulos & formatos vidi... (Dalec. Ad Plin. Natural. hist. lib. VIII, cap. XXXVI, pag. 168).

Далекампию как врачу и естествоиспытателю приходилось чуть ли не ежедневно сталкиваться с практикой. Бытовавшие в сообществе гуманистов XVI в. естественнонаучные представления позволяли ему критически оценивать содержание некоторых сведений Плиния Старшего в отношении медицины и ботаники, в то время как другие разновидности научного знания в «Естественной истории» нередко пользовались его доверием. Тем не менее издание труда Плиния Старшего с комментарием Далекампия без преувеличения можно причислить к знаковым событиям. Далекампий сверил несколько редких рукописей «Естественной истории», которые и по сей день составляют часть рукописной традиции; именно ему принадлежит радикально обновленная концепция издания античного текста, включающего аннотации, ученые ссылки, критические замечания, что способствует изучению древнего источника; в качестве ренессансного ученого Далекампий не только разграничил поколения античных авторов и своих современников, но и содействовал объединению принципиальных позиций в области научного знания XVI в. и античного наследия: одним из первых Далекампий подверг критическому пересмотру непререкаемость античной эрудиции, которую предшествующее поколение гуманистов не подвергало сомнению.

* * *

На примере новолатинских комментариев к тексту «Естественной истории» Плиния Старшего можно проследить, каким образом на протяжении XV–XVI вв. эволюционировала гуманистическая филология, ее методы, способы, а также взгляды и позиции отдельных ученых. Содержание новолатинских комментариев, о которых шла речь выше, в значительной мере состояло в осмыслении наследия античной словесности. При этом на протяжении нескольких десятилетий XV–XVI вв. благодаря географическим и научным открытиям раннего Нового времени мы можем наблюдать радикальный пересмотр традиционных представлений об окружающем мире, дифференциацию научного знания и все более очевидную тенденцию ученых-гуманистов к критике ранее незыблемых принципов античного знания.

Литература

- Баткин 1978 — Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М.: Наука, 1978.
- Бикерман 1975 — Бикерман Э. Хронология древнего мира. М.: Наука, 1975.
- Брагинская 2009 — Брагинская Н. В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Культура интерпретации до начала Нового времени / Отв. ред. М. А. Бойцов. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 19–66.
- Бран Гарсия 2011 — Бран Гарсия Ф. Х. Ранние издания «Естественной истории» Плиния Старшего в Санкт-Петербурге: история библиотек и библиофилов // Исследования по классической филологии и истории антиковедения / Отв. ред. О. В. Бударagina. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. С. 69–80 (Philologia Classica; Вып. 8).
- Доватур 1997 — Доватур А. И. Этьенны; семья филологов-издателей во Франции XVI в. // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. СПб.: Алетейя; Дмитрий Буланин, 1997. С. 70–82. (Bibliotheca classica Petropolitana; 5).
- Кудрявцев 1991 — Кудрявцев О. Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». М.: Наука, 1991.
- Подосинов 2011 — Подосинов А. В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. М.: Индрик, 2011.

- Скржинская 2010 — *Скржинская М. В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетей, 2010.
- Шичалин 1989 — *Шичалин Ю. А.* Возникновение европейской комментаторской традиции // Историко-философский ежегодник — '89 / Ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Наука, 1989. С. 68–77.
- Шумилин 2016 — *Шумилин М. В.* Введение // Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков / Отв. ред. Ю. В. Иванова, М. В. Шумилин. М.: Изд. дом. «Дело», 2016. С. 7–16.
- Atkinson 2007 — *Atkinson C.* Inventing inventors in Renaissance Europe: Polydore Vergil's *De inventoribus rerum*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007.
- de Beer 2013 — *de Beer S.* The world upside down: The geographical revolution in humanist commentaries on Pliny's *Natural History* and Mela's *De situ orbis* (1450–1700) // Neo-Latin commentaries and the management of knowledge in the Late Middle Ages and the Early Modern period (1400–1700) / Ed. by K. A. E. Enenkel, H. Nellen. Leuven: Leuven Univ. Press. 2013. P. 139–162 (Supplementa Humanistica Lovaniensia; 33).
- Bietenholz, Deutscher 1985–1987 — *Contemporaries of Erasmus: A biographical register of the Renaissance and Reformation* / Ed. by P. G. Bietenholz, Th. B. Deutscher: 3 vols. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1985–1987.
- Boutroue 1992 — *Boutroue M.-E.* Étienne de Laigue: un diplomate de la Renaissance, lecteur de Pline l'Ancien // Nouvelle Revue du Seizième Siècle. Vol. 10. 1992. P. 33–49.
- Crawford 1974 — *Crawford M. H.* Roman Republican coinage. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1974.
- CTC — *Catalogus translationum et commentariorum. Mediaeval and Renaissance Latin translations and commentaries. Annotated lists and guides* / Ed. by F. E. Cranz, P. O. Kristeller et al.: 8 vols. Washington: Catholic Univ. of America Press, 1960–.
- Enenkel 2014 — *Enenkel K. A. E.* The transformation of the Classics: Practices, forms, and functions of Early Modern commenting // Transformations of the Classics via Early Modern commentaries / Ed. by K. A. E. Enenkel. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 1–14.
- Fera 1996 — *Fera V.* Poliziano, Ermolao Barbaro e Plinio // Una famiglia Veneziana nella storia: I Barbaro / Ed. by M. Marangoni, M. Pastore Stocchi. Venezia: Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, 1996. P. 193–234.
- Gehrke 2005 — *Gehrke J.-H.* Die Antike in der europäischen Tradition und in der modernen Geschichtswissenschaft // Europäische Identitäten — eine europäische Identität? / Hrsg. S. Donig, T. Meyer, Ch. Winkler. Baden-Baden: Nomos Verlag. S. 33–51. (In German).
- Gilbert 1971 — *Gilbert F.* Biondo, Sabellico, and the beginnings of Venetian official historiography. Toronto: Univ. of Toronto Press. 1971.
- Gotthelf 1997 — *Gotthelf A.* The elephant's nose: Further reflections on the axiomatic structure of biological explanation in Aristotle // Aristotelische Biologie. Intentionen, Methoden, Ergebnisse / Hrsg. W. Kullmann, S. Föllinger. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. S. 85–95.
- Grafton, Jardin 1986 — *Grafton A. T., Jardin L.* From Humanism to the Humanities: Education and the Liberal Arts in Fifteenth- and Sixteenth-Century Europe. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press. 1986.
- Kraus, Stray 2016 — *Kraus Ch. S., Stray Ch.* Form and content // Classical commentaries: Explorations in a scholarly genre / Ed. by Ch. S. Kraus, Ch. Stray. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. P. 1–18.
- Lee 1985 — *Lee E.* Marcantonio Sabellico // Contemporaries of Erasmus: A biographical register of the Renaissance and Reformation / Ed. by P. G. Bietenholz, Th. B. Deutscher. Vol. 3. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1985. P. 181–182.
- Leitner 1972 — *Leitner H.* Zoologische Terminologie beim Älteren Plinius. Hildesheim: Gerstenberg, 1972.

- McHam 2013 — *McHam S. B.* Pliny and the artistic culture of the Italian Renaissance: The legacy of the “Natural History”. New Haven; London: Yale Univ. Press. 2013.
- Mund 2004 — *Mund S.* Le rôle des humanistes italiens dans le développement des connaissances occidentales sur le monde russe en Occident à la Renaissance // *Studi umanistici Piceni*. Vol. 24. 2004. P. 151–172. (Istituto internazionale di studi Piceni, Sassoferrato).
- Pfeiffer 1982 — *Pfeiffer R.* Die klassische Philologie von Petrarca bis Mommsen. München: Beck, 1982.
- Ramminger 2005 — *Ramminger J.* A commentary? Ermolao Barbaro’s Supplement to Dioscorides // *On Renaissance commentaries* / Ed. by M. Pade. Hildesheim; Zürich; New York: Olms, 2005. P. 65–85.
- Sandy 2002 — *Sandy G.* Guillaume Budé: philologist and polymath: A preliminary study // *The classical heritage in France* / Ed. G. Sandy. Leiden: Brill, 2002. P. 79–108.
- Schierbaum 2009 — *Enzyklopädistik, 1550–1650. Typen und Transformationen von Wissensspeichern und Medialisierungen des Wissens* / Hrsg. M. Schierbaum. Münster: LIT Verlag, 2009.
- Schmitt 1977 — *Schmitt Ch. B.* The correspondence of Jacques Daléchamps (1513–1588) // *Viator. History, Cultural Studies, Classics and Cultural Studies*. Vol. 8. 1977. P. 399–434.

HUMANIST SCHOLAR VS. ANCIENT WRITER: COMMENTARIES FROM THE EARLY MODERN PERIOD ON THE ENCYCLOPEDIA OF PLINY THE ELDER

Ilyushechkina, Ekaterina V.

PhD

Associate Professor,

Department of General History, School of Public Policy,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Senior Researcher, Laboratory of Classical Studies,

School of Advanced Studies in the Humanities,

The Russian Presidential Academy of National Economy

and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo 82

Tel.: +7 (495) 433-25-62

E-mail: ilyushechkinae@gmail.com

Abstract. In this article, using as material commentaries on Pliny the Elder’s *Historia naturalis* by Marcantonio Sabellico (1436–1506), Stephanus Aquaeus (? — ca. 1537) and Jacobus Dalecampius (ca. 1513–1588), I discuss the perception of Pliny’s work, and the changes in the opinions and approaches of humanist scholars during the 15th–16th century. The humanist authors not only worked on the textual problems of the “Natural History”, but also tried to discuss and comment specifically on Pliny’s zoological knowledge. I also discuss the status of the commentaries on Pliny’s encyclopedic work during this period, as well as the development of the scholarly principles of a humanist edition.

Keywords: *Historia naturalis*, Pliny the Elder, Marcantonio Sabellico, Stephanus Aquaeus, Jacobus Dalecampius, the Early Modern period, commentaries

References

- Atkinson, C. (2007). *Inventing inventors in Renaissance Europe: Polydore Vergil's De inventori-bus rerum*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Batkin, L. M. (1978). *Ital'ianskie gumanisty: stil' zhizni, stil' myshleniia* [The Italian humanists: Style of life, style of thinking]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- de Beer, S. (2013). The world upside down: The geographical revolution in humanist commentaries on Pliny's *Natural History* and Mela's *De situ orbis* (1450–1700). In K. A. E. Enenkel, H. Nellen (Eds.). *Neo-Latin commentaries and the management of knowledge in the Late Middle Ages and the Early Modern period (1400–1700)*, 139–162. Leuven: Leuven Univ. Press (Supplementa Humanistica Lovaniensia; 33).
- Bietenholz, P. G., Deutscher, Th. B. (Eds.) (1985–1987). *Contemporaries of Erasmus: A biographical register of the Renaissance and Reformation* (3 vols.). Toronto: Univ. of Toronto Press.
- Bikerman, E. (1975). *Khronologiia drevnego mira* [Trans. from Bickerman, E. J. (1969). *Chronology of the Ancient world*. London: Thames & Hudson]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Boutroue, M.-E. (1992). Étienne de Laigue: un diplomate de la Renaissance, lecteur de Pline l'Ancien. *Nouvelle Revue du Seizième Siècle*, 10, 33–49. (In French).
- Braginskaia, N. V. (2009). Kommentarii kak mekhanizm innovatsii v traditsionnoi kul'ture i ne tol'ko [Commentary as a mechanism for innovation in traditional culture and beyond]. In M. A. Boitsov (Ed.). *Kul'tura interpretatsii do nachala Novogo vremeni* [The culture of interpretation until the beginning of the Modern Period], 19–66. Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE. (In Russian).
- Bran Garsiia, F. H. (= Bran Garcia, F. J.) (2011). Rannie izdaniia "Estestvennoi istorii" Plinii Starshego v Sankt-Peterburge: istoriia bibliotek i bibliofilov [The early editions of "Historia Naturalis" by Pliny the Elder in Saint Petersburg: An account of libraries and bibliophiles]. In O. V. Budaragina (Ed.). *Issledovaniia po klassicheskoi filologii i istorii antikovedeniia* [Studies in classical philology and history of classical scholarship], 69–80. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta (Philologia Classica; 8). (In Russian).
- Cranz, F. E., Kristeller, P. O., et al. (Eds.) (1960–). *Catalogus translationum et commentariorum. Mediaeval and Renaissance Latin translations and commentaries. Annotated lists and guides* (8 vols.). Washington: Catholic Univ. of America Press. (CTC).
- Crawford, M. H. (1974). *Roman Republican coinage*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Dovatur, A. I. (1997). Et'enny; sem'ia filologov-izdatelei vo Francii XVI v. [Etiennes, the family of philologists-publishers in 16th century France]. In *Drevnii mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii*. [The ancient world and we. The classical heritage in Europe and in Russia], 70–82. St. Petersburg: Aleteiia; Dmitrii Bulanin. (Bibliotheca classica Petropoli-tana; 5). (In Russian).
- Enenkel, K. A. E. (2014). The transformation of the Classics: Practices, forms, and functions of Early Modern commenting. In K. A. E. Enenkel (Ed.). *Transformations of the Classics via Early Modern commentaries*, 1–14. Leiden; Boston: Brill.
- Fera, V. (1996). Poliziano, Ermolao Barbaro e Plinio. In M. Marangoni, M. Pastore Stocchi (Eds.). *Una famiglia Veneziana nella storia: I Barbaro*, 193–234. Venezia: Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti. (In Italian).
- Gehrke, J.-H. (2005). Die Antike in der europäischen Tradition und in der modernen Geschichtswissenschaft. In S. Doing, T. Meyer, Ch. Winkler (Eds.). *Europäische Identitäten — eine europäische Identität?*, 33–51. Baden-Baden: Nomos Verlag. (In German).
- Gilbert, F. (1971). *Biondo, Sabellico, and the beginnings of Venetian official historiography*. Toronto: Univ. of Toronto Press.

- Gotthelf, A. (1997). The elephant's nose: Further reflections on the axiomatic structure of biological explanation in Aristotle. In W. Kullmann, S. Föllinger (Eds.). *Aristotelische Biologie. Intentionen, Methoden, Ergebnisse*, 85–95. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Grafton, A. T., Jardín, L. (1986). *From humanism to the humanities: Education and the liberal arts in fifteenth-and sixteenth-century Europe*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Kraus, Ch. S., Stray, Ch. (2016). Form and content. In Ch. S. Kraus, Ch. Stray (Eds.). *Classical commentaries: Explorations in a scholarly genre*, 1–18. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Kudriavtsev, O. F. (1991). *Renessansnyi gumanizm i "Utopiia"* [Renaissance Humanism and "Utopia"]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Lee, E. (1985). Marcantonio Sabellico. In P. G. Bietenholty, Th. B. Deutscher (Eds.). *Contemporaries of Erasmus: A biographical register of the Renaissance and Reformation*, 181–182. Toronto: Univ. of Toronto Press. (In Italian).
- Leitner, H. (1972). *Zoologische Terminologie beim Älteren Plinius*. Hildesheim: Gerstenberg. (In German).
- McHam, S. B. (2013). *Pliny and the artistic culture of the Italian Renaissance: The legacy of the "Natural History"*. New Haven; London: Yale Univ. Press.
- Mund, S. (2004). Le rôle des humanistes italiens dans le développement des connaissances occidentales sur le monde russe en Occident à la Renaissance. *Studi umanistici Piceni*, 24, 151–172 (Istituto internazionale di studi Piceni, Sassoferrato). (In French).
- Pfeiffer, R. (1982). *Die klassische Philologie von Petrarca bis Mommsen*. München: Beck. (In German).
- Podosinov, A. V. (2011). *Rimskie geograficheskie istochniki. Pomponii Mela i Plinii Starshii* [Roman geographical sources. Pomponius Mela and Pliny the Elder]. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Ramminger, J. (2005). A commentary? Ermolao Barbaro's Supplement to Dioscorides. In M. Pade (Ed.). *On Renaissance commentaries*, 65–85. Hildesheim; Zürich; New York: Olms.
- Sandy, G. (2002). Guillaume Budé: philologist and polymath: A preliminary study. In G. Sandy (Ed.). *The classical heritage in France*, 79–108. Leiden: Brill.
- Schierbaum, M. (Ed.) (2009). *Enzyklopädistik, 1550–1650. Typen und Transformationen von Wissensspeichern und Medialisierungen des Wissens*. Münster: LIT Verlag. (In German).
- Schmitt, Ch. B. (1977). The correspondence of Jacques Daléchamps (1513–1588). *Viator. History, Cultural Studies, Classics and Cultural Studies*, 8, 399–434.
- Shichalin, Iu. A. (1989). Vozniknovenie evropeiskoi kommentatorskoi traditsii [The origin of the European tradition of commentaries]. In N. V. Motroshilova (Ed.). *Istoriko-filosofskii ezhegodnik — '89* [Historical-philosophical Yearbook — 89], 68–77. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Shumilin, M. V. (2016). Vvedenie [Introduction]. In Iu. V. Ivanova, M. V. Shumilin (Eds.). *Nauki o iazyke i tekste v Evrope XIV–XVI vekov* [Scholarship concerning language and texts in 14th–16th century Europe], 7–16. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo". (In Russian).
- Skrzhinskaia, M. V. (2010). *Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e* [Ancient Greek feasts in Hellas and in the Northern Black Sea Region]. St. Petersburg: Ale-teiia. (In Russian).

To cite this article:

ILYUSHECHKINA, E. V. (2018). UCHENYI-GUMANIST VS. ANTICHNYI AVTOR: KOMMENTARIJ RANNEGO NOVOGO VREMENI K ENTSIKLOPEDIJ PLINIIA STARSHEGO [HUMANIST SCHOLAR VS. ANCIENT WRITER: COMMENTARIES FROM THE EARLY MODERN PERIOD ON THE ENCYCLOPEDIA OF PLINY THE ELDER]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 38–55. (IN RUSSIAN).

Received January 16, 2018

А. В. ВОЕВОДСКИЙ

Воеводский Александр Валентинович

кандидат исторических наук

доцент, кафедра всеобщей истории, ШАГИ РАНХиГС,

Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Тел.: +7 (495) 433-25-62

доцент, Школа исторических наук,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Россия, 105006, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4

*Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22524*

старший научный сотрудник,

Институт всеобщей истории РАН

Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Тел.: +7 (495) 954-47-83

E-mail: valeks77@mail.ru

РОЛЬ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ ИМПЕРСКОГО ОПЫТА БРИТАНИИ ДЖЕЙМСОМ МИЛЛЕМ

Аннотация. В статье анализируются взгляды Джеймса Милля на имперскую политику Великобритании первой четверти XIX в. и его восприятие античного опыта колонизации. Идеи британского мыслителя рассматриваются на фоне интеллектуальной и политической жизни Великобритании конца XVIII — первой четверти XIX в., когда в стране формируется радикальное реформаторское движение, взявшее на вооружение идеи А. Смита, И. Бентама и Д. Рикардо. Обращение к истории Греции и Рима стало важным аргументом в развернувшихся дебатах о будущем устройстве Британской империи, в отношениях между метрополией и ее колониями.

Ключевые слова: Джеймс Милль, античное наследие в британской политической мысли, идеология Британской империи

Для европейской политической мысли начиная с эпохи Ренессанса стандартной практикой было оправдывать империю, опираясь на моральные и интеллектуальные авторитеты и исторические прецеденты Древнего мира, будь то Греция или Рим. Их исторический опыт служил важной основой для осмысления настоящего и будущего Британской империи. Знание античной истории было неотъемлемым атрибутом образованного человека, необходимой основой для осмысления современности. С конца XVI в. английских мыслителей занимала проблема, возможно ли сочетание, с одной сторо-

ны, самого факта существования империи и, с другой, сохранения гражданских свобод. В этом свете имперский опыт Рима рассматривался как своеобразное предостережение. Неизбежным следствием территориального расширения виделось усиление роли армии и ее командующих, а также последовательная смена тиранов. И события Английской революции (Великого мятежа), казалось, подтверждали эту точку зрения [Armitage 2000: 125–136]. Из размышлений об историческом опыте Рима постепенно рождалась концепция империи нового типа — протестантской, торговой и морской, отличной от всех прочих [Ibid.: 198].

Однако в конце XVIII в. уровень дебатов о будущем Британской империи был поднят на совершенно новый уровень. Соединенное Королевство вступало в новую эпоху, что требовало пересмотра прежних подходов к управлению колониями. В 1783 г. прекратила свое существование так называемая Первая Британская империя; потеря североамериканских колоний оставила глубокий отпечаток в сознании британцев. Лондон оказался втянут в войны с революционной, а затем и наполеоновской Францией, что в итоге вылилось в Континентальную блокаду, которая хотя и не поставила Великобританию на колени, но нанесла ощутимый вред ее торговле и промышленности. И хотя в новый век она вступила еще более могущественной, расширив свои владения в Африке и Азии и на долгое время выведя из игры своего главного конкурента в Старом Свете — Францию, британская политическая система и общество стояли перед серьезными новыми вызовами.

Однако влиятельные круги тори были по-прежнему против перемен в колониях. Именно из их среды формировался чиновничий аппарат колониального ведомства, делавшего ставку на жесткое администрирование. Характерно, что с 1782 по 1801 г. управление колониями находилось в руках Министерства внутренних дел, а с 1801 по 1854 г. — Военного министерства.

После завершения Наполеоновских войн в общественной жизни все громче заявляли о себе новые слои — реформаторы, в основном выходцы из формирующегося нового среднего класса. Они выступали за решительное ограничение государственного вмешательства в регулирование экономических отношений, требовали обширных реформ в различных сферах, в том числе и в области колониального управления [Айзенштат 2009: 6; Айзенштат, Гелла 1999: 23–24].

Во главе движения за колониальные реформы встали представители радикального движения, вдохновляемые идеями А. Смита о свободной торговле и принципами «утилитаризма» И. Бентама. Отметим, что Адам Смит начинает главу «О колониях» в своем знаменитом труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) с пространного обсуждения классических империй [Смит 1962: 406–407].

Проповедуя идею свободной торговли, Смит предлагал на этих же принципах перестроить отношения с колониями. Он призывал отказаться от политики меркантилизма и от непосредственной власти над колониями и заключить с ними договор о свободе торговли. Тогда, по его мнению, колонисты из беспокойных подданных станут самыми верными союзниками Британии. Смит предлагал отбросить «предрассудки» и распространить действие британской конституции на колонии, полностью уравнивая в правовом отношении всех подданных короны. Он писал:

Если метрополия и колонии расстанутся добрыми друзьями, их естественная симпатия к ней, почти уничтоженная нашими недавними раздорами, быстро снова возродится. Это расположит их не только соблюдать в течение веков тот торговый договор, который они заключат с нами при расставании, но и благоприятствовать нам как в войне, так и в торговле; из беспокойных и мятежных подданных они превратятся в наших самых верных, сердечных и щедрых союзников. Тогда между Великобританией и ее колониями сможет вновь ожить та отеческая любовь, с одной стороны, и то сыновнее уважение — с другой, которые обычно существовали между колониями Древней Греции и метрополией, от которой они происходили [Там же: 448].

Уже в сочинении А. Смита прослеживается черта, свойственная либеральным политическим деятелям и мыслителям XIX в., — идеализация древнегреческого политического строя, и в частности отношений метрополий со своими колониями.

Одним из признанных специалистов по колониальным вопросам в лагере радикальных реформаторов был Джеймс Милль, чьи взгляды во многом заложили основы либеральной концепции Британской империи — концепции, в середине XIX в. утвердившейся в качестве доминирующей.

Джеймс Милль происходил из семьи мелкого фермера. Он получил стандартное для своего времени образование: окончил начальную приходскую школу, затем до 17,5 лет обучался в Академии Монтроуз и с 1790 г. на протяжении семи лет — в Университете Эдинбурга, по окончании которого был рукоположен в пасторы Церкви Шотландии. В университете он изучал латинский и греческий языки, философию, этику, математику, логику, историю Церкви и т. д. По-видимому, уже в это время складывается круг его интересов и чтения. Кроме английских авторов, он также читал и делал выписки из французских, латинских и греческих сочинений. Сохранились сделанные Миллем выписки цитат из трудов Аристотеля, Платона, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Плутарха, Демосфена, Цицерона, Сенеки, Квинтилиана, Плиния Старшего, Тацита и др. [Bain 1882: 464].

Знание произведений античных авторов было для Милля не только атрибутом высокой культуры и образования, но и неистощимым источником идей для понимания современности. Об этом наглядно свидетельствуют воспоминания его старшего сына Джона, в будущем известного политэконома и философа, одного из столпов британского классического либерализма. Последний в своей автобиографии отмечал, что Милль-старший начал давать ему первые уроки греческого в возрасте трех лет (!), записывая на карточках греческие слова с их английским переводом. Уже к девяти годам он прочел первые шесть диалогов Платона. Функционирование политических институтов и принципов законодательства Афин Джон Милль изучал по речам Демосфена, которые комментировал для него отец. Среди греческих и римских философов Джеймс Милль, по свидетельству сына, выше всех ставил Платона, оказавшего наибольшее влияние на его собственную культуру мышления (*mental culture*) [Mill 1882: 5–21].

В 1802 г. Джеймс Милль переехал в Лондон. Столь решительная смена окружения во многом была обусловлена несложившейся карьерой пастора, и в столице он фактически начал новую главу своей жизни. В поисках средств

к существованию он сотрудничал с разными изданиями («The Anti-Jacobin Review», «Literary Journal»), а в 1805 г. занял должность редактора газеты «St. James Chronicle». К этому же времени относится его первый опыт участия в политической жизни, он включается в полемику по поводу государственного регулирования торговли зерном и публикует на эту тему свой первый политический памфлет [Bain 1882: 50–51].

Одновременно происходят важные изменения в его личной жизни. В 1805 г. он женился на Харриет Берроу, и в 1806 г. рождается их первый сын Джон Стюарт Милль. Нуждаясь в деньгах и не имея стабильного дохода, Джеймс Милль взялся за написание «Истории Британской Индии». Он планировал закончить работу за три года, но она растянулась на 12 лет [Ibid.: 61]. В это время происходит формирование его мировоззрения.

В 1808 г. произошла встреча Милля с Иеремией Бентамом, которая преопределила всю его последующую жизнь. Их воззрения оказались чрезвычайно близки; как отмечал Джон Милль, его отец как никто другой понимал взгляды Бентама на этику, государственное управление и законодательство [Mill 1882: 54].

Как уже было сказано выше, о желательности реформирования принципов отношений с колониями на основе признания за их жителями права на самую широкую автономию вплоть до отделения высказывался еще Адам Смит, но именно с именем Бентама обычно связывают оформление течения колониального реформаторства. Он выдвинул положение о том, что главным соображением в деле государственного управления должен стать «принцип строгой экономии», исходя из которого его последователи высказались за сокращение расходов по управлению империей. Их сторонники объединились под лозунгом свободы торговли, или фритреда. Основой для соответствующих идей стала торговая и промышленная монополия Британии, которой она добилась в первые десятилетия XIX в.

Еще в конце XVIII в. Бентам писал, что нет смысла в том, чтобы колониями управлял народ, который никогда не знал «ни склонностей, ни желаний колонистов». Предложение ввести в государственные органы представителей колоний также вызывало его возражения. Он отмечал, что как жители метрополии ничего не знали о делах колоний, так и колонисты будут лишь бесполезными наблюдателями в ее государственных органах. Наиболее целесообразным он считал предоставление колониям самоуправления, сохранив их экономическую зависимость от метрополии [Айзенштат, Гелла 1999: 23–24].

Реформаторы полагали, что британские товары не нуждаются в таможенной защите вследствие их дешевизны и качества. Непроизводственные расходы по содержанию империи, покрываемые за счет налогов, вели лишь к увеличению стоимости английских товаров и снижению их конкурентоспособности на внешних рынках. Фритредеры подвергли жесткой критике старую английскую колониальную систему, ее раздутые штаты чиновников, взяточничество, патернализм, покупку должностей.

Чтобы понять, насколько эти взгляды находили широкий отклик в обществе, необходимо обратиться к настроениям, господствовавшим в Великобритании в начале XIX в. Низшие и средние слои высказывали недовольство повышением хлебных пошлин и монополизацией торговли между Индией и

метрополий. К началу 1817 г. в парламент было подано около 600 петиций, под которыми стояло от 1 до 1,5 млн подписей петиционеров, собранных в английских городах от Лондона до Манчестера [Айзенштат 2007: 100]. Протестующие и несогласные с политикой парламента требовали изменения избирательной системы в форме ограничения срока полномочий депутатов и снижения возрастного ценза избирателей. С развитием промышленного производства происходила внутренняя миграция населения, в ходе которой люди переезжали в большие города. Однако распределение представителей в парламенте по округам не изменилось, что фактически оставляло власть в руках крупных землевладельцев.

Именно в это время Джеймс Милль заявляет о себе как об одном из ведущих специалистов по колониальному вопросу в лагере реформаторов. В 1817 г. была издана его «История Британской Индии», которая сразу же приобрела статус прикладного учебника для колониальных служащих. Томас Маколей охарактеризовал эту книгу следующим образом: «хоть и не свободная от недостатков, она в целом является величайшим сочинением, появившемся на нашем языке со времен Гиббона» [Ванина 2014: 65].

«История Британской Индии» примечательна в силу целого ряда обстоятельств. Во-первых, это было первое сочинение подобного рода, в котором была предпринята попытка осветить историю Индии с эпохи древности до британского завоевания. Во-вторых, она была написана человеком, который никогда не был в Индии и не знал ни одного местного языка. Все сведения Милль почерпнул из переводов индийских законодательных и литературных памятников, доступных в то время на английском языке, из свидетельств античных авторов, сочинений европейских путешественников и исследователей, документов колониального ведомства.

В отечественной историографии труд Дж. Милля обычно упоминается как яркий пример «индофобского» сочинения, проникнутый ярым пренебрежением к индийской культуре и истории [Там же: 65–67; Ерофеев 1977: 208]. Однако надо учитывать, что «История Британской Индии» отражала взгляды определенной части британского общества, воспитанного на идеях Просвещения и классицизма, впитавшего в себя идеи утилитаристской философии [Айзенштат 1999]. Чужая, непохожая на европейскую культура индийцев представлялась ему воплощением варварства, отсталости и деспотизма.

В качестве образца для сравнения и инструмента анализа Милль использовал идеи и принципы античной философии, а также современные ему представления об уровне и характере развития античного общества. Так, приступая к анализу государственного устройства Индии, он в качестве основного положения приводит принципы, которые мы можем найти еще у античных авторов¹:

После разделения людей на общественные группы и профессии главным условием, с помощью которого определяются их положение, характер и деятельность, являются политическая организация, система действий, с помощью которых сохраняется социальный порядок [Mill 1826 (1): 175].

¹ См., например, характеристику государства у Аристотеля [Аристотель 1983: 376–379].

С самого начала Милль пренебрежительно высказывается как о культуре индийцев, так и о взглядах британских «индофилов»²:

Наши сведения об индуистской хронологии получены не от критических историков Греции и Рима, но от тех, чье воображение находится под сильным влиянием созерцания новой системы обычаев, искусств, учреждений и идей [...] и [от тех,] чье удивление, восхищение и энтузиазм какое-то время сами по себе способствовали их распространению.

И далее, в подтверждение своей точки зрения, продолжает:

Дикость и непоследовательность индуистских преданий, по-видимому, выходят за пределы здравого смысла и истории» [Mill 1826 (1): 141–142].

В отличие от «индофилов», Милль не считал, что поход Александра Македонского оказал сколько-нибудь серьезное влияние на индийцев. Их нравы и обычаи, как утверждал Милль, сохранились в неизменности с тех времен. В доказательство он приводит свидетельства греческих авторов (прежде всего отрывки из не дошедшего до нас сочинения Мегасфена).

Ссылаясь на мнение шотландского математика Джона Плэйфера, Милль утверждал, что наиболее гениальные люди Древней Греции были первыми, кто пытался теоретически объяснить или связать различные небесные явления, опираясь на свои эмпирические наблюдения. Астрономия Индии, указывал Милль, не дает никакого теоретического объяснения или даже описания небесных явлений, но удовлетворяется расчетами определенных изменений на небе, особенно затмений Солнца и Луны, а также правилами и таблицами, по которым эти расчеты следует производить:

Едва ли можно нарисовать более впечатляющую картину этого грубого и младенческого состояния астрономии. Брахман, совершая свои расчеты на раковинах, представляет собой точное сходство с грубым американцем, выполняющим ту же операцию с помощью узелков на веревке; и оба они демонстрируют практику, которая существует только тогда, когда неизвестен более искусный и удобный метод вычислений посредством письменных знаков или когда человеческий ум слишком груб и слишком слаб, чтобы прорваться сквозь силу закоренелого обычая [Mill 1826 (2): 93–94].

Даже те знания в астрономии, которыми обладали индийцы, Милль полагал заимствованиями от греков через персов и арабов.

В подтверждение своей точки зрения Милль приводит цитату из эссе Адама Смита начала 1750-х годов «Принципы, ведущие и направляющие философские исследования»:

Именно в Греции и в греческих колониях появились первые философы, о чьих доктринах у нас есть достоверные свидетельства. По-

² Об их взглядах подробнее см.: [Ванина 2014: 60–64, 75–90].

хоже, что закон и порядок были установлены в великих монархиях Азии и Египта задолго до того, как они нашли какую-либо опору в Греции. Однако после всего уже сказанного о знаниях халдеев и египтян остается вопросом — существовало ли когда-либо в этих странах что-либо заслуживающее звания науки, или же тот деспотизм, господствовавший на всем Востоке, который более пагубен для досуга и безопасности, чем анархия, препятствовал развитию философии, представляет собой вопрос, на который из-за недостатка памятников культуры нельзя ответить с определенной степенью точности [Mill 1826 (2): 205].

Милль считал, что подобный уход от окончательного ответа был уступкой общественному мнению и проистекал из-за недостатка знаний. Для него же в этом вопросе не оставалось повода для сомнений: сравнение условий жизни людей в Индии с теми, в которых жили народы Европы, уровня развития их хозяйства и политических институтов, достижений науки и философии давало, как казалось британскому мыслителю, вполне определенный ответ на вопрос, поставленный Адамом Смитом.

Таким образом, для Милля индийская культура была лишена рационального начала, которое, по его мнению, являлось отличительной чертой античного мира. Сравнение исторического опыта Европы и Индии, с точки зрения Милля, было не в пользу последней, так как индийцы не смогли извлечь никакой пользы из тех благоприятных природных условий, в которых они оказались. Античный опыт у него предстает в роли своеобразного эталона, к которому он примеряет индийские культуру и государства, явно не в пользу последних.

Если «История Британской Индии» была посвящена лишь части Британской империи, то эссе «Колония», написанное для очередного издания Британской энциклопедии (1824), затрагивало проблему реформирования всей колониальной империи. Раскрывая суть понятия «колония», Милль опирался на исторический опыт Греции, Рима и Великобритании.

Согласно Миллю, создание римских колоний было полностью подчинено интересам аристократии. Оно являлось уловкой для сохранения ее представителями исключительных преимуществ и привилегий. Выделение части земли безземельным гражданам на завоеванных территориях снижало недовольство в Риме. По мнению Милля, вместо земли, польза от которой в лучшем случае была лишь временной, им следовало бы требовать хороших законов и прочных гарантий хорошего управления, это обезопасило бы их от преобладания стремлений меньшинства над интересами многих, что было характерной чертой Римского государства, а «поскольку подобная практика существовала и до сих пор существует почти при всех других правительствах, они бы могли оказать себе и всему человеческому роду величайшую из всех возможных услуг». В целом он характеризовал законодательство Рима как несовершенное, а правительство — как олигархическое по своей природе [Mill 1824: 257–258].

Греческая же колонизация, по его мнению, была обусловлена другими причинами; Милль рассматривал ее прежде всего как результат исхода одной из проигравших в политической борьбе партий. Переселяясь на новые земли со всем своим движимым имуществом, греки смогли за короткий промежуток времени достигнуть невиданного прогресса, примером чего являлись колонии

в Малой Азии. Именно последнему типу колонизации в наибольшей степени соответствовало заселение Северной Америки выходцами с Британских островов (бегство от притеснений со стороны господствующей церкви). Главное отличие заключалось в том, что североамериканские колонии оставались в подчинении метрополии, а греки создавали полностью независимые государства на новой территории, «хотя они по-прежнему обращались к стране-матери за защитой и помощью и придерживались строгих обязательств дружбы и помощи во всех ее трудностях» [Ibid.: 258]. Милль восторгался отношениями между греческими метрополиями и колониями, главными характеристиками которых он считал дружественность и невмешательство в дела друг друга. Как мы видим, приведенные примеры из греческой истории в большей степени применялись Миллем к опыту управления британскими переселенческими колониями, и это ни в коем случае не относилось к другим зависимым территориям, например к Индии. Последняя по своему положению в Британской империи, характеру и населению больше соответствовала, по мнению Милля, владениям римского типа. Поэтому и о применимости к ней принципов древнегреческой колонизации речи не шло. И как было показано выше, Милль не считал индийцев способными взять управление страной в свои руки.

Другая предпосылка греческой колонизации, которую приводит Милль, — необходимость снизить избыточную численность населения. И эту проблему он в духе мальтузианской теории экстраполировал на ситуацию в современной ему Европе. По мнению Милля, именно избыточность населения, вступавшего в активную борьбу за недостающие продовольственные ресурсы, вела к падению уровня жизни и сокращению зарплат, так как работы на всех не хватало, и чтобы хоть как-то заработать себе на хлеб, люди, которые не имели ничего, кроме своих рук, вынуждены были соглашаться на меньшую оплату труда. Более того, чтобы накормить обездоленных, не оставалось ничего иного, как лишить части продовольствия тех, кто и так не имел его в достаточном количестве. Отсюда проистекали крайности бедности и лишений [Ibid.].

В Греции эффективным средством борьбы с подобной ситуацией стала эмиграция, которая инициировалась аристократией, владевшей значительной долей богатств и рабов и первой начинавшей ощущать растущую дороговизну продовольствия, так как расходы на содержание рабов начинали быстро расти. Милль задавался вопросом:

Однако почему эта избыточность населения, проявляющаяся в современной Европе в снижении заработной платы и в растущем числе бедных и голодающих людей, не побуждает правителей воспринять политику Древней Греции, чтобы в то или иное время предложить в качестве исправления ситуации колонизацию? [Ibid.].

Тем не менее Милль ссылался на античный опыт не только для извлечения поучительных примеров современным государственным деятелям, но и чтобы подчеркнуть недостатки современной ему системы. Подчеркивая несправедливый характер общественного устройства античных обществ, проявлявшийся в господстве аристократии («меньшинства» в терминологии Милля), он фактически говорил о Британии начала XIX в. При существовавшей практике управления колонии служили интересам британского «м е н ь ш и н с т в а».

Его представители получали в колониях прибыльную службу, благодаря чему становились богатыми и влиятельными лицами. «Каждая колония умножает число постов, — писал Милль. — В них имеются должности губернаторов и судей с длинной свитой из чиновников. Более того, каждая колония требует дополнительных войск и дополнительного флота» [Mill 1824: 258]. Единственным средством избавления от подобной порочной практики могла стать лишь передача ответственности по управлению делами заморских владений и по содержанию бюрократического аппарата в колониях самим колонистам. По его мнению, это избавило бы колонистов от злоупотреблений со стороны чиновников метрополии и облегчило бы бремя налогоплательщиков Британии.

Таким образом, вслед за А. Смитом Милль считал Древнюю Грецию образцом взаимоотношений между страной-матерью и колониями. Великобритания, следуя этой логике, должна была отказаться от прямого контроля над своими переселенческими колониями и строить с ними отношения на основе обоюдовыгодной торговли, взаимопомощи и равноправия. Это позволило бы избежать многих недостатков современной ему имперской политики — конфликтов с колонистами, непомерных расходов на содержание колониального административного аппарата и на оборону заморских владений. В существовавшей в то время практике управления он видел лишь господство интересов меньшинства, что шло в разрез с интересами жителей как колонии, так и самой метрополии. При этом нельзя сказать, что именно античный опыт служил изначальным источником данных концепций. Скорее, примеры из прошлого должны были составить необходимое обоснование для проведения реформ. Античность была призвана освятить своим примером предлагаемые преобразования.

В заключение следует отметить, что идеи, высказанные Миллем, и его оценки античного опыта оказали большое воздействие на дальнейшее развитие британской либеральной мысли. Милль был одной из центральных фигур либерального кружка, в который, помимо И. Бентама и Д. Рикардо, входили депутат Палаты общин Джозеф Юм, автор 12-томной «Истории Греции» Джордж Грот, лондонский издатель Джон Блок и др. Взгляды утилитаристов-радикалов отличались от воззрений тори не только в отношении текущей политики, но и в оценках прошлого. Милль и его единомышленники утверждали, что греческая колонизация, основанная на заселении отдаленных земель и создании самоуправляющихся общин с сильными духовными и культурными связями с «родиной», представляла собой более подходящую модель для подражания, чем римская колонизация, хотя обычно они не торопились требовать немедленного предоставления колониям независимости. Идеи Милля оказали влияние на формирование взглядов Джорджа Грота, с 1831 по 1841 г. являвшегося членом Палаты общин и входившего в группу радикальных реформаторов. После завершения своей политической карьеры Грот опубликовал 12-томную «Историю Греции» (1846–1856), в которой превозносил Афины и афинскую демократию. В античности он находил истоки всего, что ему было близко: принципы демократического правления, свободу мысли и рациональный анализ [Гущин 1996: 157].

В 1840-е годы Джон Стюарт Милль восхвалял греческие колонии, превознося их за «быстрое и чудесное процветание» и за обеспечение свободы, порядка и прогресса, утверждая, что они служили отличным примером для британской колонизации [Bell 2006: 744]. Рецензируя первые тома «Истории Греции» Дж. Грота, он предположил, что битва при Марафоне важнее для современной Британии, чем битва при Гастингсе. Он утверждал, что если бы итог сражения греков с персами был другим, то англичане и саксы могли бы продолжать бродить по лесам до настоящего времени [Vance, Wallace 2015: 154]. Таким образом, для реформаторов все еще важно было использовать в спорах с оппонентами классическое наследие, даже когда приводились аргументы, которые были в основном структурированы ультрасовременными на тот момент доктринами постсмитовской политической экономии.

Литература

- Аристотель 1983 — *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. / Пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644.
- Айзенштат 1999 — *Айзенштат М. П.* Исторические взгляды британских утилитаристов // Диалог со временем. № 1. 1999. С. 139–151.
- Айзенштат 2007 — *Айзенштат М. П.* Британия нового времени: Политическая история: Учебное пособие. М.: КДУ, 2007.
- Айзенштат 2009 — *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009.
- Айзенштат, Гелла 1999 — *Айзенштат М. П., Гелла Т. Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1999.
- Ванина 2014 — *Ванина Е. Ю.* Индия: история и историки. М.: Наука; Вост. лит., 2014.
- Гущин 1996 — *Гущин В. Р.* Джордж Грот: на пути к «Греческой истории» // Политическая история и историография (от античности до современности): Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Д. Дридзе. Вып. 2. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1996. С. 151–158.
- Ерофеев 1977 — *Ерофеев Н. А.* Английский колониализм в середине XIX века: Очерки. М.: Наука, 1977.
- Смит 1962 — *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1962.
- Armitage 2000 — *Armitage D.* The ideological origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Bain 1882 — *Bain A.* James Mill: A biography. London: Longmans, Green and Co., 1882.
- Bell 2006 — *Bell D.* From ancient to modern in Victorian imperial thought // The Historical Journal. Vol. 49. No. 3. 2006. P. 735–759.
- Mill 1824 — *Mill J.* Colony // Supplement to the Encyclopedia Britannica. Vol. 3. Edinburgh: Archibald Constable and Company, 1824. P. 257–273.
- Mill 1826 — *Mill J.* The history of British India: In 6 vols. London: Baldwin, Cradock and Joy, 1826.
- Mill 1882 — *Mill J. S.* Autobiography. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1882.
- Vance, Wallace 2015 — The Oxford history of classical reception in English literature / Ed. by N. Vance, J. Wallace. Vol. 4: 1790–1880. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015.

THE ROLE OF THE CLASSICAL HERITAGE IN JAMES MILL'S ASSESSMENT OF BRITAIN'S IMPERIAL EXPERIENCE

Voevodsky, Alexander V.

PhD (Candidate of Science in History)

Associate Professor,

School of Advanced Studies in the Humanities,

The Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (495) 433-25-62

Associate Professor, School of History,

National Research University Higher School of Economics

Russia, 105006, Moscow, Staraya Basmannaya str., 21/4

*Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22524*

Senior Research Fellow,

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Russia, 119334, Moscow, Leninskii Prospect, 32a

Tel.: +7 (495) 954-47-83

E-mail: valeks77@mail.ru

Abstract. The article analyzes James Mill's views on the imperial policy of Great Britain in the first quarter of the 19th century and his perception of the ancient experience of colonization. His ideas are examined in relation to the intellectual and political life of the UK at the end of the 18th — the first quarter of the 19th century. This was the period when a radical reform movement arose that adopted the ideas of Adam Smith, Jeremy Bentham and David Ricardo. An appeal to the history of Greece and Rome became an important argument in the debates about the future organization of the British Empire and in the relations between the metropolis and its colonies.

Keywords: James Mill, the classical heritage in British political thought, the ideology of the British Empire

References

- Aizenshtat, M. P. (1999). Istoricheskie vzgliady britanskikh utilitaristov [Historical views of the British utilitarianists]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 1, 139–151. (In Russian).
- Aizenshtat, M. P. (2007). *Britaniia novogo vremeni. Politicheskaiia istoriia: Uchebnoe posobie* [Britain in the modern age: A political history: A textbook]. Moscow: KDU. (In Russian).
- Aizenshtat, M. P. (2009). *Vlast' i obshchestvo Velikobritanii 1750–1780* [Power and society in Great Britain, 1750–1850]. Moscow: IVI RAN. (In Russian).
- Aizenshtat, M. P., Gella, T. N. (1999). *Angliiskie partii i kolonial'naia imperiia Velikobritanii v XIX veke* [English parties and the British colonial empire in the 19th century]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN. (In Russian).
- Aristotel' (1983). *Politika*. In *Sochineniia* [Trans. from *Politics* by Aristotle] (Vol. 4), 376–644. Moscow: Mysl'. (In Russian).

- Armitage, D. (2000). *The ideological origins of the British Empire*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Bain, A. (1882). *James Mill: A biography*. London: Longmans, Green and Co.
- Bell, D. (2006). From ancient to modern in Victorian imperial thought. *The Historical Journal*, 49(3), 735–759.
- Erofeev, N. A. (1977). *Angliiskii kolonializm v seredine XIX veka: Ocherki* [British colonialism in the middle of the 19th century: Essays]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Gushchin, V. P. (1996). Dzhordzh Grot: na puti k grecheskoi istorii [Georges Groth: On the way to the “Greek History”]. In A. D. Dridzo (Ed.). *Politicheskaya istoriya i istoriografiya (ot antichnosti do sovremennosti)* [Political history and historiography: From antiquity to the modern times] (Issue 2), 151–158. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo Universiteta. (In Russian).
- Mill, J. (1824). Colony. In *Supplement to the Encyclopedia Britannica* (Vol. 3), 257–273. Edinburgh: Archibald Constable and Company.
- Mill J. (1826). *The history of British India* (6 Vols.). London: Baldwin, Cradock and Joy.
- Mill, J. S. (1882). *Autobiography*. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer.
- Smit, A. (1962). *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Trans. from Smith, A. (1776). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Dublin]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury. (In Russian).
- Vance, N., Wallace, J. (Eds.) (2015). *The Oxford history of classical reception in English literature* (Vol. 4: 1790–1880). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Vanina, E. Iu. (2014). *Indiya: istoriya i istoriki* [India: History and historians]. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura. (In Russian).

To cite this article:

VOEVODSKY, A. V. (2018). ROL' ANTICHNOGO NASLEDIYA V OSMYSLENII IMPERSKOGO OPYTA BRITANII DZHEIMSON MILLEMA [THE ROLE OF THE CLASSICAL HERITAGE IN JAMES MILL'S ASSESSMENT OF BRITAIN'S IMPERIAL EXPERIENCE]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 56–67. (IN RUSSIAN).

Received January 10, 2018

ОБРАЗЫ АНТИЧНОСТИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ ФРАНСУА ГИЗО¹

Аннотация. В статье речь идет об образах античности и рецепции античного наследия в научных исследованиях Франсуа Гизо (1787–1874) — знаменитого французского историка периода Реставрации, одного из ведущих политиков эпохи Июльской монархии. Для его подхода характерна идея неразрывной связи, преемственности старой и новой Франции, древней Галлии и Франции XIX в., а античное наследие для него является матрицей современной французской и в целом европейской цивилизации. В то же время на примере творчества Гизо можно проследить определенное угасание интереса к античному интеллектуальному наследию и некоторое разочарование в нем, с одной стороны, и с другой — рост внимания к рубежу между античностью и Средневековьем. Изучению этих актуальных вопросов посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Ф. Гизо, образы античности, «История цивилизации в Европе», «История цивилизации во Франции», Реставрация, Июльская монархия

Античность — это некая отправная точка, это ориентир, это альфа и омега. Человеку, дабы обрести почву под ногами и понять суть бытия, свойственно обращаться к эталону, к идеалу, особенно в критические моменты истории. Французы обращались к античному наследию неоднократно. Причем античное прошлое служило настоящему; к античному наследию обращались для подтверждения претензий на нынешнее величие. Да, Франция — продолжательница и хранительница античного духа, более того, это

¹ Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

Благодарю за помощь и ценные советы при написании этой статьи кандидата исторических наук, доцента кафедры истории Древнего мира и Средних веков МПГУ А. Ю. Можайского.

«новый Рим». Франциск I в Фонтенбло собрал блестящую античную коллекцию [Shanks 2005: 52]. С 1820 г. начинается эпопея с Венерой Милосской. Она была обнаружена на о. Милос в 1820 г., выкуплена французами у турок, стала собственностью короля Людовика XVIII (очень желавшего, чтобы именно Франции принадлежал шедевр Праксителя, тогда ошибочно считавшийся автором скульптуры), в 1821 г. приобретена Лувром, став одним из символов Парижа, а в 1870–1880-е годы превратилась в эталон женской красоты [Ibid.: 148–152]. Свидетельством неугасающего научного интереса к изучению античного наследия и его непреходящей важности для современной Франции является издание целого ряда журналов, таких как «Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne», «Persee. Bulletin de Correspondance Hellénique», «Revue des études anciennes», «Pallas. Revue des études antiques». 584-й номер журнала «Le Magazine Littéraire» за 2017 г. вышел с характерным названием: «Гомер: почему он нам так нужен» и посвящен рецепции античного наследия в современной Франции. Крупный французский исследователь-эллинист Пьер Жюде де Ля Комб полагает, что «Илиада» как поэма о военных жестокостях крайне важна для современного мира и человечества, перманентно живущего в состоянии войны, окруженного войнами, но предпочитающего не говорить о них, замалчивать эту проблему: «Об этом не способны говорить, поскольку в демократических обществах со времени Первой мировой войны неустанно повторяют: “Это больше никогда не повторится!”». По мнению историка, происходит своеобразный отказ от поиска ответа на важнейший вопрос: что означает война? Люди не хотят видеть картины, изображающие ужасы войны, смотрят фильмы о бомбардировках, но будто не замечают их жертв: «Мы не хотим попытаться размышлять о войне, мы ее просто осуждаем, и это понятно. Греки же читали поэмы Гомера, чтобы приучить себя к мысли о том, что можно быть жертвой агрессии, а можно быть и ее инициатором». То есть взгляд Гомера — это взгляд на войну с обеих сторон. Кроме того, как полагает Жюде де Ля Комб, тексты «Илиады» и «Одиссеи» для вдумчивого читателя являются лекарством против «тоталитарного» мышления и мировоззрения: «Эти тексты надо читать, даже в переводе, приучая себя идти шаг за шагом, не торопясь (...) надо учиться прежде всего не понимать текст, а формировать в себе способность удивляться» [Judet de La Comb 2018: 78–81].

Но вернемся к событиям рубежа XVIII–XIX столетий. В это время античность приобрела особое звучание. Эти годы были отмечены кардинальными потрясениями и изменениями в самих основах мироздания. Рушился Старый порядок, уходил в прошлое старый мир, рождался новый. Каким он будет? На каких основаниях его строить? Ответы на все эти вопросы искали и в идеях просветителей, и в прошлом. Ключевая новоевропейская идея — это идея свободы. А свобода — это и важнейшая категория классической античности.

Накануне Революции во Франции увлекались Плутархом и его героями, античными республиками, Афинами и особенно Спартой, доблестями и республиканскими добродетелями их граждан. При этом античность, как правило, идеализировалась, достаточно вспомнить деятелей и ораторов Революции. Греции иногда касалась и политическая литература Франции XVIII в.: Г.-Б. Мабли написал «Размышления о греческой истории» (1773) [Бузескул 2005: 298].

Наглядным образом интерес к античному наследию проявился в годы наполеоновской империи в стиле ампир. Наполеон, претендовавший на создание новой династии, нуждался в корнях, образах и образцах для подражания. И таким идеалом стала античность. Однако если классицизм Людовика XVI, для которого также был свойствен интерес к античности, был ориентирован на демократические Афины века Перикла, то в годы Империи за образцы брались формы искусства Древнего Рима: Наполеон стремился к блеску и ореолу славы римских императоров.

Особенность стиля ампир в архитектуре заключалась в обязательном наличии колонн, пилястров, лепных карнизов и других классических элементов, а также в использовании античных скульптурных мотивов (грифоны, сфинксы, львиные лапы). Художественный замысел стиля был призван подчеркивать и воплощать идеи могущества власти и государства, наличия сильной армии.

Однако ведущая роль в формировании нового стиля принадлежала не архитектуре, как обычно, а живописи, точнее, живописцу Жану-Луи Давиду. Еще накануне Революции в картинах «Клятва Горациев» и «Брут» он прославлял героические эпизоды из истории республиканского Рима, следуя за сюжетом книг Тита Ливия. Для работы над этими картинами Давид заказал известному парижскому мебельщику Ж. Жакобу предметы обстановки по собственным рисункам, сделанным им с этрусских, как их тогда называли, ваз, найденных при раскопках Геркуланума и Помпеи в Италии. С установлением империи республиканец Давид, пережив тяжелый кризис, стал прославлять императора Наполеона так же, как до этого — идеалы свободы римской республики. Про художника говорили тогда, что в поисках своего героя он «сменил Цезаря на Брута», однако это не повлияло на его репутацию первого живописца Империи.

Давид разрабатывал эскизы мебели, оформление интерьера, диктовал моду в одежде. В 1800 г. он написал портрет знаменитой парижской красавицы мадам Рекамье в тунике на античный манер, возлежащей на выполненной Жакобом кушетке с плавной изогнутым изголовьем, со стоящим рядом торшером в «помпейском стиле». С легкой руки Давида эта картина положила начало моде на стиль «рекамье». В 1802 г. похожий портрет мадам Рекамье, как бы соревнуясь с Давидом, написал его ученик Ф. Жерар.

Сам император желал больше пышности и великолепия. Его придворными архитекторами стали Ш. Персье и П. Фонтен, в 1786–1792 гг. обучавшиеся в Риме. Для Наполеона они оформляли интерьеры дворцов Мальмезон, Фонтенбло, Компьен, Лувр, Медон, Сен-Клу, Версаль, Тюильри, построили на площади Карусель в Париже Триумфальную арку, наподобие древнеримских (1806–1808). В 1806–1836 гг. еще одна Триумфальная арка была возведена в Париже по проекту Ж.-Ф. Шальгрена. Скульптор А.-Д. Шодэ водрузил статую Бонапарта в образе Цезаря в римской тоге на вершину Вандомской колонны; другую статую, также работы Шодэ, император вез в обозе в Москву, чтобы установить ее в покоренном городе.

В своей угодливости придворные декораторы Наполеона доходили до абсурда. Так, спальня императрицы Жозефины во дворце Мальмезон была превращена в некое подобие походной палатки римского центуриона, а одетые в «римские туники» женщины мерзли от холода в плохо отапливаемых парижских салонах и в заснеженном Петербурге, во всем подражавшем французской столице.

В дальнейшем интерес к античности станет массовым и повсеместным. Античные традиции в полной мере прослеживаются в изображении государей. Например, бюст Николая I (у которого был и впрямь античный профиль), выполненный Кристианом Даниэлем Раухом, органично вводит Николая в круг героев Древнего Рима — в полном соответствии с интересом к античности, который был особенно заметен в первой трети XIX в.

Людвиг I Баварский, дед «сказочного короля» Людвига II, был буквально одержим древнегреческими артефактами. Отец будущей императрицы Австрии Елизаветы, эрцгерцог Максимилиан Баварский, также был страстным поклонником греческой культуры. И эта страсть впоследствии передалась его дочери Сиси, которая выучила древнегреческий язык и построила на Корфу виллу Ахиллеон.

Но вернемся во Францию, уже постреволюционную. Пережившая за 25 революционных лет кардинальные изменения, начавшая строить новое общество, она нуждалась в некоей точке опоры, с одной стороны, с другой — пыталась сохранить преемственность по отношению к истории.

Для либералов эпохи Реставрации (1814–1830), а потом и Июльской монархии (1830–1848) идея преемственности исторического развития Франции — это одна из важнейших идей. Французская революция воспринималась как ключевой момент в развитии французской цивилизации, не водораздел, а именно важный этап этого развития. То есть либералы подчеркивали теснейшую взаимосвязь между Старым порядком и новой, постреволюционной Францией. Они хотели взять все лучшее от Старого порядка и интегрировать в новое общество. А мы знаем, что взгляд на прошлое как на процесс развития, важный для понимания современности, — это характерная черта греко-римской традиции.

Отсюда закономерен обостренный интерес к историческому прошлому Франции в годы Реставрации. Однако характерная деталь: в области истории на смену увлечению историей Греции и Рима пришло углубленное изучение истории Средних веков. Именно рубеж между античностью и Средневековьем французские историки эпохи Реставрации (1814–1830) стали считать отправной точкой для современной европейской цивилизации.

Именно эти идеи были ключевыми для Франсуа Гизо (1787–1874) — историка, политика, политического мыслителя, социолога. Античность для него была не просто эталоном, далеким образом. Образы античности, причем вполне визуализированные, он мог созерцать в детстве. Дело в том, что Гизо родился на юге Франции, в Ниме — городе, где сохранились в значительном количестве и превосходном состоянии античные памятники. На мой взгляд, культурная среда, окружение не может не влиять на формирование характера и направленность исканий человека. Несмотря на то что Гизо покинул Ним в шестилетнем возрасте, после казни на гильотине отца отправившись в Женеву на обучение, жизнь в античном Ниме, несомненно, оказала влияние на дальнейшее развитие мальчика.

После обучения в Женеве Гизо вернулся во Францию, но сразу отправился в Париж изучать право. Его влекла публицистика, он начал сотрудничать с журналами «Публицист», «Литературные архивы Европы», «Меркурий». Полина де Мелан, талантливый публицист той поры, сотрудница журнала «Пу-

блицист», ввела его в этот интеллектуальный круг, а спустя некоторое время их творческий союз стал семейным. В 1808 г. вместе с Полиной они начинают переводить «Историю упадка и гибели Римской империи» английского историка Эдуарда Гиббона. Эта грандиозная работа была окончена к 1811 г., когда были опубликованы 13 томов с комментариями Гизо и Мелан. Это была первая большая историческая работа Гизо. Весьма показательно, что Гизо, знаток древних языков, начинает свой путь историка с античного сюжета.

В дальнейшем, уже в годы Реставрации, в своих лекциях, посвященных истории цивилизации в Европе и во Франции, Гизо будет вновь и вновь обращаться к античному римскому наследию, к рубежу между античностью и Средневековьем как к матрице современной французской цивилизации.

7 декабря 1820 г. он начал читать в Сорбонне курс лекций, посвященный истории цивилизации в Европе от падения Римской империи до начала 1789 г., на материале которого впоследствии была составлена «История происхождения представительного правления», опубликованная спустя 30 лет, в 1851 г. Лекции Гизо имели блестящий успех и стали важным событием не только в научной, но и в общественно-политической жизни Франции, хотя он всячески подчеркивал свое стремление отгородиться от любых аналогий с современной политикой. Впоследствии он так отзывался о специфике своего курса:

Я отбросил в своем курсе все, что могло бы иметь намеки на тогдашние обстоятельства, на систему и образ действий правительства. Я строго заключился в сферу общих идей и воспрещал себе всякие нападки, всякие намеки на события и на борьбу, происходившие в то время [Феоктистов 1858: 362].

Однако абстрагироваться от текущей политики было сложно, и политическое кредо Гизо, те политические принципы, которые он отстаивал, не могли не найти отражения в его лекциях. Более того, Гизо устанавливает связь между историей и политикой совершенно сознательно и считает историю прямым продолжением политики. «События настоящего освещают факты прошлого», — писал он в «Эссе по истории Франции» [Алпатов 1949: 85].

9 апреля 1828 г. Гизо начал читать в Сорбонне курс по истории цивилизации в Европе, где развивал те же идеи преемственности. Европейская цивилизация для него начинается со времени падения Римской империи.

Об этом же он будет говорить в ходе своего следующего курса лекций, посвященного истории цивилизации во Франции:

Итак, мы наверное знаем, что, стремясь к свободному правлению, мы не только не отрекаемся от Франции, созданной веками, но продолжаем ее создание, и что поражения не отнимают у нас надежды на успех [Гизо 1877: 6].

К чтению этого курса Гизо приступил 6 декабря 1829 г. Курс остался незавершенным: заканчивая очередной учебный год в июне 1830 г., Гизо думал продолжить его чтение в следующем учебном году и довести повествование до Французской революции 1789 г. Однако Июльская революция вовлекла его в политическую деятельность, и к преподавательской работе он больше не

вернулся, хотя его исторические работы не утратили своей популярности и в дальнейшем, о чем свидетельствуют регулярные переиздания его трудов.

Для Гизо французская цивилизация — это некая образцовая модель, эталон. Почему? Потому что Галлия, как колыбель французской цивилизации, «находилась на рубеже между римскими и германскими мирами». Отсюда проистекает важнейшее свойство французской цивилизации: «Она является самым полным и верным изображением цивилизации общеевропейской». Если цивилизации Англии и Германии — по преимуществу германские, цивилизации Испании и Италии — романские, то «цивилизация Франции почти одинаково вытекает из обеих основ, передает с самого начала совокупность и разнообразие элементов современного общества» [Там же: 37].

Основная идея цивилизации для Гизо — это идея прогресса, развития. Цивилизация для него «указывает на усовершенствование гражданской жизни, на развитие общества в собственном смысле этого слова, развитие людских отношений» [Гизо, 2007: 24]. Цивилизация для Гизо характеризуется двумя признаками: «развитием общественной деятельности и развитием деятельности личностной — прогрессом общества и прогрессом человека» [Там же: 27].

Выводя европейскую цивилизацию из античной римской культуры, Гизо в то же время видит четкое различие между «древними цивилизациями и европейской». Цивилизации, предшествовавшие европейской, — «в Азии ли, или других странах, не исключая даже Греции и Рима» — характеризуются господствовавшим в них единством:

Все они словно вытекают из одного известного начала, из одной идеи; словно все общество находилось во власти единого принципа, преобладавшего в нем, определившего его учреждения, нравы, верования, словом, все стороны его развития [Там же: 37–38].

В Египте и Индии, по мнению Гизо, таким принципом был принцип теократический; у других народов — принцип силы; в торговых республиках доминировал демократический принцип. Таким образом, делает вывод Гизо, во всех древних цивилизациях «всем управляет и все решает какая-нибудь одна, если не единственная, то по крайней мере безусловно преобладающая сила» [Гизо 2007: 38].

В истории древних цивилизаций одновременное существование и соперничество различных начал было не более как скоропроходящим кризисом, случайным явлением — отсюда поразительная простота в большей части древних цивилизаций. Эта простота общественного начала, по мысли Гизо, иногда имела следствием необыкновенно быстрое развитие, как, например, в Греции. «Ни один народ не развивался так блистательно и в столь короткое время», — писал он.

Но после этого изумительного успеха Греция вдруг является изнуренной и, хотя падение ее было медленнее, нежели возвышение, тем не менее оно совершилось с необыкновенною быстротою. Творческая сила в началах греческой цивилизации словно иссякла, а взамен ее не явилось никакого другого освежающего начала [Там же: 39].

В Египте и Индии, по мнению Гизо, единство цивилизации имело совершенно противоположный результат: общество впало в состояние застоя:

Простота обратилась в однообразие; государство не разрушилось, общество продолжало свое существование, но оставалось неподвижным и словно застыло [Там же: 39].

Это единство цивилизации, по словам Гизо, отразилось и в литературе, и в культуре как таковой. Даже в Греции, отмечает он, «среди всех богатств человеческого разума, господствует редкое единство в литературе и искусствах» [Там же: 40].

Совершенно иначе, по его мнению, развивалась цивилизация современной Европы. Европейская цивилизация, по Гизо, — это цивилизация многообразная, запутанная, бурная...

...В ней одновременно существуют все формы, все начала общественной организации: духовная и светская власть, элементы теократический, монархический, аристократический, демократический; все классы, все состояния общества смешаны и перепутаны; всюду представляются бесконечно разнообразные степени свободы, богатства, влияния. Все эти силы находятся в состоянии постоянной борьбы, причем ни одна из них не получает решительного преобладания над прочими, не овладевает безусловно обществом. В древности каждая великая эпоха словно отливала все общества в одну и ту же форму; преобладание принадлежало то монархии, то теократии или демократии, — но господство каждой из этих форм было всегда исключительным, безусловным. Современная Европа представляет образцы всех систем, всех попыток общественной организации: абсолютные и смешанные монархии, теократии, республики, более или менее аристократические, существуют в ней одновременно, подле друг друга, и несмотря на все различие их, они все-таки представляют много общего... [Там же].

То же разнообразие — в нравственном мире, в литературе. Это разнообразие, по мнению Гизо, с одной стороны, является недостатком современной цивилизации: «развитие всех проявлений человеческого ума, порознь взятых, уступает соответствующей стороне развития в древних цивилизациях» [Там же: 41]. С другой стороны, «рассматриваемая в общем европейская цивилизация является несравненно выше всякой другой. Она существует уже пятнадцать столетий и постоянно прогрессирует; она продвигается вперед далеко не так быстро, как греческая цивилизация, но зато прогресс ее никогда не прекращался» [Там же: 41–42]. Более того, европейская цивилизация, по мнению Гизо, «приближается, если можно так выразиться, к вечной истине, к предначертаниям провидения» [Там же: 43].

Уже в самой колыбели европейской цивилизации, т. е. в античном Риме, Гизо усматривал «причины и зародыши» этих свойств. В момент ее возникновения, а именно в момент падения Римской империи, «найдем в состоянии мира, во всех явлениях, содействовавших образованию европейской цивилизации, исходную точку того бурного, но плодотворного разнообразия, которым она отличается» [Гизо 2007: 43].

Что же такого усмотрел Гизо? Это, по его словам, три общества: муниципальное, христианское и варварское. При этом эти общества существуют в Европе не изолированно, они переплетены:

...Потребность безусловной независимости существует рядом с полным подчинением, военный патронат рядом с господством церкви, духовная власть рядом со светскою, постановления церкви, ученое законодательство римлян — рядом с обычным правом или, вернее, бесправием варваров. Повсюду смесь или, лучше сказать, смешение самых разнообразных племен, общественных учреждений, нравов, идей и впечатлений [Там же: 60].

Без сомнения, продолжает Гизо, «это смешение, разнообразие, эта борьба стоили нам очень дорого: отсюда медленность прогресса Европы, отсюда все бури и бедствия, которым она подверглась» [Там же: 60]. Однако в целом, по его убеждению, «это насильственное, бурное, тяжелое состояние имело большое преимущество перед простотою, которою отличались другие цивилизации...» [Там же: 61].

Итак, первая особенность Римской империи — это муниципальный характер. Рим — это муниципия, община. Гизо подчеркивает, что не только в Риме, но и во всей тогдашней Италии мы не видим ничего другого, кроме городов. «История завоеваний Рима есть история завоевания и основания огромного количества городов» [Там же: 44]. Следствием этого является наличие больших дорог, но отсутствие множества мелких путей сообщения. Это, в свою очередь, стало причиной того, что «муниципия, подобная Риму, могла покорить мир, но с трудом могла устроить его и управлять им» [Там же: 45]. В этом, по мнению Гизо, заключалась одна из причин формирования империи, «как формы более сосредоточенной, более способной поддержать связь между столь шаткими элементами» [Там же: 45].

Наряду с муниципальным устройством Гизо выделяет идею императора, императорского величия и абсолютной священной власти, связанной с этой фигурой.

Вот элементы, которые римская цивилизация передала европейской: с одной стороны, муниципальное устройство, его образцы, его обычаи и уставы — это начала свободы; с другой — общее гражданское законодательство и идея неограниченной власти, священного величества, императорского могущества — это начала порядка и безусловного подчинения [Там же: 50].

А мы помним, что девизом режима Июльской монархии станут слова «Свобода и порядок».

В то же время в недрах римского общества возникло другое общество, основанное на совершенно иных началах, — христианская церковь. При чем Гизо подчеркивает, что речь идет именно о церкви, а не о христианстве. Точнее, «христианство в эту эпоху было не только религиею, но и церковью» [Там же: 50].

Можно сказать, без преувеличения, что в конце IV и начале V веков христианская церковь спасла христианство; церковь, своими учреждениями, своею епархией чинов, своею властью, мощно сопротивлялась внутреннему распадению империи и варваризму; она покоряла варваров и стала посредницею между ними и римским миром, связью, соединительным звеном, началом цивилизации в ту переходную эпоху. <...> Не будь христианской церкви, весь мир подпал бы чисто материальной силе [Там же: 51, 55].

Церковь, отмечает Гизо, «положила начало великому делу разделения властей духовной и светской. Это разделение есть источник свободы совести» [Там же: 55].

Установление нравственного влияния, поддержание божественного закона и отделение светской власти от духовной — вот три великих благодеяния, которые христианская церковь оказала в V веке европейскому миру [Там же: 56].

Именно в таком состоянии застали Европу варвары. Кто такие варвары? Им свойственны, по мнению Гизо, следующие качества:

...наслаждение личной независимостью, удовольствие самовластно распоряжаться своею свободою, своими силами, среди всех превратностей мира и жизни; прелесть деятельной жизни без труда, стремление к жизни, исполненной приключений, неожиданностей, перемен, опасностей, — таково чувство, преобладающее в варварах, такова нравственная потребность, приводившая в движение эти массы людей [Там же: 57].

При этом Гизо выделяет как единственно достойную работу о варварах книгу своего коллеги и соотечественника О. Тьерри — «Историю завоевания Англии норманнами» (1825). Работа Тьерри, отмечает Гизо, это «единственная книга, в которой побуждения, склонности, стремления, действующие в людях, общественный быт которых близок к варварству, прочувствованы и воспроизведены с истинно гомерическою верностью» [Там же: 57].

Именно варварам европейская цивилизация, по мнению Гизо, обязана идеей личной независимости и свободы:

Чувство личной независимости, стремление к свободе, развивающееся бессознательно, единственно с целью найти себе удовлетворение, не было знакомо ни римскому, ни христианскому обществам. Оно было внесено и положено в колыбель европейской цивилизации варварами. Оно играло в ней такую важную роль и принесло столь благие результаты, что нельзя не выставить его на вид как один из основных элементов ее [Там же: 59].

Второй элемент, унаследованный от варваров — военное патронатство, т. е. «связь, которая устанавливалась между соплеменниками, между воинами, и которая, не уничтожая свободы каждого отдельного лица, <...> вводила ис-

рархическую подчиненность и положила основание аристократической организации, обратившейся впоследствии в феодальную систему. Отличительной чертой этих отношений была привязанность человека к человеку, взаимная преданность их, без всякого внешнего понуждения, без всякого обязательства, основанного на главных началах общественного быта» [Там же: 59].

В целом обращение к этой эпохе в истории европейской цивилизации было важно для Гизо с точки зрения воспитательной. А в истории Гизо видел средство воспитания «всечеловека». Современный человек, с его чрезвычайно развитым интеллектом, с его несколько рабским чувством уважения к авторитету, с его трусостью, свойственной векам утонченной культуры, может почерпнуть то, чего ему не хватает, в изучении Средних веков. Там он найдет примеры личной энергии, веры в себя и собственные свои силы, страсть к индивидуальной свободе и презрение к общепринятым мнениям. Симпатия к Средним векам, по мнению Гизо, открыла для современного человека богатейший источник эмоций и наслаждений, а потребность в эмоциях и симпатии не может быть вытравлена из человеческой природы [Реизов 1956: 209].

Гизо, как хорошо известно, вместе с О. Тьерри является родоначальником теории классовой борьбы («Борьба классов наполняет, вернее, составляет всю эту историю»). Зачатки этой борьбы Гизо усматривает как раз в древней Галлии, а борющиеся классы вышли из завоевания. «В продолжение многих веков после победы германских народов над галлами, политическая нация, свободная и господствующая, состояла исключительно из победителей и из влиятельных галлов, которых победители допустили в свою среду из епископов и высшего духовенства <...> Масса жителей, рассеянных по деревням или живших в городах, была вне политической жизни и находилась в рабстве, а оказавшись в таком положении, она не могла защищаться против гнета и разбоя» [Алпатов 1949: 88].

Однако, объясняя классовую борьбу фактом завоевания, Гизо, как и Тьерри, утверждал, что под двумя народами, борющимися во Франции на протяжении тринадцати веков, следует подразумевать не прямых биологических потомков франков и галлов, а два общественных класса (или положения, по терминологии Гизо), которые возникли в результате завоевания [Реизов 1956: 179].

Почему же Римская империя пала? В Риме, как и в другом обществе, где «рабство существует в широких размахах», «несколько господ царят над стадами народов».

Во всех странах во все времена, какова бы ни была форма правления, по истечении более или менее продолжительного времени вследствие пользования властью, богатством, интеллектуальным развитием, всеми социальными преимуществами верхние классы теряют свои силы, истощаются; необходимо, чтобы их постоянно возбуждало соревнование, обновляло вступление в их ряды лиц из тех классов, которые живут и трудятся под ними [Гизо 1877: 54].

Анализируя состояние общества в Галлии в V в., Гизо приходит к выводу о том, что причины его кризиса — те же:

Люди в нем были разделены на два больших класса, между которыми лежало громадное пространство: не было ни разнообразия, ни поступательного движения, ни истинной демократии... [Гизо 1877: 55].

Иными словами, отсутствие социальной гармонии, социальных лифтов, узкая социальная база, косность властных структур — это погубило Римскую империю, Галлию, как ее составную часть; это же стало причиной Французской революции. Это же приведет к кризису режима Июльской монархии, к революции 1848 г. и крушению политической карьеры самого Гизо. То есть, изучая античное римское наследие, он прекрасно осознавал проблемы, приведшие к краху римского общества. Но, сам будучи историком и четко осознавая эти проблемы, в своей собственной политической деятельности этих ошибок не избежал. Именно узость социальной базы режима Июльской монархии, заостренность властных структур, отсутствие диалога между властью и обществом в итоге привели к революции 1848 г.

Литература

- Алпатов 1949 — *Алпатов М. А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
- Бузескул 2005 — *Бузескул В. П.* Введение в историю Греции: Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX в. СПб.: Изд. дом «Коло», 2005.
- Гизо 1877 — *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции. Т. 1. М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1877.
- Гизо 2007 — *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007.
- Реизов 1956 — *Реизов Б. Г.* Романтическая французская историография (1815–1830). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956.
- Феоктистов 1858 — *Феоктистов Е. М.* Записки Гизо. Империя и Реставрация // Русский вестник. Т. 15. № 5–6. 1858. С. 304–376.
- Judet de La Comb 2018 — *Judet de La Comb P.* Homère nous oblige à être des deux côtés d’une guerre // *Le magazine Littéraire*. № 584. 2018. P. 78–81.
- Shanks 2005 — *Shanks M.* Classical archaeology of Greece: Experiences of the discipline. London; New York: Taylor & Francis e-Library, 2005.

IMAGES OF ANTIQUITY IN THE INTELLECTUAL HERITAGE OF FRANÇOIS GUIZOT

Tanshina, Natalia P.

Doctor of History

Professor, World History Department,

School of Advanced Studies in the Humanities,

The Russian Presidential Academy of National Economy

and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the images of antiquity and the reception of the classical heritage in the scholarly studies of François Guizot (1787–1874) — a famous French

historian of the Restoration period and a leading politician during the July Monarchy. His approach is characterized by the idea of an inextricable link, of the continuity between the old and the new France, ancient Gaul and France of the nineteenth century. For him, between the classical heritage was the matrix of modern French civilization and of European civilization as a whole. At the same time, on the basis of Guizot's works, one may trace, on the one hand, a certain diminution of interest in the classical intellectual heritage and some disappointment in it, and, on the other, the growing attention to the boundary between antiquity and the Middle Ages. The present article is devoted to the study of these urgent issues.

Keywords: F. Guizot, the images of Antiquity, "History of Civilization in Europe", "History of Civilization in France", the Restoration, the July Monarchy

References

- Alpatov, M. A. (1949). *Politicheskie idei frantsuzskoi burzhuaiznoi istoriografii XIX v.* [Political ideas of 19th c. French bourgeois historiography]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Buzeskul, V. P. (2005). *Vvedenie v istoriiu Gretsii: Obzor istochnikov i ocherk razrabotki grecheskoi istorii v XIX v.* [Introduction to the history of Greece: A review of the sources and an outline of the development of Greek history in the 19th century]. St. Petersburg: Izdatel'skii dom "Kolo". (In Russian).
- Feoktistov, E. M. (1958). Zapiski Gizo. Imperiia i Restavratsiia [Guizot's Notes. Empire and Restoration]. *Russkii vestnik*. [Russian Herald], 15(5–6), P. 304–376. (In Russian).
- Gizo, F. (1877). *Istoriia tsivilizatsii vo Frantsii* [Trans. from Guizot, F. (1840). *Histoire de la civilisation en France, depuis la chute de l'Empire romain*. 2nd ed. (Vol. 1). Paris: Didier; Libraire-Editeur]. Moscow: Izdanie K. T. Soldatenkova] (Vol. 1). (In Russian).
- Gizo, F. (2007). *Istoriia tsivilizatsii v Evrope* [Trans. from Guizot, F. (1856). *Histoire générale de la civilisation en Europe*. 6th ed. Paris: Didier; Libraire-Editeur]. *History of civilization in Europe*. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoria budushchego". (In Russian).
- Judet de La Comb, P. (2018). Homère nous oblige à être des deux côtés d'une guerre. *Le magazine Littéraire*, 584, 78–81. (In French).
- Reizov, B. G. (1956). *Romanticheskaia frantsuzskaia istoriografiia (1815–1830)* [Romantic French historiography. 1815–1830]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).
- Shanks, M. (2005). *Classical archaeology of Greece: Experiences of the discipline*. London; New York: Taylor & Francis e-Library.

To cite this article:

TANSHINA, N. P. (2018). OBRAZY ANTICHNOSTI V INTELLEKTUAL'NOM NASLEDII FRANSUA GIZO [IMAGES OF ANTIQUITY IN THE INTELLECTUAL HERITAGE OF FRANÇOIS GUIZOT]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 68–79. (IN RUSSIAN).

Received January 6, 2018

Игнатченко Игорь Владиславович
кандидат исторических наук
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук, РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ignatchenko_igor@mail.ru

ПЬЕР ДЕ КУБЕРТЕН И ВОЗРОЖДЕНИЕ Олимпийских игр в XIX в.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды крупного французского и международного общественного деятеля XIX в. барона Пьера де Кубертена, изучается его вклад в развитие международного олимпийского движения. Деятельность де Кубертена вписана в широкий контекст блоковых противостояний последней трети XIX в. В частности, показано влияние международной обстановки на эволюцию взглядов французского барона. Большое внимание уделено выявлению ключевых идей, которые де Кубертен связывал с будущим развитием олимпийского движения.

Ключевые слова: Франция, Великобритания, Пьер де Кубертен, XIX век, Олимпийские игры, Греция

Возрождение в XIX в. Олимпийских игр, этого великого и всемирно узнаваемого символа античности, неразрывно связано с именем Пьера де Фреди, барона де Кубертена (1863–1937).

Несмотря на то что за рубежом уже опубликован ряд работ, посвященных барону де Кубертену, в нашей стране до сих пор не появилось специального исследования, посвященного общественно-политическим взглядам этого знаменитого француза. В зарубежной литературе имеют место самые различные оценки наследия Кубертена. С одной стороны, его друзья-современники и последователи, включая членов Международного Олимпийского комитета (МОК), возвели его в ранг иконы, «великого гуманиста» XIX в., создав, таким образом, своего рода «агиографическую» литературу [Boulongne 1975: 3–5; Еуquet 1966: 7–9]. С другой стороны, существует литература, в которой Кубертен осуждается как «великий первосвященник спортивной религии», а олимпийский спорт даже приравнивается к фашизму [Brohm 2008: 12–15].

Зарубежная историография по Кубертену, конечно, представлена не только «белой» и «черной» легендами. Существует и более взвешенный подход к личности и деяниям французского барона. Например, американский исследователь Эжен Вебер охарактеризовал Кубертена как «аристократа конца XIX в.» [Weber 1970: 5–7]. Психолог и антрополог Джон Мак-Эллун попытался описать поведенческие модели Кубертена, используя инструментарий психолога и социолога, при этом получился довольно противоречивый портрет. Так, по мнению Мак-Эллуна, деятельность Кубертена была мотивирована «гневом, патриотизмом, гордостью за семью, ложной гордостью, чувством неполноценности, альтруизмом, фрустрацией, элитизмом и эгалитаризмом, и все это наряду с мечтами о доблести, подвигах и неземным мужеством» [MacAloon 1981: 56]. Немецкий историк Д. Канц изучал связи Кубертена с либералами и пацифистами Европы конца XIX в. [Quanz 1993: 14]. Французские историки длительное время не видели в Кубертене объект для научных исследований, во-первых, потому что спортивная история казалась им не столь значимым полем, а во-вторых, потому что Кубертен виделся как слишком большой англофил и узкоэлитарный деятель. Поскольку он не был политиком Третьей республики, считалось, что изучение его взглядов и деятельности не представляет научного интереса [Clastres 2010]. Ситуация начала меняться в 1970-е годы, когда после известных событий мая 1968 г. во Франции постмодернизм открыл французским интеллектуалам новые направления для исследований [Clastres 2005]. Начали выходить биографии Кубертена. В 1994 г. вышла книга о нем Жана Дюрри в карманном формате, которую можно было бы определить как мини-справочник, где были собраны наиболее значимые факты из биографии Кубертена, его отдельные высказывания [Dutry 1994: 1–96]. В 2008 г. вышла биография, написанная Даниэлем Бермоном; в ней впервые использовались материалы частных архивов, а также семейного архива Кубертенев [Bermond 2008: 1–432], что позволило создать более взвешенный образ основателя современных Олимпийских игр.

В настоящем исследовании сделана попытка рассмотреть общественно-политические взгляды Кубертена, изучить причины возрождения им Олимпийских игр в XIX в., исследовать его отношение к античности, определить вклад в развитие олимпийского движения. Хронологически работа охватывает период с 1863 по 1896 г., т. е. до первой Олимпиады, ко времени которой ключевые идеи олимпийского движения были в основном сформулированы Кубертенем. Основным источником является сборник избранных работ Кубертена, опубликованный в Лозанне в 2000 г. Международным Олимпийским комитетом [Coubertin 2000].

П. де Кубертен родился в Париже 1 января 1863 г. и был четвертым ребенком в семье. С детства барон воспитывался в аристократической, вполне консервативной среде французского высшего общества. Родители Пьера были убежденными монархистами. Однако если его отец, потомственный аристократ Шарль Фредри де Кубертен, слыл орлеанистом — сторонником правившей во Франции с 1830 по 1848 г. королевской династии Орлеанов, то мать, Мари-Марсель Жиго де Криснуа, была сторонницей другой королевской династии — Бурбонов, которые были свергнуты Орлеанами в результате Июльской революции 1830 г.

Пьер де Кубертен учился в школе иезуитов в Париже. После окончания школы юный барон, как и многие его сверстники-аристократы, хотел сделать

военную карьеру и готовился к поступлению в Сен-Сир, однако провалился на вступительных экзаменах. После этой неудачи он решил заняться юриспруденцией и стал изучать право в католическом институте в Париже. Тем не менее некоторый военный опыт барона оказал влияние на его лексикон, поскольку в дальнейшем французский аристократ будет активно использовать военную терминологию, рассуждая о спортивных состязаниях.

В 1870–1880-е годы формировались социально-политические взгляды юного барона. В воззрениях Пьера де Кубертена причудливо сочетались идеи, присущие одновременно либерализму и консерватизму. Если консерватизм как система взглядов был привит Кубертену еще в семье, то с либеральными идеями Пьер познакомился в Свободной школе политических наук в Париже, один из политических кружков которой он активно посещал в 1870–1880-е годы. Как принято считать, уже в 1887 г. Пьер де Кубертен, монархист по воспитанию, стал сторонником республиканского государственного устройства, в то время как его монархически настроенные сверстники приняли республиканский строй позднее — после 1889 г., когда во Франции провалилась попытка реставрации монархии, предпринятая генералом Жоржем Буланже. Республиканизм воспринимался многими образованными французами как синтез идей прогресса и умеренного, здорового консерватизма, сочетание традиций и политических новаций. В эти годы Кубертен выступал одновременно против деспотизма и анархии в защиту идей свободы и частной собственности. Уже в ранние годы он начал думать, что в интересах нации общественные элиты через систему патроната должны взять на себя ответственность по защите прав и свобод обездоленных рабочих.

В 1880-е годы Кубертен постепенно становился сторонником английского общественно-политического пути развития в противовес прусскому милитаристскому варианту. В 1886 г. под влиянием прослушанных лекций известного французского социолога Фредерика Ле Пле и крупного историка Ипполита Тэна Кубертен отправился в Англию, где изучал образовательную систему этого государства. Это было особенно актуально, поскольку как раз в те годы во Франции активно дебатировалась проблема проведения образовательной реформы. Кубертен считал, что основная причина британского динамизма и, как следствие, чувство собственного превосходства англичан в различных областях кроется в системе физического воспитания. Поэтому, вернувшись из Великобритании, он начал кампанию по продвижению и пропаганде спортивных состязаний как составной части школьного образования во Франции. В качестве образца Кубертен взял систему физического воспитания, практиковавшуюся в британских университетах. После поездки в Соединенные Штаты Америки в 1889 г. Кубертен загорелся идеей создать во Франции «республику спортсменов» — организацию, члены которой строго соблюдали бы все предписанные правила, уважали бы противника, подчинялись своему командиру — «капитану», были бы смелыми и отважными. Организация спортивных состязаний задумывалась бароном как возможность скрепить командный дух и в конечном итоге сформировать новые социальные элиты французского общества.

Можно заключить, что активное участие Кубертена в политических либеральных кружках в Париже, а затем несколько его поездок в либеральную Великобританию и демократические Соединенные Штаты Америки способствовали существенной эволюции взглядов барона от умеренного консерватора-военного в сторону горячего либерала в англосаксонском понимании.

Кроме того, Пьера де Кубертена можно смело назвать продолжателем идей итальянских гуманистов XIV–XV вв. Французский аристократ на протяжении всей жизни верил в прогресс, огромный потенциал и возможности человека.

Основополагающей идеей гуманиста Кубертена было достижение взаимопонимания между нациями. Он считал, что постепенно нации могли бы перейти от состояния невежества и неприятия друг друга к взаимному уважению и учету интересов каждого народа. В эпоху, когда в европейских государствах сверху активно насаждался культ национализма и шовинизма, такие мысли можно было бы назвать очень смелыми. Путем ведения постоянного международного диалога Кубертен надеялся умиротворить возможные конфликты и избавить мир от кровопролитных войн. Мир между нациями — безусловно, эта ключевая идея стала мотором всей дальнейшей общественно-политической деятельности Кубертена.

Барон де Кубертен понимал мир как одну из «первоочередных нужд современных демократий» и полагал, что «здоровая демократия, а также мудрый и миролюбивый интернационализм проложат свой путь к стадиону» [Coubertin 2000: 537]. Из его работ 1880-х годов можно понять, что он руководствовался следующими базовыми принципами, которые, по его мнению, должны были лечь в основу европейских демократий: сочетание интернационализма и патриотизма, уважение и отсутствие любой дискриминации и, как следствие, примирение наций. Таким образом, либерал Кубертен эволюционировал в сторону пацифизма и видел именно в спорте средство умиротворения наций; отвергая в целом идею национализма, он мыслил в духе либерального космополитизма.

Чтобы лучше понять значение усилий Кубертена по продвижению спорта в массы, важно уловить суть эпохи. Последняя треть XIX в. была временем военно-политического раскола на европейском континенте. После окончания франко-прусской войны 1870–1871 гг. Европа ожидала новых военных конфликтов. Германская империя, возродившаяся в Версале, где еще пару веков назад французские короли решали судьбы ойкумены, а в 1871 г. был подписан унизительный для Франции мирный договор, жаждала новых военных триумфов. Франко-германский конфликт лег в основу политической нестабильности в Европе. Французские и германские дипломаты спешно пытались найти себе союзников на случай новой войны при дворах европейских монархов. Европа была расколота надвое. Именно в этих условиях и рождался гений французского барона.

С конца 1880-х годов Кубертен активно публиковался, издавал журнал «La Revue athlétique», выступал с открытыми лекциями, в 1889 г. организовал международный конгресс в Париже, а с 1890 г. постоянно ездил по французским лицам, разъясняя свои намерения. Встречали его по-разному — особенно скептически настроенными были религиозные школы Франции. Во многом неприятие новых подходов идеалиста Кубертена было связано с прежней практикой спортивной подготовки во Франции, отвечавшей задачам военной службы. Кроме того, к тому времени во Франции уже существовала Национальная лига физического воспитания, созданная в 1888 г. Паскалем Груссе — радикальным журналистом, считавшим, что спорт не должен оставаться лишь привилегией общественных элит и что все граждане должны получить возможность заниматься спортом. Поэтому он не доверял Кубертену, считая того защитником богатых, и не поддержи-

вал английские увлечения барона. Сам же антиклерикал Груссе был вдохновлен древнегреческой системой физического воспитания.

Пьер де Кубертен, напротив, в отличие от многих своих современников очень любил ссылаться на античность как на образцовый источник спортивных состязаний. Поначалу Кубертен был далек от идеи слепого копирования Игр античности. В основе его рассуждений лежали не стремление возродить античные традиции, а идеология англосаксонского либерального пацифизма, принципы международного права, идея созывов конгрессов наций, либеральное понимание образовательной системы.

Вообще отношение Кубертена к Древней Греции было довольно сложным и противоречивым. С одной стороны, он, как и многие другие его современники, считал, что Древняя Греция открыла миру тайну гармонии между телом и разумом, которую последующие поколения утратили. Но это вовсе не означало, что он всецело восхищался античностью, скорее наоборот, он относился к ней скептически. Так, он писал, что планировка древней Олимпии была «хаотичной», «непрактичной и раздражающей» (*impractical and bothersome*), и жалел древних зрителей, «сидевших строгими рядами на своих мраморных скамьях, сжигаемых солнцем или мерзнувших в тени» [Coubertin 2000: 352]. Сравнивая прошлое и настоящее, Кубертен замечал, что спортивные состязания античности в чистом виде не очень сопоставимы с реалиями последней трети XIX в. — эпохи, отличающейся техническими и архитектурными усовершенствованиями [Ibid.: 257, 276]. Французский барон также осознавал все ужасы рабства как мрачной страницы в истории античной цивилизации, но в то же время признавал, что и у современного ему общества были свои пороки, в частности алкоголизм [Ibid.: 277].

Кубертен был убежден, что Древняя Греция по моральным критериям не находилась выше европейского общества XIX столетия и что древние греки не во все времена высоко ценили спортивные практики:

...Кроме того, культура спорта в Греции никогда не была распространена в той степени, как мы полагали <...>. Если мы внимательно прочтем исторические тексты, то увидим, что многие древние авторы отражают распространенные в то время представления о враждебном отношении общественного мнения Древней Греции к физическим упражнениям. К тому же те, кто занимался физическими упражнениями, вовсе не рассматривались как образцы добродетели и целомудрия [Ibid.: 167].

Кубертен также утверждал, что древние Олимпийские игры обязаны своей долгой жизни «зрелищу, шумихе и рекламе», а вовсе не их гармонии между телом и разумом, и что в конце концов эти игры оказались коррумпированными [Ibid.: 209].

На самом деле барон почти ничего не знал об истории Олимпийских игр, его это не интересовало, однако он испытывал практический интерес к методике физической подготовки, практиковавшейся в древнегреческих афинских гимназиях, и тому, насколько ее можно было применить в современных ему французских реалиях.

Кроме того, большое значение Кубертен также придавал такому понятию, как *ekecheiria*, которое чаще всего переводят как «олимпийское перемирие» [Boniface 2012: 22]. В основу олимпийского перемирия была положена древнегреческая традиция, датированная еще IX в. до н. э. и связанная с предсказанием Дельфийского оракула, определившего перемирие на время Олимпийских игр как один из способов прекращения любых войн и конфликтов на Пелопоннесе. Этот принцип *ekecheiria* отвечал пацифистским чаяниям и устремлениям барона.

Мир через спортивные состязания, победа духа — эти идеи стали краеугольными камнями дальнейшей деятельности Кубертена. Чтобы взаимоуважение привело к миру, должна быть заложена основа для этого, считал Кубертен. Такой основой он видел всемирную историю, точнее, понимание исторических процессов и закономерностей, которые могли бы объединить людей.

История должна сохранить международный мир... История может сделать и больше даже для социального мира <...> Только история может испытать атмосферу (*test the atmosphere*), просигнализировать о приближении ураганов и понять их направление в умах людей. [И далее:] История — это также лучшая гарантия мира. Просить людей любить друг друга — это ребячество <...> Просить их уважать друг друга — это не утопия, но для того чтобы уважать друг друга, они для начала должны узнать друг друга. Единственная настоящая основа для мира — принять во внимание точные хронологические и географические контуры всемирной истории в том виде, как ей об-
учают сейчас [Coubertin 2000: 227–228, 583].

В целом же знания по истории античности у прагматичного Кубертена были довольно поверхностными. История сама по себе, как и Олимпийские игры, интересовала барона исключительно как прикладное знание и постольку, поскольку отвечала его намерениям повысить уровень физической подготовки французской нации (древнеафинские гимнасии) и отстаивать принципы пацифизма и миротворчества (олимпийское перемирие). Остальные аспекты античной истории его совершенно не интересовали. История же была важна Кубертену для придания большего веса собственным словам, т. е. он апеллировал к авторитетам прошлого. И в этом смысле с историей как таковой Кубертен мог обходиться достаточно вольно.

Кубертена скорее интересовала сама идея Олимпийских игр, а не те виды спорта, которые практиковались на античных Олимпиадах. Он был ревностным англоманом и хотел наполнить современные ему спортивные состязания именно британскими видами спорта.

Действительно, Кубертен в большей степени был увлечен британскими видами спорта, такими как английский бокс, теннис, гребля, футбол, регби, спортивная ходьба или такими элитарными в то время видами, как конный спорт и фехтование. Он активно практиковал именно их, оставаясь в первую очередь спортсменом-любителем и педагогом. По мнению барона, только занятия этими видами спорта могли позволить последующим поколениям французов догнать в своем развитии такие передовые страны Европы, как Великобритания и Германия. Общей задачей для Кубертена

было вернуть Франции ее былое величие, которое она потеряла в результате сокрушительного поражения от Германии в 1871 г.

В то же время в XVIII–XIX вв. благодаря археологическим раскопкам Эллады, и в частности греческая Олимпия, вновь заняли достойное место в умах европейцев. К тому времени начинало развиваться олимпийское движение. Так, в Швеции в 1833 г. профессор Лундского университета Густав Шартау основал Олимпийский союз. Под его эгидой в 1834 г. в местечке Рамлёса в провинции Сконе были проведены Скандинавские игры по примеру древнегреческих Олимпийских игр, которые были названы Олимпийскими играми. В этих соревнованиях приняли участие всего 42 спортсмена. Игры оказались удачными, и Шартау организовал новые Олимпийские игры в 1836 г.

В Великобритании Вильям Пенни Брукс основал Олимпийское общество, которое с 1850 г. проводило так называемые Олимпийские фестивали в Англии, в небольшом городишке Мач-Уэнлок в графстве Шропшир¹. В 1866 г. в Лондоне состоялись Национальные Олимпийские игры, но своего логического развития идея проведения Олимпиад не получила ни в Англии, ни в Швеции.

В Греции, обретшей независимость в 1830 г., также задумались о возрождении Олимпийских игр. Так, крупный греческий меценат и один из богатейших людей Европы того времени Евангелис Заппас на свои деньги и при поддержке греческого короля Оттона I провел в 1859 г. в Греции Олимпийские игры, участвовать в которых, по условиям соревнований, смогли только греки. Затем спорадически такие игры проходили в 1870, 1875, 1877, 1889, 1891 и 1893 гг. Освободительное движение против Османской империи, начавшееся в Греции в 1821 г., породило в Европе моду на грекофильство. Таким образом, Кубертен не был первым, кто захотел реанимировать древние Олимпийские игры, но его роль состоит в том, что он впоследствии сумел придать поистине международный характер олимпийскому движению.

Впервые Кубертен сформулировал идею возрождения Олимпийских игр 25 ноября 1892 г. во время пятой годовщины основания Союза французских атлетических обществ (USFSA) и связал эту идею с миротворчеством. Тогда он писал:

Существуют люди, которых вы называете утопистами, но когда они говорят, появляются другие люди, которые верят в постепенное уменьшение рисков развязывания войны, и я не вижу в этом ничего утопичного. Совершенно очевидно, что изобретение телеграфа, телефона, развитие железнодорожного сообщения, страстный научно-исследовательский поиск, проведение конгрессов и выставок сделали гораздо больше для поддержания мира, чем любой договор или дипломатическая конвенция. Впрочем, я надеюсь, что атлетика и занятия спортом сделают даже больше. Те, кто видели 30 тысяч человек, бегущих под дождем, чтобы посетить футбольный матч, поймут, что я не преувеличиваю. Позвольте нам экспортировать гребцов, бегунов и фехтовальщиков. Существует свободная торговля будущего (free trade of the future), и в тот день, когда она будет введена в стенах старой Европы, дело мира получит новую и сильную поддержку [Coubertin 2000: 297].

¹ Некоторые исследователи помещают городок Мач-Уэнлок в Уэльс [Clastres 2010]. Дело, видимо, в том, что Шропшир граничит с Уэльсом, и в раннее Средневековье (по крайней мере до VIII в.) территория нынешнего графства Шропшир входила в состав Уэльса.

Тогда миротворческая идея Кубертена не вызвала энтузиазма во французском обществе. Научное сообщество Франции никак не поддержало барона, оставшись холодным и неприветливым к его инициативам реанимировать один из величайших символов античности и тем самым еще больше актуализировать тему древней истории Европы. У проекта Кубертена нашлось немало критиков и недоброжелателей. Многие называли его «иллюзорным», «утопичным», «наивным»; некоторые даже обвиняли барона, говорившего о стремлении к миру, в лицемерии и ханжестве [Callebat 1988: 195].

По мысли Кубертена, воспитание через спортивные состязания могло бы впоследствии привести к воспитанию миролюбия у молодежи, причем Кубертен даже замыслил создать общемировую единую образовательную систему, которая бы служила делу сохранения мира. Именно в образовании Кубертен видел источник развития и самосовершенствования человека. Спорт как неформальный метод воспитания молодежи мог также успешно использоваться как средство подавления агрессии, которое, как считал Кубертен, всегда проявлялось спонтанно и было свойственно всем людям [Mandell 1990: 61]. Кубертен был убежден, что спорт может сформировать характер и помочь индивиду наладить отношения с окружающими его людьми. Следовательно, занятия спортом несли «этическую миссию», как выражался французский барон; именно последняя должна была стать «центральной для Олимпийского движения и, если она окажется успешной, привести к политическому воспитанию» [Coubertin 2000: 38].

Безусловно, грандиозный проект Кубертена был нацелен в первую очередь на подрастающую молодежь Европы. Барон писал:

Олимпийскому движению поклоняется мирная и доверчивая молодежь. В прошлом году миролюбие и доверие изо дня в день становились невероятно полезными средствами для старой цивилизации, придавая ей недостающие силы. Миролюбие и доверие являются необходимой основой для молодой цивилизации, которая скоро родится среди бушующих штормов. Впрочем, они не являются естественными компаньонами этой цивилизации. С колыбели люди растут обеспокоенными. Через всю жизнь их постоянно сопровождает страх. Как только приближается смерть, страх пронизывает людей насквозь. Человек способен преодолеть страх, так изобретательно беспокоящий его и во время труда, и во время отдыха, благодаря собственной смелости — добродетели, которую некоторые приписывали только далеким предкам, считая, что нынешнее поколение позволило этому цветку завянуть в его руках. Теперь мы знаем, что им сказать [Ibid.: 552].

Кубертен считал, что такое крупное международное событие, как Олимпийские игры, станет «начальной фазой того, чтобы мы сможем назвать современной глобализацией» и превосходным форумом для спортсменов, в которых он уже в конце XIX в. видел «посланников мира». Кубертен сравнивал спортивные соревнования с «мирной войной» — на спортивных площадках должны быть «мирные, куртуазные столкновения», в основу которых положен принцип «честной игры». «Армия атлетов» всегда будет наиболее гуманной,

полной сочувствия и спокойной в спортивном «сражении», считал Кубертен [Ibid.: 299]. Таким образом, спортивные состязания заменят войны и станут самыми миролюбивыми сражениями. Кроме того, французский барон надеялся на то, что Олимпийские игры позволят спортсменам научиться ценить, уважать и понимать своих соперников и их чувства [Brohm 2008: 91; Mandell 1990: 61]. Спорт позволит, с одной стороны, проявить спортсменам любовь к своей родине, а с другой — научиться уважать людей других культур и народов.

Стремление к миру нашло отражение и в религиозном аспекте Олимпийских игр. Если во времена античности спортивные состязания проводились во славу бога Зевса, возглавлявшего пантеон древнегреческих божеств, то Кубертен даже выдвинул идею создания «религии атлетов» (*religio athletae*). Более того, он задумал новую «религию мира», вокруг алтаря которой ежедневно собирались бы тысячи верующих [Coubertin 2000: 537].

В связи с религиозным аспектом Олимпийских игр Кубертен наполнил соревнования различными символами, которые должны были подчеркнуть миролюбие новых соревнований. Так, пять колец олимпийского флага символизировали союз пяти континентов, а белый фон этого флага должен был подчеркнуть мир и гармонию между всеми народами разных континентов. Таким образом, Кубертен пытался организовать соревнования, в которых, с одной стороны, душа и тело каждого спортсмена могли бы обрести гармонию, а с другой — души разных наций также могли бы обрести мир и успокоение [Boulongne 1975: 18].

Под влиянием международного студенческого движения, выступавшего за организацию спортивных встреч между представителями разных стран, Кубертен вновь вернулся к идее проведения Олимпийских игр в 1894 г. во время международных спортивных любительских соревнований в Париже. В этих соревнованиях либерал и пацифист-космополит Кубертен увидел возможность того, как спорт может служить делу мира и объединять разных людей. В июне 1894 г. Кубертен был генеральным секретарем Союза французских атлетических обществ (USFSA). Однако на Международном атлетическом конгрессе, состоявшемся в Сорбонне в том же году, он не имел большого влияния. Вместе с тем там барону удалось поставить вопрос о возрождении Олимпийских игр. Кубертен надеялся заручиться поддержкой коллег, чтобы провести первую Олимпиаду в Париже в 1900 г. параллельно со Всемирной выставкой, которая должна была пройти здесь в том же году.

Однако официальный представитель Греции, член Панэллинского общества гимнастики Деметриус Викелас настоял на том, чтобы первые Олимпийские игры нового времени прошли на их исторической родине — в Греции, а точнее, в Афинах; он же был избран первым президентом МОК. Он также предложил включить все известные виды спорта в программу Олимпийских игр. После их проведения весной 1896 г. греческий король Георг и его окружение хотели, чтобы все последующие Олимпийские игры проходили исключительно в Греции. В этом смысле большая заслуга Кубертена заключалась в том, что он смог придать олимпизму действительно международный характер, убедив всех заинтересованных лиц в необходимости каждые четыре года переносить с места на место олимпийскую столицу и вручать бразды правления стране-хозяйке Олимпийских игр.

Большую роль в развитии олимпийского движения сыграли международные неправительственные миротворческие организации, с которыми барон де Кубертен тесно контактировал: Международный центр пацифизма (International Centre for Pacifists), Международное бюро мира (The International Peace Bureau), Красный Крест, Всемирная эсперанто-ассоциация, а также скаутское движение. Поэтому не кажется таким уж удивительным тот факт, что 80% почетных членов МОК, собравшихся на учредительном конгрессе в Париже в 1894 г., представляли национальные комитеты международных миротворческих организаций, а пятеро из них впоследствии стали лауреатами Нобелевской премии мира [Quanz 1993: 4]. Со многими лауреатами Нобелевской премии мира (Эли Дюкоммен, Фредериком Пасси, Фредериком Байером и Анри Лафонтеном) Кубертен был знаком лично.

Хотя французский барон никогда не входил в европейское движение за мир, не был его активистом и участником, однако вся его жизнь была пронизана идеями миротворчества и пацифизма. В январе 1936 г. барон де Кубертен был сам выдвинут на получение Нобелевской премии мира. Инициатором выдвижения кандидатуры Кубертена стал его друг Теодор Левальд — президент Оргкомитета Олимпийских игр 1936 г. в Берлине. Выступая на сессии МОК в Осло в феврале 1935 г., Левальд охарактеризовал Кубертена как «одного из последних великих гуманистов», который придерживался идеи всеобщего примирения [Goksoyr 2003: 189]. Кандидатуру барона тогда поддерживали президент МОК Генри Баллет Латур и национальные олимпийские комитеты. Официальное письмо-представление на выдвижение кандидатуры Кубертена было подписано представителями Франции, Италии, Великобритании, Японии и Польши. Однако в 1936 г. премию барон не получил. Умер он 2 сентября 1937 г. в Женеве, так и не став нобелевским лауреатом.

Однако вклад Кубертена от этого не менее велик. Идеи миротворчества, верным сторонником которых всегда был французский барон, в наше время особенно актуальны. Олимпийские игры, как и раньше, продолжают собирать миллионы болельщиков по всему миру, делая людей разных наций и вероисповедования ближе и понятнее друг другу.

Литература

- Bermond 2008 — *Bermond D.* Pierre de Coubertin. Paris: Perrin, 2008.
- Boniface 2012 — *Boniface P.* Jeux Olympiques politiques. Paris: J.-C. Gawsewitch Éditeur, 2012.
- Boulongne 1975 — *Boulongne I.* La vie et l'oeuvre pédagogique de Pierre de Coubertin 1863/1937. Ottawa: Leméac, 1975.
- Brohm 2008 — *Brohm J.-M.* Pierre de Coubertin, le seigneur des anneaux: aux fondements de l'olympisme. Paris: Homnisphères, 2008.
- Callebat 1988 — *Callebat L.* Pierre de Coubertin. Paris: Fayard, 1988.
- Clastres 2005 — *Clastres P.* Inventer une élite: Pierre de Coubertin et la «chevalerie sportive» // *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques*. Vol. 22. No. 2. 2005. P. 275–296.
- Clastres 2010 — *Clastres P.* Playing with Greece. Pierre de Coubertin and the motherland of humanities and Olympics? // *Histoire@Politique*. Politique, culture, société. No. 12. 2010. URL: <http://www.histoire-politique.fr/index.php?numero=12&rub=autres-articles&item=56>.

- Coubertin 2000 — Pierre de Coubertin 1863–1937: Olympism: Selected writings / Ed. by N. Müller. Lausanne: IOC, 2000.
- Durry 1994 — *Durry, J.* Le vrai Pierre de Coubertin: La vie, L'oeuvre, Les textes-clé. Paris: Comité Français Pierre de Coubertin, 1994.
- Eyquem 1966 — *Eyquem M.-T.* Pierre de Coubertin, L'Épopée Olympique. Paris: Calmann-Lévy, 1966.
- Goksoyr 2003 — *Goksoyr M.* Norway: Neighborly neutrality // The Nazi Olympics: Sport, politics, and appeasement in the 1930s / Ed. by A. Krüger, W. Murray. Urbana: Univ. of Illinois Press, 2003. P. 175–194.
- MacAloon 1981 — *MacAloon J. J.* This great symbol: Pierre de Coubertin and the origins of the modern Olympic Games. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981.
- Mandell 1990 — *Mandell R. D.* Las Primeras Olimpiadas Modernas: Atenas, 1896. Barcelona: Bellaterra, 1990.
- Quanz 1993 — *Quanz D. R.* Civic pacifism and sports-based internationalism: Framework for the founding of the International Olympic Committee // *Olympika: The International Journal of Olympic Studies*. Vol. 2. 1993. P. 1–23.
- Weber 1970 — *Weber E.* Pierre de Coubertin and the introduction of organized sport in France // *Journal of Contemporary History*. Vol. 2. 1970. P. 3–26.

PIERRE DE COUBERTIN AND THE REVIVAL OF OLYMPIC GAMES IN THE 19TH CENTURY

Ignatchenko, Igor V.

PhD (Candidate of Science in History)

Associate Professor, Department of General History,

School of Public Policy,

School of Advanced Studies in the Humanities,

The Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: ignatchenko_igor@mail.ru

Abstract. The article analyses the views of the eminent French and international public activist of the 19th century, Baron Pierre de Coubertin, and considers his contribution to the development of the international Olympic movement. De Coubertin's activities are placed within a wider context of bloc confrontations of the last third of the 19th century; in particular, the article shows the influence of the international situation on the evolution of the French baron's views. Considerable attention is paid to identifying the key ideas of de Coubertin concerning the future development of the Olympic movement. Pierre de Coubertin can be called a follower of the ideas of 14th–15th century Italian humanists. Throughout his life, this French aristocrat believed in progress, in the vast potential and possibilities of man. The fundamental aim of the humanist Coubertin was to achieve mutual understanding between nations through sport competitions and education.

Keywords: France, Great Britain, Pierre de Coubertin, 19th century, Olympic Games, Greece

References

- Bermond, D. (2008). *Pierre de Coubertin*. Paris: Perrin. (In French).
- Boniface, P. (2012). *Jeux Olympiques politiques*. Paris: J.-C. Gawsewitch Éditeur. (In French).
- Boulongne I. (1975). *La vie et l'oeuvre pédagogique de Pierre de Coubertin 1863/1937*. Ottawa: Leméac. (In French).
- Brohm, J.-M. (2008). *Pierre de Coubertin, le seigneur des anneaux: aux fondements de l'Olympisme*. Paris: Homnisphères. (In French).
- Callebat, L. (1988). *Pierre de Coubertin*. Paris: Fayard. (In French).
- Clastres, P. (2005). Inventer une élite: Pierre de Coubertin et la “chevalerie sportive”, *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques*, 22(2), 275–296. (In French).
- Clastres, P. (2010). Playing with Greece. Pierre de Coubertin and the motherland of humanities and Olympics? *Histoire@Politique. Politique, culture, société*, 12. Retrieved from <http://www.histoire-politique.fr/index.php?numero=12&rub=autres-articles&item=56>.
- Durry, J. (1994). *Le vrai Pierre de Coubertin: La vie, L'oeuvre, Les textes-clé*. Paris: Comité Français Pierre de Coubertin. (In French).
- Eyquem, M.-T. (1966). *Pierre de Coubertin, L'Epopée Olympique*. Paris: Calmann-Lévy. (In French).
- Goksoyr, M. (2003). Norway: Neighborly neutrality. In A. Krüger, W. Murray. *The Nazi Olympics: Sport, politics, and appeasement in the 1930s*, 175–194. Urbana;: Univ. of Illinois Press.
- MacAloon, J. J. (1981). *This great symbol: Pierre de Coubertin and the origins of the modern Olympic Games*. Chicago: The Univ. of Chicago Press.
- Mandell, R. D. (1990). *Las Primeras Olimpiadas Modernas: Atenas, 1896*. Barcelona: Bellaterra. (In Spanish).
- Müller, N. (Ed.). (2000). *Pierre de Coubertin 1863–1937: Olympism: Selected writings*. Lausanne: IOC.
- Quanz, D. R. (1993). Civic pacifism and sports-based internationalism: Framework for the founding of the International Olympic Committee. *Olympika: The International Journal of Olympic Studies*, 2, 1–23.
- Weber, E. (1970). Pierre de Coubertin and the introduction of organized sport in France. *Journal of Contemporary History*, 2, 3–26.

To cite this article:

IGNATCHENKO, I. V. (2018). P'ER DE KUBERTEN I VOZROZHDENIE OLIMPIISKIKH IGR V XIX V. [PIERRE DE COUBERTIN AND THE REVIVAL OF OLYMPIC GAMES IN THE 19TH CENTURY]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 80–91. (IN RUSSIAN).

Received January 23, 2018

Матюшина Инна Геральдовна

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник,

Институт высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: +7 (495) 438-28-54

E-mail: I.Matyushina@exeter.ac.uk

«БИТВА В ФИННСБУРГЕ» И ПЕСНЬ СКОПА НА ПИРУ В «БЕОВУЛЬФЕ»

Аннотация. В статье предлагается реконструкция сюжета несохранившегося сказания о битве в Финнсбурге на основании сопоставительного анализа дошедшего до нас отрывка поэмы, состоящего из 48 строк, и эпизода из англосаксонского эпоса «Беовульф» (строки 1068–1158). Понимание эпического слова как совмещающего целый спектр значений, одновременно воспринимаемых аудиторией, позволяет предложить новое истолкование поэтической лексики, издавна вызывающей разногласия исследователей.

Отрывок поэмы, условно называемый «Битвой в Финнсбурге», дает пример наиболее древней повествовательной формы — краткой героической песни, восходящей к общегерманскому периоду и предназначенной для устного исполнения. Именно устное исполнение описывается в «Беовульфе» в сцене на пиру, во время которого певец поет песнь о Финнсбургском сражении. Помимо главной темы и нескольких общих персонажей, между уцелевшим отрывком поэмы и Финнсбургским эпизодом в «Беовульфе» не так много сходства, как принято считать. В отличие от эпизода в «Беовульфе» в отрывке «Битвы в Финнсбурге» действие продвигается благодаря речам персонажей, составляющим почти половину сохранившегося текста. Если отрывок сосредоточен на описании самой битвы, то Финнсбургский эпизод содержит краткий, насыщенный аллюзиями рассказ о ее последствиях. Весь спектр персонажей редуцирован в эпизоде до двух наиболее выдающихся героев — Хильдебурга и Хенгеста. События излагаются подчеркнуто отстраненно в третьем лице, речи персонажей отсутствуют, появляются суммирующие, объяснительные, описательные предложения, литоты. Попадая в контекст книжного эпоса, краткая героическая песнь с ее динамизмом и драматичностью повествования изменяет тональность, становится более отстраненной, ретроспективной, литературной.

Ключевые слова: Беовульф, Финнсбург, эпическая поэзия, героическая песнь, книжный эпос, устная традиция, устное исполнение

Рукопись фрагмента поэмы, условно названной исследователями «Битвой в Финнсбурге», не сохранилась. Текст отрывка, состоящий из 48 строк, известен только по публикации Джорджа Хикса (Lingvarum Vett. Septentrionalium Thesaurus 1705 г.) [Hickes 1705: 192–193]¹. Предполагалось, что опубликованный Хиксом текст мог быть основан на одной из Ламбетских рукописей, содержащих собрание англосаксонских проповедей (Lambeth Palace MS. 487, XIII в., или Lambeth Palace MS. 489, XI в.) [Fry 1974: 1]. Публикация Хикса, вероятно, не свободна от ошибок: некоторые необычные написания, например, *Eastun* (3) или *weuna* (25), очевидно, появились благодаря прочтению графемы «a» как «u». Исследователи вносили исправления в текст сохранившегося отрывка с большей легкостью, чем в остальные англосаксонские поэмы, поэтому в настоящее время существует столько же вариантов текста поэмы, сколько ее изданий.

Конъектуры нередко вызваны стремлением издателей поэмы добиться соответствия ее метрической организации правилам регулярного аллитерационного стиха². В дошедшем до нас тексте заметны нарушения канонов древнегерманского стихосложения в расстановке аллитерации. Если в классическом стихе из аллитерации исключаются личные формы глагола, то в «Битве в Финнсбурге» такая аллитерация используется на протяжении трех строк (и только в одном случае аллитерация попадает на существительное *wigend*):

Ac onwacnigeað nu, / wigend mine; // habbað eowre linda; / hicgeaþ on ellen, // winnað on orde, / wesað onmode³.

Но просыпайтесь теперь, мои воины, берите свои щиты из липы, о мужестве помышляйте, в первых рядах сражайтесь, будьте смелы духом (10–13).

Личная форма глагола (*wæs*), скорее всего, вовлекается в аллитерацию и в строке Ða wæs on healle / wæl-slihta gehlyn — «Тогда был [раздавался] в палатах битвы гром» (28), хотя возможна и другая аллитерационная схема, в которой аллитерация падает на последний ударный слог в строке (*healle : gehlyn*). В обоих случаях нарушаются главные принципы метрической структуры древнегерманского стиха, согласно которым четвертый ударный слог в строке не мог включаться в аллитерацию. В другой строке (Hig fuhton fif dagas, / swa

¹ Предполагалось, что текст «Битвы в Финнсбурге» был записан не Хиксом, а его коллегой палеографом Хамфри Уэйнли [Orchard 2003: 174].

² В издании Хольтхаузена, например, допущено 9 конъектур метрического характера в 48 строках «Битвы в Финнсбурге» [Holthausen 1938: 104–105]. Конъектуры были отвергнуты другими издателями, например Чеймберсом, который принял только две из них (в строках 30 и 41) и Макки [Mackie 1917: 250–273].

³ Одинарная черта означает цезуру вмежду краткими строками, двойная — цезуру между долгими строками.

hyra nan ne feol — «Они бились пять дней, и ни один из них не пал», 41) аллитерация тоже или распространяется на последний четвертый ударный слог в строке, или отсутствует.

Метрически недостаточны (т. е. содержат всего один, а не два ударных слога) такие краткие строки в поэме, как *Hleoþrode ða* «тогда ответил» (2a), *undearnunga* «нескрытно» (22b), которые не соответствуют ни одному из пяти типов метрической организации строк аллитерационного стиха, выделенных Эдуардом Сиверсом. Напротив, метрически избыточны (т. е. включают более двух ударных слогов) такие строки, как *‘Sigeferþ is min nama’ sweþ he, / ‘ic eom Secgena leod’* (24) — «Сигеферт мое имя, — сказал он, — я из людей сеггенов», которым трудно найти параллели в классическом стихе (формула *sweþ he* «сказал он», в частности, не встречается ни в одной древнеанглийской поэме, кроме «Битвы в Финнсбурге»). Если отказаться от многочисленных конъектур, предлагавшихся издателями в течение нескольких веков, то следует признать, что в оригинальном тексте поэмы были допущены многочисленные метрические отклонения от нормы аллитерационного стиха.

Трудно реконструировать и содержание сохранившегося фрагмента «Битвы в Финнсбурге», так как изображаемое в ней сражение данов и фризов не отражено ни в англосаксонской, ни в скандинавской словесности. Единственное исключение составляет эпическая поэма «Беовульф» (*Codex Vitellius A. XV, fol. 156a–158b*), в которой содержится песнь на сходную тему (1063–1160). Эта песнь (обычно называемая исследователями Финнсбургским эпизодом) исполняется на пиру у датского конунга Хродгара⁴. Можно было бы видеть в таком совпадении редкостную удачу, однако даже эпизод в «Беовульфе» не позволяет полностью истолковать дошедший до нас отрывок «Битвы в Финнсбурге». Повествование в обеих песнях крайне сжато и содержит отсылки на не всегда известные нам сказания. Отдельные детали до сих пор вызывают разногласия исследователей, не оставляющих, тем не менее, надежду реконструировать оригинальный текст обеих поэм.

В Финнсбургском эпизоде «Беовульфа» рассказывается о гибели при фризском дворе предводителя датской дружины Хнэфа, сына Хока, в битве со сторонниками Финна, сына Фольквальда, и о последующей мести данов. Датский конунг Хнэф со своими дружинниками явился ко двору фризского короля Финна, вероятно, для того чтобы навестить свою сестру королеву Хильдебург. Основываясь на тексте «Беовульфа», можно предположить, что брак Финна и Хильдебург был заключен для того, чтобы прекратить старую вражду, причина и обстоятельства которой неизвестны [Fry 1974: 13]. Неясно, приехал ли Хнэф к Финну как гость или с намерением вступить в его дружину. На пиру, очевидно, завязалась ссора между данами и фризами, а ночью хозяева напали на своих спящих в палатах гостей.

Здесь начинается известный нам отрывок поэмы. Его начальные слова, возможно, представляют собой последние слова вопроса «...коньки крыш ни-

⁴ Внимание ученых обычно сосредоточено не столько на изучении текста Финнсбургского эпизода в сравнении с сохранившимся отрывком поэмы, носящей условное название «Битва в Финнсбурге», сколько на рассмотрении его в контексте «Беовульфа», без обсуждения которого не обходится ни одно исследование сюжета о битве в Финнсбурге (ср., например: [Williams 1924; Brodeur 1943; Moore 1976; Gwara 2008]).

когда не горят?» (*hornas byrnað næfre*), обращенного, вероятно, к Хнэфу одним из датских дружинников, который сообщает о появлении подозрительного света. Хнэф слышит звон оружия, видит отблески стали в лунном свете, понимает, что фризы под предводительством Финна готовятся к нападению, и предупреждает об этом своих дружинников:

Hleoprode ða / hearo-geong cyning. Ne ðis ne dagað eastan; / ne her draca
ne fleoged; // ne her ðisse healle / hornas ne byrnað. // Ac her forþ beað. /
Fugelas singað; // gylled græg-hama. / Guð-wudu hlynneð; // scyld scefte
oncwyð. / Nu scyneð þes mona // waðol under wolcnum. / Nu arisað wea-
dæda // ðe ðisne folces nið / fremman willað.

Тогда ответил конунг юный в битве: «То не восток светает, не дракон здесь летит, не коньки крыш горят здесь на палатах. Но сюда наступают [враги, фризы]. Птицы кричат, стальная кольчуга звенит [или: серый волк воет]. Боевое дерево гремит, щит копьём отвечает. Ныне луна сияет, странствующая под облаками, ныне готовятся злые дела, которые людская ненависть жаждет совершить (2–9).

Ответ Хнэфа построен на использовании приема отрицательного параллелизма: образы, связанные со светом («восток светает», «коньки крыш горят», «луна сияет») перемежаются со звуковыми картинками («кольчуга звенит», «боевое дерево гремит», «щит копьём отвечает»). Трудно не заметить необыкновенной экспрессивности употребленного здесь приема воспроизведения структуры вопроса в ответе, характерного для фольклорного стиля («...коньки крыш никогда не горят?» — «Не коньки крыш горят здесь на палатах»)⁵: в Финнсбурге светло не от солнца, встающего на востоке и озаряющего коньки крыш, но от лунных отблесков на оружии врагов.

Если в «Битве в Финнсбурге» говорится о том, что при свете луны готовятся (или совершаются) «злые, горестные дела» (*wea-dæda*), то в другой древнегерманской поэме — в «Песни о Хильдебранте» — рассказывается о «злой, горестной судьбе» (*wewurt*), которая тоже «совершается» (*skihit*) независимо от воли героев и ведет к убийству (49). В «Песни о Хильдебранте» используется слово *we-wurt* ‘злая судьба’, первый компонент которого тождествен начальной морфеме древнеангл. *wea-dæda* ‘злые дела’, употребленного в «Битве в Финнсбурге». Однако в отличие от древневерхненемецкой песни, в которой диалог героев преимущественно содержит сообщение фактов, в древнеанглийской поэме речь предводителя датской дружины, предрекающего гибельную для обеих сторон схватку, ни в коей мере не сводима к рассказу о событиях и в высшей степени эмоциональна.

Хнэф заключает свою речь тем, что будит датских дружинников, призывая их на бой:

⁵ Прием воспроизведения структуры вопроса в ответе встречается и в кельтской словесности (вместе с упоминанием о «сладком меде» — *swetne medo* (39), за который воины отплатили предводителю своей доблестью) [Henry 1961; 1966: 216–221; Sims-Williams 1978; Rowland 1990].

Ac onwacnigeað nu, / wigend mine; // habbað eowre linda; / hicgeaþ on ellen, // winnað on orde, / wesað onmode.

Но просыпайтесь теперь, мои воины, берите свои щиты из липы, о мужестве помышляйте, в первых рядах сражайтесь, будьте смелы духом (10–13).

Почти в тех же выражениях Бёдвар Бьярки, дружинник легендарного Хрольва Жердинки, призывает своих воинов на последний бой, в котором им всем суждено погибнуть вместе с Хрольвом, в древнескандинавской «Песни о Бьярки»:

...Вставайте, вставайте, / друзья первейшие, / Вы, достославные / товарищи Адильса, <...> Вы доброго рода, / Не дрогнете духом, / Вас зову не на пир, / не на встречу с подругой, / зову вас на бранные / игры валькирий⁶ [Снорри Стурлусон 1980: 352].

Следует заметить, что в скандинавской песни обращение к воинам строится на использовании повторов («вставайте... вставайте... зову... зову») и антитезы («не на пир, не на встречу с подругой, <...> на бранные игры валькирий»). Напротив, в древнеанглийской поэме воззвание Хнэфа развернуто за счет эпической вариации и насыщено глаголами в повелительном наклонении («просыпайтесь», «берите», «помышляйте», «сражайтесь», «будьте смелы духом»), которые позволяют передать ожидание немедленных действий дружинников.

За призывом Хнэфа в поэме следует рассказ о том, как датские воины готовятся к бою в ожидании нападения врагов (Ða aras mænig goldhladen ðegn, / gyrde hine his swurde — «Тогда встали многие нагруженные золотом витязи, препоясались мечами», 13). Вооружившись, датские дружинники Сигеферт и Эаха встают у одного входа в палаты (Ða to dura eodon / drihtlice cempa, // Sigefeð and Eaha, / hyra sword getugon — «Тогда пошли к дверям знатные воины Сигеферт и Эаха, обнажили свои мечи», 14–15), а Гудлаф и Ордлаф — у другого (and æt ofrum durum / Ordlaef and Guþlaef — «у других дверей Ордлаф и Гудлаф», 16). О Сигеферте и Эахе в Финнсбургском эпизоде «Беовульфа» ничего не говорится, однако там упоминаются имена дружинников Гудлафа и Ослафа (1148), почти тождественные Гудлафу и Ордлафу из «Битвы в Финнсбурге». В «Беовульфе» Гудлаф и Ослаф горюют о трагическом исходе битвы и, возможно, подстрекают Хенгеста к мести. О Хенгесте упоминается как о соратнике Хнэфа и в «Битве в Финнсбурге»: он встает рядом с Гудлафом и Ордлафом, чтобы помочь им в случае необходимости (and Hengest sylf / hwearf him on laste — «и Хенгест сам повернул вслед за ними», 17). Употребление усилительного местоимения, сопровождающего имя собственное (Hengest sylf — «Хенгест сам»), говорит о том, что Хенгест занимал особое положение в датской дружине еще до гибели Хнэфа, и его имя, возможно, упоминалось в несохранившемся тексте поэмы, предшествующем дошедшему до нас отрывку.

⁶ Пер. О. А. Смирницкой.

Действие поэмы внезапно переносится в войско фризов, где фризские воины Гарульф и Гудере выбирают время для нападения:

Ða gyt Garulf / Guðere styrode // ðæt he swa freolic feorh / forman siþe //
to ðære healle durum / hyrsta ne bære, // nu hyt niþa heard / anyman wol-
de; // ac he frægn ofer eal / undearninga // deor-mod hæleþ, / hwa ða duru
heolde.

Тогда Гудере направлял Гарульфа, чтобы тот, столь славный в жизни, в первом походе к дверям палаты, вооруженный, не рвался бы, ибо ныне закаленный в ненависти хотел ее отнять, но он [вероятно, Гарульф] спросил перед всеми, открыто, герой с отважным сердцем, кто дверь охранял (18–23).

Осторожный Гудере останавливает рвущегося в бой Гарульфа⁷, напоминая ему о том, сколь славна его жизнь (swa freolic feorh). Неизвестно, почему создатель поэмы упоминает, что Гарульфа так трудно удержать от битвы, и почему при нем оказывается наставник, пытающийся его остановить. Очевидно, Гарульф принадлежал к знатному роду, возможно, предназначенному править, и его гибель была в интересах оборонявшихся. Далее упоминается, что Гарульф, отпрыск Гудлафа (именно это имя носит датский дружинник Хнэфа, 16), погиб в сече. Нельзя исключать, что отец и сын могли находиться в разных лагерях: сын (Гарульф) мог быть среди нападавших (фризов), а его отец (Гудлаф) — среди оборонявшихся (дружинников Хнэфа). Возможно, в песни использован тот же распространенный мотив битвы отца с сыном, что и в древневерхненемецкой «Песни о Хильдебранде».

Действие вновь переносится в войско данов, обороняющих все входы в палаты, чтобы не дать фризам к ним проникнуть. Сигеферт, сражающийся на стороне данов, отвечает на вопрос Гарульфа:

‘Sigeferþ is min nama’ cweþ he, / ‘ic eom Secgena leod, // wreccea
wide cuð; / fæla ic weana gebad, // heodra hilda. / Ðe is gyt her witod //
swæþer ðu sylf to me / secean wylle’.

«Сигеферт мое имя, — сказал он, — я из людей сеггенов, изгнанник [или: герой] широко известный; я перенес много несчастий, жестоких битв. Тебе, однако, здесь суждено любое из двух [т. е. жизнь или смерть, победа или поражение], что ты сам захочешь от меня получить» (24–27).

Предлагая врагам выбрать из двух единое, Сигеферт не обещает им пощады, но сулит поражение и смерть. Он зовет врагов на бой, и Гарульф, очевидно, вступает в битву, в которой ему суждено погибнуть.

В «Битве в Финнсбурге» Сигеферт говорит о себе, что он из людей сеггенов (Secgena leod); в другом древнеанглийском памятнике («Видсиде») упо-

⁷ Предлагаемая интерпретация следует толкованию Толкиена [Tolkien 1982: 27], однако предполагалось также, что осторожным дружинником был не Гудере, но Гарульф, и именно он останавливал Гудере [Fry 1974: 33].

минается имя Сеферта (или Сэсферта), владыки сегтов или сюггов, возможно, относящееся к тому же лицу. Неизвестно, почему Сигеферт, подобно герою англосаксонских элегий, называет себя изгнанником, перенесшим много несчастий. Возможно, в поэме используется конвенциональный элегический язык, к которому прибегает в Финнсбургском эпизоде и создатель «Беовульфа», рассказывая о Хенгесте (Fundode wrecca, // gist of gearдум — «Изгнанник жаждал уехать, гость из жилищ», 1137b–1138a). Не исключено также, что речь идет о прошлых странствиях героя: Сигеферт мог вступить в датскую дружину незадолго до битвы в Финнсбурге и не может рассчитывать на то, что его имя известно фризам.

Несмотря на многочисленные потери, ни один из данов, охраняющих двери, не отступает. Пять дней (в отличие от Финнсбургского эпизода в «Беовульфе», 1077, где время битвы сокращено до одной ночи) длится кровопролитная схватка:

Ða wæs on healle / wæl-slihta gehlyn. // Sceolde celæс⁸ bord / cenum on handa, // ban-helm⁹ berstan. Buruh-ðelu dynede, / oð æt ðære guðe // Garulf gecrang, // ealra ærest / eorð-buendra, // Guðlafes sunu; / ymbe hyne godra fæla, // hwearflicra, hwær / hræfen wandrode // sweart and sealo-brun. / Swurd-leoma stod // swylce eal Finns-buruh / fyrenu wære.

Тогда раздавался в палатах битвы гром. Белый [или: круглый, кожаный] щит, костей защита должен был треснуть в руках у отважного. Древо крепости звенело, пока в этой битве Гарульф не погиб, сын Гудлафа, первым из всех земных обитателей, и рядом с ним много добрых воинов трупами пали, где ворон кружит, черный, темно-бурый. Свет мечей сиял, будто весь Финнсбург пламенем был объят (28–36).

Приведенные строки содержат упоминание о вороне, традиционное для германской поэзии: в последней части «Беовульфа» предвосхищение конца героического времени символизирует «черный ворон, орлу выхваляющийся обильной трапезой» (3024–2005). Предполагалось, что «цвета ворона здесь не реалистическая деталь, а средство сгустить до предела мрачный колорит всей картины» [Смирницкая 1982: 241]¹⁰. В дошедшем до нас отрывке поэмы цвет ворона противопоставляется сиянию мечей и пламени, объявшему весь Финнсбург.

⁸ Слово *celæс* — *hарах legomenon* с неясным значением [Fulk et al. 2008: 289]. Конъектуры: *celced* ‘меловой, белый’, *celed* (< *cele*) ‘холодный, охлажденный’, *cellod* — производное или от кентского *cylod* < *cyll* ‘кожаная сума или бутыл’ (тогда *cellod bord* — «щит, покрытый кожей»), или от *ceol* ‘киль корабля’ (тогда *hарах* можно толковать как «имеющий форму кили корабля», т. е. «крючковатый, изогнутый, выступающий, остроконечный», или «круглый, полный, закругленный»).

⁹ Слово *ban-helm* — *hарах legomenon* с неясным значением; предлагались следующие конъектуры: *barhelm* — шлем, украшенный изображением вепря; *ban-helm* — «защитник костей», т. е. щит, или шлем, украшенный костями [Fulk et al. 2008: 284].

¹⁰ Как пишет О. А. Смирницкая, «символика цвета вообще играет важную роль в германской поэзии, и лишь очень редко цветовые обозначения встречаются в своей прямой, изобразительной функции» [Смирницкая 1982: 241].

Цветовая деталь («белый мед») добавляется к единственному «авторскому» вторжению в «Битве в Финнсбурге», в котором создатель поэмы выражает восхищение отвагой датских дружинников:

Ne gefrægn ic næfre wurplicor / æt wera hilde // sixtig sige-beorna / sel gebæran, // ne nefre swanas hwitne medo / sel forgyldan, // ðonne Hnæfe guldan / his hægstealdas.

Я никогда не слышал, чтобы более достойно шестьдесят боевых воинов проявили себя в битве, или соратники заплатили за белый мед лучше, чем заплатили Хнэфу его дружинники (37–40).

Возможно, что это «авторское» вторжение — не более чем формульное восклицание, характерное для героической поэзии, ср. использование той же формулы в «Беовульфe»: *no ic gefrægn* — «никогда я не слышал» (575b), *ne gefrægn ic* — «не слышал я» (1027a) [Parks 1987]. Употребление параллелизмов в сочетании с повторами (*næfre... ne nefre... forgyldan... guldan* — «никогда... никогда... не платили... заплатили», 37–40) сообщает особую выразительность единственному «авторскому» восклицанию в сохранившемся фрагменте поэмы.

Окончание дошедшего до нас текста «Битвы в Финнсбурге» не вполне понятно. Здесь рассказывается о том, как сражаются воины, продолжая оборонять входы в палаты:

Hig fuhton fif dagas, / swa hyra nan ne feol // driht-gesiða; / ac hig ða duru heoldon.

Они бились пять дней, и ни один из них не пал, дружинники-соратники, но двери защищали (41–42).

Наконец, один из изувеченных воинов, предположительно фриз, говорит, что его кольчуга разорвана и шлем расколот, и покидает поле битвы:

Ða gewat him wund hæleð / on wæg gangan; // sæde þæt his byrne / abroccen wære, // here-sceorpum hror, / and eac wæs his helm ðyrl. // Ða hine sona frægn / folces hyrde, // hu ða wigend hyra / wunda genæson, // oððe hwæper ðæra hyssa...

Тогда герой раненый ушел, в путь отправился; он сказал, что его кольчуга разбилась, боевые доспехи слабы, и шлем его также расколот. Тогда его тотчас спросил защитник мужей, как воины справлялись со своими ранами, и который из юных воинов... (43–48).

Очевидно, в ответ на жалобу дружинника предводитель войска (вероятно, сам Финн) спрашивает его о том, как другие воины переносят свои раны, или, возможно, укоряет его, ставя ему в пример других бойцов, продолжающих отважно биться.

Обычно считается, что в последнем отрывке речь идет о фризах и что «защитником мужей» (*folces hyrde*) называется сам Финн [Fry 1974: 36]. Однако утверждение, что ни один воинов не пал в течение пяти дней, возможно, относится к данам; тогда их предводителем, вероятно, оказывается сам Хнэф. Кем бы ни был упоминаемый здесь герой, отрывок из «Битвы в Финнсбурге» обрывается на его словах.

Дальнейшие события восстанавливаются на основании Финнсбургского эпизода в «Беовульфе», который начинается, условно говоря, «с конца», т. е. с сообщения об исходе битвы данов и фризов. Певец поет на пиру у Хродгара о гибели «потомков Финна» (*Finnes eaferum*), т. е. фризов, вместе с которыми погиб и датский конунг Хнэф:

...*ða hie se fær begeat, // hæleð Healf-dena, / Hnæf Scyldinga, // in Fres-wæle / feallan scolde.*

...когда беда на них обрушилась, суждено было пасть герою хальвданов, Хнэфу Скильдингу, во фризском побоище (1068–1070).

Сообщение о гибели Хнэфа мотивирует описание горя королевы Хильдебург, потерявшей в битве не только брата, но и сына:

Ne huru Hildeburh / herian þorfte // eotena treowe. / Unsynnum wearð // beloren leofum / æt þam hild-plegan // bearnum ond broðrum; / hie on gebyrd hruron // gare wunde. / Þæt wæs geomuru ides.

Не было нужды Хильдебург хвалить честность врагов [или: исполнять обещания врагов, или: чтить верность ютов, или: презирать обещания врагов]. Без вины была лишена любимых, сына и брата, в этой битве мечей; они пали по решению судьбы, раненные копьем. Безутешна была женщина (1071–1075).

Истолкование приведенных строк зависит от понимания ключевых слов — глагола *herian*, который значит не только ‘хвалить; почитать; исполнять’, но и омонимичен антонимичному глаголу *herian* (*herwan, hyrwan, hirwan* ‘презирать’), и существительного *treow*, имеющего значение не только ‘вера, верность’, но и ‘честность; обещание’. Прочитированные строки, возможно, содержат намек на причину битвы: у Хильдебург нет оснований исполнять обещания врагов или хвалить их честность, ведь они убили ее сына и брата. Основываясь на толковании глагола *herian* как варианта глагола *hirwan* ‘презирать’, можно предположить, что строки могут иметь другое значение: Хильдебург не может презирать силу своих врагов и их обещания, так как они причинили ей страшное горе, лишив ее ближайших родных.

Действие Финнсбургского эпизода как будто разворачивается «вспять»: Хильдебург просыпается в разгар битвы и видит, что ее сородичи пали в сражении:

Nalles holinga / Hoces dohtor // meotod-sceaft bemearn / syððan morgen com // ða heo under swegle / geseon meahte // morþor-bealo maga.

Не без причины дочь Хока горевала о приговоре судьбы, когда утро наступило, тогда под небесами она смогла увидеть ужасное убийство сородичей (1076–1079a).

На основании приведенных строк можно заключить, что Хильдебург была не только сестрой Хнэфа и женой Финна, но и дочерью Хока (в «Видсиде» имя ее брата Хнэфа упоминается как имя правителя племени хокингов, которое, возможно, производно от имени Хока: правил «Хнэф хокингами», 29a). Хотя Хильдебург называется в «Беовульфе» с помощью патронима «дочерью Хока», ее имя ни разу не встречается ни в одном другом источнике, включая фрагмент «Битвы в Финнсбурге».

Описание горя Хильдебург сменяется рассказом о ее муже Финне и его неудаче в битве. Противником Финна называется Хенгест, который, как можно предположить, встает во главе датской дружины после гибели Хнэфа и юного сына Хильдебург. Оказывается, что сражение не приносит победы ни одной стороне, несмотря на временный перевес данов. От войска Финна остается лишь несколько воителей, не способных ни положить конец кровавой битве, ни выбить осажденных из палат:

þær he ær mæste heold // worold wyne, / wig ealle fornam // Finnes
þegnas / nemne feaum anum, // þæt he ne mehte / on þæm meðel-stede //
wig Hengeste / wiht gefeohtan, // ne þa wea-lafe / wige forþringan //
þeodnes ðegne.

Там, где он [Финн] раньше предавался наибольшей земной радости, битва всех унесла, воинов Финна, кроме немногих единых, так что он не мог совсем закончить схватку с Хенгестом на этом поле боя, горестный остаток силой изгнать, наместника князя (1080b–1085a).

Понимание приведенных строк зависит от толкования глагола *forþringan*, значение которого определяли и как ‘защищать’ [Fry 1974: 64], и как ‘сокрушать’ [Robinson 1970: 102]. Второе толкование кажется предпочтительным, так как глагол *forþringan* образует синтаксический параллелизм с глаголом *gefeohhtan* ‘сражаться, биться’. В Финнсбургском эпизоде, очевидно, подразумевается, что вина за кровопролитие лежит на Финне, потому что именно фризы нарушили законы гостеприимства. Предполагалось, что Финн решил не сражаться до конца, так как не захотел доводить данов до крайности, опасаясь, что они подожгут палаты, тогда весь Финнсбург сгорит вместе с ними [Malone 1945: 83–85].

Напавшие на данов фризы не могут одержать победы, поэтому им остается только предложить данам мирный договор:

Ac hig him geþingo budon: // þæt hie him oðer flet / eal gerymdon, //
healle ond heah-setl; / þæt hie healfre geweald // wið eotena bearn / agan
moston; // ond æt feoh-gyftum / Folcwaldan sunu // dogra gehwylce /
Dene weorþode, // Hengestes heap, / hringum wenede, // efne swa swiðe /
sinc-gestreonum // fættan goldes / swa he Fresena cyn // on beor-sele /
byldan wolde.

Так они [фризы] предложили тем [данам] уговор, что те [фризы] для них [данов] другое жилище полностью освободят, палаты и высокую скамью; чтобы они [даны] могли половиной обладать, владеть совместно с сынами врагов [или: великанов, или: ютов]; и при разделе сокровищ сын Фольквальда [Финн] каждый день данов почитал бы дружину Хенгеста, одаривал бы кольцами, ровно столькоими бы драгоценными дарами изукрашенного золота, сколькими он захотел бы поощрить фризский народ в пиршественных палатах (1085b–1094).

Согласно условиям мирного договора, данам отдают половину трапезных палат, право участвовать в дележе сокровищ и обещают воздавать те же почести, что и фризской дружине. Возможно, уступки, на которые идет Финн, заключая мир и обещая выступить по отношению к данам в роли «кольцедарителя», говорят о его готовности выплатить достойное возмещение за убийство Хнэфа, истинного кольцедарителя (beag-gyfa) (1102b).

В Финнсбургский эпизод включены условия мирного договора, заключенного Финном с дружиной Хенгеста. Никто не должен упоминать о прошедшей схватке, т. е. о том, что Хенгест и его сторонники были вынуждены остаться у фризов, убивших их господина:

Ða hie getruwedon / on twa healfa // fæste frioðu-wære. / Fin Hengeste // elne, unflitme / aðum benemde: þæt he þa wea-lafe // weotena dome // arum heolde; / þæt ðær ænig man // wordum ne worcum / wære ne bræce; // ne þurh inwit-searo / æfre gemænden // ðeah hie hira beag-gyfan / banan folgedon // ðeoden-lease, / þa him swa geþearfod wæs.

Тогда они подтвердили с обеих сторон твердое обещание мира. Финн Хенгесту с непоколебимой решимостью клятву принес, что он [Финн] горестному остатку по решению старейшин будет оказывать честь; что ни один человек там ни словом, ни делом не нарушит договор; и по злонамеренной хитрости никогда не пожалуется, хотя они, лишённые предводителя, последовали за убийцей своего кольцедарителя и были к тому понуждаемы (1099–1103).

Хотя Финн в процитированных строках открыто обвиняется в убийстве Хнэфа (так как называется «убийцей кольцедарителя» — beag-gyfan bana, 1102b), создатель «Беовульфа» не сомневается в искренности его намерений, когда говорит, что тот «с непоколебимой решимостью» (elne unflitme) принёс клятвы Хенгесту. Предложенный Финном договор исключает для него возможность мести за гибель сына; напротив, Хенгест, соглашаясь на мир с Финном, проявляет не слабость, но мудрость, и спасает своих людей от бессмысленного истребления [Brodeur 1943: 7].

Согласно заключённому соглашению, фризы не должны напоминать данам о былой вражде, в противном случае распрю следует уладить мечом:

...gyf þonne Frysna hwylc / frecnen spræce // ðæs morþor-hetes / mynd-giend wære, // þonne hit sweordes ecg / syððan scolde.

...если же тогда хоть единый из фризов смелой речью напомним им о кровопролитной вражде, то будет ему после этого острие меча (1104–1106).

Фризы, насколько можно судить по приведенным строкам, не только предлагают данам заключить мир, но и выражают готовность занять по условиям договора подчиненное положение. Если даны лишаются права жаловаться на убийство своего предводителя, то фризы обязуются не разжигать вражду под страхом смертной казни.

После того как мирный договор скрепляется клятвами верности, из сокровищницы доставляют золото Финна, скорее всего предназначенное в возмещение за гибель Хнэфа:

Að wæs geæfned, and inge-gold // ahæfen of horde.

Погребальный костер приготовили, и исконное золото достали из клада (1107–1108a).

Отдавая данам свои сокровища, Финн подтверждает свою готовность соблюдать условия договора. Складываются погребальные костры, на которые кладут тела Хнэфа и его племянника, сына Финна и Хильдебурга:

Here-Scyldinga // betst beado-rinca / wæs on bæl gearu. // Æt þæm ade wæs // eþ-gesyne swat-fah syrce, / swyn eal-gylden, // eofer iren-heard, / æpeling manig // wundum awyrdd; / sume on wæle crungon.

Лучший герой-воитель доблестных Скильдингов был снаряжен для погребального костра. На этом костре была ясно видна окровавленная кольчуга, вепрь весь из золота, кабан с железной головой, многие знатные воины, ранами изувеченные; некоторые погибли в битве (1108b–1113).

Описываемый в Финнсбургском эпизоде погребальный обычай, скорее всего, восходит к языческим временам. Языческой поэмой считается и отрывок из «Битвы в Финнсбурге», в котором излагаются те же события, что и в Финнсбургском эпизоде «Беовульфа»: трудно представить себе, что он был сочинен христианином для христианской аудитории, в нем нет упоминаний о Боге, события излагаются не с христианской точки зрения [Bliss 1982: 3].

В Финнсбургском эпизоде рассказывается о погребальном костре, сложенном для сына Финна и Хильдебурга, который, очевидно, был наследником фризского престола и мог быть отдан на воспитание Хнэфу до тех пор, пока не достигнет совершеннолетия [Tolkien 1982: 29]¹¹. Если Хнэф привез его домой во Фризию к родителям, тогда тот мог находиться среди данов во время сражения. Неудивительно поэтому, что тела Хнэфа и его племянника кладут рядом на погребальном костре:

¹¹ Предполагалось также, что Хильдебург потеряла в битве не одного сына, а нескольких; эта гипотеза основана на конъектуре рукописной формы *sini* (ед. ч.) на *suta* (мн. ч.). В качестве аргумента приводилось употребленное в начале Финнсбургского эпизода (1068a) выражение *Finnes eaferum* — «потомки Финна» [Orchard 2003: 182].

Het ða Hildeburh / æt Hnæfes ade // hire selfre sunu / sweoloðe be-
fæstan, // ban-fatu bærnan, and on bæl don.

Тогда повелела Хильдебург, чтобы на погребальном костре Хнэфа ее собственный сын был положен в огонь, его труп сожжен, и пламени предан (1114–1116).

Такое предположение заставляет по-новому взглянуть на действия в эпизоде Финна, который оказывается виновным в гибели собственного сына. Если согласиться с этим предположением, то ситуацию, описанную в Финнсбургском фрагменте, можно сопоставить с сюжетом «Песни о Хильдебранде», которая заканчивается битвой отца с сыном.

Как и подобает героине, Хильдебург исполняет погребальный плач по сыну (Earme on eaxe / ides gnornode; // geomrode giddum «Скорбя у его плеча, женщина горевала, оплакивала в песнях», 1117–1118), в то время как пламя пожирает тела убитых:

Guð-rinc astah; wand to wolcnum / wæl-fyra mæst; // hlynode for hlawe.
Hafelan multon, // ben-geato burston / ðonne blod ætspranc, // lað-bite
lices. Lig ealle forswealg, // gæsta gifrost, / þara ðe þær guð fornam //
bega folces; / wæs hira blæd scacen.

Воителя-героя положили; к облакам возносился огромный костер павших, ревел перед курганом. Головы плавилась, разверзались врата ран, кровь тогда хлынула, страшные увечья трупов. Огонь все поглотил, самый жадный гость, тех, кого битва унесла из обоих народов; их мощь миновала (1119–1124).

Описание погребального костра Хнэфа соотносится с изображением сражения фризов и данов при помощи формульного словосочетания *guð fornam* — «битва унесла» (ср. *wig ealle fornam* — «битва всех унесла», 1080b). Последствия битвы раскрываются и в описании погребального костра Хнэфа со всей натуралистичностью его деталей, и в изображении действий оставшихся в живых.

После того как тела всех павших преданы огню, воины расходятся по домам. Однако датским дружинникам, лишенным предводителя, некуда идти, и они остаются во Фризии:

Gewiton him ða wigend / wica neosian // freondum befeallen, / Fryslanð
geseon, // hamas ond heaburh.

Воины тогда отправились искать жилища, лишенные друзей, смотреть на Фризию, дома и высокую крепость (1125–1126a).

Не вполне понятно, что вынуждает Хенгеста и его дружинников задерживаться при дворе Финна. Высказывалось предположение, что они делают это по собственной воле, желая подготовиться к мести за гибель Хнэфа [Fry 1974: 21–22].

Согласившись заключить с Финном мирный договор, Хенгест становится дружинником Финна, однако это решение дается ему тяжело:

Hengest ða gyt // wæl-fagne winter / wunode mid Finn // eal unhlitme /
eard gemunde // þeah þe ne meahte / on mere drifan // hringed-stefnan. /
Holm storme weol; // won wið winde. / Winter ype beleac // is-gebinde.

Хенгест, однако, всю зиму, запятнанную убийством, прожил с Финном очень несчастливо, о земле [родной] помышлял, хотя он не мог по морю повести корабль с изогнутой кормой. Море бурей вздымалось, сражалось с ветром. Зима сковала волны ледяными оковами (1127–1131a).

На основании приведенных строк трудно понять, почему Хенгест был вынужден согласиться на предложенный Финном мир и провести с ним всю зиму. Элегическая топика зимнего пути присутствует и в других англосаксонских поэмах, например, в «Скитальце» (þeah þe he modcearig / geond lagulade / longe sceolde // hreran mid hondum / hrimcealde sæ // wadan wræclastas — «хотя он, печальный духом, по водным путям долго должен грести руками в ледяном море по дорогам изгнания», 2b–5a) или в «Мореплавателе» (hu ic earmcearig / iscealdne sæ winter wunade / wræccan lastum, winemægum bidroren, / bihongen hrimgicelum; / hægl scurum fleag. / þær ic ne gehyrde / butan hlimman sæ, / iscaldne wæg — «как я, несчастный, зиму прожил в ледяном море на дорогах изгнания, лишенный друзей, льдинами осажденный, град летел дождем. Там я не слышал ничего, кроме ревающего моря, волн, как лед, холодных», 14–18). Упоминание о вздымающемся море, сражающемся с ветром, о волнах, окованных льдом, приводит на память язык героических элегий и подсказывает возможность уподобления их героев героям Финнсбургского эпизода. Хенгест в приведенном эпизоде изображается как типичный элегический герой, не склонный к действиям, печально размышляющий о покинутой им родной стране.

Приведенное толкование Финнсбургского эпизода, согласно которому Хенгест не мог уехать из Фризии из-за непогоды, не единственное возможное. В процитированных строках допускались конъектуры, изменяющие пунктуацию фрагмента, исключаящие отрицание *ne* [Fry 1974: 21] и основанные на понимании наречия *unhlitme* не как «несчастливо», но как «не случайно»¹²:

Hamas and heahburh / Hengest ða gyt // wælfagne winter / wunode mid
Finne // eal unhlitme / (eard gemunde), // þeah þe he meahte on mere dri-
fan // hringedstefnan.

В домах и высоких бургах Хенгест, однако, жил с Финном во время запятнанной убийством зимы не случайно (о родной земле помышлял), хотя и мог направить по морю судно с изогнутой кормой (1126a–1131a).

¹² Значение наречия *unhlitme* (haph legomenon) возводили к существительному *hlytm* ‘метание жребия’ [Dobbie 1953: 177], тогда вся строка толковалась как сообщение о том, что Хенгест был вынужден провести зиму у Финна не по жребию, т. е. не случайно, а нареченно [Fry 1974: 22, 77].

Если принять предложенные конъектуры, то можно заключить, что Хенгест остается на зиму с Финном не из-за зимней непогоды, а вопреки ей, и лишь весна заставляет несчастного «изгнанника» (wrecca) стремиться к тому, чтобы покинуть Фризию. Долг мести, однако, повелевает ему задержаться в Финнсбурге: он больше думает о возмездии за убийство (gyn-wræce), чем о морском путешествии (sæ-lade). Согласившись с приведенным толкованием, можно увидеть в действиях Хенгеста хладнокровный расчет: он остается с Финном на зиму, хотя может уехать на родину, и ждет возможности отомстить за гибель Хнэфа.

Следующие строки в Финнсбургском эпизоде не нуждаются в конъектурах; в них говорится о том, что весной, когда становится возможным путешествовать по морю, Хенгест начинает думать о мести:

oþðæt oþer com // gear in geardas / swa nu gyt deð, // þa ðe syngales /
sele bewitiað // wuldor-torhtan weder. / Ða wæs winter scacen, // fæger
foldan bearm. / Fundode wrecca, // gist of geardum. / He to gyn-wræce //
swiðor þohte / þonne to sæ-lade, // gif he torn-gemot / þurh-teon mihte, //
þæt he eotena bearm / inne gemunde.

Пока следующий год на дворы не пришел, как он и сейчас приходит; так сияющая великолепием погода постоянно ждет своего времени [года]. Тогда зима прошла, прекрасной стала грудь земли. Изгнанник жаждал уехать, гость из жилищ. Он больше помышлял о возмездии за убийство, чем о морском путешествии, о том, удастся ли ему вызвать битву, чтобы помнить о сынах врагов [или: великанов, или: ютов] (1133b–1141).

Применительно к Хенгесту в Финнсбургском эпизоде используется слово «изгнанник» (wrecca), наделенное в элегической и духовной поэзии коннотациями «горя, несчастья»¹³. В героической поэзии, однако, изгнанниками именуются и победитель дракона Сигемунд (wreccena wide mærost, «изгнанник широкоизвестный» — «Беовульф», 898), и сын шведского правителя Охтхере Эанмунд (wræssa wineleas, «лишенный друзей изгнанник» — «Беовульф», 2613), и легендарные герои Вудья и Хама (wræssan — «Видсид», 129), и Хильдебранд в древневерхненемецкой песни (gescheo — «Песнь о Хильдебранде», 48). Изгнанником (wrecca) в «Битве в Финнсбурге» называется, как уже упоминалось, и Сигеферт из народа сеггов, «переживший много бед», а затем, очевидно, примкнувший к дружинникам Хнэфа. Возможно, обозначение Хенгеста как изгнанника относится и к его нынешнему положению при дворе Финна, для которого он был недавним противником, и к его прошлому статусу в дружине Хнэфа, по отношению к которой он мог быть чужаком, пришельцем. Уместно напомнить, что имя Хенгеста упоминается в «Церковной истории англов» Беда Достопочтенного и в

¹³ Wineleas wrecca — «лишенной друзей изгнанницей» называет себя героиня англосаксонской элегии «Жалобы жены»; то же выражение используется применительно к Каину в духовной поэзии (в «Книге Бытия» А, 1051), словосочетание «усталый изгнанник» (werig wrecca) встречается в поэме «Христос» А 264, в «Метрах Бозция» 2, 3 — «печальный изгнанник» (giomog wrecca), в «Загадках» 39. 8–9 — «бездомный изгнанник» (hamleas wrecca).

Англосаксонской хронике как имя одного из предводителей, приведших с континента англов, саксов и ютов¹⁴.

Хенгест возлагает на себя долг мести, когда получает знаменитый меч, известный его врагам:

Swa he ne forwyrnde / worold-rædenne, // Þonne him Hunlafing, / hildeleoman, // billa selest, / on bearm dyde; // þæs wæron mid eotenum / ecegecuðe.

Так он [Хенгест] не отказался от мирских обязательств, когда Хунлафинг положил ему на грудь¹⁵ светоч битвы, лучший из мечей; его лезвия были известны среди ютов [или: великанов, или: врагов] (1142–1145).

Основные сложности в толковании приведенных строк связаны с определением значения слова Хунлафинг (в рукописи *hun lafing*) и его синтаксической роли в предложении. Если согласиться с теми исследователями, которые считают, что Хунлафинг — это обозначение меча¹⁶ (ср. названия мечей Беовульфа: Хрунтинг, 1490b, 1659b, 1807b, и Нэглинг, 2680b), то следует предположить, что существительное Хунлафинг связано с глаголом *dyde* объективными отношениями («тогда ему Хунлафинг, светоч битвы, лучший из мечей, на грудь положили»). Если же истолковать это слово как патроним, который обозначает лицо, вручившее Хенгесту меч¹⁷, то можно считать, что слово Хунлафинг используется в предложении как подлежащее, а роль сказуемого выполняет глагол *dyde* (т. е. Хунлафинг положил меч на грудь Хенгесту).

Имя Хунлейфа (Hunleifus, древнеангл. Хунлаф — Hunlaf), близкое по фонетической форме к имени Хунлафинг, встречается в латинском пересказе несохранившейся «Саги о Скъьльдунгах» Арнгрима Йоунссона как имя одного из братьев Скъьльдунгов, род которых возводится к сыну Одина Скъьльду [Arngrímur Jónsson 1950: 335–336]. В числе братьев Хунлейфа упоминаются имена Гуннлейфа (Gunnleifus, древнеангл. Гудлаф — Guðlaf) и Оддлейфа (Oddleifus, древнеангл. Ослаф — Oslaf). Предполагалось, что Хунлафинг мог быть сыном Хунлафа, погибшего в числе оборонявших палаты, и племянником Гудлафа и Ослафа, оставшихся в живых и призывавших к мести за погибшего брата (Guðlaf ond Oslaf <...> *sorge mændon*; // *æt witon weana dæl* — «Гудлаф и Ослаф <...> о беде говорили [на беду жаловались]; упрекали [обвиняли] в горестной

¹⁴ Исследователей героического эпоса можно условно разделить на тех, кто считает, что у Хенгеста существовал прототип в истории [Tolkien 1982: 167; Howe 1989: 145; Niles 1993: 98; Gwara 2008], и тех, кто это отрицает [Vries 1953; Turville-Petre 1953–1957; Mitchell 1988: 338].

¹⁵ «Меч должен быть на груди» (*sweord sceal on bearme*), говорится в древнеанглийских «Максимах» (25) [Marsden 2004: 296–301].

¹⁶ Толкование имени Хунлафинг как обозначения меча, восходящее к Акселю Ольрику [Olrik 1903: 68], было подробно аргументировано Кемпом Мэлоуном [Malone 1943].

¹⁷ Это толкование восходит к Толкиену, считавшему, что дружинники Хнэфа включали ютов под предводительством Хенгеста и данов, во главе которых после гибели Хнэфа стал Хунлафинг. Хунлафинг вручил Хенгесту меч под названием «светоч битвы» (*Hildeleoma*), который, возможно, принадлежал Хнэфу [Tolkien 1982: 53–63]. См. также: [Green 1916; Brodeur 1943].

участи», 1149a–1150a) [Orchard 2003: 185–186]. Если согласиться с тем, что Хунлафинг — собственное имя, производное от имени Хунлафа, то можно считать, что меч Хунлафа (метонимически обозначенный как «лезвие» — *ecg*), павшего в битве, был известен врагам данов — *mid eotenum* (или ютам, сражавшимся вместе с фризами) (1145a). Нельзя исключать, что именно этот меч Хунлафинг мог отдать Хенгесту, желая напомнить ему о долге мести.

Обыгрывание метонимического обозначения меча как «лезвия» (*ecg*) в приведенных и в ранее цитированных строках о том, что после заключенного мира ни единый из фризов не должен был «смелой речью» (*fresnen spræc*) напоминать данам о кровопролитной вражде под страхом смерти («острия меча» — *sweordes ecg*, 1106), подсказывает еще одно предположение. Отданный Хенгесту меч мог быть знаком врагам данов (фризам или ютам), так как принадлежал ранее их правителю и был у него отнят в сражении. Тогда появление Хенгеста с мечом, печально известным врагам, могло бы воспринято как своего рода провокация¹⁸. Возможно, меч, который фризы или юты видели в битве, должен был напомнить им о гибели тех, кто был убит этим оружием, и спровоцировать «смелые речи» о битве, нарушающие условия мирного договора. Если бы фризы первыми нарушили мир, Хенгест получил бы возможность исполнить долг мести (*worold-rædenne* — «мирское обязательство», 1142b), сохранив честь и не преступив клятвы, данной Финну.

Главная трудность, связанная с пониманием приведенных строк, состоит в истолковании существительного *eotena*, которое вслед за Толкиеном обычно считают этнонимом со значением «юты»¹⁹. Юты были западногерманскими племенами, которые в эпоху Великого переселения народов заняли территорию Кента; очевидно, они принимали участие в боевых действиях между данами и фризами и сражались на стороне фризов, а возможно, и данов²⁰. Нельзя исключать того, что о «сыновьях ютов» (*eotena bearn*, 1141) думает Хенгест, замыслив месть; «среди ютов» (*mid eotenum*, 1145) мог быть известен меч, врученный Хенгесту. Однако морфология не поддерживает толкования существительного как этнонима: употребленное здесь слово *eotenum* (1145) — форма дат. п. мн. ч. от существительного *eoten* «великан» (та же форма от этнонима «юты» была бы *eotum*) [Vickrey 2009: 34–44]²¹. Возможно, в приведенных строках обыгрывается фонетическое сходство существительного со значени-

¹⁸ Альтернативная интерпретация этих строк была предложена в [Gwara 2009: 175].

¹⁹ Толкование этого слова см. в [Fulk et al. 2008: 275].

²⁰ Как считают Ренн [Wrenn 1973. Note to I. 902] и Толкиен [Tolkien 1982: 53–63], хокинги, этнически происходящие от ютов, были известны как хальвданы, поэтому они предполагают, что юты были и среди фризов, и среди данов. Толкиен высказал мнение, что битва в Финнсбурге была спровоцирована внутренним конфликтом ютов, в который оказались вовлеченными Финн и Хенгест. Согласно Толкиену, датский король Хнэф, сын Хока Хальвдана, завоевал часть Ютландии и изгнал прежних ютских правителей, которым Финн дал разрешение селиться во Фризии. Вступив в брак с сестрой Хнэфа Хильдебург, Финн отослал их сына на воспитание к Хнэфу. Спустя годы Хнэф привез сына Финна и Хильдебург к его родителям, однако в числе его дружинников были и юты, и в частности Хенгест. Прибыв во Фризию, юты, сопровождающие Хнэфа, встретились с ютами, жившими при дворе Финна, среди которых находился законный претендент на ютский престол по имени Гарульф. Фризские юты напали на данов и на ютов, сопровождавших Хнэфа.

²¹ Предлагалось истолкование слова *eoten* как «великан», тогда определение меча как «известного среди великанов» понимали как указание на его древность [Kaske 1967].

ем 'великан' (*eoten*, ср. древнеисл. *jötunn*) и этнонима «юты». Игра слов в этом контексте позволяет подчеркнуть и мощь, и враждебность противников данов.

Словосочетание *eotena bearn* (1088) — «сыны великанов, т. е. врагов» (или: «сыновья ютов») употреблялось в предшествующих строках в контексте заключенного между Хенгестом и Финном мирного договора: именно с ними даны должны были на равных правах владеть палатами и жилищами (фризы предлагают освободить жилище, палаты и высокую скамью, чтобы даны могли владеть ими совместно с сыновьями врагов — или великанов, или ютов). Толкование «сыновья ютов» допустимо, только если считать, что юты в данном контексте были синонимичны обозначению фризов. Таким образом, и в данном случае морфология подсказывает толкование «великаны» (род. п., мн. ч. *eotena*), позволяющее предположить, что на первый план в этом контексте выступает метафорическое обозначение врагов.

То же самое слово (*eoten*) встречалось ранее (см. выше) в связи с Хильдебургом, о которой было высказано загадочное утверждение, вероятно, содержащее литоту, что она не имела нужды хвалить «честность врагов» (*eotena treowe*, 1071–1072) (или: исполнять обещания врагов, или: чтить верность ютов; или: презирать обещания врагов). Если трактовать значение слова *eoten* как этноним со значением 'юты'²², то следует предположить, что нарушенная верность, т. е. честность ютов (*eotena treowe*), возможно, переметнувшись из одного лагеря в другой (от данов на сторону фризов), стала причиной горя Хильдебург и привела к убийству ее сына и брата. Измена ютов могла дать численные преимущества фризам и повлекла гибель Хнэфа и сына Хильдебурга. Однако применительно к этому контексту возможно и толкование «великаны», метафорически обозначающее врагов и потому относящееся к фризам. Следует помнить, что исполнение песни о битве в Финнсбурге приурочено к пиру после победы Беовульфа над Гренделем, тем самым враждебным «великаном» (*eotan*, 761), который долгое время причинял беды данам. Эпическое слово могло совмещать целый спектр значений, одновременно воспринимаемых аудиторией, однако в зависимости от контекста одно из этих значений могло превалировать над другим.

Окончание песни о Финнсбургском сражении содержит рассказ о том, как даны нарушают условия мира и убивают Финна и его сторонников:

Swylce ferhð-frecan / Fin eft begeat // sweord-bealo sliðen / æt his selves
ham, // sipðan grimne gripe, / Guðlaf ond Oslaf // æfter sæ-side / sorge
mændon; // ætwiton weana dæl. / Ne meahte wæfre mod // forhabban in
hrepre. / Ða wæs heal hroden // feonda feorum, / swilce Fin slægen, / cy-
ning on corþre, // ond seo cwen numen. // Sceotend Scyldinga / to scypon
feredon // eal in-gesteald / eorðcyniges // swylce hie æt Finnes ham /
findan meahton // sigla, searogimma. / Hie on sæ-lade // drihtlice wif / to
Denum feredon, // læddon to leodum.

²² Толкование слова *eoten* как этнонима со значением 'юты' принадлежит Толкиену, высказавшему предположение о том, что юты сражались на стороне и данов, и фризов [Tolkien 1982: 53–63].

Так Финна, отважного в жизни, настигла потом жестокая смерть от меча в его собственном доме после суровой битвы; Гудлаф и Ослаф о беде говорили [на беду жаловались] после морского путешествия, упрекали [обвиняли] в горестной участи. Не могли боевой дух укротить в душе. Тогда были палаты украшены трупами врагов, и Финн тоже был убит, конунг среди войска, и королева была схвачена. Стрелки Скильдингов отправили на корабли все домашнее имущество земного конунга, которое смогли найти в доме Финна, сокровища, сверкающие драгоценности. Они морской дорогой знатную женщину к данам отправили, к людям повезли (1146–1159a).

Основная сложность в истолковании приведенных строк состоит в упоминании о «морском путешествии» (*sæ-siðe*, 1149a), после которого Гудлаф и Ослаф нарушили условия мирного договора и стали вспоминать о битве, жалуясь на «горестную участь» (*weana dæl*, 1150a) данов. Не исключено, что часть датских дружинников вместе с Гудлафом и Ослафом отправилась в Данию, а потом вернулась с подкреплением [Lawrence 1915: 415–416]. Возможно также, что морское путешествие относится к первому прибытию данов во Фризию, после которого последовала битва в Финнсбурге [Gwara 2009: 159]. В любом случае не вызывает сомнения то, что даны забирают фризские сокровища и имущество Финна и отправляются в новое «морское путешествие» (*sæ-lade*, 1157b), увозя с собой королеву, скорее всего, против ее воли.

Последнее появление королевы Хильдебург в Финнсбургском эпизоде знаменательно безымянно. Она именуется при помощи существительного *seo swen* ‘королева’, которое употребляется в объектной функции с глаголом *niman* ‘брать’ (*seo swen nimen*, 1153b). Известно, что глагол *niman* обычно используется с дополнениями, обозначающими неодушевленные предметы [Orchard 2003: 179]. В атрибутивном комплексе *drihtlice wif* ‘знатная женщина’ (1158a) (о «знатной женщине» говорится, что ее «отправили к данам» — *to Denum feredon*, 1158b), имени Хильдебург тоже не упоминается. Следует напомнить, что в предшествующих строках тот же глагол *ferian* использовался применительно к домашнему имуществу Финна (*eal in-gesteald*, 1155a), которое «отправили на корабль» (*to scypon feredon*, 1154b). Синтаксический параллелизм конструкций (*drihtlice wif* / *to Denum feredon* — «знатную женщину к данам отправили» (1158b) и *to scypon feredon* // *eal in-gesteald* — «отправили на корабли все домашнее имущество», 1154b) помогает подчеркнуть полную утрату королевой ее социального статуса после гибели родных — приравненная к домашнему имуществу, она становится не более чем военной добычей.

В Финнсбургском эпизоде «Беовульфа» Хильдебург изображается как жертва трагических обстоятельств [Albano 1994; Camargo 1981]. Знаменательно, что песнь певца о сражении в Финнсбурге начинается не с повествования о битве, не с рассказа о гибели Хнэфа, но с описания горя Хильдебург, скорбящей о гибели брата и сына, павших среди многих данов — народа, с которым она связана по рождению. Она присутствует в качестве действующего лица на всем протяжении Финнсбургского эпизода: горюет о гибели фризов, среди которых живет после заключения брака; отдает приказание положить на погребальный костер брата тело своего сына, о котором не упоминается в сохранившемся отрывке «Битвы в Финнсбурге»; вскоре после похорон лишается и

мужа, и его страны, и даже своего имени. Ее участие в событиях, описываемых в Финнсбургском эпизоде «Беовульфа», делает ее отсутствие в отрывке «Битвы в Финнсбурге», в котором ее имени не упоминается вовсе, еще более заметным.

Различается в обоих памятниках и роль Хенгеста, чье имя встречается в отрывке «Битвы в Финнсбурге» всего один раз (*and Hengest sylf / hwearf him on laste* — «и Хенгест сам повернул вслед за ними», 17). В Финнсбургском эпизоде, напротив, Хенгест оказывается ключевым персонажем, исполняющим после гибели Хнэфа функции предводителя дружины. На него возложена миссия заключения мирного договора с Финном, который он нарушает ради мести за гибель Хнэфа. Возможно, именно Хенгест убивает Финна в его же собственных палатах и увозит на родину Хильдебург.

Следует заключить, что помимо нескольких общих персонажей (возможно, что упоминаемые в «Битве в Финнсбурге» Гутлаф и Ордлаф — это Ослаф и Гутлаф, о которых говорится и в «Беовульфе», 1148) и главной темы между дошедшим до нас отрывком поэмы и Финнсбургским эпизодом в «Беовульфе» не так много сходства, как принято считать. Речь в них идет о разных этапах одного события. Если сохранившийся отрывок сосредоточен на описании самой битвы, то эпизод «Беовульфа» открывается утром, после того как схватка между фризами и данами уже закончилась (Хильдебург оплакивает павших, «когда наступило утро» — *syrdan morgen com*, 1077), и повествует о событиях, последовавших за Финнсбургским сражением. Отрывок «Битвы в Финнсбурге», следовательно, описывает события, предшествующие по времени тому, о чем рассказывается в «Беовульфе». Нельзя исключать вместе с тем, что поэма, из которой до нас дошел лишь отрывок, могла первоначально изображать те же события, что и эпизод в «Беовульфе».

В отличие от эпизода в «Беовульфе», в отрывке «Битвы в Финнсбурге» действие продвигается благодаря речам персонажей, составляющим почти половину сохранившегося текста. Три диалога включают прямую речь — такový вопрос, открывающий отрывок (1), ответ Хнэфа (3–12) и речь Сигеферта (24–27). Два диалога переданы косвенной речью: в первом осторожный Гудере пытается умирить юношеский пыл Гарульфа (18–23), во втором воин, возможно, фризский, говорит, что его оружие пришло в негодность, а его вождь приводит ему в пример других героев (46–48). Использование речей сообщает всему отрывку драматизм и напряженность.

Существенно, что прямая речь всегда принадлежит в «Битве в Финнсбурге» данам, диалоги же фризов переданы косвенной речью. Это можно объяснить тем, что события здесь, как и в «Беовульфе», излагаются не объективно, но с точки зрения данов. Во фрагменте «Битвы в Финнсбурге» воспеваются отвага и верность датских дружинников Хнэфа, в Финнсбургском эпизоде «Беовульфа» с состраданием рассказывается о горе сестры Хнэфа Хильдебург и с явным сочувствием — о желании Хенгеста отомстить за гибель Хнэфа. О фризском правителе Финне в обоих текстах говорится очень мало, даже на похоронах погибших распоряжается не он, но его жена Хильдебург (*Het ða Hildeburh / æt Hnæfes ade // hire selfre sunu / sweolode befæstan* — «Повелела Хильдебург, чтобы ее собственный сын был предан огню на погребальном костре Хнэфа», 1114–1115). По-

следнее же сражение с фризами, в котором «Финн был убит, конунг среди войска» (*swilce Fin slægen / cýning on corþre*, 1146b–1147a), знаменует окончательную победу данов.

Остается непонятным, почему в англосаксонской версии сказания события излагаются с датской точки зрения. Согласно одной из гипотез, Хенгест, названный в поэме предводителем войска Хнэфа, идентифицируется с Хенгестом, братом Хорсы, приведшим племена ютов в Британию [Tolkien 1982: 167]. Не исключено, что англосаксонский вариант воплощает разные стадии раннего сказания, отражающие изменения в положении ютских племен. Заселение ютскими племенами Ютландии могло способствовать их объединению с данами, напротив, бытование ютов вблизи фризов может объяснить особую близость в отношениях между этими племенами. Возможно также, что датская точка зрения в изложении событий объясняется тесными контактами англосаксов и скандинавов в эпоху викингов, и особенно в период образования Области Датского права.

Неизвестно, какое историческое событие могло послужить прообразом для битвы в Финнсбурге. Предполагается, что сказание о Финне имеет континентальное происхождение и сложилось в эпоху, когда англские племена жили рядом с фризами у Северного моря. Возможно, оно возникло среди ингвеонских племен, населявших берега Северного моря, и было принесено фризами в Верхнюю Германию и на Британские острова.

Датировка поэмы до сих пор представляет собой загадку (предлагаемые даты охватывают почти четыре столетия от 650 до 1000 г.). Метрические особенности, и в частности нерегулярность расположения аллитерации (22, 28, 39, 41, 46), позволяют предположить такую же позднюю дату создания, как и для «Битвы при Мэлдоне». Однако нарушение канона в расстановке аллитерации допускается и в наиболее ранних древнегерманских поэмах. Своеобразие орфографии может объясняться ошибками поздних переписчиков поэмы. В то же время особенности повествования и сходство с «Песнью о Хильдебранде» могут рассматриваться как аргументы в пользу более ранней датировки (VIII в.).

На время создания поэмы не проливают свет и встречающиеся в ней этнонимы и собственные имена. Некоторые из имен в «Битве в Финнсбурге» упоминаются и в других источниках: например, имя Финна употребляется в кеннинге кольчуги в «Языке поэзии», третьей части «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона (кольчуга называется *Finns-leif* — «наследие Финна»); имена Финна Фольквальдинга, правителя фризов (*Finn Folcwalding / Fresna cýnne*, 27), Хнэфа, правителя хокинггов (*Hnæf Hocingum*, 29a), Сигеферта (Сэферта), правителя сюггов (*Sæferð Sysgum*, 31a), встречаются в древнейшем памятнике англосаксонской словесности — «Видсиде», сложившемся предположительно не позднее VII в. На основании текста «Видсида» делались попытки судить об упоминаемых там эпических сюжетах, в частности о времени их бытования. Однако в перечнях имен, занимающих значительную часть поэмы «Видсид», упоминаются герои, исторические прототипы которых жили в разное время (между III и VI вв.). Перечни имен, «дошедшие из глубокого и чтимого древними прошлого, могли сохранять свою значимость для слушателей и тогда, когда уже никто не помнил самих связанных с ними преданий» [Смирницкая 1982: 252].

Язык отрывка также не позволяет судить о времени его создания. Поэма записана на позднем уэссекском диалекте²³ с небольшим вкраплением английских (например, *wæg*, 43а, вместо уэссекского *weg*; *mænig*, 13а вместо уэссекского *monig*), нортумбрийских (*hwearflicra*, 34а, вместо уэссекского *hwearflicra*; *sword*, 15b, вместо уэссекского *sweord*) и кентских форм (*scefte*, 7а, вместо уэссекского *sceafte*; *cweþ*, 24а, вместо уэссекского *cwæþ*; *nefre*, 39а, наряду с которым присутствует уэссекская форма *næfre*, 37а). Возможно, наличие разных диалектных форм отражает последовательные стадии переписывания текста или особенности уэссекского диалекта, в котором могло присутствовать диалектное смешение. Местом создания поэмы обычно считается или Нортумбрия, или Восточная Англия, в которых расцвет культуры приходится на VIII в. Именно этот период чаще всего предлагается как наиболее вероятное время создания дошедшего до нас текста [Fry 1974: 5; Klaeber 1950: lxxi–cxxxiv].

«Битва в Финнсбурге» обычно относится к эталонным древнегерманским и наиболее героическим из всех англосаксонских поэм. Воссоздаваемые в ней ситуации, персонажи и их побуждения характерны для героического эпоса. Здесь идет речь о взаимной верности вождя и дружинников, о распре между теми, кто объединен и кровным родством, и брачными связями, о противоречии между долгом мести и обетами верности, о рвущихся в бой юнцах, не желающих слушать мудрых советов опытных воинов. Главная тема поэмы — это сама битва с ее звоном мечей и воронами, чующими добычу, с отчаянной обороной осажденных до трагического конца.

В «Битве в Финнсбурге» действие стремительно развивается от эпизода к эпизоду, каждый из которых обычно отмечается при помощи наречия «тогда». Лишь один раз в ней встречается восклицание эпического певца (скопа), выражающее восхищение мужеством данов («Я никогда не слышал, чтобы более достойно шестьдесят боевых воинов проявили себя в битве людей или заплатили за белый мед лучше, чем заплатили Хнэфу его дружинники», 37–39) и включающее традиционную формулу *ne gefrægn ic* — «я не слышал». Других авторских ремарок в «Битве в Финнсбурге» не встречается.

И в отрывке поэмы, и в Финнсбургском эпизоде в «Беовульфe» используется традиционная для героического эпоса поэтическая лексика. В эпизоде значительно больше существительных (38,6%, во фрагменте их 29,1%) [Fry 1974: 27]. В обоих текстах употребляется необычно большое число окказионализмов (нарах *legomena*): в эпизоде — 13, во фрагменте — 17; значение многих из них до сих пор неясно. Число глагольных форм в обоих текстах примерно одинаково (19,9% — в отрывке и 20% — в эпизоде, из которых личных форм глагола 16,9% и 16,5%), однако отрывок (48 строк) примерно вдвое короче эпизода (1068–1160). Глаголы в отрывке сосредоточены в начале (примерно 16 личных глагольных форм приходятся на 10 строк). Глагольные формы в нем тщательно сгруппированы: фокус повествования перемещается от того, что доступно глазу наблюдателя (*dagað* — «светается», *fleogeð* — «летит», *byrnað* — «горят», 3–4), к тому, что доступно его слуху (*singað* — «кри-

²³ К уэссекским диалектным формам относятся *scyned* (7b), *wylle* (27b) (в которых встречается позднее написание «у» вместо более раннего «i», как, например, в *willað* (9b), *buruh-ðelu* (30b), *Finnsburuh* (36b) (с вставным «и»)).

чат», *gylleð* — «звенит», *hlynned* — «гремит», *oncwuð* — «отвечает», 5–7). Упоминания о шуме и грохоте сражения «подхватываются» в описании битвы (*wæl-slihta gehlyn* — «битвы гром», 28b, *buruh-ðelu dynede* — «древо крепости звенело», 30b). «Объективные» наблюдения за тем, что происходит вне палат (*mona scyneð* — «луна сияет», *wea-dæda arisað* — «злые дела готовятся», *folces nið fremman willað* — «людская ненависть жаждет совершить», 3–9), сменяется субъективной реакцией говорящего, обращающегося с призывами к тем, кто его окружает (*onwascnigeað* — «просыпайтесь», *habbað* — «берите», *hicgeaþ* — «помышляйте», *winnað* — «сражайтесь», *wesað onmode* — «будьте смелы духом», 10–13). Краткие асиндетические конструкции в полустилистических, связанных параллелизмом (5, 6, 11, 12), следуют друг за другом как краткие выкрики во время битвы.

По сравнению с остальной англосаксонской поэзией в отрывке «Битвы в Финнсбурге» реже применяются синтаксические переносы (всего пять примеров), границы строк обычно совпадают с границами предложений или словосочетаний (за исключением строк 7, 19, 31, 34, 37). Предложения значительно короче, чем в Финнсбургском эпизоде в «Беовульфе», не говоря уже об остальной поэме. В начале строк часто (13, 14, 18, 28, 43, 46) употребляется наречие «тогда» (*ða*), очевидно, для того, чтобы показать внезапность смены действия. Подобным образом это наречие применяется только в древневерхненемецкой «Песни о Хильдебранде» (ср. вступительное наречие *dô* в строках 33, 63, 65), наиболее близкой к отрывку по метрике и стилистике. Для обеих песен характерна сжатость стиля при крайней экономности языковых средств, резкость тона, редкость синтаксических переносов. От «Песни о Хильдебранде» сохранилось всего 70 строк, возможно, не более половины ее первоначального текста, «Битва в Финнсбурге» могла включать более 200 строк, рассказывающих о распре между фризами и данами от прибытия Хнэфа ко двору Финна до его гибели. Возможно, обе поэмы представляют собой единственно сохранившиеся образцы наиболее древней повествовательной формы — краткой героической песни, восходящей к общегерманскому периоду и предназначенной для устного исполнения (именно так описывается в «Беовульфе» исполнение скопом песни о Финнсбургской битве).

Даже по отрывку «Битвы в Финнсбурге» можно понять, что это отдельное независимое произведение. Напротив, Финнсбургский эпизод в «Беовульфе» при всей его выделяемости связан с главным повествованием. Вопрос о том, на каких основаниях Финнсбургский эпизод включен в «Беовульф», какую роль он играет в поэме и в каком виде был известен в период ее создания, издавна занимал исследователей. Весь рассказ о гибели Хнэфа и мести за нее Хенгеста сконцентрирован здесь в пиршественной песни скопа на пиру, исполняемой для развлечения гостей во время застолья после победы Беовульфа над Гренделем. С одной стороны, песнь скопа на пиру, возможно, принадлежала к числу традиционных эпических сцен (ср. песнь слепого аэда Демодока о споре Одиссея с Ахиллом, о деревянном коне, об Арее и Афродите на пиру у царя феаков Алкиноя), таких как прибытие героя на берег, морское путешествие и т. д. С другой стороны, можно найти сходство между ситуациями, обрисованными во фрагменте и во всей поэме — ночное сражение между двумя враждебными силами, из которых одна прячется в палатах, а другая — нападает извне.

В отличие от сохранившегося отрывка «Битвы в Финнсбурге» Финнсбургский эпизод содержит краткий, насыщенный аллюзиями рассказ об исходе битвы, опуская описание самого сражения. Весь спектр персонажей редуцирован до двух наиболее выдающихся героев — Хильдебурга и Хенгеста. Об их бедах и горестях говорится с очевидным сочувствием, раскрывается трагизм их положения, их горе обобщается в гномической перспективе. Создатель «Беовульфа», очевидно, предполагает, что аудитории было понятно трагическое положение и Хильдебурга (связанной узами родства с Хнэфом и узами брака с Финном), и Хенгеста, который, с одной стороны, был обязан соблюдать договор с Финном, а с другой — следовать правилам героического поведения и отомстить за гибель своего господина. События прошлого излагаются здесь подчеркнуто отстраненно в третьем лице, речи персонажей отсутствуют, появляются суммирующие, объяснительные, описательные предложения (1113, 1124, 1150, 1075), литоты (1071). Попадая в контекст книжного эпоса, краткая героическая песнь с ее динамизмом, драматичностью повествования изменяет тональность, становится более отстраненной, ретроспективной, литературной.

Литература

- Смирницкая 1982 — Смирницкая О. А. Примечания // Древнеанглийская поэзия / Изд. подгот. О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982 (Лит. памятники). С. 239–242.
- Снорри Стурлусон 1980 — Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980 (Лит. памятники).
- Albano 1994 — Albano R. A. The role of women in Anglo-Saxon culture: Hildeburh in Beowulf and a curious counterpart in the Volsunga Saga // English Language Notes. No. 32. 1994. P. 1–10.
- Arngrímur Jónsson 1950 — Arngrímur Jónsson. Rerum Danicarum Fragmenta // Arngrimi Jonae opera latine conscripta / Ed. by J. Benediktsson. Copenhagen: Munksgaard, 1950 (Bibliotheca Arnarnagaeana: Vol. 9). P. 335–336.
- Bliss 1982 — Bliss A. Editor's introduction // Tolkien J. R. R. Finn and Hengest: The Fragment and the Episode / Ed. A. Bliss. London: Allen & Unwin, 1982. P. 2–4.
- Brodeur 1943 — Brodeur A. G. Design and motive in the Finn Episode // University of California Papers in English. Vol. 14. 1943. P. 1–42.
- Camargo 1981 — Camargo M. The Finn Episode and the tragedy of revenge in Beowulf // Studies in Philology. Vol. 78. 1981. P. 120–134.
- Dobbie 1953 — Dobbie E. V. K. Beowulf and Judith // Anglo-Saxon poetic records. Vol. 4. New York: Columbia Univ. Press, 1953. P. 34–36.
- Fry 1974 — Fry D. Finnsburg Fragment and Episode. London: Methuen, 1974.
- Green 1916 — Green A. The opening of the Episode of Finn in Beowulf // PMLA. Vol. 31. No. 4. 1916. P. 759–797.
- Gwara 2008 — Gwara S. The foreign Beowulf and the “Fight at Finnsburg” // Traditio. Vol. 63. 2008. P. 185–233.
- Gwara 2009 — Gwara S. Heroic identity in the world of Beowulf. Leiden; Boston: Brill, 2009.
- Henry 1961 — Henry P. L. Beowulf cruces // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 77. 1961. S. 140–159.

- Henry 1966 — *Henry P. L.* The Early English and Celtic lyric. London: Allen & Unwin, 1966.
- Hickes 1705 — *Hickes G.* Linguarum Veterum Septemtrionalium Thesaurus grammatico-criticus et archaeologicus. Oxford: Sheldonian Theatre, 1705. Vol. 1. P. 192–193.
- Holthausen 1938 — *Holthausen F.* Beowulf, nebst den kleineren Denkmälern der Heldensage. Mit Einleitung, Glossar und Anmerkungen. 7 verbesserte Auflage. Bd. 1–2. Heidelberg: Carl Winter, 1938.
- Howe 1989 — *Howe N.* Migration and mythmaking in Anglo-Saxon England. New Haven: Yale Univ. Press, 1989.
- Kaske 1967 — *Kaske R. F.* The eotenas in Beowulf // Old English poetry: Fifteen essays / Ed. by R. Creed. Providence: Brown Univ. Press, 1967. P. 285–310.
- Klaeber 1950 — Beowulf and the Fight at Finnsburg / Ed. by F. Klaeber. 3rd ed. Boston: D. C. Heath, 1950.
- Klaeber's Beowulf 2008 — Klaeber's Beowulf and The Fight at Finnsburg / Ed. by R. D. Fulk, R. E. Bjork, J. D. Niles. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2008.
- Lawrence 1915 — *Lawrence W. W.* Beowulf and the tragedy of Finnsburg // PMLA. Vol. 30. 1915. P. 415–416.
- Mackie 1917 — *Mackie W. S.* The Fight at Finnsburg // Journal of English and Germanic Philology. Vol. 16. No. 2. 1917. P. 250–273.
- Malone 1943 — *Malone K.* Hildeburg and Hengest // Journal of English Literary History. Vol. 10. 1943. P. 257–284.
- Malone 1945 — *Malone K.* Finn's stronghold // Modern Philology. Vol. 43. No. 1. 1945. P. 83–85.
- Marsden 2004 — The Cambridge Old English reader / Ed. by R. Marsden. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Mitchell 1988 — On Old English: Selected papers. Oxford: Oxford Univ. Press, 1988.
- Moore 1976 — *Moore B.* The relevance of the Finnsburg Episode // Journal of English and Germanic Philology. Vol. 75. No. 3. 1976. P. 317–329.
- Niles 1993 — *Niles J. D.* Locating Beowulf in literary history // Exemplaria. Vol. 5. 1993. P. 79–109.
- Olrik 1903 — *Olrik A.* Danmarks Heltedigtning: en oldtidsstudie. Bd. 1: Rolf Krake og den ældre Skjoldungekrætte. København: Gad, 1903.
- Orchard 2003 — *Orchard A.* A critical companion to Beowulf. Cambridge: D. S. Brewer, 2003.
- Parks 1987 — *Parks W.* 'I heard' formulas in Old English poetry // Anglo-Saxon England. Vol. 16. 1987. P. 45–66.
- Robinson 1970 — *Robinson F. C.* Lexicography and literary criticism: A caveat // Philological essays: Studies in Old and Middle English language and literature in honour of Herbert Dean Meritt / Ed. by J. Rosier. The Hague: Mouton, 1970. P. 99–110.
- Rowland 1990 — *Rowland J.* Old English ealuscerwen/meoduscerwen and the concept of paying for mead // Leeds Studies in English and Kindred Languages. Vol. 21. 1990. P. 1–12.
- Sims-Williams 1978 — *Sims-Williams P.* Is it fog or smoke or warriors fighting?: Irish and Welsh parallels to the Finnsburg fragment // Bulletin of the Board of Celtic Studies. Vol. 27. 1978. P. 505–514.
- Tolkien 1982 — *Tolkien J. R. R.* Finn and Hengest: The Fragment and the Episode / Ed. A. Bliss. London: Allen & Unwin, 1982.
- Turville-Petre 1953–1957 — *Turville-Petre J. E.* Hengest and Horsa / Saga-Book of the Viking Society. Vol. 14. 1953–1957. P. 273–290.
- Vickrey 2009 — *Vickrey J. F.* Beowulf and the illusion of history. Newark: Univ. of Delaware Press, 2009.

- Vries 1953 — *Vries Jan de. Die Beiden Hengeste* // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. Bd. 72. 1953. S. 125–143.
- Williams 1924 — *Williams R. A. The Finn Episode in Beowulf: An essay in interpretation*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1924.
- Wrenn 1973 — *Beowulf with the Finnesburg Fragment* / Ed. by C. L. Wrenn. 3rd ed., rev. by W. F. Bolton. London: St. Martin's Press, 1973.

THE FINNSBURG FRAGMENT AND THE LAY OF HROTHGAR'S SCOP IN *BEOWULF*

Matyushina, Inna G.

Doctor of Philology

Leading Researcher,

Institute for Advanced Studies in the Humanities,

Russian State University for the Humanities

Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya sq., 6

Tel.: +7 (495) 438-28-54

E-mail: I.Matyushina@exeter.ac.uk

Abstract. The article offers a new reconstruction of the plot of the lost lay of the Battle of Finnsburg, based on a comparative analysis of the poetic language of the surviving fragment of 48 lines and an episode in *Beowulf* (lines 1068–1158). Regarding the epic word as simultaneously combining a whole spectrum of meanings simultaneously perceived by the audience enables the author to suggest a new interpretation of the poetic vocabulary and phraseology, traditionally causing dispute among scholars.

The fragment of the poem called by the editors the 'Battle of Finnsburg' presents the only extant sample of the most archaic narrative form — the short heroic lay, going back to a Common Germanic past and composed for oral performance. It is an oral performance which is described in *Beowulf* in the episode of a scop singing the lay of the Battle of Finnsburg at a feast celebrating the hero's victory over Grendel. Apart from the main theme and a few shared characters the two texts have less in common than is usually admitted. In contrast to that episode, the action in the Fragment is developed through speeches, comprising almost half of the extant text. Whereas the fragment is centred on the description of the battle, the episode contains an allusive summary of its consequences. The spectrum of characters is reduced in the episode to two main figures (Hildeburh and Hengest). The episode is related in the 3rd person as if by an 'objective' narrator; speeches are absent; summarising, descriptive, explanatory lines are introduced. In the context of literary epic an oral heroic lay becomes detached, retrospective and literary.

Keywords: *Beowulf*, Finnsburg, epic poetry, heroic poetry, literary epic, oral tradition, oral performance

References

- Albano, R. A. (1994). The role of women in Anglo-Saxon culture: Hildeburh in Beowulf and a curious counterpart in the Volsunga Saga. *English Language Notes*, 32, 1–10.
- Arngrímur Jónsson. (1950). *Rerum Danicarum Fragmenta*. In J. Benediktsson (Ed.). *Arngrimi Jonae opera latine conscripta*. Copenhagen: Munksgaard (Bibliotheca Arnamagnaeana, Vol. 9). P. 335–336. (In Latin).
- Bliss, A. (1982). Editor's introduction. In J. R. R. Tolkien. *Finn and Hengest: The Fragment and the Episode*. A. Bliss (Ed.), 2–4. London: Allen & Unwin.
- Brodeur, A. G. (1943). Design and motive in the Finn Episode. *University of California Papers in English*, 14, 1–42.
- Camargo, M. (1981). The Finn Episode and the tragedy of revenge in Beowulf. *Studies in Philology*, 78, 120–134.
- Dobbie, E. V. K. (1953). Beowulf and Judith. In *Anglo-Saxon poetic records* (Vol. 4), P. 34–36. New York: Columbia Univ. Press.
- Fry, D. (1974). *Finnsburg Fragment and Episode*. London: Methuen.
- Fulk, R. D., Bjork, R. E., Niles, J. D. (Eds.). (2008). *Klaeber's Beowulf and The Fight at Finnsburg*. Toronto: Univ. of Toronto Press.
- Green, A. (1916). The opening of the Episode of Finn in Beowulf. *PMLA*, 31(4), 759–797.
- Gurevich, A. Ia., Kuz'menko, Iu. K., Smirnitskaia, O. A., Steblin-Kamenskii, M. I. (Eds.) (1980). *Snorri Sturluson. Krug Zemnoi* [Snorri Sturluson. Heimskringla]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Gwara, S. (2008). The foreign Beowulf and the "Fight at Finnsburg". *Traditio*, 63, 185–233.
- Gwara, S. (2009). *Heroic identity in the world of Beowulf*. Leiden; Boston: Brill.
- Henry, P. L. (1961). Beowulf cruces. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 77, 140–159.
- Henry, P. L. (1966). *The Early English and Celtic lyric*. London: Allen & Unwin.
- Hickes, G. (1705). *Antiqua literatura septentrionalis libri duo: Linguarum Veterum Septentrionalium Thesauri Grammatico-Critici et Archaeologici* (Vol. 1), 192–193. Oxford: Sheldonian Theatre. (In Old English).
- Holthausen, F. (1938). *Beowulf, nebst den kleineren Denkmälern der Heldensage*. Mit Einleitung, Glossar und Anmerkungen. 7 verbesserte Auflage (Vol. 1–2). Heidelberg: Carl Winter. (In German).
- Howe, N. (1989). *Migration and mythmaking in Anglo-Saxon England*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Kaske, R. F. (1967). The eotenas in Beowulf. In R. Creed (Ed.). *Old English poetry: Fifteen essays*, 285–310. Providence: Brown Univ. Press.
- Klaeber, F. (Ed.) (1950). *Beowulf and the Fight at Finnsburg* (3rd ed). Boston: D. C. Heath.
- Lawrence, W. W. (1915). Beowulf and the tragedy of Finnsburg. *PMLA*, 30, 415–416.
- Mackie, W. S. (1917). The Fight at Finnsburg. *Journal of English and Germanic Philology*, 16(2), 250–273.
- Malone, K. (1943). Hildeburg and Hengest. *Journal of English Literary History*, 10, 257–284.
- Malone, K. (1945). Finn's stronghold. *Modern Philology*, 43(1), 83–85.
- Marsden, R. (Ed.). (2004). *The Cambridge Old English reader*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Mitchell, B. (1988). *On Old English: Selected papers*. Oxford: Oxford Univ. Press.

- Moore, B. (1976). The relevance of the Finnsburg Episode. *Journal of English and Germanic Philology*, 75(3), 317–329.
- Niles, J. D. (1993). Locating Beowulf in literary history. *Exemplaria*, 5, 79–109.
- Olrik, A. (1903). *Danmarks Heltedigtning: en oldtidsstudie* (Vol. 1: Rolf Krake og den ældre Skjoldungrackke). København: Gad. (In Danish).
- Orchard, A. (2003). *A critical companion to Beowulf*. Cambridge: D. S. Brewer.
- Parks, W. (1987). 'I heard' formulas in Old English poetry. *Anglo-Saxon England*, 16, 45–66.
- Robinson, F. C. (1970). Lexicography and literary criticism: A caveat. In J. Rosier (Ed.). *Philological essays: Studies in Old and Middle English language and literature in honour of Herbert Dean Meritt*, 99–110. The Hague: Mouton.
- Rowland, J. (1990). Old English ealuscweren/meoduscweren and the concept of paying for mead. *Leeds Studies in English and Kindred Languages*, 21, 1–12.
- Sims-Williams, P. (1978). Is it fog or smoke or warriors fighting?: Irish and Welsh parallels to the Finnsburg fragment. *Bulletin of the Board of Celtic Studies*, 27, 505–514.
- Smirnitskaia, O. A. (1982). Primechaniia [Notes]. O. A. Smirnitskaia, V. G. Tikhomirov (Eds.). *Drevneangliiskaia poeziia* [Old English poetry], 239–242. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Tolkien, J. R. R. (1982). *Finn and Hengest: The Fragment and the Episode*. A. Bliss (Ed.). London; Boston: Allen & Unwin.
- Turville-Petre, J. E. (1953–1957). Hengest and Horsa. *Saga-Book of the Viking Society*, 14, 273–290.
- Vickrey, J. F. (2009). *Beowulf and the illusion of history*. Newark: Univ. of Delaware Press.
- Vries, Jan de (1953). Die Beiden Hengeste. *Zeitschrift für deutsche Philologie*, 72, 125–143. (In German).
- Williams, R. A. (1924). *The Finn Episode in Beowulf: An essay in interpretation*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Wrenn, C. L. (Ed.), Bolton, W. F. (Rev.). (1973). *Beowulf with the Finnesburg Fragment*. New York: St. Martin's Press.

To cite this article:

MATYUSHINA, I. G. (2018). "BITVA V FINNSBURGE" I PESN' SKOPA NA PIRU V "BEOVUL'FE" [THE FINNSBURG FRAGMENT AND THE LAY OF HROTHGAR'S SCOP IN BEOWULF]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 92–119. (IN RUSSIAN).

Received November 13, 2017

Марей Елена Сергеевна
кандидат исторических наук
доцент, Школа исторических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая Басманная ул., 24/1, стр. 3
Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22586
E-mail: elena.fontis@gmail.com

ГОРОД СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ: ОБРАЗ РИМА В ПИСЬМАХ ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО¹

Аннотация. В статье анализируется образ города Рима, каким он предстает в письмах папы Григория I Великого (590–604). Григорий сделал очень много для процветания Рима и превращения его в один из главных духовных центров христианского Запада. Этому способствовала неустанная забота понтифика об украшении города, о ремонте базилик и основании монастырей, которые должны были свидетельствовать о торжестве христианской веры. Большое значение имело почитание мощей святых, главным образом апостолов Петра и Павла. Григорий устанавливает подлинный культ их почитания, тем самым превращая Рим в центр паломничества.

Ключевые слова: Григорий Великий, «Register epistolarum», Рим, церковная архитектура, почитание мощей, культ апостолов Петра и Павла

Nam sola urbs Roma, cetera oppida.
(Isid. Hisp. Etym. IX.4.42)

Для Италии V–VII столетия стали временем бурных и драматических перемен. Взятие Рима сначала вестготами Алариха (410 г.), затем вандалами (455 г.), расселение варваров, владычество остготов, византийская война (536–554), наконец, нашествие лангобардов (568), которые воспринимались как предвестники конца света [Pohl 2008: 19], — все это привело Италию к разорению и запустению.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук «Интерпретация римских юридических понятий в трудах Григория Великого и формирование правовой культуры Средневековья» (МК-885.2017.6).

Рим, бывший некогда блестящей столицей огромной империи, с конца V в. находился в глубоком упадке. Он потерял свой столичный статус и даже перестал быть центром Италии, уступив его Равенне, которая была резиденцией сначала Теодориха Великого, а затем византийских экзархов. Жители покидали Город: одни из страха перед лангобардами, другие из желания быть поближе ко двору экзарха или императора². Рим стремительно обезлюдел: так, по подсчетам американского исследователя Р. Краутаймера, после осады готами во время войны население Города составляло всего 30 тыс. человек (после 500 тыс. в 452 г. и 100 тыс. в 500 г.) [Krautheimer 1980: 65]. Лишь во время папы Григория численность выросла до 90 тыс. за счет беженцев из разоренных лангобардами областей. Общественные здания ветшали и разрушались, система коммуникаций постепенно приходила в упадок, в округе хозяйничали лангобарды, затруднявшие сообщение с Равенной и с другими городами, а в довершение всего население Рима страдало от вспышек малярии и чумы [Ibid.: 64–69]. Возрождение Города началось только в конце VI в. и связано с понтификатом Григория Великого. Правда, как отмечают исследователи, это лучше назвать перерождением, ведь усилиями Григория Рим окончательно превращается из античного города в христианский [Ibid.: 87; Pietri 1991: 31–32; Boesh Gajano 2004: 67].

История города Рима в Средние века была блестяще описана во второй половине XIX в. немецким историком Ф. Грегоровиусом [Gregorovius 1859–1872]³, а спустя чуть более ста лет — американским исследователем Р. Краутаймером, который не только рассматривает здания и постройки, но и затрагивает экономику и социальную жизнь Города. Одна из глав его монографии посвящена истории Рима в период понтификата Григория [Krautheimer 1980: 59–87]. Вслед за этой книгой к истории григорианского Рима обратились французские исследователи — К. Эйтц, описавшая основные достопримечательности Рима этого периода [Heitz 1986], и Ш. Пьетри, на статью которого стоит остановиться подробнее. Научный сотрудник, а затем директор *École française de Rome*, Пьетри убедительно показал упадок городской жизни (с заменой городских празднеств христианскими процессиями), становление новых городских доминант в виде церквей и монастырей, а также превращение сообщества римских граждан в сообщество верных христиан [Pietri 1991].

Ш. Пьетри удалось показать, каким был Рим во времена Григория. Думаю, теперь следует задать вопросы: что именно сделал понтифик для процветания Города, как могло получиться, что Рим, находящийся в глубоком экономическом, политическом и культурном упадке, становится при Григории центром христианского мира? Тема эта достаточно обширна и выходит за рамки отдельной статьи, поэтому я позволю себе остановиться лишь на одном ее аспекте — вопросе о том, что сделал папа для украшения Города и для придания ему нового блестящего статуса. Однако прежде следует сказать несколько слов о его епископе и о той кафедре, которую он занимал.

² В качестве примера см. письмо Григория к патрицианке Рустициане, в котором он уговаривает ее приехать в Рим и заверяет, что лангобарды Городу больше не угрожают. Из текста письма становится понятно, что папа приглашает Рустициану далеко не в первый раз (Greg. Reg. Epp. VIII.22). Ср. [Urso 2013: 160–166].

³ См. перевод на русский язык, выполненный В. И. Савиным в 1888 г. и не так давно переизданный: [Грегоровиус 2008].

Римская церковь во времена Григория (общие замечания)

Биография Григория I достаточно хорошо известна. Принадлежавший к старинному сенаторскому роду Анициев, Григорий Великий получил хорошее образование и достаточно быстро сделал успешную гражданскую карьеру. До начала своей папской деятельности он прошел весь *cursus honorum*, завершившийся в 573 г. должностью префекта Города [Dudden 1905: 3–122; Markus 1997: 8–14; Voesh Gajano 2004: 21–36]. Эта служба была не только почетной и дающей широчайшие полномочия, но и весьма трудной: как уже отмечалось выше, в окрестностях Рима бесчинствовали лангобарды, связь с Равенной и Константинополем была нарушена, Город страдал от нехватки продовольствия и постепенно становился все более безлюдным. При этом муниципальные структуры практически перестали существовать, и даже римский сенат почти не упоминается в источниках [Diehl 1888: 124–132, особ. 124–127]. Именно в этих обстоятельствах, по мнению Ф. Х. Даддена, Григорий решил отказаться от гражданской карьеры и посвятить себя Богу [Dudden 1905: 104]. Оставив свой пост, он раздал имущество бедным и постригся в монахи. Позже Григорий стал диаконом, а потом был отправлен в Константинополь в качестве папского апокрисиария, где пробыл с 579 по 586 г. Мы почти ничего не знаем о деятельности Григория в качестве префекта, но с известной долей уверенности можно утверждать, что административный опыт, полученный им на этом посту, не прошел даром. Став римским папой в 590 г., Григорий фактически принял на себя все заботы о Городе: успешно отражал лангобардскую угрозу (см., например: [Azzara 2014: 183–187]), заботился о снабжении водой и хлебом [Diehl 1888: 132] и т. д.

Все это требовало больших денежных средств; к счастью для папы, римская церковь владела землями на Апеннинском полуострове, на Сицилии и Сардинии — *patrimonia sancti Petri*. При этом патримоний Сицилии, издавна бывшей житницей Рима, имел принципиальное значение для экономики Города. Папа Григорий реорганизовал управление этими территориями, поставив во главе каждого патримония управляющего (*rector*), которому подчинялись субдьяконы, дефенсоры и нотариусы, выстроив таким образом более или менее четкую иерархию служащих. Управляющий назначался папой и подчинялся непосредственно ему. Как правило, при Григории все эти должности занимали монахи, а не клирики или миряне, как это было ранее. Принято считать, что проведенные реформы позволили папе лучше контролировать территории и доход, который они приносили [Krautheimer 1980: 60; Richards 1980: 129–131; Voesh Gajano 2004: 62–71]. О значимости патримония для римской церкви говорит тот факт, что церемония назначения ректора проходила перед мощами апостола Петра⁴. В самом деле, как можно заключить из письма управляющему патримонием Сицилии, от поставок зерна с острова напрямую зависела жизнь Города⁵. Именно поэтому Григорий ни на секунду не выпускал из своих

⁴ См. письмо ректору патримония Сицилии Петру: *Sed tua experientia sanctae ecclesiae utilitatem conspiciat, menor quod ante sacratissimum beati Petri apostoli corpus potestatem patrimonio eius acceperit* (Greg. Reg. Epp. I.70). Cp. [Voesh Gajano 2004: 66].

⁵ ...*tantum hic parva natiuitas fuit, ut, nisi auxiliante Deo de Sicilia frumenta congregentur, fames uehementer immineat* (Greg. Reg. Epp. I.70).

рук контроль над патримониями: по моим подсчетам, ректорам и нотариам адресовано 61 послание из папского регистра, из них управляющие Сицилией получили абсолютное большинство — 43 письма.

Плодородные территории Италии принадлежали не только римскому папе. Так, равеннская епархия тоже располагала патримонием на Сицилии, однако значительно меньшего размера и менее доходным. Богатства Рима, получаемые за счет эксплуатации плодородных южных земель, не могли даже сравниться с равеннскими⁶. С известной долей вероятности можно сказать, что во многом благодаря патримонию св. Петра понтифик мог и откупаться от лангобардов, и поддерживать жизнеобеспечение Города. Кроме того, не последнюю роль сыграло и богатство семьи Григория, которое он употребил на строительство и ремонт церквей и монастырей. Все это позволило Риму соперничать и с императорским Константинополем, и (что, по всей видимости, было более актуально) с Равенной, административным центром экзархата⁷. Папа римский должен был поставить Рим выше Константинополя и Равенны, а сделать это можно было, придав ему статус священного города.

Церковная архитектура Рима в период понтификата Григория

Забываясь о том, чтобы превратить Рим в центр христианской культуры, вернув ему, таким образом, былую славу, Григорий уделял большое внимание церковному строительству⁸. Главные базилики Города, уже существовавшие к 590 г., перечислены в знаменитой проповеди о семичастной литании. Она была произнесена Григорием в самом начале своего понтификата или даже до рукоположения. По сообщениям хронистов, в это время в Риме свирепствовала чума, ради избавления от которой Григорий I и обратился к горожанам с проповедью, призвав их к усердным молитвам и покаянию⁹. Затем он разделил население Рима на семь частей (по числу церковных округов), так что каждая группа должна была начать крестных ход от главной базилики округа. Сам текст проповеди римского папы дословно приводится в «Истории франков» Григория Турского (который знал об этом от своего диакона Агиульфа, находившегося в то время в Риме), а также в обоих «Житиях Григория», составленных Павлом Диаконом (VIII в.) и Иоанном Диаконом (конец IX в.)

⁶ Ф. Х. Дадден описывал патримоний св. Петра простирающимся на многие сотни квадратных миль и приносящим ежегодный доход в сотни тысяч фунтов зерна [Dudden 1905: 296]. Считая эти цифры завышенными, Дж. Ричардс, однако, признает, что доход Рима был значительно выше, чем у Равенны [Richards 1980: 127].

⁷ С 554 г. года епископ Равенны получил от Константинополя сан архиепископа и формально был равен римскому папе, однако папы всеми силами старались сохранить за собой контроль над Равенной. О взаимоотношениях Рима и Равенны в этот период см.: [Markus 1981b; Бородин 2001: 130–142, особ. 130–134].

⁸ Об архитектуре и внешнем облике Рима см.: [Heitz 1986; Krautheimer 1980: 59–87].

⁹ Cumque in hoc restaret, ut benediceretur, et lues populum devastaret, verbum ad plebem pro agenda paenitentia in hoc modo exorsus est (Greg. Tur. Hist. Franc. X.1); Qui (i. d. Gregorius. — E. M.) dum septiformem laetaniam fieri ordinasset (...) Septiformis autem laetania ideo dicta est, quia omnis urbis populus a beato Gregorio in septem partibus deprecaturus Dominum est divisus (Paul. Diac. Hist. Lang. III.24). Cp. [Dudden 1905: 215–221].

соответственно (Paul. Diac. Vita. 11–13, Iohan. Diac. Vita. I.41)¹⁰. В 603 г. папа Григорий призвал горожан еще раз повторить семичастную литанию; его проповедь, произнесенная в церкви Св. Сабины, практически повторяет текст, дошедший в произведении Григория Турского (Greg. Reg. Epp. Appendix IX). Все этого говорит о том, что списки проповеди имели большое хождение, и, по всей вероятности, имеющийся у нас текст принадлежит самому Григорию Великому, а не является сочинением более поздних авторов.

Если текст проповеди во всех источниках остается идентичным, то перечень церквей в них различается. Так, в проповеди Григория Великого 603 г. упомянуты церкви Св. Иоанна Крестителя, Св. мч. Марцелла, Свв. мчч. Иоанна и Павла, Свв. мчч. Косьмы и Дамиана, Первомученика Стефана (ныне Сан-Стефано-Ротондо), Св. Виталия (Сан-Витале) и, наконец, Св. мц. Цецилии, расположенной за Тибром (см. *Прил. 1*), от которых следовало начинать крестный ход. Затем, не переставая произносить молитвы, горожане, клирики и монахи должны были подойти к базилике Св. Марии (ныне Санта-Мария-Маджоре), чтобы там слезно просить Господа и Богоматерь о прекращении чумы¹¹. Той же версии придерживается Иоанн Диякон (Iohan. Diac. Vita. I.41–42). Григорий Турский, однако, приводит другой список, частично расходящийся с первым: он упоминает церкви Свв. Гervасия и Протасия, Св. Евфимии, Свв. мчч. Марцеллина и Петра и Св. Климента; отличается и перечень участников литании¹². В одном случае это можно объяснить тем, что церковь была посвящена нескольким святым. Так, базилика Сан-Витале могла стать в изложении франкского хрониста базиликой Гervасия и Протасия, ведь последние были детьми св. Виталия Миланского и почитались вместе с ним [Armellini 1891: 188–189; Hülsen 1927: 498–499; Pietri 1991: 10]. Но в остальных случаях Григорий Турский

¹⁰ Упоминание о семичастной литании содержится и в «Истории лангобардов» Павла Диякона (Paul. Diac. Hist. Lang. III.24).

¹¹ ...quatenus ad sanctae genetricis Domini ecclesiam conuenientes <...> simul omnes mala quae fecimus deploremus <...> Sequitur: letania clericorum exeat ab ecclesia sancti Iohannis Baptistae, letania uirorum ab ecclesia sancti martyris Marcelli, letania monachorum ab ecclesia beatorum martyrum Iohannis et Pauli, letania ancillarum Dei ab ecclesia beatorum martyrum Cosmae et Damiani, letania feminarum coniugarum ab ecclesia primi martyris Stephani, letania uiduarum ab ecclesia beati martyris Vitalis, letania pauperum et infantum ab ecclesia beatae martyris Caeciliae. Fecit et in basilica sanctae Sauinae sub die IIII Kalendarum Septembrium indictione sexta (Greg. Reg. Epp. Appendix IX).

¹² Clerus igitur egrediatur ab ecclesia sanctorum martyrum Cosmae et Damiani cum praesbyteris regionis sextae. Omnes vero abbates cum monachis suis ab ecclesia sanctorum martyrum Protasi et Gervasi cum praesbyteris regionis quartae. Omnes abbatisae cum congregationibus suis egrediantur ab ecclesia sanctorum martyrum Marcellini et Petri cum praesbyteris regionis primae. Omnes infantes ab ecclesia sanctorum martyrum Iohannis et Pauli cum praesbyteris regionis secundae. Omnes vero laici ab ecclesia sancti protomartyris Stephani cum praesbyteris regionis septimae. Omnes mulieres uiduae ab ecclesia sanctae Eufimiae cum praesbyteris regionis quintae. Omnes autem mulieres coniugatae egrediantur ab ecclesia sancti martyris Clementis cum praesbyteris regionis tertiae, ut, de singulis ecclesiis exeuntes cum praecibus ac lacrimis, ad beatae Mariae semper virginis genetricis domini nostri Iesu Christi basilicam congregemur, ut, ibi diutius cum fletu ac gemitu Domino supplicantes, peccatorum nostrorum veniam promerire valeamus (Greg. Tur. Hist. Franc. X.1). См. перевод на русский язык: [Григорий Турский 1987: 284–286].

упоминает совершенно отдельные существовавшие в то время храмы. Церкви Св. Климента и Свв. мчч. Марцеллина и Петра близ Латерана сохранились до наших дней, а вот базилика Св. Евфимии, построенная рядом с форумом Траяна, была уничтожена в начале XIX в. во время раскопок базилики Ульпия [Armellini 1891: 124–135, 162–163]. По-видимому, эти базилики к 603 г. частично утратили свое первенствующее положение, уступив место другим церквям. И тем не менее при всех различиях наши источники позволяют получить представления о самых значимых и почитаемых храмах города Рима конца VI — начала VII в.

В остальных письмах понтифика упоминаются другие римские базилики: Св. Сабины (Greg. Reg. Epp. II.46; XI.15), Св. Юлия на Латеране (Ibid. Appendix IX), Св. Кириака (Ibid. XI.15), Св. Северина, где хранились мощи Северина Норикского, доставленные в Рим по приказу Григория (Ibid. III.19), и некоторые другие. Папа был весьма озабочен состоянием церквей и не терпел, чтобы храмы или молельни оставались заброшенными. В этом смысле показателен пример церкви Сант-Агата-деи-Готи. Находящаяся в округе Субура, эта церковь когда-то принадлежала арианам, но после поражения готов в войне против Византии какое-то время стояла заброшенной. Около 594 г. Григорий приказал освятить ее заново, и, по-видимому, сам он это рассматривал как своего рода победу над арианами¹³. Не случайно он в своих «Диалогах» столь подробно описывает проведение торжественной мессы: якобы во время богослужения прихожане явственно почувствовали, будто из церкви выбежала свинья, хотя ее так никто не видел¹⁴. Не составляет труда догадаться, что в виде свиньи Григорий изобразил ариан, которые были изгнаны из церкви Св. Агаты. Но и после этого в течение двух ночей церковь сотрясал страшный шум. А потом несколько дней, если верить «Диалогам», в церкви сами собой зажигались и горели лампы, что, по мнению папы, символизировало переход храма от тьмы к свету (Greg. Dial. III. 30)¹⁵. После освящения понтифик приказал некоему аколиту Леону произвести осмотр церкви и составить список всех необходимых для ее ремонта материалов¹⁶.

В нескольких посланиях упоминаются монастыри: Деметрия (Greg. Reg. Epp. IX.19), Ариста (Ibid. XIV.14), а также настоятельницы обителей, которым волей римского папы передается участок земли (садик, hortus) или дом, ранее

¹³ Возможно, заново освятить церковь Григория побудили известия от лангобардов и вестготов. Так, около 591 г. он узнал от Леандра Севильского об отречении народа готов от арианства, а около 593 г. заручился поддержкой королевы лангобардов Теоделинды, которая была католичкой (см.: Greg. Reg. Epp. I.41; IV.4).

¹⁴ Cumque in ea iam missarum sollempnia celebrarentur, et prae eisdem loci angustia populi se turba comprimeret, quidam ex his, qui extra sacrarium stabant, porcum subito intra suos pedes huc illucque discurrere senserunt. Quem dum unus quisque sentiret, et iuxta se stantibus indicaret, isdem porcus ecclesiae ianuam petiit, e omnes, per quos transiit, in admirationem commovit; sed videri nil potuit, quamvis sentire potuisset (Greg. Dial. III.30).

¹⁵ См. также: [Грегоровиус 2008: 208; Boesh Gajano 2004: 67]. См. перевод на русский язык: [Григорий 1858].

¹⁶ ...et quantum in sarta tecta uel luminaribus aliaque reparatione eiusdem ecclesiae necessarium fuerit, erogare modis omnibus studebis (Greg. Reg. Epp. IV.19). См. также: [Pietri 1991: 18–19].

принадлежавший какому-то клирику¹⁷. Еще один пример связан с молельней (oratorium) близ терм Агриппы в районе Марсова поля. Во времена папы Пелагия, предшественника Григория, некий монах Иоанн построил в принадлежащем ему доме молельню, а умирая, завещал ее Пелагию с тем условием, что там будет учрежден монастырь. Однако его желанию не суждено было сбыться, и во времена Григория дом оставался в запустении. В 596 или 599 г. понтифик передал дом вместе с садом некоему аббату (Ibid. VI.44) (в другом письме — аббатисе)¹⁸ Боне, чтобы там разместились монахи (или монахини) его (ее) монастыря, который почему-то был разрушен. Кроме оратория Боне (кто бы ни скрывался за этим именем) отошли несколько домов по uia Nomentana (совр. Ментана), таверна и salgamum — вероятно, продуктовая лавка или склад, которые раньше принадлежали Иоанну.

Насколько можно судить по письмам, в начале VII в. число монастырей, находящихся внутри городской черты, заметно выросло, отчасти благодаря заботе и покровительству Григория Великого. И все же, если судить по письмам понтифика, главной обителью города Рима в его время становится монастырь Св. Андрея на Целийском холме (mon. Andreae ad clivum Scauri, позднее монастырь Св. Григория; см. *Прил. 2*, № 37).

Обитель была основана самим Григорием около 574 г., после того как он покинул должность префекта Города [Dudden 1905: 106 sqq]. Он стал простым послушником основанного им монастыря, где и пребывал до своего отъезда в Константинополь в 579 г. Вернувшись в Рим в 586 г., Григорий сделался аббатом монастыря Св. Андрея, а в 590 г. оставил его, чтобы стать римским папой. Однако и после этого он не оставлял свой монастырь без попечения. Так, в самом начале своего понтификата он написал новому аббату Максимиану письмо, которым запретил отчуждать любые земли, принадлежавшие обители, а также объявил, что каждый, кто посмеет покуситься на монастырское имущество, предстанет перед судом папы вне зависимости от своего положе-

¹⁷ ...experientiae tuae <...> praecipimus uti hortum Feliciani quondam presbiteri, positum regione prima ante gradus sanctae Sabinae, excusatione postposita, monasterio Euprepiae, in quo ancillarum Dei congregatio esse cognoscitur, iure proprietario possidendum tradere sine ambiguitate festinet (Greg. Reg. Epp. II.46); <...> praecipimus quatenus domum positam in hac urbe regione quarta, iuxta locum qui appellatur Gallinas albas <...> simul et hortum atque hospitium, quae inter eandem domum ianua concludit, Florae abbatissae tradere debeas proprietatis iure proculdubio possidendam... (Ibid. III.17).

¹⁸ Cognouimus itaque Iohannem quondam presbyterum <...> In domo iuris sui posita in hac urbe Roma iuxta thermas Agrippianas oratorium construxisse atque illic quosdam redditus legati titulo reliquisse; in quo etiam oratorio seruorum Dei congregationem esse constituit; et haec omnia ut debuissent impleri, testamenti sui pagina sanctae memoriae Pelagio decessori nostro mandauerat. <...> ideo et locum ipsum solemniter dedicare et <...> te illic cum congregatione tua constituere Deo annuente prospeximus <...> Praeterea considerantes ante dicti presbyteri uoluntatem, perpetuo illic temporis monasterium esse atque ad id eandem domum in integro cum horto suo et rebus inferius designatis, quae a testatoris relictas sunt, proprietatis iure constituimus pertinere; id est massam Magulianensem cum appendicibus suis in uia Numentana miliario plus minus XI, tabernam in hac urbe, quae est posita iuxta Pallacenis, et salgamum positum ante domum suprascripti monasterii (Greg. Reg. Epp. IX.38). В целом текст этих писем идентичен, однако письмо IX.38 чуть более подробно, что, впрочем, не меняет его смысл.

ния¹⁹. И по крайней мере однажды вмешательство папы таки потребовалось, свидетельством чему является письмо VIII.12 от 598 г., адресованное аббату Кандиду. Оно касается наследства монаха Иоанна, недавно скончавшегося в монастыре Св. Андрея. Тот происходил из знатной и богатой семьи, так как его родной брат по имени Мауренций занимал должность *magister militum*. По всей видимости, оставленное Иоанном наследство было значительным, раз сама папа вмешался в это дело. По словам Григория, Мауренций должен был поклясться, что передал обители все имущество брата, ничего не утаив²⁰. После этого папа подтвердил права монастыря на имущество Иоанна и пригрозил Божьей карой тому, кто посмеет не признать это соглашение²¹.

Еще одно письмо, касающееся этого же монастыря, написано в 601 г. и адресовано патрицианке Рустициане, подруге Григория, проживавшей в Константинополе (*Greg. Reg. Epp. IX.26*). Здесь папа благодарит свою корреспондентку за пожертвование в пользу монастыря и подробно рассказывает ей о серии недавних чудесных происшествий. Чудеса эти произошли с нерадивыми монахами, которые собрались было бежать из монастыря, однако св. Андрей разными способами помешал этому, так что, увидев, что сам святой противится их решению, монахи полностью раскаялись и остались в обители. Почему Григорий в деталях рассказывает об этих чудесах? Думается, этот рассказ — не просто выражение благодарности Рустициане за ее щедрость; очевидно, что дела монастыря очень сильно заботят и самого Григория, так что, даже став папой в это непростое для Рима время, он не оставил вниманием основанную им обитель. Рассказанные Григорием чудеса являются подтверждением того неоспоримого для папы факта, что монастырь находится под прямым покровительством самого св. Андрея (который явился одному из незадачливых беглецов в образе старика со злой черной собакой)²². Итак, стараниями Григория этот монастырь быстро превратился в одну из главных святынь Рима, ведь туда папа поместил ценнейшие реликвии, вывезенные им из Константинополя, — руку апостола Андрея и голову евангелиста Луки [*McCulloh 1976: 148*]. Однако не в последнюю очередь процветанию монастыря способствовали пожертвования (в частности, Рустицианы) и имущество, вносившееся в монастырь послушниками, из которых по крайней мере один происходил из очень знатной и богатой семьи.

Ш. Пьетри не без оснований заметил, что градостроительная политика Григория была очень скромной: он построил всего две или три новых церкви и основал один монастырь (правда, еще несколько были основаны с его разрешения) [*Pietri 1991: 21*]. Григорий был сосредоточен главным образом на ремонте обветшавших базилик, а не на постройке новых, и, вероятно, причина этого носит чисто экономический характер. Тем не менее на фоне разрушаю-

¹⁹ ...aut quicumque homo potens uel inferior alienare uisus fuerit uel auferre conatus in proprium reduxerit, ante domini nostril Iesu Christi in examine diei magni aduentus eius tribunal mecum ibidem rationem erunt facturi (*Greg. Reg. Epp. Appendix 2*).

²⁰ ...etiam dato corporaliter sacramento firmaret nihil se in fraude uersatum aut aliquid occultasse sed omnia integer prodidisse... (*Greg. Reg. Epp. VIII.12*).

²¹ Cui res si quis, quod non credimus, contrariam afferre quomodo temptauerit uoluntatem, ille quidem reum se ante Deum esse nouerit, qui nititur ea quae utiliter sunt finita rescindere... (*Greg. Reg. Epp. VIII.12*).

²² Qui statim ad se reuersus, quid passus fuerat confessus est, quia senex quidem ei apparuit et canem nigrum ad eum dilaniandum dimisit dicens: «Quare fugire uoluisti de monasterio isto?» (*Greg. Reg. Epp. IX.26*).

щихся зданий языческой античности отремонтированные или новые церкви должны были создавать ощущение триумфа христианства. В свою очередь, и Рим должен был восприниматься как его центр, чему в немалой степени способствовал культ святых апостолов Петра и Павла, расцветший благодаря усилиям Григория.

Кульτ апостолов Петра и Павла

Насколько можно судить по источнику, в 591 г. Григорий попытался установить обычай ежегодных процессий к телу апостола Петра. Свидетельством этому является документ (*cartula*), сохранившийся в его Регистре и датированный в рукописях сентябрем X индикта, т. е. 591 г.²³ По-видимому, это часть проповеди Григория, в которой он призывал римлян к совершению ежегодной литании (*solemnitas annuae deuotionis*) в честь ап. Петра. В следующую после проповеди пятницу горожане должны были пройти крестным ходом от церкви Св. мч. Лаврентия в Люцине до «блаженного Петра, первого из апостолов», т. е., как можно предположить, до Ватикана (см. *Прил. I*). Папа призвал верующих распевать религиозные гимны и песнопения, а по пришествии на место принять участие в религиозном празднестве во славу Господа и апостола²⁴.

Центрами культа стали базилики Свв. Петра и Павла, о состоянии которых, как мы увидим, Григорий усердно заботился. Ремонту этих церквей посвящена целая серия писем Григория Великого (*Greg. Reg. Epp. IX.125–128*), на которой стоит остановиться подробнее. К сожалению, не до конца понятно, о каких конкретно базиликах (или одной базилике?) идет речь, так как во времена Григория на территории Рима действовало несколько посвященных первоапостолам церквей, среди которых церковь Св. Павла (алла-Регола), Св. Павла у трех фонтанов, церковь Св. Павла на Остийской дороге (ныне Сан-Паоло-фуори-ле-Мура, или Св. Павла за стенами), церковь Св. Петра в тюрьме (ин-Карчере, недалеко от римского форума), церковь Св. Петра в веригах (ин-Винколи) и, конечно, Св. Петра в Ватикане²⁵. Кроме того, Григорий вполне мог иметь в виду Латеранскую базилику, где в его время хранились мощи святых апостолов. Как бы то ни было, состоянию этих церквей (или церкви) папа уделял особое внимание.

Четыре письма, датированные февралем — октябрем 599 г., касаются поставок досок для ремонта базилик. Насколько можно понять из текста посланий, Григорий попросил Сабина, своего судьякона в Бруттии, приготовить и прислать в Рим около 20 бревен (*trabes*) для ремонта церквей Петра и Павла. Предполагалось, что Сабин доставит материал до некоего порта, из которого его можно будет морем отправить в Рим. Очевидно, однако, дьякон не в состо-

²³ См., например, рукопись писем Григория, хранящаяся в библиотеке Лауренциана во Флоренции: S Marco 556, f. 19v (*Biblioteca Medicea Laurenziana*). Cp. *Greg. Reg. Epp. Appendix 4*.

²⁴ *Sexta igitur feria ueniente a titulo beati Laurentii martyris qui appellatur Lucinae egredientes, ad beatum Petrum apostolorum principem Domino supplicantes cum hymnis et canticis spiritualibus properemus, ut ibidem sacra mysteria celebrantes tam de antiquioribus quam de praesentibus beneficiis pietati eius in quantum possumus referre gratias mereamur* (*Greg. Reg. Epp. Appendix 4*).

²⁵ См. соответственно: [Armellini 1891: 397–398, 938–940, 539, 208–210].

янии был этого сделать своими силами и средствами: слишком далек был путь, слишком тяжел груз, для транспортировки которого требовались волы. Тогда Григорий задействовал все возможные рычаги: он попросил помочь волами и людьми экс-префекта Бруттия Григория²⁶, владевшего в тех краях богатыми земельными угодьями, а также герцога Беневента Арога²⁷. Причем доставить письмо последнему он попросил магистра войск Мауренция (вероятно, брата монаха Иоанна, оставившего наследство монастырю Св. Андрея)²⁸. Структура писем к Григорию и к Арогу в целом идентична. Так, понтифик сначала излагает предысторию, затем переходит непосредственно к просьбе, обещая в обмен заплатить (Григорию) или прислать подарок (Арогу), а в конце, что характерно, обещает адресатам защиту и покровительство святых апостолов²⁹. Вероятно, письма были написаны одно за другим: понтифик сначала написал бывшему префекту, но, не получив от него помощи, осмелился обратиться к лангобардскому герцогу (иначе какой был смысл одновременно просить волов и у того, и у другого?). К сожалению, мы не знаем, что ответил Арог и удалось ли Сабину доставить бревна в Рим, однако сами эти письма и настойчивость Григория, с которой он их писал, убедительно свидетельствует о значимости для папы именно этих церквей. Стоит отметить, что этим вопросом он занимался лично, не препоручив его кому-то из своих помощников, как в случае с церковью Агаты деи-Готи. Кроме того, ради достижения своей цели Григорий готов был обратиться за помощью даже к потенциальному врагу — герцогу Беневента, уговаривая его помочь Сабину не столько ради папы, сколько ради святых апостолов.

Однако как ни велико было значение базилик и празднеств, культ святых Петра и Павла строился вокруг их мощей, которые хранились в Риме. Иногда в знак особого благоволения понтифик посылал своим респондентам маленький кусочек реликвии, связанной с первоапостолами, но никогда — мощей. Все это, как правило, сопровождалось письмом, в котором папа раскрывал символическое значение своего дара [Rapisarda 1991: 285–286, 290–292]. Так, посылая новообращенному королю Реккареду маленький ключик, сделанный из части вериг Петра, понтифик выражает надежду, что «то, что связывало его (т. е. Петра. — Е. М.) шею в его мученичестве, освободит вашу

²⁶ ...petimus ut gloria vestra de possessionibus, quas illic in emphyteusin habet, hac in re homines cum bobus suis faciat praebere sollacia, quatenus et opse uestra opitulatione suffultus as explenda ea quae sibi iniuncta sunt esse possit idoneus et uos mercedem ualeatis accipere (Greg. Reg. Epp. IX.126).

²⁷ Et qua re solaciis indiget, salutantes gloriam uestram paterna caritate, petimus ut actionariis uestris qui in illo loco sunt deputetis, ut homines qui sub eis sunt cum bobus suis in eius transmittere solacium debeant, quatenus uobis concurrentibus melius quod ei iniunximus possit perficere. Nos enim promittimus quia, dum res perfecta fureit, dignum uobis exenium, quod non sit iniuriosum, transmittimus (Greg. Reg. Epp. IX.127).

²⁸ ...Arogī scripsimus <...> Gloria ergo uestra epistolam nostram ad eum sub urbana persona studeat sub celeritate transmitter... (Greg. Reg. Epp. IX.125).

²⁹ Ita ergo, sicut diximus, uobis confidimus, ut, gloriosi fili, [ut] et nos uobis gratias referamus et beatos apostolorum principes pro amore et deuotione uestra, quam eorum ecclesiam exhibetis, habeatis adiutores in omnibus (Greg. Reg. Epp. IX.126); Vnde iterum petimus, gloriose fili, ut ita facere debeatis, ut et nos uobis possimus pro praestito beneficio debitores et uos mercedem pro sanctorum ecclesiis habeatis (Greg. Reg. Epp. IX.127).

от всяких грехов»³⁰. Вместе с ключиком Григорий послал королю деревянный крест, «внутри которого — древесина креста Господня и волосы блаженного Иоанна Крестителя»³¹, что должно было послужить королю утешением в трудную минуту. Подарки папы были призваны убедить короля в правильности перехода в католичество и в конечном счете укрепить его веру [Vilella Masana 1991: 179–180]. В свою очередь, Реккаред отправил в Рим украшенную драгоценными камнями золотую чашу, предназначенную для апостола Петра³². Вручая чашу папе Григорию, король тем самым признает того преемником первого из апостолов³³.

Однако этот случай по-своему исключительный, ведь Григорий очень ревностно относился к мощам³⁴. Так, когда в 594 г. императрица Константина, супруга императора Маврикия, попросила у папы голову или другую часть тела апостола Павла, а также его плат (sudarium) для строящейся в Константинополе домовая церкви, папа ответил ей отказом³⁵, в котором через вежливую форму письма просвечивает его явное возмущение самой просьбой³⁶. Свой отказ он мотивировал следующим образом. По его словам, к мощам апостолов подойти невозможно: любого, кто на это осмелится, охватывает неимоверный ужас³⁷, который испытывал и сам Григорий, и его предшественник Пелагий. Далее понтифик указал императрице, что у римлян, в отличие от греков, допрагиваться до мощей и до одеяний святого считается святотатством; верующие лишь молятся в отдалении, не осмеливаясь даже приблизиться к ним, не то что коснуться³⁸. Действительно, замечает папа, апостолы родились на Востоке, но местом их мученичества стал Рим, поэтому они должны покоиться в Вечном городе, где с их мощами будут обращаться подобающим образом.

³⁰ Clauem uero paruulam uobis a sacratissimo beati Petri apostoli corpore pro eius benedictione transmisimus, in qua erat ferrum eius de catenis inclausum, ut quod collum illius ad martyrium ligauerat, uestrum ab omnibus peccatis soluant (Greg. Reg. Epp. IX.229). См. перевод на русский язык: [Звягина, Марец 2017: 283–287].

³¹ Crucem quoque latori praesentium dedimus uobis offerendam, in qua lignum dominicae cruce inest et capilli beati Iohannis Baptistae. Ex qua semper sollacium nostri saluatoris per intercessionem praecursoris eius habeatis (Greg. Reg. Epp. IX.229).

³² Sed quia certissime cognovimus eum (presbyterum. — E. M.) a tua sanctitate fuisse directum, calicem aureum desuper gemmis ornatum direximus, quam, ut de tua confidemus sanctitate, illa dignam apostolo, qui primus fulget honore, offere dignemini (Greg. Reg. Epp. IX.227a). Цит по: [Gregorii 1899: 221].

³³ О значимости этого концепта для проводимой папой политики см.: [Pietri 1961: 304–306].

³⁴ Л. Кракко Руджини отмечает, что Григорий никогда не дарил никаких реликвий (особенно относящихся к апостолу Петру) византийцам, хотя начиная с 593 г. он часто одаривал ими своих западных корреспондентов [Cracco Ruggini 2007: 26–28]. См. также: [Rapisarda 1991: 286].

³⁵ Serenitas uestrae pietatis religionis studio et sanctitatis amore conspicua, propter eam quae in honore sancti Pauli apostoli in palatio aedificatur ecclesiam, caput eiusdem sancti Pauli, aut aliud quid de corporis eius, suis ad se iussionibus a me praecepit debere transmissi «...» quod illa praecepistis quae facere nec possum nec audio (Greg. Reg. Epp. IV.30).

³⁶ Об этом письме см.: [McCulloh 1976: 147–150; Consolino 1990: 226–228].

³⁷ Nam corpora sanctorum Petri et Pauli apostolorum tantis in ecclesiis suis coruscant miraculis atque terroribus, ut neque ad orandum sine magno illic timore possit accedi (Greg. Reg. Epp. IV.30).

³⁸ In Romanis namque uel totius Occidentis partibus omnino intolerabile est atque sacrilegium, si sanctorum corpora tangere quisquam fortasse uoluerit «...» Pro qua re de Graecorum consuetudine, qui ossa leuare sanctorum se asserunt, uehementer miramur et uix credimus (Greg. Reg. Epp. IV.30).

Иначе говоря, просьба (точнее, приказ — *iussistis*) императрицы никак не может быть выполнена. Правда, в качестве утешения понтифик пообещал послать ей частицу апостольских вериг, которые, как он уверял, тоже обладают чудесной силой³⁹.

Аргументы Григория кажутся исследователям натянутыми и необидительными. В самом деле, трудно ожидать проявления подобной чувствительности от человека, который доставил в Рим руку св. ап. Андрея и голову св. Луки [McCulloh 1976: 148]. Представляется, что это письмо следует читать в контексте знаменитого спора Григория и Иоанна Постника о титуле вселенского патриарха. Духовный пастырь Восточной Римской империи, патриарх Константинополя Иоанн IV Постник стал величать себя этим титулом еще с 587 г., когда Григорий был еще апокрисиарием. Став папой, он просил Иоанна отказаться от титула вселенского патриарха, ибо подобное титулование нарушает равенство пяти главных архиепископств (Greg. Reg. Epp. V.44). Конфликт достиг высшей точки летом 595 г. (через год после разбираемого нами письма), когда Иоанн осудил двух малоазийских священников, признав их еретиками, — тем самым он в одиночку решил вопрос, который должен был решаться всеми патриархами коллегиально. Григорий также просил вмешаться в этот спор императора Маврикия и императрицу Константину, указывая, что кафедре Константинополя когда-то занимали еретики (Несторий и Македоний), и это является достаточным основанием для уменьшения амбиций Иоанна. Однако Маврикий в конечном итоге встал на сторону Иоанна Постника, что стало одной из причин конфликта папы и императора (Greg. Reg. Epp. V.37, V.39)⁴⁰. В 594 г., когда было написано письмо Константине, отношения Григория и Маврикия уже были далеки от идеальных: император корил папу за то, что тот заключил невыгодный для империи сепаратный мир с лангобардами (Greg. Reg. Epp. V.36) [Azzara 2014: 184–186].

Очевидно, что при таких обстоятельствах передача головы апостола Павла — одного из главных христианских святых! — означало бы сделать уступку Иоанну Постнику, сделать центром культа св. Павла Константинополь⁴¹. Разумеется, это не входило в планы Григория. Он всеми силами старался превратить Рим в город святых апостолов, в уникальный духовный центр. В конечном счете это, конечно, должно было повысить и авторитет самого папы, который предстает перед нами подателем уникальных реликвий.

* * *

Стараниями Григория Рим изменил свой облик. На фоне ветшающих и разрушающихся античных общественных построек стояли новые или отремонтированные церкви и оратории, ставшие новыми центрами городской жизни. Кроме базилик прямо в черте города, по желанию жителей и при содействии

³⁹ Sed quia serenissimae dominae tam religiosum desiderium esse vacuum non debet, de catenis, quas ipse sanctus Paulus apostolus in collo et in manibus gestavit, ex quibus multa miracula in populo demonstrantur, partem vobis aliquam transmittere festinabo, si tamen hanc tollere limando praevaluerit (Greg. Reg. Epp. IV.30). См.: [Cracco Ruggini 2007: 15–17; Urso 2013: 172–175].

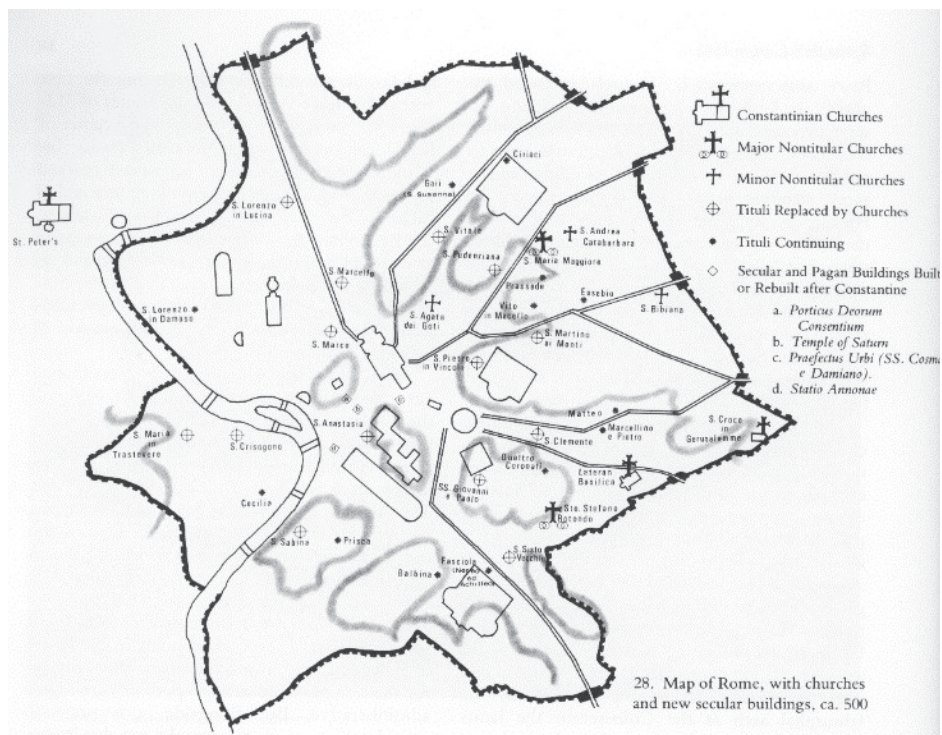
⁴⁰ См. об этом: [Шкаренков 2011: 385–388; Markus 1981a: 31–35; Tuiler 1986: 69–82; Markus 1997: 91–96].

⁴¹ К тому же есть основания полагать, что просьба императрицы была инспирирована Иоанном Постником. См.: [McCulloh 1976: 149].

папы возникали новые монастыри, к которым, как явствует из писем, прилегал монастырский сад, занимавший несколько кварталов (Greg. Reg. Epp. IX.38), что говорит о некоторой аграризации Города.

Самым крупным, по-видимому, был монастырь Св. Андрея на Целийском холме, как это видно из писем, Григорий оказывал ему особое покровительство. Среди послушников этой обители были люди весьма знатного происхождения (по крайней мере, нам доподлинно известно об одном); некоторые, как, например, Рустициана, не принимая обета, оказывали монастырю помощь деньгами. Все это говорит о том, что к началу VII в. монастырь стал неотъемлемой частью городского пейзажа и городской жизни.

Действительно, базилики и монастыри были неразрывно связаны с новыми — христианскими — городскими празднествами, посвященными святым. Из писем Григория мы знаем о большой литании, которая должна была спасти Рим от чумы и которая охватывала все самые значимые церкви Города, а также о ежегодной литании с крестным ходом в честь апостола Петра. Вообще культ апостолов Петра и Павла стал, наверное, одним из самых значимых результатов понтификата Григория Великого. Именно культ главных апостолов и их мощи, которые хранились только в Риме, сделали Город уникальным духовным центром, придав колоссальный авторитет и папе как преемнику святого Петра.

Приложение 1. План церквей города Рима ок. 500 г.
(из книги: [Krautheimer 1980: 32])

64. Map of Rome, seventh and eighth centuries

Приложение 2. План церквей и монастырей города Рима VII–VIII вв.
(из книги: [Krautheimer 1980: 74])

Литература

- Бородин 2001 — *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат: Византийцы в Италии. СПб.: Алетейя, 2001.
- Грегоровиус 2008 — *Грегоровиус Ф.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М.: Альфа-книга, 2008.
- Григорий 1858 — Святого Отца нашего Григория Двоеслова, епископа римского, Собеседования о жизни итальянских отцов и о бессмертии души. Казань: Тип. Губ. правления, 1858.
- Григорий Турский 1987 — *Григорий Турский.* История франков / Пер., коммент. В. Д. Савуковой. М.: Наука, 1987.
- Звягина, Марей 2017 — *Звягина Е. Д., Марей Е. С.* Рим, Византия и Королевство вестготов в переписке папы Григория Великого // Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII века): Исследования и переводы / Сост. О. В. Ауров. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 257–306.
- Шкаренков 2011 — *Шкаренков П. П.* Империя и королевская власть в концепции христианского миропорядка Григория Великого // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. С. 379–409.
- Armellini 1891 — *Armellini M.* Le chiese di Roma dal secolo IV al XIX. Roma: Tipografia Vaticana, 1891.
- Azzara 2014 — *Azzara C.* Le guerre al tempo di Gregorio // Gregorio Magno e le origini dell'Europa / Sotto la dir. di C. Leonardi. Firenze: SISMEL, Edizioni del Galluzzo, 2014. P. 181–189.
- Boesh Gajano 2004 — *Boesch Gajano S.* Gregorio Magno. Alle origini del Medioevo. Roma: Viella, 2004.
- Consolino 1991 — *Consolino F. E.* Il papa e le regine: potere femminile e politica ecclesiastica nell'epistolario di Gregorio Magno // Gregorio Magno e il suo tempo (Incontro di studiosi dell'Antichità cristiana, 9–12 mai 1990). Rome: Institutum Patristicum "Augustinianum", 1991 (Studia Ephemeridis "Augustinianum"; T. 33). Vol. 1. P. 225–249.
- Cracco Ruggini 2007 — *Cracco Ruggini L.* Le amicizie "europee" de Gregorio Magno e la sua "politica delle reliquie" // Gregorio Magno e la Sardegna / A cura di L. G. G. Ricci. Firenze: SISMEL-Edizioni del Galluzzo, 2007. P. 11–30.
- Diehl 1888 — *Diehl Ch.* Études sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568–751). Paris: E. Thorin, 1888.
- Dudden 1905 — *Dudden F. H.* Gregory the Great, his place in history and thought. Vol. 1. London: Longmans, Green and Co, 1905.
- Gregorii 1899 — Gregorii I papae Registrum epistolarum / Ed. by P. Ewald, L. Hartmann // Monumenta Germaniae Historica: Epist. T. 2. Berolini: Apud Weidmannos, 1899. P. 221.
- Gregorovius 1859–1872 — *Gregorovius F.* Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Bd. 18. München: Neuedition von Waldemar Kampf, 1859–1872.
- Heitz 1986 — *Heitz C.* Les monuments de Rome à l'époque de Grégoire le Grand // Grégoire le Grand. Actes de colloque à Chantilly (Centre culturel Les Fontaines) 15–17 septembre 1982. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique, 1986. P. 31–39.
- Hülsen 1927 — *Hülsen C.* Le chiese di Roma nel medio evo. Cataloghi ed appunti. Firenze: Edizioni Quasar, 1927.
- Krautheimer 1980 — *Krautheimer R.* Rome. Profile of a City, 312–1308. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1980.

- Markus 1981a — *Markus R. A.* Gregory the Great's Europe // Transactions of the Royal Historical Society, Fifth Series. Vol. 31. 1981. P. 21–36.
- Markus 1981b — *Markus R. A.* Ravenna and Rome, 554–604 // Byzantion. 1981. T. 51. P. 566–578.
- Markus 1997 — *Markus R. A.* Gregory the Great and his world. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.
- McCulloh 1976 — *McCulloh J. M.* The cult of relics in the letters and “Dialogues” of Pope Gregory the Great: A lexicographical study // *Traditio*. Vol. 32. 1976. P. 145–184.
- Pietri 1961 — *Pietri Ch.* Concordia apostolorum et renovatio Urbis (culte des martyrs et propagande pontificale) // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. T. 73. 1961. P. 275–322.
- Pietri 1991 — *Pietri Ch.* La Rome de Grégoire // *Gregorio Magno e il suo tempo* (Incontro di studiosi dell'Antichità cristiana, 9–12 mai 1990). Rome: Institutum Patristicum “Augustinianum”, 1991 (*Studia Ephemeridis “Augustinianum”*; T. 33). Vol. 1. P. 9–32.
- Pohl 2008 — *Pohl W.* Gregorio Magno e il regno dei Longobardi // *Gregorio Magno, l'impero e i “regna”* / A cura di C. Azzara. Firenze: SISMELE, Edizioni del Galluzzo, 2008. P. 15–28.
- Rapisarda 1991 — *Rapisarda G.* I doni nel epistolario di Gregorio Magno // *Gregorio Magno e il suo tempo* (Incontro di studiosi dell'Antichità cristiana, 9–12 mai 1990). Rome: Institutum Patristicum “Augustinianum”, 1991 (*Studia Ephemeridis “Augustinianum”*; T. 34). Vol. 2. P. 285–300.
- Richards 1980 — *Richards J.* Consul of God. The life and times of Gregory the Great. London: Routledge and Kegan Paul, 1980.
- Tuilier 1986 — *Tuilier A.* Grégoire le Grand et le titre de patriarche œcuménique // *Grégoire le Grand. Actes de colloque à Chantilly* (Centre culturel Les Fontaines) 15–17 septembre 1982. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1986. P. 69–82.
- Urso 2013 — *Urso C.* Le donne al tempo di Gregorio Magno. La testimonianza del *Registrum epistolarum*. Napoli: Il pozzo del Giacobbe, 2013.
- Vilella Masana 1991 — *Vilella Masana J.* Gregorio Magno e Hispania // *Gregorio Magno e il suo tempo* (Incontro di studiosi dell'Antichità cristiana, 9–12 mai 1990). Rome: Institutum Patristicum “Augustinianum”, 1991 (*Studia Ephemeridis “Augustinianum”*; T. 33). Vol. 1. P. 167–186.

Сокращения

- Iohan. Diac. Vita — S. Gregorii Magni vita, a Iohanne diacono scripta libris quattuor // *Patrologia Cursus Completus*. Ser. Latina. T. 75. Paris: [n. p.], 1862. Coll. 59–242B.
- Greg. Dial. — Gregorii Magni Dialogi. Libri IV / A cura di U. Morrica. Roma: Tipografia di Senato, 1924.
- Greg. Reg. Epp. — S. Gregorii Magni Registrum epistolarum / Ed. D. Norberg. T. 1–2. Turnholti: Brepols, 1982 (*Corpus Christianorum*. Ser. Latina; Vol. 190A).
- Greg. Tur. Hist. Franc. — Gregorii episcopi Turonensis Historiarum libri X / Ed. B. Krusch. Hannoverae: Apud Weidmannos, 1937 (*Monumenta Germaniae Historica*. SS rerum Merovingicarum; T. 1).
- Paul. Diac. Hist. Lang. — Pauli Diaconi Historia langobardorum / Ed. G. Waitz. Hannoverae: Apud Weidmannos, 1878 (*Monumenta Germaniae Historica*. SS rerum langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX).
- Paul. Diac. Vita — Paolo Diacono. Vita Sancti Gregorii Magni / A cura di S. Tuzzo. Pisa: Scuola Normale Superiore, 2002.

CITY OF SAINTLY APOSTLES: THE IMAGE OF ROME IN *REGISTRUM EPISTOLARUM* OF GREGORY THE GREAT

Marey, Elena S.

PhD (Candidate of Science in History)

*Associate Professor, The School of History, Faculty of Humanities,
National Research University Higher School of Economics*

Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya str., 24/1, build. 3

*Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22586*

E-mail: elena.fontis@gmail.com

Abstract. The article analyzes the image of the city of Rome, as it appears in the letters of Pope Gregory the Great (590–604). Gregory did a great deal to make Rome prosper and transformed it into one of the main spiritual centers of the Christian West. This was achieved thanks to the Pope's relentless care about beautifying the city, about repairing the churches and founding monasteries, all of were testimony to the triumph of the Christian faith. Another, very important factor was the veneration of the relics of the saints, chiefly the apostles Peter and Paul. Gregory established a genuine cult of their worship, thereby turning Rome into a center of pilgrimage.

Keywords: Gregory the Great, *Register epistolarum*, Rome, church architecture, cult of relics, cult of Apostles Peter and Paul

References

- Armellini, M. (1891). *Le chiese di Roma dal secolo IV al XIX*. Roma: Tipografia Vaticana. (In Italian).
- Azzara, C. (2014). Le guerre al tempo di Gregorio. In C. Leonardi (Ed.). *Gregorio Magno e le origini dell'Europa*, 181–189. Firenze: SISMELE, Edizioni del Galluzzo. (In Italian).
- Boesch Gajano, S. (2004). *Gregorio Magno. Alle origini del Medioevo*. Roma: Viella. (In Italian).
- Borodin, O. R. (2001). *Ravennskii ekzarkhat: Vizantiitsy v Italii* [Exarchate of Ravenna: Byzantines in Italy]. St. Petersburg: Aleteia. (In Russian)
- Consolino, F. E. (1991). Il papa e le regine: potere femminile e politica ecclesiastica nell'epistolario di Gregorio Magno. In *Gregorio Magno e il suo tempo (Incontro di studiosi dell'Antichità cristiana, 9–12 mai 1990)* (Studia Ephemeridis “Augustinianum”; T. 33) (Vol. 1), 225–249. Rome: Institutum Patristicum “Augustinianum”. (In Italian).
- Cracco Ruggini, L. (2007). Le amicizie “europee” de Gregorio Magno e la sua “politica delle reliquie”. In L. G. G. Ricci (Ed.). *Gregorio Magno e la Sardegna*, 11–30. Firenze: SISMELE, Edizioni del Galluzzo. (In Italian).
- Diehl, Ch. (1888). *Études sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568–751)*. Paris: E. Thorin. (In French).
- Dudden, F. H. (1905). *Gregory the Great, his place in history and thought* (Vol. 1). London: Longmans, Green and Co.
- Ewald, P., Hartmann, L. (1899). Gregorii I papae Registrum epistolarum. *Monumenta Germaniae Historica: Epist.* (Vol. 2), 221. Berolini: Apud Weidmannos. (In Latin).

- Gregorovius, F. (2008). *Istoriia goroda Rima v Srednie veka (ot V do XVI stoletii)* [Trans. from Gregorovius, F. (1859–1872). *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter* (8 Vols). München: Neuedition von Waldemar Kampff]. Moscow: Al'fa-kniga. (In Russian).
- Heitz, C. (1986). Les monuments de Rome à l'époque de Grégoire le Grand. In *Grégoire le Grand. Actes de colloque à Chantilly (Centre culturel Les Fontaines) 15–17 septembre 1982*, 31–39. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique. (In French).
- Hülsen, C. (1927). Le chiese di Roma nel medio evo, cataloghi ed appunti. Firenze: L. S. Olschki. (In Italian).
- Krauthheimer, R. (1980). *Rome. Profile of a City, 312–1308*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Markus, R. A. (1981a). Gregory the Great's Europe. *Transactions of the Royal Historical Society, Fifth Series*, 31, 21–36.
- Markus, R. A. (1981b). Ravenna and Rome, 554–604. *Byzantion*, 51, 566–578.
- Markus, R. A. (1997). *Gregory the Great and his world*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- McCulloh, J. M. (1976). The cult of Relics in the letters and “Dialogues” of Pope Gregory the Great: A lexicographical study. *Traditio*, 32, 145–184.
- Pietri, Ch. (1961). Concordia apostolorum et renovatio Urbis (culte des martyrs et propagande pontificale). *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, 73, 275–322. (In French).
- Pietri, Ch. (1991). La Rome de Grégoire. In *Gregorio Magno e il suo tempo (Incontro di studiosi dell'Antichità cristiana, 9–12 mai 1990)* (Studia Ephemeridis “Augustinianum”; T. 33) (Vol. 1), 9–32. Rome: Institutum Patristicum “Augustinianum”. (In French).
- Pohl, W. (2008). Gregorio Magno e il regno dei Longobardi. In C. Azzara (Ed.). *Gregorio Magno, l'impero e i “regna”*, 15–28. Firenze: SISMEL, Edizioni del Galluzzo. (In Italian).
- Rapisarda, G. (1991). I doni nel epistolario di Gregorio Magno. In *Gregorio Magno e il suo tempo (Incontro di studiosi dell'Antichità cristiana, 9–12 mai 1990)* (Studia ephemeridis “Augustinianum”; T. 34) (Vol. 2), 285–300. Rome: Institutum Patristicum “Augustinianum”. (In Italian).
- Richards, J. (1980). *Consul of God. The life and times of Gregory the Great*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Savukova, V. D. (Trans., Comment.) (1987). *Grigorii Turskii. Istoriia frankov* [Trans. from Gregorius Turonensis. *Historia Francorum*]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Shkarenkov, P. P. (2011). Imperiia i korolevskaia vlast' v kontseptsii khristianskogo miroporiadka Grigoriia Velikogo [Empire and royal power in Gregory the Great's concept of a Christian world order]. In N. A. Khachatryan (Ed.). *Imperii i etnonatsional'nye gosudarstva v Zapadnoi Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremia* [Empires and ethnonational states of Western Europe in the Middle Ages and Early Modern Period], 379–409. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Sviatogo Ottsa nashego Grigoriia Dvoeslova, episkopa rimskogo, Sobesedovaniia o zhizni italiiskikh ottsev i o bessmertii dushi* [Dialogues about the soul's immortality and about the life of Italian holy fathers, by our father Saint Gregory the Dialogist, bishop of Rome] (1858). Kazan': Tipografiia Gubernskogo pravleniia. (In Russian).
- Tuilier, A. (1986). Grégoire le Grand et le titre de patriarche œcuménique. *Grégoire le Grand. Actes de colloque à Chantilly (Centre culturel Les Fontaines) 15–17 septembre 1982*, 69–82. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique. (In French).
- Urso, C. (2013). *Le donne al tempo di Gregorio Magno. La testimonianza del Registrum epistolarum*. Napoli: Il pozzo del Giacobbe. (In Italian).
- Vilella Masana, J. (1991). Gregorio Magno e Hispania. In *Gregorio Magno e il suo tempo (Incontro di studiosi dell'Antichità cristiana, 9–12 mai 1990)* (Studia Ephemeridis “Augustinianum”; T. 33) (Vol. 1), 167–186. Rome: Institutum Patristicum “Augustinianum”. (In Italian).

Zviagina, E. D., Marey, E. S. (2017). Rim, Vizantiia i korolevstvo vestgotov v perepiske papy Grigoriia Velikogo [Rome, Byzantium and the Visigothic kingdom in the letters of Pope Gregory the Great]. In O. V. Aurov (Ed.). *Teologiya i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (V — nachalo VIII veka): Issledovaniia i perevody* [Theology and policy. Power, Church and text in Visigothic kingdoms (V–VIII centuries A.D.): Studies and translations], 257–306. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhIGS. (In Russian).

Abbreviations

Greg. Dial. — Morrica, U. (Ed.). *Gregorii Magni Dialogi* (Libri IV). Roma: Tipografia di Senato. (In Latin).

Greg. Reg. Epp. — Norberg, D. (Ed.) (1982). *S. Gregorii Magni Registrum epistolarum* (Vols. 1–2). Turnholti: Brepols (Corpus Christianorum. Ser. Latina; Vol. 190A). (In Latin).

Greg. Tur. Hist. Franc. — Krusch, B. (Ed.) (1937). *Gregorii episcopi Turonensis Historiarum libri X*. Hannoverae: Apud Weidmannos (Monumenta Germaniae Historica. SS rerum Merovingicarum; Vol. 1). (In Latin).

Iohan. Diac. Vita — S. Gregorii Magni vita, a Iohanne diacono scripta libris quattuor (1862). *Patrologia Cursus Completus. Ser. Latina* (Vol. 75), Coll. 59–242B. Paris: [n. p.]. (In Latin).

Paul. Diac. Hist. Lang. — Waitz, G. (Ed.) (1878). *Pauli Diaconi Historia langobardorum*. Hannoverae: Apud Weidmannos. (Monumenta Germaniae Historica. SS rerum langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX). (In Latin).

Paul. Diac. Vita — Tuzzo, S. (Ed.) (2002). *Paolo Diacono. Vita Sancti Gregorii Magni*. Pisa: Scuola Normale Superiore. (In Latin).

To cite this article:

MAREY, E. S. (2018). GOROD SVIATYKH APOSTOLOV: OBRAZ RIMA V PIS'MAKH GRIGORIIA VELIKOGO [THE CITY OF SAINTLY APOSTLES: THE IMAGE OF ROME IN *REGISTRUM EPISTOLARUM* OF GREGORY THE GREAT]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 120–138. (IN RUSSIAN).

Received June 16, 2017

ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДА В «ИСТОРИИ ИСПАНИИ» АЛЬФОНСО МУДРОГО

Аннотация. В статье рассматриваются несколько эпизодов из «Истории Испании» (*Estoria de España*) Альфонсо Мудрого (1252–1284), в которых повествуется об основании ряда испанских городов (Севиля, Ла-Корунья, Кадис). Сравнение подобных описаний с представленными в предшествовавших латинских хрониках позволило выявить задачи включения соответствующих легенд в текст, а также показать особенности повествовательной техники и обработки материала хронистами Альфонсо Мудрого. Автор старается проследить принцип отбора материала, использованный для создания легенды об основании того или иного города, который восходит не только к переводу античных источников, но и значительно дополняется за счет включения элементов фольклорного происхождения, придающих развлекательный характер рассказу.

Ключевые слова: «История Испании» («Первая всеобщая хроника»), Альфонсо X Мудрый, основание города, перевод, повествование

Как известно, одной из основных целей Альфонсо Мудрого при создании «Первой всеобщей хроники» («Истории Испании», XIII в.) было утверждение и обоснование легитимности власти монарха, ее высшего, божественного происхождения. Для этого, по мысли Альфонсо, было необходимо обратиться к самым истокам и проследить формирование испанской нации, показать постепенное установление границ Испании, проследить историю ее правителей. Именно поэтому повествование начинается с описания Всемирного потопа и постепенно продвигается вперед. Для достижения своих идеологических целей Альфонсо использует как исторические сочинения (которые могут прямо называться в самом тексте либо легко устанавливаются специалистами), так и художественные произведения. При этом порой границы проникновения и влияния одних источников на другие стираются, в ре-

зультате чего буквально у нас на глазах рождается повествование нового типа.

Конечно, одним из главных героев начальных страниц хроники становится Геркулес¹. Вслед за Родриго Толедским [Jiménez de Rada 1989] труд Альфонсо делает его прародителем и, по сути, основателем Испании. В этом мы видим параллель, например, с фигурами Брута из «Истории Бриттов» или Энея, которые также становятся прародителями монархов соответственно для Британии и Италии. Именно с Геркулесом связывается основание ряда городов Испании. При этом, как часто можно видеть в тексте хроники, известные прежде из других источников факты разбавляются новыми деталями и подробностями вымышленного характера, разные версии компилируются, в результате чего рождается новый рассказ.

Если в хронике архиепископа Родриго Толедского «О делах испанских» уделяется много внимания этимологиям топонимов, приводимые им факты подтверждаются ссылками на конкретные труды древних авторов, а его повествование довольно сжато и лаконично, то в «Историю Испании» добавляются новые события, и рассказ разрастается. В отличие от Родриго, у которого Геркулес основал Гиспалис (древнее название Севильи), в хронике Альфонсо Геркулес по прибытии в Испанию в компании прославленного звездочета Атласа не основывает Севилью, а лишь возводит столбы на том месте, где она позднее будет возведена самим Юлием Цезарем.

Они все время плыли, осматривая берега, и обнаружили хорошее место, где можно было бы возвести большой город, и не нашли другого такого же хорошего, как то, где сейчас стоит многолюдная Севилья. Тогда обратился Геркулес к Атласу-звездочету с вопросом, надо ли ему делать здесь город, он ответил, что здесь будет великий город, но другой человек его возведет, а не он; когда это услышал Геркулес, то опечалился сильно и спросил, кто будет тот человек, который его возведет; тот же ответил, что будет это человек достойный и очень могущественный, как и он, и столь же великих деяний. Услышавши это, Геркулес сказал, что он оставит здесь памятный знак, чтобы тот, кто придет после, узнал это место и построил тут город («История Испании» — далее ИИ, гл. 5 [Ершова 2015: 90]).

И он поставил там шесть каменных колонн, очень высоких, и положил наверх громадную мраморную плиту, исписанную очень большими буквами, которые гласили следующее: «Здесь будет основан великий город». Сверху ее поставили каменную статую, она протягивала руку на восток, и на ладони ее была надпись: «Досюда дошел Геркулес»; а другая рука была опущена вниз, указывая пальцами на надпись на плите² (ИИ, гл. 6)³.

¹ См. об этом подробнее: [Ершова 2017].

² E puso alli seys pilares de piedra muy grandes, e puso en somo una muy grand tabla de marmol escripta de grandes letras que dizien assi: aqui sera poblada la grand cibdat; y en somo puso una umagen de piedra, e tenie la una mano contra orient, e tenie escripto en la palma: fasta aqui llego Hercules, y ell otra mano tenie contrayuso mostrando con el dedo las letras de la tabla.

³ Пер. с исп. И. В. Ершовой. Здесь и далее при цитировании фрагментов из «Истории Испании», не публиковавшихся в русском переводе, приводятся номер главы и фамилия переводчика.

Дополнение о намерении Геркулеса основать Севилью, вероятно, является вставкой компилятора, поскольку в других источниках этого пассажа нет. Да и для эпизода о возведении шести колонн не находится источника. Так или иначе, мы видим, что хронисту крайне важно подчеркнуть значимость такого города, как Севилья. И продиктовано это опять же идеологией Мудрого Короля. Любовь и трепетное отношение к этому городу Альфонсо хорошо известны⁴. Исследователи неоднократно обращались к рассмотрению роли Севильи в жизни и правлении короля⁵. Возможно, отведение Севилье роли одного из главенствующих городов проявилось и в ее описании в хронике. Легендарное происхождение, возводящее ее начало аж к Цезарю, безусловно, давало право в современной Альфонсо действительности видеть ее чуть ли не столицей Священной Римской империи (не будем забывать и о стратегически важном географическом положении города в качестве порта).

В этом описании встречается еще один восходящий к античной историографии прием, когда основание города сопряжено с участием астролога/звездочета или с какими-либо иными предзнаменованиями свыше (гадания по птицам и т. п.). Иными словами, в сознании хрониста есть некая модель, по которой должно выстраиваться описание основания города (например, история основания Рима), и для ее воплощения он компилирует имеющиеся у него под рукой источники, а в ряде случаев «додумывает» недостающие элементы.

Помимо этого, города, обязанные своим появлением Геркулесу, проецируют и определяют главные центры и границы Испании. От южных территорий (Севилья, Кадис) прочерчена линия к северным границам — к Ла-Корунье, а от Лиссабона на западе — до Барселоны на Востоке. Основанию Ла-Коруньи предшествует битва с Герионом. При этом предварительно Геркулес пересек весь Пиренейский полуостров, а итоговая схватка состоялась как раз в том месте, где позже будет основан город:

Они бились три дня, и никто не мог победить, но в конце победил Геркулес и отрезал ему голову. И повелел построить в этом месте большую башню и положил в основание ее голову Гериона, также приказал он заложить большой город. <...> Первым жителем, пришедшим туда, стала женщина по имени Круния, поэтому ее именем назвали город. Большая часть людей, которых Геркулес привел с собой, была из Галисии, и он приказал им селиться здесь, поэтому эта земля получила название Галисия (ИИ, гл. 7 [Ершова 2015: 91]).

В то же время мы видим, что у Родриго Толедского нет упоминаний об основании Ла-Коруньи. Считается, что дополнительными источниками в данном случае могли послужить какие-то арабские сочинения. Также по ходу дела хронист добавляет и додумывает этимологию, как бы испанизируя ее.

⁴ Севилью отвоевал у мавров отец Альфонсо X Фернандо III (1217–1252), сын же присутствовал при подготовке мирного соглашения. Альфонсо был провозглашен королем в Севилье, там им были созданы первые в его правление Кортесы; там родился его первый ребенок, инфанта Беренгела; идея африканского крестового похода также связана с этим городом. Первые 16 лет своего правления Альфонсо преимущественно провел в Севилье. В годы его правления она была чуть ли не столицей, в том числе и культурной, да и похоронен Альфонсо в Севилье.

⁵ См. например: [González Jiménez 2000: 23–49].

Например, после того как великан Как был сражен Геркулесом и удалился на гору, она получает название по его имени — Монкайо (гора Кака); этого законченного варианта названия у Родриго нет⁶.

Или, упоминая об основании Урхеля, хронист добавляет объяснение его названия, которое опять же отсутствует у Родриго:

Совершив это, начал он завоевывать всю эту землю, пока не подошел к месту, которые показалось ему удобным для поселения, тогда он основал там крепость и дал ей имя Урхель, что на латинском значит «награда», так как он завоевал всю эту землю скорее силой, нежели любовью⁷ (ИИ, гл. 8).

Следующим значимым городом, об основании которого рассказано весьма пространно, — это Кадис. В первую очередь сообщается о возведении Геркулесом всем известных столбов, отделяющих Африку от Европы в том месте, где и будет находиться Кадис:

Геркулес, когда перешел из Африки в Испанию, поднялся на остров, где Средиземное море впадает в океан; и так как показалось ему, что место это очень необычно и что именно в нем начинается запад, построил он высоченную башню и водрузил наверх медную статую, очень искусную, которая смотрела на восток и держала в правой руке большой ключ, как если бы хотела отпереть дверь, а левая рука была поднята и протянута в сторону востока, и на ее ладони написано так: «Это межевые столбы Геркулеса». А поскольку на латыни они называются «столбы Гадеса», дали острову имя «Гадес Геркулес», который в наши дни зовется Кадис» (ИИ, гл. 5 [Ершова 2015: 90]).

...А на том самом месте он воздвиг очень прочные столбы (которые и по сей день называются Геркулесовыми), дабы они служили напоминанием о нем грядущим поколениям (ИИ, гл. 6)⁸.

Как и в случае с Севильей и Ла-Коруньей, перед нами тот же принцип маркирования границ и мест путем возведения столба/башни. И снова хронист добавляет детали, взятые из арабских источников, расширяет повествование, от сухой констатации фактов переходя к развернутому, художественно выстроенному рассказу. Однако и на этот раз Геркулес не стал непосредственно основателем города, а лишь «наметил» его местоположение. Продолжателем и наследником дела легендарного героя стал король Испан (имя которого и дало название Испании). Он основал Сеговию:

⁶ Se dice de éste que era hijo de Vulcano, y era muy conocida su morada habitual en un monte de Carpetania al que aún hoy se le conoce como el monte de Caco que abunda en ganado mayor, menor y de caza y que se halla en lo más alto de la cordillera del Sierre [Jiménez de Rada 1989: 68].

⁷ E pues que esto ouo fecho, començo dir conquiriendo tod aquella tierra, fasta que llevo a un logar quel semeio que deue poblar, e fizo y una fortaleza e pusol nombre Urgel.

⁸ Пер. с исп. Н. А. Пастушковой. Ср.: «...Y en ese mismo lugar levantó unas torres solidísimas, que aún hoy se llaman Gades de Hércules, para que sirvieran de recuerdo a los venideros» [Jiménez de Rada 1989: 66].

Один из них был город, который теперь зовется Сеговией, он дал ему это имя, потому что город был заложен около скалы, которую называли Говия; и там построил чудесное сооружение для доставки воды в город, как оно выглядит и поныне⁹ (ИИ, гл. 9)¹⁰.

Именно при нем был застроен и обустроен город Кадис. Как и в перечисленных выше случаях, этот эпизод не находит аналога в сочинении «О делах испанских». Поэтому хронист вновь вынужден прибегнуть к помощи иных материалов, а если таковых нет, то самому дополнить рассказ (когда точно установленного источника не находилось, похоже, в ход шли различные легенды и предания преимущественно фольклорного происхождения). История о хитром плане дочери короля Испана Либерию выбрать себе жениха, вероятно, также восходит к арабским материалам. Так, в «Истории арабских династий» Ахмеда ибн Мохаммеда аль-Маккари встречается очень похожая история. И хотя главные герои там не имеют имен, более значимыми оказываются их характеристики и то, что по происхождению они были греками («На западе Андалусии жил греческий король, который правил островом, называемым Кадис (Кадиз)»). Ведь именно у греков, как пишет Аль-Маккари, «и мужчины, и женщины рождались с природными способностями к науке, это привело к устойчивому выражению, что “наука спустилась с небес и поместилась в трех частях человеческого тела, в мозгах у греков, в руках у китайцев и в языке у арабов”») [Аль-Маккари 2003, кн. 4, гл. 1].

В арабской версии этой истории дочь короля говорит, что выйдет за того претендента, кто окажется более мудрым/разумным. Да и ее главное качество (помимо несравненной красоты) — это прежде всего рассудительность. Не это ли привлекло авторов испанской хроники? Ведь они наделяют Либерию теми же качествами: женихи сватались к ней «прежде всего потому, что была она очень красива и очень умна, к тому же должна она была получить и королевство в придачу». Кроме того, «была она очень сведуща в астрологии, так как тот, кто ее обучал, был самым большим мудрецом в Испании в ту пору, был он звездочетом Атласа» (гл. 10)¹¹. Ей предстоит стать королевой Испании, а значит, и она сама, и ее супруг должны обладать всеми качествами, достойными монархов. Я бы сказала, что Либерия — это своего рода Альфонсо в юбке: она мудра и сведуща в астрологии. Здесь нужно вспомнить о значении Кадиса для Альфонсо. Он был отвоеван им у мавров 1260 г., в дальнейшем по приказу короля там заново возводится крепость, обустраивается порт, строятся церкви, городские здания, происходит заселение города, сильно пострадавшего в ходе столкновений между христианами и маврами. Кадис виделся королю одним из главных оплотов для начала африканского похода. Может, поэтому предание из далекого прошлого оказывается созвучным замыслу Мудрого Короля?

В последующих главах (11–12) «История Испании» также отходит от текста архиепископа Толедского. В них рассказывается об основании таких городов, как Оссуна и Гранада:

⁹ E la una dellas es la cibdat a que agora llaman Segouia, e pusol este nombre por que fue poblada cab una penna que dizien Gouia, e alli fizo muy maravillosa obra pora adozir ell agua a la cibdat, assi cuemo oy dia parece.

¹⁰ Пер. с исп. И. В. Ершовой.

¹¹ Пер. с исп. И. В. Ершовой.

[Зять Испана Пирус] был очень охоч до охоты и обнаружил в горах множество медведей, тогда он устроил большую охоту и убил многих из них, а место это назвал поле Урсино; и потом основал там, у подножия горной гряды, город и дал ему имя Урсины, по случаю охоты на медведей; сейчас мы называем его Оссуна. <...>

Далее двинулись они по этим горам на восток до тех пор, пока не подошли к высоченной горе, и Пирус спросил населявших эту землю людей, что это за место; они ответили ему, что ее называют горой Солнца, потому что там всегда лежит снег; он же, увидев, какие там плодородные долины и многочисленные обильные реки, решил, что земля эта будет пригодна для хлеба, и основал там город, назвав его из любви к своей жене именем Либира¹², так зовется он и по сей день¹³ (ИИ, гл. 11)¹⁴.

Последний любопытный факт, связанный с историей короля Испана, его дочери и зятя, — это то, что к имени последнего хроника возводит название Пиренейских гор: «А эти горы, которые сначала назывались Сетубалы от имени Тубала, стали называть Пиренеи от имени Пируса» (ИИ, гл. 13). Стоит отметить, что в тех главах, которые отсутствуют у Родриго и имеют своим источником арабские либо испанские фольклорные предания, гораздо отчетливее ощущается присутствие вымысла, *ficción*. А это, в свою очередь, делает текст более увлекательным и интересным для чтения.

Еще один блок легенд об основании города, к которым я хочу обратиться, это история царицы Дидоны. Сразу замечу, что для рассказа об основании Тира и Карфагена хроника обращается к совершенно иным источникам. Ни у Родриго Толедского, ни у Луки Туйского нет истории Дидоны. Она берется преимущественно из «Филипповой истории» Помпея Трога. Это снова возвращает нас к вопросу об отборе материала для хроники, а именно, почему сохраняются некоторые истории и события и какую роль они играют в общем замысле хроники.

Как и в случае с рассказом о Севилье, Кадисе и Корунье, «История Испании» предлагает более развернутый вариант. Помпей Трог дает довольно небольшой по объему и лаконичный рассказ о том, как была основана Бирса. Его интересует сам факт, событие в череде других:

Затем Элисса купила [у местных жителей] кусок земли такой величины, сколько можно покрыть бычьей шкурой, где бы ее спутники, утомленные долгим плаванием, могли восстановить свои силы, прежде чем отправляться дальше. Однако Элисса приказала разре-

¹² Древнее название Гранады — Илиберра.

¹³ E Pirus era muy caçador, e fallo en una montanna muchos ossos e mato y muchos dellos e fizo grand caça, e puso nombre a aquel logar el campo Ursino; e desi poble y una cibdat al pie de la sierra, e pusol nombre Ursina, por la caça de los ossos; y esta es a la que agora llaman Ossuna. <...> Dende tomaron por essas montannas esquantra orien fasta que llegaron a una sierra much alta, e pregunto Pirus a los omnes de la tierra que logar era aquel; ellos dixieron le quel dizien la sierra del Sol, por que auie y buenas uegas e grandes e muchas aguas, semeiol que serie buena tierra pora pan, e poble y una cibdat, e por amor de su mugier, pusol nombre Libira, e assi a nombre oy en dia.

¹⁴ Пер. с исп. И. В. Ершовой.

зять кожу на тончайшие полоски и захватила таким образом больше земли, чем просила, почему впоследствии это место было названо Бирсой [Юстин Марк Юниан 2005: 145]¹⁵.

Объем изложения этого события в хронике увеличивается минимум в два раза. Кроме факта основания города перед нами вырисовывается образ Дидоны: она вызывает симпатию у местных жителей, приветлива, скромна. Но главным ее качеством, как и у Либери, оказывается рассудительность. И снова с рассказом об основании города оказывается напрямую связана фигура мудрого правителя. Дидона не просто находит новую страну, она становится во главе ее. Сам эпизод с бычьей шкурой сохраняется и практически не претерпевает изменений:

Тогда приказала Дидона отыскать бычью шкуру невиданных доселе размеров, растянуть ее, нарезать из нее тонкие полоски и сшить их между собой так, чтобы казались они одним большим ремнем. Затем приказала опоясать им территорию, и, когда все было сделано, оказался у нее большой участок земли¹⁶ (ИИ, гл. 53)¹⁷.

Этимология названия Бирса заимствована частично у Павла Орозия [Орозий 2004: 300], частично у Трога¹⁸:

А поскольку недалеко от этого места имела скала, то и местных жителей она назвала жителями Бирсы, да и все поселение — Бирсой, что означало «каменный город»¹⁹ (Там же).

Также добавляется (и в данном случае установить источник точно невозможно) этимология названия Тибирса: чтобы впредь всем было ясно, кто основал город, к его названию добавили слово «Тир», и получилось Тибирса, «что означало “город, основанный жителями Тира”» (Там же).

Следующим шагом становится основание Карфагена. По-прежнему сохраняя верность передачи событий, хронист тем не менее выстраивает развернутое повествование. Помпей Трог пишет:

При первой закладке города была найдена бычья голова. Это сочли за предзнаменование того, что, хотя город и будет изобилен, это по-

¹⁵ Измерение земли с помощью бычьей или лошадиной шкуры, разрезанной на куски, — широко распространенный фольклорный сюжет (ATU 927C* The ground is measured with a horse's skin (ox hide) = AT 2400), который часто задействован в легендах об основании городов. — *Прим. ред.*

¹⁶ Estonce mando Dido buscar un cuero de buey, el mayor que numqua fallaron, e fizol estender e fazer correas muy delgadas, e cosellas unas con otras, de guisa que semeiasse todo una correa. Despues fizo la fazer cuemo cerco, e quando fue fecho, touo una grand plaça.

¹⁷ Пер. с исп. Н. А. Пастушковой.

¹⁸ Ср. комментарий к соответствующему месту у Трога (XVIII 5.9): «...было названо Бирсой. — Бирса — от греческого βίρσα — “бычья шкура”» [Юстин Марк Юниан 2005: 353].

¹⁹ E por que auie alli una penna alta, llamauan la los de la tierra Birsas, e llamaron otrosi a aquella puebla Birsas, que quiere dezir tanto como puebla de la penna.

требует также и того, чтобы этот город был в вечном порабощении [Юстин Марк Юниан 2005: 146].

В хронике Альфонсо оказывается, что при Дидоне состоит свита мудрецов («предсказателей и астрологов»!), которым поручается вынести вердикт в отношении находок. Выслушав их советы, она, заботясь о благе своего народа, принимает решение возвести город на том месте, где была найдена конская голова: «И они сказали ей, что жители города (пока он будет существовать) будут могущественными и воинствующими»; новый город получает название Карфаген:

Памятуя о найденной сначала голове быка и о том, как была отмерена территория при помощи ремня из бычьей шкуры, окрестила Дидона сей город Карфагеном (на местном наречии словом *carthon* и называлась шкура), великим Карфагеном в Африке, о котором все вы слышаны²⁰ (ИИ, гл. 54)²¹.

Вероятно, включение в хронику рассказа об обосновании Карфагена в Африке выстраивает его связь и преемственность с еще одним значимым испанским городом — Картаженой. Источниками, правда, в очередной раз сильно дополненными, стала «История римлян» того же Родриго Толедского, а также «Хроника» Евсевия-Иеронима. Все обстоятельное описание можно свести к главному факту — испанская Картажена была основана по приказу царицы Дидоны. И хотя сама она так и не прибыла туда, тем не менее посоединяла созданию великого города, ставшего по сути вторым «Карфагеном», основанном ею. Обращу внимание на происхождение названия Картажены, по версии хроники. Поскольку открывателем и основателем города стал раб (впоследствии получивший свободу), которому Дидона доверила столь важную и почетную миссию, то и в момент выбора названия царица решила дать городу его имя:

Так как по-латыни словом *ingeniuo* обозначается свободный человек, а слугу звали Картоном, то нарекла королева новый город Картаженой²² (ИИ, гл. 55)²³.

²⁰ E menbrando se de la cabeça del buey que fallaran o primero ouiera a seer la uilla, e cuemo fuera compassada aquella plaça con el cuero del buey, e por que en aquel lenguaje dizien *carthon* por cuero, puso a aquella uilla nombre *Carthago*; e aquella fue la grand *Carthago d'Affrica* de que ya oyestes.

²¹ Пер. с исп. Н. А. Пастушковой.

²² E por que en latin dizen *ingeniuo* por ell omne libre, e a el dizien *Carthon*, puso elle nombre a aquella cibdat *Carthagena*.

²³ Пер. с исп. Н. А. Пастушковой.

В гл. 7 содержится следующий фрагмент: «Затем он [Геркулес] двинулся дальше по берегу моря <...>, пока не дошел до Картажены, и произошло это название от Картаго Великого, расположенного в Африке и основанного королевой Дидоной; некоторые говорят, что из-за вреда, который содеяли те, кто населял ту землю, ушли они морем в Испанию и основали другой город, который называли Картажена, и называли его по-старинному Картажена Эспартера» [Ершова 2015: 92]. Здесь важна преемственная связь между Карфагеном и Картаженой. Поэтому тот факт, что названия имеют разное происхождение, хронисту не важен.

Таким образом, видно, что включение в хронику рассказа об основании города не является слепым копированием и переводом источников. Перед нами сознательный отбор материала и сюжетов, отвечающий общему замыслу хроники. Все выбранные нами для анализа истории показывают появление значимых для Альфонсо Мудрого испанских городов — Ла-Коруньи, Севильи, Кадиса, Картахены. Иными словами, для хроники важны преемственность и связь с античным прошлым (разграничение между историчностью / легендарностью таких историй нет). Последнее как бы легитимизирует и лишний раз укореняет славное происхождение испанских городов. При этом явно прослеживается тенденция к додумыванию, дописыванию деталей и подробностей, привлечению фольклорного материала (зачастую арабского происхождения, но не только), за счет чего не только увеличивается или создается легенда, но и привносится занимательность и увлекательность рассказа в целом, он становится художественно обработанным, продуманным и законченным.

Дополнительно в рассказ вводится образ мудрого правителя / мудрой правительницы, причастного к основанию города. Помимо благоприятных географических условий, которые традиционно были главными и необходимыми для основания поселений во всех хроникальных сочинениях, упоминаются предзнаменования / предсказания, добавляющие и выделяющие место среди всех остальных, а также как бы предвещающие будущую значимость города. Второстепенные города, естественно, не удостоивались столь подробного рассказа.

Итак, предание об основании города становится значимым элементом повествования в «Истории Испании», который не только отсылает к легендарному прошлому, но и перекидывает мостик в эпоху, современную Альфонсо Мудрому.

Литература

- Аль-Маккари 2003 — Аль Маккари Ахмед ибн Мохаммед. История мусульманских династий в Испании. Кн. 4 / Пер. С. Железнова // Восточная литература: Средневековые исторические источники Востока и Запада. 2003. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Makkari/text41.phtml>.
- Ершова 2015 — Из «Истории Испании» («Первой всеобщей хроники», 1272). «О деяниях Геркулеса» / Пер. со старокастильского, вступ. ст. и коммент. И. В. Ершовой // Valla. Т. 1. № 5. 2015. С. 85–93.
- Ершова 2017 — Ершова И. В. «О трех Геркулесах, существовавших в этом мире»: античный герой в средневековых испанских хрониках // Диалог со временем. № 59. 2017. С. 231–245.
- Орозий 2005 — Павел Орозий. История против язычников. Кн. I–VII / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель В. М. Тюленева. СПб.: Алетейя, 2004.
- Юстин Марк Юниан 2005 — Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*» / Пер. с лат. А. А. Деконского, М. И. Рижского; под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; Коммент. К. В. Вержбицкого, М. М. Холода; Вступ. ст. К. К. Зельдина. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 2005.
- González Jiménez 2000 — González Jiménez M. Alfonso X El Sabio y Sevilla // Boletín de la Real academia Sevillana de Buenas Letras: Minervae Baeticae. Vol. 28. 2000. P. 23–49.
- Jiménez de Rada 1989 — Jiménez de Rada R. Historia de los hechos de España / Introducción, traducción, notas e índices de J. Fernández Valverde. Madrid: Alianza, 1989.

THE LEGEND OF THE FOUNDING OF THE TOWN IN *ESTORIA DE ESPAÑA* OF ALFONSO X EL SABIO

Pastushkova, Natalia A.

PhD (Candidate of Science in Philology)

Senior Researcher, Laboratory for Historical and Literary Studies,

School of Advanced Studies in the Humanities,

The Russian Presidential Academy of National Economy

and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel: +7 (499) 956-96-47

E-mail: past_nat@yahoo.com

Abstract. The paper focuses on several episodes from *Estoria de España* by Alfonso X el Sabio that describe the founding of several Spanish towns (Sevilla, La Coruña, Cádiz). Comparison of these descriptions with corresponding passages in earlier Latin chronicles lets us uncover the purposes and intention of including such “legends” in the text, as well as show the peculiarities of narrative technique and reworking of material by the chroniclers of Alfonso el Sabio. We show how important it was for the Wise King to trace the continuity of ancient civilization in Spain — by emphasizing the connection of Carthage and Cartagena, for example. Or, similarly, by pointing out the particular role of Hercules in Spanish history. The selection of material involved not only choosing and translating ancient writings, but also, to a significant degree, was supplemented with folkloric elements that made enjoyable the entire narrative.

Keywords: *Estoria de España* (Primera Crónica General), Alfonso X el Sabio, foundation of the town, translation, narrative

References

- Al'-Makkari, Akhmed ibn Mokhammed (2003). *Istoriia musul'manskikh dinastii v Ispanii* [Trans. from Abu l-'Abbās Aḥmad b. Muḥammad al-Maqqārī Šihābaddīn (1840–1843). The history of Mohammedan dynasties in Spain. London: Oriental Translation Fund] (Book 4). *Vostochnaia literatura: Srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada* [Oriental literature. Medieval historical sources of East and West]. Retrieved from <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Makkari/text41.phtml>.
- Ershova, I. V. (Trans. from Old Castilian, Intro., Comment.) (2015). Iz “Istorii Ispanii” (“Pervoi vseobshchei khroniki”, 1272). O deianiiakh Gerkulesa [From the *Estoria de España* (Primera crónica general, 1272). About Hercules’s deeds]. *Valla, 1*(5), 85–93. (In Russian).
- Ershova, I. V. (2017). “O trekh Gerkulesakh, sushchestvovavshikh v etom mire”: antichnyi geroi v srednevekovykh ispanskikh khronikakh [About three Hercules in this world: An ancient hero in medieval Spanish chronicles]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 59, 231–245.
- González Jiménez, M. (2000). Alfonso X El Sabio y Sevilla. *Boletín de la Real academia Sevillana de Buenas Letras: Minervae Baeticae*, 28, 23–49. (In Spanish).
- Iustin Mark Iunian (2005). *Epitoma sochinenia Pompeia Troga “Historiae Philippicae”* [Trans. from M. Iuniani Iustini *Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi*].

- A. A. Dekonskii, M. I. Rizhskii (Trans. from Latin). M. E. Grabar'-Passek (Ed.), K. V. Verzhbitskii, M. M. Kholod (Comment.), K. K. Zel'in (Intro). St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Jiménez de Rada, R. (1989). *Historia de los hechos de España*. J. Fernández Valverde (Intro., Trans., Notes, Indices). Madrid: Alianza. (In Spanish).
- Tiulenev, V. M. (Trans., Intro., Comment., Indices) (2004). *Pavel Orozii. Istoriiia protiv iazychnikov* [Trans. from Paulus Orosius' *Historiae Adversum Paganos*] (Books 1–7). St. Petersburg: Aleteia. (In Russian).

To cite this article:

PASTUSHKOVA, N. A. (2018). LEGENDA OB OSNOVANII GORODA V "ISTORII ISPANII" AL'FONSO MUDROGO [THE LEGEND OF THE FOUNDING OF THE TOWN IN *ESTORIA DE ESPAÑA* OF ALFONSO X EL SABIO]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 139–149. (IN RUSSIAN).

Received June 15, 2018

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ИСТОРИКОВ¹

Аннотация. В статье рассматриваются личный опыт и восприятие российскими историками, такими как М. М. Ковалевский, А. Н. Савин, Н. И. Кареев, причин, событий и атмосферы Первой мировой войны. Анализируется изменение отношения академического сообщества к Германии и немцам, затрагивается вопрос о деятельности таких организаций, как Общество сближения с Англией. В статье показывается, как война не только меняет взаимоотношения внутри академического сообщества, но и заставляет интеллектуалов вносить националистические аспекты в свои выступления и печатные издания.

Ключевые слова: Первая мировая война, историки, М. М. Ковалевский, А. Н. Савин, Н. И. Кареев, немцы, Англия, Сараевское убийство

Историки, как и представителей других научных дисциплин, можно разделять на разные группы: занимающихся политической или экономической историей, периодом Каролингов или Наполеоновской империи, историей зарубежной или отечественной. Отвлекаясь от конкретного поля исследователя или его методологии, можно вспомнить и другие, более оригинальные классификации, например, деление на «ежей» и «лис»². Однако в жизни каждого профессионального сообщества бывают моменты, когда любое деление перестает играть какую-нибудь значимую роль. Таким событием, несомненно, являлась и Первая мировая война. В данном случае наша задача заключается в том, чтобы представить некоторую часть жизни российских

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-05-0051) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

² См. подробнее: [Уваров 2015: 242].

«всеобщников» начала XX столетия, не столько научную, сколько обостренно личную и вместе с тем всецело отражающую существовавшие в этот период общие взгляды, стереотипные представления и мнения ученой корпорации. Эта тема — историк и война.

* * *

За последние десятилетия отечественная историография обогатилась значительным числом работ, посвященных жизни и творчеству российских историков. Это касается и М. М. Ковалевского — историка, социолога, правоведа. Однако далеко не все аспекты его мировосприятия получили должное рассмотрение. В частности, исследователи недостаточно внимания уделяют видению им проблем политического развития Европы в начале XX в. и его личному опыту переживания событий Первой мировой войны³.

В мае 1915 г. М. М. Ковалевский стал председателем комитета «Русско-английского общества», которое обычно называли «Обществом сближения с Англией». Его появление знаменовало институционализацию изменившихся настроений в российском обществе, где в значительной степени начинали превалировать антигерманские настроения в самом широком смысле. Англо-филы, равно как и англофобы, были вовсе не редким явлением в российской истории на протяжении XIX–XX вв. И если привлекательность английского парламентаризма и правовых традиций были несомненны для многих в России, то английская внешняя политика, в частности, по отношению в проблеме проливов и на Балканах, в глазах широких слоев российского общества выглядела весьма враждебной. Унижение России в Крымской войне, вмешательство Англии в итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — все это лишь способствовало усилению англофобских настроений. Даже создание Антанты не означало полного поворота в общественном сознании в сторону Англии, тем более что англо-бурские войны, весьма остро переживаемые в российском обществе, также не способствовали формированию симпатий по отношению к Британской империи⁴. Наличие исторических предрассудков и плохого знания граждан двух стран друг о друге вынуждены были констатировать и члены собравшегося в 1915 г. «Общества сближения с Англией».

«Общество сближения с Англией» (Anglo-Russian Friendship Society), как отмечали его организаторы, начало создаваться весной 1915 г., когда в Москву приехал М. М. Ковалевский, «только что вернувшийся тогда из австрийского плена» [Отчет 1917: 3]. Широко известный среди зарубежных интеллектуалов, в том числе и как организатор знаменитой Русской школы высших общественных наук в Париже⁵, М. М. Ковалевский стал именно той фигурой, которая символизировала для общества и прогресс, и англофильство, и российскую представительную систему. Действительно, ученый активно работал в качестве члена Государственного совета практически до последних дней своей жизни [Кони 1917: 69–86]. Создание подобного общества в России сто-

³ Некоторое количество исследований в отечественной историографии по проблеме рефлексии историков на события Первой мировой войны все же можно назвать. См., например: [Дмитриев 2001; Иванов 1999; Долгова 2013; Тихонов 2012].

⁴ См., например, по этой теме: [Шубин 2001; Davidson, Filatova 1998].

⁵ См. об этом подробнее: [Гутнов 2004].

яло на повестке дня тем более, что в Соединенном Королевстве в марте 1915 г. уже было создано «Общество России» (The Russia Society), председателем которого стал спикер палаты общин сэр Джеймс Лофтер. Создатели общества в России отмечали особо, что лозунгом британской организации стали слова «A permanent understanding between the British Empire and Russia means permanent peace for the world»⁶. Председателем российского «Общества сближения с Англией» стал М. М. Ковалевский (после его смерти — князь В. М. Голицын). А в 1915 г., в ходе проведения «дней Английского флага» 20–22 ноября, в Петрограде было создано, опять же под председательством М. М. Ковалевского, «Общество Английского флага» (председателем которого после смерти М. М. Ковалевского стал П. Г. Виноградов) [Отчет 1917: 6–7]. Смысл создания этих организаций, по мнению их основателей, заключался прежде всего в том, чтобы через истинные союзнические отношения двух стран, через взаимопонимание «предупредить успешность новых наступательных попыток со стороны Германии» [Отчет 1917: 5], т. е. добиться того, чтобы и после войны англо-франко-русский союз только укреплялся. Таким образом, активная просветительная деятельность англофильских обществ в России, в том числе в сотрудничестве с «Обществом народных университетов», создание при московском обществе библиотеки новейшей английской литературы и периодики, курсов английского языка⁷ — все это должно было способствовать распространению знаний об Англии среди населения и формированию образа союзника из образа старого врага и соперника. Учитывая, что в Англии в этот момент происходило сходное движение, можно сказать, что двум странам действительно удавалось преодолевать прежний порог враждебности.

Однако происходило это на фоне другого явления, характерного не только для обеих стран-союзниц, но и для всех воюющих европейских держав.

В 1914 г. раскол в мире произошел не только между противоборствующими сторонами, ведущими открытые военные действия. Первая мировая война означала и перелом в сознании историков, которым пришлось адаптироваться к изменившимся условиям. Причем речь шла не только о быте и повседневной жизни, хотя и это представлялось весьма важным, но в первую очередь — о необходимости изменения привычных оценочных установок, о расстановке новых акцентов в своих симпатиях и антипатиях, к отказу от многих устоявшихся стереотипов.

Для российских историков, посвятивших свою жизнь изучению западно-европейской истории различных эпох, для университетских профессоров этот перелом был более чем серьезен. Выросшие на традициях немецкой философии и с пиететом относившиеся к немецкой академической культуре, они неожиданно столкнулись с новым для себя явлением — превращением бывших коллег во врагов, а исторической науки — во фронт борьбы идеологий воюющих империй. Собственный опыт, пережитый в начале войны, также немало

⁶ «Прочное единение и сближение между Британской империей и Россией означает прочный мир на земле» [Отчет 1917: 4].

⁷ В Москве курсы английского языка были организованы по инициативе Софьи Петровны Даль, жены известного в Москве невропатолога, врача университетской клиники Н. В. Даля. Доктор был хорошо известен и в артистических кругах. Его пациентами были С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин, К. С. Станиславский, А. Н. Скребин.

способствовал трансформации их взглядов. Впрочем, их опыт был далеко не уникальным: историкам Британии и Германии также приходилось заново определять свое положение в этом стремительно менявшемся мире, занимать свое место в борьбе государственных идеологий воюющих стран.

В 1914 г., после начала войны, М. М. Ковалевский взялся за написание воспоминаний. Произошло это после того, как, находясь на лечении в Карлсбаде, ученый, по его словам, «оказался в положении не то гражданского пленного, не то поручителя, с отобранным паспортом и обязательством еженедельно являться в полицию» [Ковалевский 2005: 418]. Интернированный австрийскими властями, он смог вернуться в Россию лишь в феврале 1915 г.⁸

М. М. Ковалевский в воспоминаниях честно признавался, что, несмотря на накал военной риторики в ходе его «славянских» собраний, равно как и обсуждений вопросов внешней политики на заседаниях Государственного совета, значительных ассигнований Российской империи на военные нужды (в том числе на строительство новых дредноутов), он не был готов к тому, что здравый смысл настолько изменит политикам. «Привычка думать, что разум управляет миром, ввела меня в заблуждение», — признавался М. М. Ковалевский [2005: 418]. Из мемуаров становится ясно, что гораздо более ожидаемой датой военного конфликта со странами Тройственного союза для него мог быть 1917 г., когда военные силы России были бы усилены новой техникой. Сараевское убийство рассматривалось им как событие явно случайное, нарушившее логику развития событий.

Впрочем, он вовсе не был одинок в своих ощущениях. А. А. Кизеветтер также замечал, что «никто не подозревал в то же время, что мир находится накануне величайшей из войн. Правда, Балканы кипели... Но как-то никому не думалось, что это только прелюдия к всесветному пожару. И объявление войны налетело как внезапный смерч» [Кизеветтер 1997: 356]. Сходное мнение высказывал и Н. И. Кареев [1990: 261].

Но не только переживание неожиданного начала войны объединило многих историков. Летние месяцы традиционно использовались университетскими профессорами для заграничных командировок, выездов в европейские университеты, библиотеки и архивы, на воды. Поэтому когда война все же была объявлена, значительная часть русской публики оказалась за границей, причем многие — на территории Германской империи или Австро-Венгрии. В Карлсбаде под надзором полиции на полгода оказался М. М. Ковалевский. Некоторые его коллеги считали, что эти события приблизили его преждевременную кончину⁹. Ведь ему «пришлось быть бессильным и связанным в своих действиях, даже заподозренным в “панславистском коварстве”, быть свидетелем того, как волна искусственно возбужденного ожесточения смыва-

⁸ О пребывании М. М. Ковалевского в австрийском плену и перенесенных им унижениях подробно написал в сборнике свидетельств россиян, оказавшихся во время начала войны в Германии и в Австрии, а также переживших немецкую и австрийскую оккупацию, А. К. Дживелегов [1915b]. Собственно, сам историк и искусствовед, член партии кадетов А. К. Дживелегов тоже испытал все тяготы австрийского плена — сидел в камерах эгерских казарм во Франценсбаде, а потом и в Вене, спал на соломе, пережил немало унижений [Дживелегов 1915a].

⁹ Например, такого мнения придерживался А. Ф. Кони, коллега М. М. Ковалевского по работе в Государственном совете [Кони 1917: 70].

ла приобретения человеческой культуры...» [Кони 1917: 85]. Эти месяцы, проведенные вдали от родины, стали для Ковалевского временем воспоминаний о своей жизни, равно как и попыток осмыслить причины разразившейся войны. Пытаясь разобраться в причинах военного конфликта, он нередко прибегал к анализу собственных впечатлений от хода международных дел. Таким образом, война становилась личным переживанием историка не только как ученого, но и как человека, ходом событий непосредственно вовлеченного в нее.

Похожий опыт пришлось пережить в эти осенние месяцы 1914 г. и Н. И. Карееву. Карлсбад, Дрезден, Берлин — Кареев в полной мере столкнулся с проблемами русских, интернированных в Германии. Более того, принял самое непосредственное участие в организации помощи соотечественникам в их возвращении на родину¹⁰. В письме министру финансов П. Л. Барку он писал:

Объявление войны в субботу, 19 июля / 1 августа, застало врасплох русских путешественников в Германии. Еще накануне газеты уверяли, что мобилизацию русских войск отнюдь не следует признавать явлением, влекущим за собою неизбежное столкновение двух соседних монархий¹¹.

Историк уточнял, что в тот же день практически прекратились выплаты денег по аккредитивам в банках Германии, а уже в середине последовал запрет на выезд русских подданных с территории Германии¹². Понадобилось четыре недели, прежде чем германское правительство приняло решение об отправке русских с территории страны через Швецию. Для поддержки оставшихся без средств к существованию людей были организованы выплаты денежного вспомоществования со стороны как русского императорского правительства, так и правительства Испании, а также пожертвований россиян, постоянно живших за рубежом. Н. И. Кареев принимал активное участие в распределении этих средств и в организации отправки на родину групп соотечественников. Историк отмечал, что страдания интернированным доставляли не только материальные проблемы, но и полная неизвестность в течение нескольких недель относительно собственной судьбы, а также сведения лишь о поразительных победах, одержанных немецкой армией, которыми были заполнены доступные им газеты. «Только в Швеции мы узнали всю правду о наших успехах и неудачах немецких войск на западном фронте войны с нашими союзниками», — вспоминал ученый [Кареев 1915: 20].

Что касается русофобских настроений, то самому Н. И. Карееву пришлось только однажды испытать их на себе, когда один из полицейских чинов в его присутствии обвинял русских в отравлении воды и колодцев [Там же: 11]. Впрочем, русские, по наблюдению историка, не так долго считались главными врагами Германской империи. Вскоре вся ненависть была обращена большей частью на англичан [Там же: 19]. Опыт Кареева оказался особенно ценным и потому, что он сумел наладить отношения с известными ему немецкими

¹⁰ См. подробнее: [Долгова 2013: 126–128].

¹¹ Цит. по [Долгова 2013: 126].

¹² Пребывание в плену настолько потрясло россиян, что из их рассказов и свидетельств был составлен целый сборник [В немецком плену 1915].

коллегами, некоторые из которых приняли деятельное участие в организации жизни и последующего возвращения на родину российских граждан. Рассказывая об этом, Н. И. Кареев открыто высказал свое кредо по отношению к происходившему в мире: война не будет вечной, а после заключения мира должны будут восстановиться добрососедские отношения. Но для того чтобы такое восстановление стало возможным, именно сейчас, в военные годы, надо стремиться к тому, чтобы «избегать с обеих сторон всего, не вытекающего из военной необходимости» [Там же: 15].

Свой опыт возвращения на родину, но только с территории Франции, был и у другого историка — А. Н. Савина. Вот как он вспоминал об этом:

Мне нужно было провести лето в Англии и во Франции. В начале июня я проехал через Берлин... Вечно грубая берлинская железнодорожная прислуга на этот раз была особенно груба, почти нагла, вечно скверный берлинский кофе был на этот раз особенно горек... Может быть, и носильщики с буфетчиками были посвящены в великую тайну?

Прослышав о сараевском убийстве, он «сразу почувствовал всю важность события, но, конечно, сразу не предполагал тогда, что оно приведет к таким огромным и страшным последствиям». Поэтому, мечтая о полноценном отдыхе после напряженного учебного года, А. Н. Савин отправился в Бретань, в спокойное провинциальное местечко¹³.

...С конца июля в газетах пошли известия о столкновении Австрии с Сербией, об австрийских ультиматумах, о вмешательстве России, о серьезных дипломатических осложнениях. Образованные люди моего поколения отлично знают, что Европа постоянно живет на вулкане, что вооруженный мир постоянно угрожает подлинной войной, что немцу тесно в своем милом отечестве и что немец преисполнен безграничного самомнения, и все-таки хотелось отодвинуть подальше Армагеддон. Неужели европейцы ринутся в грозящую страшными бедами войну из-за столкновения пестрой Австрии с маленькой Сербией?¹⁴

Ученый, как и многие его соотечественники, в том числе М. М. Ковалевский, предпочел надеяться, что решение будет найдено с помощью дипломатических мер. Однако уже 2 августа во Франции появились объявления о всеобщей мобилизации.

Движение пассажирских поездов прекратилось, прервались почтовые и телеграфные сношения, перестал ходить автомобиль, подвозивший нас к ближайшей железнодорожной станции, исчезли газеты. Я оказался прикованным к месту, по крайней мере до конца французской мобилизации. Я не раз читал и слышал о том, что воинская готовность, особенно после возврата к трехлетней службе, лежит на французах гнетущим

¹³ ОР РГБ. Ф. 263. Кол. 31. Ед. хр. 6. Л. 1–1 об.

¹⁴ Там же. Л. 1 об.

бременем, но, признаться, не представлял себе отчетливо всей тяжести этого бремени. Мобилизация показала мне с ужасающей ясностью всю тяжесть навязанного немцами милитаризма. Наш уголок Бретани обезлюдел в несколько дней, ушли чуть ли не все молодые и среднего возраста мужчины. Французские газеты вскоре стали толковать о том, что во время войны нужно принимать все меры к поддержанию промышленности и торговли, что нужно даже отбивать у немцев заокеанские рынки, но о какой промышленности и торговле можно говорить в военное время в стране, где на защиту родины уходят рабочие, служащие, приказчики, бухгалтеры, инженеры, коммивояжеры, директора, хозяева¹⁵.

Записывая воспоминания об этих днях во Франции уже после возвращения на родину, А. Н. Савин не преминул заметить:

Слава Богу, я очутился в союзной стране, и мне должны были завидовать люди, застигнутые войной в нелюбезной дикой Германии, и все-таки положение получилось незавидное. Французы очень боятся немецких шпионов и, кажется, боятся не без основания «...» Как русские, мы стояли выше подозрений, но с объявлением военного положения и мы должны были немедленно явиться в местное полицейское управление и получить разрешение на жительство; если же мы хотели пойти на территорию соседней коммуны, то каждый раз мы должны были в своей мэрии выбирать проходное свидетельство и наклеить свою фотографическую карточку, засвидетельствованную местной администрацией. Для выезда в Англию мы сверх того должны были запастись у помощника префекта удостоверением личности («глаза голубые, лоб открытый, лицо круглое» и т. п.), паспортом на гербовой бумаге, визой английского консула. Приходилось на улице умеренно пользоваться русским языком, потому что местное население плохо различает язык союзников от языка враждебной страны¹⁶.

Самым сложным, по мнению А. Н. Савина, оказывалось следующее:

...Русский оказался совершенно оторванным от родины и семьи. Он перестал получать газеты, письма, даже телеграммы. Этого мало. Он сразу стал бедным, даже нищим, даже в том случае, если у него в кармане лежали аккредиты на одном из Парижских банков. Одним из главных вопросов для застигнутых войной стал вопрос о том, на что жить и вернуться, как получить деньги с родины. Даже после того как восстановились телеграфные сношения, получение денег из России продолжало оставаться делом нелегким. Я, например, провел 4 мучительных дня, безуспешно дожидаясь высланных мне из Москвы денег. Я смог вернуться в Россию только благодаря помощи живущих за границей друзей¹⁷.

¹⁵ Там же. Л. 2–3.

¹⁶ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁷ Там же. Л. 3 об.–4.

Он отмечал, что бретонцы были готовы предоставить русским жилье в кредит. Интересно, что о таком же отношении некоторых немцев говорил Н. И. Кареев [Долгова 2013: 131]. Наконец, А. Н. Савин с благодарностью вспоминал о деятельности стокгольмского комитета для помощи возвращающимся на родину русским, который организовывал продажу билетов, предлагал денежную помощь нуждающимся¹⁸. Всего историку понадобилось две недели, чтобы окольными путями вернуться в Россию из Франции. «Впечатлений много, сильных и по большей части тяжелых, — писал в дневнике Савин. — Отрадно было найти в России, и особенно в Москве, подлинный патристический подъем» [Савин 2015: 345].

Впрочем, далеко не для всех интернированных условия складывались благоприятно. Приват-доцент Московского университета, философ Д. В. Викторов «попал в немецкий плен, выручая свою мать. Мать выпустили, но самого его задержали и отправили в Росток. Там с “пленными” (ультра-штатскими [sic!]) обращались особенно плохо: плохо поместили, очень плохо кормили, так что он быстро нажил себе катар желудка, конвойные приставали к женщинам, когда те выходили в помещавшийся на дворе “кабинет”, женщин и мужчин заставили спать в одном помещении (в школьном здании). Викторову скоро стало так плохо, что он выпросился на частную квартиру. Правда, не везде задержанным было так плохо, как в истинно-мекленбургском Ростке. Но все-таки в рассказах о немецком варварстве немало правды по свидетельству заслуживающих доверия людей, попавших в немецкие лапы» [Там же: 351–352]. Это свидетельство А. Н. Савин записал в своем дневнике в ноябре 1914 г., не преминув отметить, что еще многие его коллеги продолжали оставаться на немецкой территории¹⁹.

Таким образом, мы видим, насколько схожими оказывались переживания историков в начале Первой мировой войны. Однако этим опытом им не суждено было ограничиться. В пределах своего воюющего государства каждый оказывался вольно или невольно, но вовлечен в идеологическую борьбу, которая способствовала формированию образа врага и оправданию целей своего воюющего отечества. Историки читали лекции, писали мемуары, рецензировали книги о войне, внося свое переживание в анализ произошедшего в 1914–1918 гг. Помимо этого сами историки оказались вовлечены в военную пропаганду, отстаивая правоту своей стороны. Дипломатические документы, которые немедленно после начала кризиса 1914 г. стали издаваться воюющими сторонами (Белая, Оранжевая, Синяя книги), их переводы и комментарии к ним — все это заставляло историков мобилизовывать свои знания и национальные чувства. Так, в Англии в дни августа-сентября 1914 г. группа историков из Оксфорда создала британскую версию участия в Первой мировой войне. Эта книга, «Why we are at War: Great Britain's Case», предварялась такими словами:

Мы не политики, и мы принадлежим к различным школам политической мысли. Мы написали эту книгу, чтобы изложить причины данной войны и принципы, которые, как мы полагаем, находятся под

¹⁸ Там же. Л. 4 об.

¹⁹ В целом о положении пленных в Первую мировую войну см. подробнее: [Оськин 2014].

угрозой. У нас есть некоторый опыт в анализе исторических свидетельств, и мы пытались рассматривать этот вопрос исторически²⁰ [Barker et al. 1914: 5].

«Исторические» интерпретации ставились на службу государственным интересам²¹. Впрочем, германские историки так же активно участвовали в дискуссии относительно причин войны и их виновников, так что так называемая профессорская война оказалась весьма горячей и ожесточенной. Ответ германских историков на эту книгу появился уже 3 декабря 1914 г., и под ним стояли подписи 26 ученых, среди которых были весьма уважаемые в профессиональном сообществе историки, в частности Герман Онкен, Т. Шиман, Ф. Майнеке и др. [Strandman 2000: 368]. Немецкий историк Ф. Майнеке писал осенью 1914 г.:

Наши оппоненты приписывают нам военные планы создания новой Римской империи — но деревья не растут до небес так быстро <...> Мы должны прежде всего сокрушить Британию до такой степени, чтобы она признала нас равной себе мировой державой, и я верю, что наша мощь для достижения этой цели достаточна (цит. по: [Галин 2004: 376]).

Когда М. М. Ковалевский в 1914 г. писал свои воспоминания, он не мог обойти стороной начавшийся грандиозный военный конфликт. Сетую на отсутствие иных изданий, кроме немецких и австрийских газет, он, тем не менее, постарался воспроизвести последовательность событий, восстановить дипломатическую предысторию конфликта. Главная цель, которую ставил перед собой историк, заключалась в том, чтобы понять, может ли война считаться национальной и оборонительной, какой ее провозглашала немецкая пропаганда, каково положение стран в этой войне, каковы их ресурсы и уязвимые позиции. Вывод Ковалевского заключался в том, что ни Россия, ни Англия заранее не готовили эту войну, так что ни о какой заведомой агрессии против Германии не может быть и речи [Ковалевский 2005: 419–422]. При этом он ссылаясь и на работы о причинах войны, опубликованные германскими профессорами. В частности, его внимание привлек сборник статей «Национальные заявления германских и австрийских историков». Ученый писал:

Надо отдать справедливость немецким профессорам, напечатавшим свои соображения насчет настоящего момента, что поддерживая несомненно из патриотических видов господствующий мотив о том, что война вызвана коварным «Альбионом», вовлекшим в заговор всех завистников германской империи <...> они в то же время нет-нет, да и выскажут догадку, что, мол, обеим империям пришлось на-

²⁰ «We are not politicians, and we belong to different schools of political thought. We have written this book to set forth the causes of the present war, and the principles which we believe to be at stake. We have some experience in the handling of historic evidence, and we have endeavoured to treat this subject historically».

²¹ Подробнее о роли английских историков в военной пропаганде см.: [Strandman 2000: 335–371].

чать войну нынешним летом из боязни, что Россия не закончила своих вооружений на средства, оплаченные французской ненавистью [Там же: 424].

Вместе с тем, анализируя неудачный для Стран согласия начальный период войны, М. М. Ковалевский внимательно вчитывался в строки планов относительно предполагаемой судьбы России. «С большой открытостью духовные руководители германской нации, профессора истории в различных университетах Германии и Австрии» признавали, что Россию ожидает расчленение территории и создание полусамостоятельных государств на ее границах, увеличение за ее счет владений Германской и Австрийской империй. Исходя из этого, М. М. Ковалевский делал вполне закономерный вывод:

России предстоит напрячь все свои силы. Вопрос идет о самом ее существовании, как европейской державы. Все истинные патриоты должны отдать себя этому новому делу освобождения «...» Только беззаветно отдавшим себя служению общерусской свободе, без различия партий и направлений «...» можно подняться на серьезный odpor самому опасному врагу, какого пока имела Россия [Там же: 440].

Возвращаясь к анализу причин войны и ее целей через несколько месяцев после ее начала на рубеже 1914–1915 гг., М. М. Ковалевский постоянно обращался к соответствующим памфлетам и сборникам статей немецких историков, считая их рупором истинных намерений властей империи [Там же: 441–483].

Однако из сферы исторической и даже пропагандистской эта «профессорская» война в разных государствах скоро начала перерастать в борьбу с представителями самого академического сообщества. Многочисленные памфлеты, посвященные войне, мгновенно переводились на языки противоборствующих сторон, а их авторы становились известны в академических сообществах воюющих держав²².

Тем временем 4 октября 1914 г. появляется первый манифест германской профессуры «К культурному миру», подписи под которым поставили 93 человека. 16 октября 1914 г. был опубликован очередной манифест германской профессуры, осуждавший действия союзников против Германии, который подписали более четырех тысяч человек. В свою очередь, в Британии представители академических кругов также активно высказывали свою позицию, обращаясь к общественному мнению страны и Европы²³. В России в конце сентября 1914 г. было опубликовано коллективное воззвание художников, писателей и артистов, главным содержанием которого было признание необходимости жесткого противостояния германской агрессии [От писателей 1914]. Среди подписавших это обращение были М. Горький, Ф. И. Шалапин, П. Б. Струве и др. К этому времени стало известно и о бомбежке Страсбургского собора, и об уничтожении знаменитого книгохранилища в Лувене. Немцы, восприни-

²² Сложную историю взаимоотношений академических сообществ воюющих стран см. подробнее в [Дмитриев 2001; Руткевич 2012].

²³ Подробнее см.: [Strandman 2000: 366–368].

мавшиеся как нация университетов, начинали все больше ассоциироваться с милитаризмом и военными преступлениями. В течение осени 1914 — зимы 1915 г. на памфлеты германских ученых прозвучали ответы интеллектуалов из России, Франции, Англии.

В России появление немецких памфлетов воспринималось академическим сообществом весьма враждебно. Ученые не могли сразу привыкнуть к тому, как быстро бывшие немецкие коллеги превращаются во врагов, подчас не замечая, что подобная метаморфоза на волне национального (в некоторых случаях даже с привкусом шовинизма) подъема захватывает и их. Вряд ли ранее тот же М. М. Ковалевский мог позволить себе серьезно говорить о том, что Германия и Австро-Венгрия «стеной отделяли нас от непосредственного обмена не одними товарами, но и идеями от Британской империи» [Дживелегов 1915с: 8].

В то же время именно М. М. Ковалевский решился возглавить важный для российских интеллектуалов патриотический проект — издание специальных сборников под общим названием «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию» (со 2-го тома — «Европа и война. Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию») [Россия 1916–1917]. Эти сборники, где печатались статьи многих российских историков, в том числе Н. И. Кареева, Э. Д. Гримма, Е. В. Тарле, должны были показать прежде всего историю взаимоотношений Германии с другими странами, а также историю войн, которые вела Россия в Европе. Иллюстрации к этому изданию делали художники Е. Е. Лансере, М. В. Добужинский, К. Е. Маковский.

Взаимная ненависть, в разжигании которой ученые приняли не последнее по значимости участие, нарастала быстро. В августе 1914 г. некоторые из германских ученых отказались от наград и званий, полученных ими от британских коллег [Strandman 2000: 349]. Впрочем, так же поступили и французские ученые, прервав свое членство в немецких университетах и обществах.

В России антинемецкие настроения подчас принимали самые яркие формы. Прозвучал призыв не печатать трудов на немецком языке и в немецких изданиях. 31 октября 1914 г. Совет министров издал положение «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов и обществ», в результате чего только из числа профессоров Московского университета были исключены около 70 подданных Германии²⁴.

Еще в начале октября 1914 г. историк А. Н. Савин записывал в дневнике:

...Я радуюсь всему, что хоть в некоторой степени способствует русскому освобождению от немцев, которых, кстати сказать, я очень высоко ставлю, несмотря на всю их противность [Савин 2015: 348].

Спустя месяц этот толерантный человек вдруг выяснил, что его друг, «русский немец» по происхождению, профессор кафедры финансового права Московского университета Павел Петрович Гензель (Павел-Юлий-Альфонс-Христофор), оказавшись в Германии, «проявил удивительное германофильство и открыто пророчил победу немцам, что, несмотря на войну, он старался поддерживать хорошие отношения с тамошними немецкими властями». «Я понимаю трудность его положения, — продолжал А. Н. Савин. — Но на

²⁴ См. подробнее: [Иванов 1999: 108–127].

войне русские немцы должны покончить со своим сиденьем на двух стульях». Историк принял решение «отойти» от дружбы с этим «мягким немцем» [Там же: 352]. Так война разрушала даже дружеские связи внутри академического сообщества, оказавшегося столь же подверженным идеологии государственного патриотизма, как и все общество воюющих держав.

Впрочем, не всегда шовинистическому угару удавалось захлестнуть представителей академического сообщества. Так, Н. И. Кареев в декабре 1914 г. отказался подписать известный «Ответ германским ученым», под которым поставили подпись многие профессора Москвы и Петрограда [Дмитриев 2001: 310]. Узнав из газет о том, что знаменитого немецкого психолога Вильгельма Вундта исключили из почетных членов Московского университета, А. Н. Савин в дневнике записал:

Нужно ли было исключать? Сомневаюсь. Вероятно, лучше было бы разделять патриотизм и чистое знание и не следовать дурному немецкому примеру [Савин 2015: 354].

Тем временем у российского общественного мнения появлялись новые герои. В декабре 1914 г. почетными членами Московского университета стали верховный главнокомандующий войск Российской империи великий князь Николай Николаевич и король Бельгии Альберт I, который прославился организацией героического сопротивления германским войскам, в частности, с помощью затопления части территории Бельгии. В 1916 г. посол Британии в России Дж. Бьюкенен стал почетным гражданином Москвы.

В связи с началом войны с Германией 18 августа 1914 г. столица Российской империи была переименована из Санкт-Петербурга в Петроград. После такого неожиданного патриотического переименования А. Н. Савин в дневнике писал новое название города в кавычках. Через три года, в июле 1917 г., на фоне утвердившихся в обществе антигерманских настроений в Англии было изменено название правящей династии. Вместо Саксен-Кобург-Готской династии по решению Георга V появилась династия Виндзоров. Власти стран Антанты избавлялись от немецкого наследства, а сообщество историков столкнулось с серьезной проблемой преобладания национального, даже правильнее будет сказать, националистического духа в своем профессиональном поле.

Литература

- В немецком плену 1915 — В немецком плену. М.: Наши дни, 1915.
- Галин 2004 — Галин В. В. Война и революция. М.: Алгоритм, 2004.
- Гутнов 2004 — Гутнов Д. А. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.
- Дживелегов 1915a — Дживелегов А. В австрийском плену // В немецком плену. М.: Наши дни, 1915. С. 68–73.
- Дживелегов 1915b — Дживелегов А. М. М. Ковалевский в плену // В немецком плену. М.: Наши дни, 1915. С. 21–23.
- Дживелегов 1915c — Россия и Англия: Речи, произнесенные на торжественном открытии Общества сближения с Англией в Москве, 22 мая 1915 г. / Под ред. и с предисл. А. К. Дживелегова. М.: О-во сближения с Англией, 1915.

- Дмитриев 2001 — *Дмитриев А. Н.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности / [Отв. ред. Д. А. Сдвижков]. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 196–335.
- Долгова 2013 — *Долгова Е. А.* «Свое право писать... я обосновал на нашем товариществе по науке»: деятельность Н. И. Кареева в Комитете по оказанию помощи русским в Германии. 1914 г. // Исторический архив. 2013. № 3. С. 126–136.
- Иванов 1999 — *Иванов А. Е.* Российское «ученое сословие» в годы «второй Отечественной войны». Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.
- Кареев 1915 — *Кареев Н. И.* Пять недель в германском плену // В немецком плену. М.: Наши дни, 1915. С. 11–20.
- Кареев 1990 — *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
- Кизеветтер 1997 — *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания, 1881–1914. М.: Искусство, 1997.
- Ковалевский 2005 — *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005.
- Кони 1917 — *Кони А. Ф.* М. М. Ковалевский в Государственном Совете // М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. ст. Пг.: Артист. заведение т-ва А. Ф. Маркс, 1917. С. 69–86.
- Оськин 2014 — *Оськин М. В.* Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2014.
- От писателей 1914 — От писателей, художников и артистов // Русские ведомости. 1914. 28 сент.
- Отчет 1917 — Отчет о деятельности Общества сближения с Англией. 1 год. 22 мая 1915 — 1 ноября 1916 г. М.: [б. и.], 1917.
- Россия 1916–1917 — Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. Т. 1–3. М.: Изд. Д. Я. Маковского, 1916–1917.
- Руткевич 2012 — *Руткевич А. М.* Идеи 1914 года: Препринт WP6/2012/03. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
- Савин 2015 — *Савин А. Н.* Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Отв. ред. А. К. Гладков; Публ., вступ. ст. А. В. Шаровой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
- Тихонов 2012 — *Тихонов В. В.* Пропаганда прошлым: российские историки в годы Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 3. Вып. 3(11). 2012. URL: <https://history.jes.su/s207987840000390-8-1>.
- Уваров 2012 — *Уваров П. Ю.* Между «ежами» и «лисами»: восприятие творчества Ле Руа Ладюри в СССР и России // Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами»: Заметки об историках. М.: Нов. лит. обозрение, 2015. С. 242–260.
- Шубин 2001 — *Шубин Г. В.* «Желаю отправиться в Южную Африку...» Участие русских офицеров-добровольцев в англо-бурской войне 1899–1902 гг. // Военно-исторический журнал. 2001. № 2. С. 67–77.
- Barker et al. 1914 — [Barker E. et al.] Why we are at war: Great Britain's case. Oxford: Clarendon Press, 1914.
- Davidson, Filatova 1998 — *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War, 1899–1902. Cape Town: Human & Rousseau, 1998.
- Strandman 2000 — *Strandman H. P. von.* The role of British and German historians in mobilizing public opinion in 1914 // British and German historiography, 1750–1950. Traditions, perceptions, and transfers / Ed. by B. Stuchtey, P. Wende. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2000. P. 335–371.

Сокращения

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

THE FIRST WORLD WAR AS PERSONAL EXPERIENCE OF HISTORIANS

Sharova, Antonina V.

PhD (Candidate of Science in History)

Associate Professor

Faculty of Humanities, School of History,

National Research University Higher School of Economics

Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya str., 24/1, build. 3

*Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22898*

E-mail: asharova@hse.ru

Abstract. The article considers the personal experience and perception by Russian historians, such as M. M. Kovalevsky, A. N. Savin, and N. I. Kareev, of the causes, events and atmosphere of the First World War. The change in the attitude of the academic community to Germany and the Germans is analyzed, and the activities of such organizations as the “Anglo-Russian Friendship Society” and assistance to Russian citizens who’d been caught in captivity are discussed. The article deals with the problem of the influence of war on the academic society, the transformation of relations between intellectuals depending on their nationality. The personal experience of historians who survived captivity in Germany or Austria-Hungary, the difficulties experienced by Russians on the way to Russia through a warring Europe, all this forced intellectuals to see a new relationship of the warring countries, which was reflected in their public speeches and socio-political position. The author seeks to show that the so-called “war of professors” contributed to the development of nationalist traits in Russian historical science.

Keywords: The First World War, historians, M. M. Kovalevsky, A. N. Savin, N. I. Kareev, Germans, England, Sarajevo murder

References

- [Barker, E., et al.] (1914). *Why we are at war: Great Britain's case*. Oxford: Clarendon Press.
- Davidson, A., Filatova, I. (1998). *The Russians and the Anglo-Boer War, 1899–1902*. Cape Town: Human & Rousseau.
- Dmitriev, A. N. (2001). Mobilizatsiia intellekta: Pervaia mirovaia voina i mezhdunarodnoe nauchnoe soobshchestvo [Mobilization of the intellect: World War I and the international scientific community]. In D. A. Sdvizhkov (Ed.). *Intelligentsiia v istorii: Obrazovannyi chelovek v sotsial'nykh predstavleniiakh i deistvitel'nosti* [Intellectuals in history: The educated person in social representations and reality], 196–335. Moscow: IVI RAN. (In Russian).
- Dolgova, E. A. (2013). “Svoe pravo pisat’... ia obosnoval na nashem tovarishchestve po nauke”: deiatel’nost’ N. I. Kareeva v Komitete po okazaniu pomoshchi russkim v Germanii. 1914 g.

- ["I have justified my right to write... on our partnership in science": N. I. Kareev in the Committee to Assist Russians in Germany, 1914]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical archive], 2013(3), 126–136. (In Russian).
- Dzhivelegov, A. (1915a). V avstriiskom plenu [In Austrian captivity]. In *V nemetskom plenu* [In the German captivity], 68–73. Moscow: Nashi dni. (In Russian).
- Dzhivelegov, A. (1915b). M. M. Kovalevskii v plenu [M. M. Kovalevsky in captivity]. In *V nemetskom plenu* [In German captivity], 21–23. Moscow: Nashi dni. (In Russian).
- Dzhivelegov, A. K. (Ed., Intro.) (1915c). *Rossii i Angliia: Rechi, proiznesennnye na torzhestvennom otkrytii Obshchestva sblizheniia s Angliei v Moskve, 22 maia 1915 g.* [Russia and England: Speeches delivered at the inauguration of the Society for Rapprochement with England, in Moscow, May 22, 1915]. Moscow: Obshchestvo sblizheniia s Angliei. (In Russian).
- Galin, V. V. (2004). *Voina i revoliutsiia* [War and revolution]. Moscow: Algoritm. (In Russian).
- Gutnov, D. A. (2004). *Russkaia vysshaia shkola obshchestvennykh nauk v Parizhe (1901–1906 gg.)*. [Russian Higher School of Social Sciences in Paris (1901–1906)]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Ivanov, A. E. (1999). Rossiiskoe "uchenoe soslovie" v gody "vtoroi Otechestvennoi voiny". Ocherk grazhdanskoi psikhologii i patrioticheskoi deiatel'nosti [The Russian "learned estate" during the "Second Patriotic War": Essay on civil psychology and patriotic activity]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki* [Questions of the history of natural science and technology], 1999(2), 108–127. (In Russian).
- Kareev, N. I. (1915). Piat' nedel' v germanskom plenu [Five weeks in German captivity]. In *V nemetskom plenu*. (1915) [In German captivity], 11–20. Moscow: Nashi dni. (In Russian).
- Kareev, N. I. (1990). *Prozhitoe i perezhitoe* [The lived and the experienced]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU. (In Russian).
- Kizevetter, A. A. (1997). *Na rubezhe dvukh stoletii: Vospominaniia, 1881–1914* [At the turn of two centuries. Memoirs, 1881–1914]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
- Koni, A. F. (1917). M. M. Kovalevskii v Gosudarstvennom Sovete [M. M. Kovalevsky in the State Council]. In M. M. Kovalevskii. *Uchenyi, gosudarstvennyi i obshchestvennyi deiatel' i grazhdanin: Sbornik statei* [M. M. Kovalevsky. Scholar, state and public figure, and citizen: Collection of articles], 69–86. Petrograd: Artisticheskoe zavedeniie tovarishchestva A. F. Marks. (In Russian).
- Kovalevskii, M. M. (2005). *Moia zhizn': Vospominaniia* [My life: Memoirs]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Os'kin, M. V. (2014). *Neizvestnye tragedii Pervoi mirovoi. Plennye. Dezertiry. Bezhentsy* [Unknown tragedies of the First World War. Prisoners. Deserters. Refugees]. Moscow: Veche. (In Russian).
- Ot pisatelei, khudozhnikov i artistov (1914, September 28) [From writers, painters and artists]. *Russkie vedomosti* [Russian Gazette]. (In Russian).
- Otchet o deiatel'nosti Obshchestva sblizheniia s Angliei. 1 god. 22 maia 1915 — 1 noiabria 1916 g. (1917) [Report on the activities of the Society for Rapprochement with England. 1st year. May 22, 1915 — November 1, 1916]. Moscow: [n. p.]. (In Russian)
- Rossii i ee soiuzniki v bor'be za tsivilizatsiiu* (1916–1917) [Russia and its allies in the struggle for civilization] (Vols. 1–3). Moscow: Izdanie D. Ia. Makovskogo. (In Russian).
- Rutkevich, A. M. (2012). *Idei 1914 goda* [Ideas of 1914] (preprint WP6/2012/03). Moscow: NIU VShE. (In Russian).
- Savin, A. N. (2015). *Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917* [University affairs. Diary for 1908–1917]. A. K. Gladkov (Ed.). A. V. Sharova (Publ., Intro.). Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).

- Shubin, G. V. (2001). "Zhelaïu otpravit'sia v Iuzhnuïu Afriku..." Uchastie russkikh ofitserov-dobrovol'tsev v anglo-burskoi voine 1899–1902 gg. ["I wish to go to South Africa..."] The participation of Russian volunteer officers in the Anglo-Boer War of 1899–1902]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Journal of Military History], 2001(2), 67–77. Moscow: (In Russian).
- Strandman, H. P. von (2000). The role of British and German historians in mobilizing public opinion in 1914. In B. Stuchtey, P. Wende (Eds.). *British and German historiography, 1750–1950. Traditions, perceptions, and transfers*, 335–371. Oxford; New York: Oxford Univ. Press.
- Tikhonov, V. V (2012). Propaganda proshlym: rossiiskie istoriki v gody Pervoi mirovoi voiny [Propaganda of the past: Russian historians during the First World War]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"* [The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")], 3(3[=11]). Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840000390-8-1>.
- Uvarov, P. Iu. (2015). Mezhdû "ezhami" i "lisami": vospriiatie tvorchestva Le Roy Ladurie v SSSR i Rossii [Between "hedgehogs" and "foxes": Reception of the writings of Le Roy Ladurie in the USSR and Russia]. In P. Iu. Uvarov. *Mezhdû "ezhami" i "lisami": Zametki ob istorikakh* [Between "hedgehogs" and "foxes": Notes about historians], 242–260. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- V nemetskom plenu*. (1915) [In German captivity]. Moscow: Nashi dni. (In Russian).

To cite this article:

SHAROVA, A. V. (2018). PERVAIA MIROVAIA VOINA KAK LICHNYI OPYT ISTORIKOV [THE FIRST WORLD WAR AS PERSONAL EXPERIENCE OF HISTORIANS]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 150–165. (IN RUSSIAN).

Received June 15, 2017

МЕЖДУ ВОЙНОЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ «ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ» ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Аннотация. Данное исследование является первой попыткой к написанию коллективной биографии восточноевропейского «потерянного поколения», основанной на историческом материале событий 1914–1923 гг. и биографий их участников. Задача исследования — выявить некоторые типологические черты в жизненных историях представителей этого поколения, которые помогли бы объяснить наличие (или отсутствие) элементов коллективной идентичности выходцев из разных стран, так или иначе вовлеченных в Первую мировую войну. Сложность реконструкции коллективной биографии заключается не только в затрудненности доступа к документальным источникам, но и в выборе методологического подхода, с учетом того факта, что война и революционные события начала прошлого века разделили это поколение как географически, так и идеологически. Не претендуя на полноту освещения этой темы в рамках статьи, я уделяю основное внимание коллективному опыту войны на примере группы молодых людей преимущественно еврейского происхождения, выходцев из среднего и высшего социальных слоев венгерской части империи Габсбургов.

Ключевые слова: Первая мировая война, «потерянное поколение», транснациональная история, Австро-Венгрия, плен, революция и Гражданская война

¹ Автор выражает благодарность Татьяне Борисовне Притыкиной (1951–2018) за ее внимание и ценные замечания по тексту.

«Потерянное поколение»

Понятие «потерянное поколение» относится к молодым людям 1890–1900 годов рождения, многие из которых ушли на фронт практически со школьной скамьи². Эрнест Хемингуэй, сам представитель этого поколения, в книге «И восходит солнце» отмечал, что термин принадлежит Гертруде Стайн³. Первоначально этот термин применялся преимущественно к группе американских литераторов, но позже о «потерянном поколении» стали говорить в более широком контексте, а также появилось несколько близких по значению терминов для описания этой когорты⁴. Кроме того, как подчеркивает М. Долан, влияние представителей этого поколения не ограничилось литературной сферой [Dolan 1996].

Поколение как общность, приобретающая единство культурно-исторического образа, складывается во взаимодействии двух времен: времени исторического (эпоха) и времени личной биографии. Временным фактором, определяющим принадлежность к поколению, является возраст (время рождения). Карл Манхейм считал, что каждое поколение в период своей юности получает определенный отпечаток как реакцию на социально-политические события своего времени. Хотя однозначного определения термина *поколение* не было сформулировано, Манхейм особо подчеркивал его социальную составляющую, а также значение интенсивности исторического развития, когда ряд событий проводит демаркационную линию между когортами в плане их «историко-социального» самосознания [Mannheim 1971: 309]. Другим важным моментом является возраст формирования «поколения»: Манхейм определяет его как 17-летний рубеж, но уточняет, что это формирование может происходить «иногда немного раньше или немного позже» [Ibid.: 300]. 25-лет-

² Впрочем, для принадлежности к «потерянному поколению» не обязателен военный опыт как таковой. Представители рассматриваемой группы, биографии которых рассмотрены в статье, принимали участие в военных действиях, за исключением Лео Силарда, который из-за болезни был отправлен в госпиталь. Однако война наложила отпечаток на его дальнейшую судьбу и особенно на его позицию в вопросе войны и мира [Lanouette; Grufman 2012].

³ Первое издание: [Hemingway 1926]. См. также: [Monk 2010: 1–2].

⁴ К «потерянному поколению» относят следующих лиц: Эрнест Хемингуэй (21 июля 1899 — 2 июля 1961, США), Эрих Мария Ремарк (22 июня 1898, Оснабрюк — 25 сентября 1970, Локарно), Луи-Фердинанд Селин (27 мая 1894, Курбеуа — 1 июля 1961, Франция), Анри Бретон (19 февраля 1896, Тенебре, Франция — 28 сентября 1966, Франция), Ричард Олдингтон (8 июля 1892 — 27 июля 1962, Великобритания), Джон Дос Пассос (14 января 1896 — 28 сентября 1970, США), Фрэнсис Скотт Фицджеральд (24 сентября 1896 — 21 декабря 1940, США), Томас Вулф (3 октября 1900 — 15 сентября 1938, США), Густав Реглер (25 мая 1898 — 14 января 1963, Германия) и др. О русских представителях этого поколения см.: [Поэты и писатели 2014]. В Америке используется термин «поколение Первой мировой войны», во Франции — «поколение в огне» (*Génération au Feu*), в Великобритании под «потерянным поколением» подразумевали прежде всего погибших на войне потенциальных представителей национальной элиты. В 1915 г. в Великобритании была введена система мобилизации (так называемая *Pals system*, когда батальоны формировались из добровольцев из одного города, поселения или даже школы); в битве при Сомме (1916) в ходе немецкого наступления некоторые небольшие городки практически полностью потеряли всех мужчин, относящихся к молодому поколению [Neiberg 2004: 44–45]. Р. Вол, говоря о «поколении 1914 года», включает в него тех, кто родился в 1880–1900 гг., описывая молодых интеллектуалов Франции, Германии, Великобритании и Италии как «поколение сегодняшнего дня» [Wohl 1979]. Еще один термин — «фронтное поколение» — использует Д. Вайт [White 1992].

ний возраст он рассматривает как верхнюю границу; таким образом, «поздний подростковый и ранний взрослый возраст» составляют формативный период, когда складывается мировоззрение и когда можно говорить о формировании «поколения» с его специфическими чертами.

Термин «потерянное поколение» применяется к молодым людям, чье формирование пришлось на годы Первой мировой войны (1914–1918)⁵. Еще одной причиной относить их к «потерянному поколению» стал тот факт, что в результате выпавших на их долю событий многие его представители сменили свою страну происхождения.

В последнее десятилетие, и особенно в связи с 100-летием Первой мировой войны, появились исследовательские проекты, в рамках которых, как отмечалось выше, «потерянное поколение» трактуется расширительно как в географическом, так и в профессиональном аспекте⁶. Однако практически нет исследований, посвященных «потерянному поколению» восточноевропейских стран, что отчасти связано с отсутствием соответствующих государств в тот период, а значит, неясно, в рамках какой национальной истории изучать данное явление⁷. Поэтому в большинстве стран Восточной Европы, где Первая мировая война всегда рассматривалась как «чужая война» [Volgyes 1973], сколько-нибудь крупных проектов пока не появилось⁸.

Восточноевропейские народы, до 1918 г. жившие на территории различных империй (в частности, Австро-Венгерской и Российской), оказались втянутыми в войну, в результате которой на месте прежних империй возникли новые государства; изменение границ и национального состава, а также и политического статуса не могло не сказаться на судьбах их граждан.

Транснациональная история и биографические исследования

Одной их отличительных черт «потерянного поколения» является перемещение его представителей из одной страны в другую, что можно рассматривать через призму транснациональной истории⁹. Данный методологический

⁵ Для некоторых представителей рассматриваемого поколения этот период затянулся до 1920–1923 гг.; в него включаются нахождение в плену, участие в Гражданской войне в России и/или в революциях (к примеру, в Венгрии, Германии, Турции).

⁶ Традиционно термин «потерянное поколение» относится к людям творческих профессий, включая литературу, искусство и науку.

⁷ Существует несколько подходов к определению понятия «Восточная Европа»; в данной статье термин используется для обозначения стран, общим для которых является вхождение в состав империй в предвоенный период и получение независимости в результате войны (Венгрия, Польша, Словакия и Чехия, Югославия, а также часть Украины, которая входила в состав Австро-Венгрии). Кроме того, термин может распространяться на ряд ранее существовавших стран, которые оказались в новом историческом контексте в результате войны (Румыния, Болгария, Россия) [Busur 2009: 5].

⁸ Подобное отношение к теме может быть также обусловлено тем, что многие представители данного поколения стали коммунистами и активно участвовали в установлении советских режимов после Второй мировой войны. Тем не менее архивы в Польше, Венгрии и других странах приняли участие в проекте Europeana, тем самым обеспечив доступ к большому массиву архивных материалов по истории Первой мировой войны (см.: [International Encyclopedia]).

⁹ Современные миграционные процессы и возникновение сообществ «поверх границ» способствовали разработке теоретических положений, которые позволяют взглянуть на проблему «потерянного поколения» в новой проекции [Saunier 2013; Macdonald n. d.].

подход позволяет учесть особенности миграций в биографии представителей «потерянного поколения», а также наметить перспективы неоднозначного прочтения их послевоенной деятельности [Eichenberg, Newman 2013; Davies 2007]. Так, Т. Франк отмечал, что для понимания жизни Лео Силарда нужно учесть, что его жизнь была обусловлена многочисленными побегами и изгнаниями, изменениями религии и языка, стран проживания; «он был человеком, которого на протяжении всей его жизни преследовали моральные дилеммы»; его «искреннее и серьезное чувство ответственности за судьбу мира» было результатом опыта его юности, опыта войны и революции в Будапеште в 1919 г. и событий в Берлине в 1933 г.: после этого он всегда был готов к переезду [Frank 2005].

Транснациональный аспект биографий «потерянного поколения» предполагает анализ в первую очередь условий и особенностей жизни и деятельности его представителей за пределами страны происхождения, вне зависимости от того, была ли эмиграция добровольной или вынужденной. Транснациональное сообщество, высшим проявлением которого является диаспора, представляет собой набор межличностных отношений, связывающих эмигрантов с различными группами на родине. Подобная сеть влияет не только на связи между людьми, но и на циркуляцию различного рода ресурсов, составляющих символический капитал участников сети, который может проявляться как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Особенностью транснациональных отношений является также то, что они могут поддерживаться между участниками, которые находятся в разных странах¹⁰. Таким образом, в данной статье рассматривается опыт нахождения за пределами стран происхождения в ходе военных действий Первой мировой войны (включая плен), который стал одним из определяющих факторов социализации представителей «потерянного поколения» и оказался востребованным в условиях послевоенной эмиграции, повлияв на их политическую ресоциализацию по возвращении домой, а позже — на их положение и деятельность в принимающих странах.

У. Фреверт справедливо отмечала, что война является особым опытом транснациональных отношений, межнациональных контактов и обменов [Frevort 2005]. Именно этот опыт стал основополагающим для представителей рассматриваемой группы, особенно с учетом того, что их предвоенный опыт ограничился школой или первыми курсами университета в лучшем случае. Военный опыт повлиял на их мировоззрение и отношение к жизни, оставив своеобразное чувство товарищества или даже родства, отличавшее их от «гражданских» членов общества. Сложно сказать, было это преимуществом или дополнительным бременем, особенно в условиях изменения национальных границ после 1918 г.: многие вернулись с войны на «новую родину».

Представители «потерянного поколения» Восточной Европы

Для анализа была выбрана группа молодых людей, родившихся преимущественно на территории венгерской части империи Габсбургов в конце XIX в.¹¹

¹⁰ Ко многим представителям рассматриваемого поколения применимо и такое понятие, как «трансмигранты» [Glick Schiller et al. 1995].

¹¹ См. список в конце статьи. Критерием включения в данный список (помимо года рождения) также являются занятия интеллектуальным трудом в зрелом возрасте.

Их имена достаточно хорошо известны; тем не менее некоторые важные для нашего исследования факты их жизни оказались вне внимания исследователей их творчества и деятельности. В то же время отдельные биографические факты замалчивались или искажались самими рассматриваемыми лицами¹².

Для анализа биографий была выбрана определенная тематическая последовательность, которая включает первичную и вторичную социализацию героев исследования. Как отмечалось ранее, формирование личности происходит в возрасте с 17 до 25 лет. Соответственно, в рамках этой временной шкалы рассматриваются факторы первичной и вторичной социализации. Факторы первичной социализации включают: а) происхождение семьи (география, национальность, экономическое положение и образовательный уровень), б) семейное воспитание, роль родителей (в том числе приемных) и других родственников, игравших особую роль в воспитании, а также взаимоотношения с братьями и сестрами. Вторичная социализация происходит за пределами семейного круга и обусловлена, соответственно: а) начальным образованием (школа, гимназия), а также кругом друзей, увлечениями и предпочтениями и т. п., б) высшим образованием (университет; в ряде случаев только военные, чаще всего офицерские курсы), в) дружбой и прочими отношениями, г) мобилизацией, фронтом, ранениями и пленом. Источниками социализации, таким образом, являются семья, друзья, школа/университет/работа, сообщества, а кроме того — средства массовой информации, круг чтения, а также законодательная система и система культурных взглядов. Политическая социализация — представления о политическом устройстве государства и мира — на начальном этапе происходит в основном под влиянием семьи, на них затем накладываются впечатления от конкретных политических событий, полученные в процессе образования; оказывают влияние и пресса, и даже разного рода слухи. Особое место для формирования мировоззрения и личных убеждений занимают религиозные представления или их отсутствие (имеют значение и профессиональные отличия, и личный религиозный опыт).

В качестве границы, отделяющей первичную и вторичную социализацию от ресоциализации, можно рассматривать момент репатриации и решение о смене места жительства и профессиональной деятельности после возвращения с войны или из плена (даты окончания войны и репатриации могут различаться)¹³.

¹² Многие из них не раз меняли имена, опускали какие-то детали своей биографии или мифологизировали ее, как это было в случае с Йозефом Ротом, который описывал своего отца как австрийского офицера, имевшего тайный роман с его матерью; даже место рождения он переносил из Галиции в австрийскую часть империи, умалчивая о том, что отец оставил семью еще до его рождения. Его военные подвиги явно преувеличены: по мнению его биографов, он был на Восточном фронте в качестве военного журналиста [Rosenfeld 2001].

¹³ Соответственно, период ресоциализации остается за пределами этой статьи, здесь мы лишь кратко обозначим основные положения этого процесса, который включает выбор страны проживания; эмиграцию и/или «внутреннюю эмиграцию»; вторичную эмиграцию, смену имени и гражданства; высшее образование (продолжение или смену профессии); политическую ресоциализацию и непосредственное участие в политической жизни той или иной страны либо аполитичность; дружеские и семейные отношения; начало профессиональной, научной или художественной деятельности.

Семья

Большинство представителей рассматриваемого поколения — выходцы из среднего или высшего класса Австро-Венгрии, многие из так называемых мадьяризованных семей, т. е. семей еврейского происхождения, которые изменили свои фамилии, перейдя в христианство. В конце XIX — начале XX в. смена вероисповедования и принятие венгерских фамилий вместо иноязычных (преимущественно немецко-еврейского происхождения) была обычным явлением.

Так, прадеды Рауля и Роберта Орошди — братья Адольф и Бела Шнабель — сменили свою фамилию на Орошди в 1847 г.¹⁴ Предки Лео Силарда по отцовской линии — выходцы из еврейского поселения в Галиции; при переезде в Словакию (тогда часть Австро-Венгрии) они получили фамилию Шпиц (Spitz). В 1900 г. семья сменила фамилию на Силард (Szilard). В семье отца было десять детей, отец Лео — Луис (или Лайош, на венгерский лад) был третьим сыном и любимцем матери, которая после смерти мужа переехала в Будапешт. Традиционно для этого региона в семье говорили на немецком языке, и Луис стал учить венгерский язык только после поступления в училище в Кремнице. Несмотря на слабое знание языка, ему все же удалось затем закончить инженерный факультет Технологического университета в Будапеште и сделать карьеру¹⁵. Для его детей — Лео, Белы и Розы — немецкий язык оставался таким же родным, как и венгерский. Ласло и Акоша Вайс (их отец Леопольд Вайс был из еврейской семьи) сменили свою фамилию на Надь (Nagy) в старших классах гимназии, взяв ее от дяди по материнской линии, который принял участие в их воспитании, после того как отец оставил семью. С его помощью братья получили хорошее среднее образование, в армию их призвали с первых курсов университета.

Из рассматриваемой группы молодых людей только Рауль Орошди принадлежал к венгерской знати. Его отец единственный из детей Адольфа Орошди вернулся в Венгрию в 1893 г. Родившись в Стамбуле и получив образование в Париже, он принял активное участие в экономической и политической жизни страны, став не только крупным землевладельцем, но и членом венгерского парламента. В 1911 г. Фюлоп Орошди получил титул барона (Boi-Orosdi de Oroszd). По настоянию матери, которая была католичкой, в 1912–1914 гг. Рауль учился в иезуитском колледже в Великобритании. Племянник Фюлопа — Роберт Орошди — хотя впоследствии и называл себя бароном, не мог унаследовать этот титул от своего дяди. Тем не менее его приемный отец — доктор Лайош Орошди, состоя на государственной службе, смог дать старшему сыну хорошее образование¹⁶. Служба Лайоша Орошди в г. Фиуме (Реека, Хорватия)

¹⁴ По всей видимости, семья происходила из еврейского поселения на территории Германии, которая позже переехала в Словакию (тогда часть Австро-Венгрии). Жена Адольфа — Берта Курляндер (Berthe Kurländer) родом из небольшого австрийского городка на границе с Германией, ее семья состояла в дальнем родстве с семьей Альберта Эйнштейна.

¹⁵ Мать Лео — Текла Видор — также происходила из еврейской семьи. В отличие от других героев исследования, ранние годы Лео Силарда хорошо документированы; сохранились мемуары его отца и матери, а также воспоминания брата, который также участвовал в написании биографии Лео [Lanouette 2013].

¹⁶ После смерти приемной «мамы Паоль» (1912) отец женился во второй раз, и вскоре у Роберта появились два брата, Лайош и Бела.

способствовала тому, что Роберт выучил несколько языков, в том числе итальянский, на котором говорила половина населения «вольного» города. Судя по рассказам Роберта, он рос в семье, где оба родителя относились к нему как к родному, предоставив возможности для всестороннего развития как физическое, так и интеллектуальное¹⁷. К этому же времени относится увлечение Роберта авиацией, но война на многие годы отодвинула осуществление его мечты; в 1916 г. он отправляется на Восточный фронт, где вскоре попадает в плен.

Образование

В начале XX в. в Австро-Венгрии в ходе реформы образования появились гимназии, в которых уровень преподавания не уступал первым курсам университета (уровень зарплат способствовал привлечению в гимназии талантливых преподавателей). Полученные знания позволили ученикам гимназий достаточно легко поступать в престижные университеты; так, Лео Силард поступил в Технический университет в Будапеште, а Роберт Орошди — в Миланский политехнический университет, но уже после войны. Первые два курса юридического факультета удалось закончить Ласло Надю; его брат учился на медицинском, а Йозеф Рот изучал философию в Вене. Исключением, пожалуй, оказался Рауль Орошди, который должен был в 1915 г. закончить иезуитский колледж в Великобритании, куда его определили по настоянию матери — баронессы Маргит Херцог Фюлопне (Орошди). Впрочем, если бы не война, то Рауль несомненно получил бы хорошее образование. Но с началом войны он, как и другие его соотечественники, был отозван в Будапешт и вскоре записался добровольцем в австро-венгерскую армию; вчерашние друзья стали врагами.

Однако, несмотря на успешное поступление в высшие учебные заведения, никому из наших героев не удалось завершить обучение и получить полноценный опыт студенческой и профессиональной жизни; для многих он был заменен опытом офицерских школ или кратких обучающих курсов по военной специальности. Тем не менее им в большей или меньшей степени удалось почувствовать интеллектуальную атмосферу 1910-х годов, а некоторым — даже принять участие в дискуссиях революционно настроенных литераторов, объединившихся, в частности, вокруг журнала «Нюгат» («Nyugat») [Fenyő 1976; 1987].

Опыт высшей школы лишь отчасти оказал влияние на прохождение военной службы; так, Акоша Надя определили в медицинскую службу, а Йозеф Рот был направлен в отдел военной информации. Согласно военному законодательству, набор в армию осуществлялся по месту рождения, поэтому Роберту Орошди (несмотря на то что его отец занимал высокий пост в Фиуме, а дядя, отец Рауля, был членом парламента и попечителем аэроклуба в Будапеште) не удалось осуществить свою мечту — стать летчиком [Заславская 2015]¹⁸. Многие из наших героев пошли на фронт добровольцами — в начале войны в армию брали с 20 лет, а в добровольцы можно было записаться с 17 лет.

¹⁷ Сведения о детстве и юности Р. Орошди достаточно противоречивы. Однако недавно ставшие доступными документы из архива семьи Орошди позволяют предположить, что Лайош все-таки был родным отцом Роберта.

¹⁸ Только пройдя войну, плен, возвращение на родину и эмиграцию в Италию, Роберт получил лицензию пилота в Риме благодаря рекомендации польского коммуниста и представителя советского торгпредства в Италии Вацлава Воронского.

Накануне войны

Восточная Европа накануне войны представляла собой своеобразное «ло-скутное одеяло», населенное народами, исповедующими разные религии и говорящими на разных языках, входящими в состав четырех основных империй, часто враждебно настроенными друг против друга. Вполне объяснимо, что война на территории Восточной Европы отличалась от той, что велась на Западе; отличия заключались в длительности военных действий, депортациях и насилии в отношении этнических меньшинств и в целом гражданского населения, а также в политических последствиях войны, вылившихся в две революции [Böhker et al. 2014: 1–2]. Как отмечает Т. Викс, «Первая мировая война изменила Европу, но бесспорно, что большее влияние она оказала на Восточную Европу», где военные действия велись на протяжении 1912–1922 гг. [Weeks 2009: 34].

Йозеф Рот красочно описывает Австро-Венгерскую империю, где жили «цыгане из Пусты, гуцулы Подкарпатья, еврейские водители такси из Галиции, мои собственные родственники, словенские торговцы жареными каштанами из Сиполья, швабские фермеры, выращивающие табак, конные заводчики из степей, <...> торговцы лошадьми из Ханы в Моравии, ткачи из Рудных гор, мельники и торговцы кораллами из Подолии» [Roth 2013: 66].

Однако Габсбурги имели определенные опасения относительно лояльности своего населения — немцев, венгров, чехов, словаков, поляков, хорватов, сербов, словенцев, румынов, украинцев, итальянцев — и их готовности защищать ее интересы на поле битвы [Strachan 2003: 37–40]. Особая ситуация сложилась в отношении еврейского населения, чье положение начиная с конца XIX в. постоянно ухудшалось [Wróbel 2014: 170]. По мнению некоторых авторов, несмотря на то что к концу XIX в. демографический рост еврейского населения в Австро-Венгрии приостановился, его кумулятивный эффект все-таки сыграл свою роль, спровоцировав рост антисемитских настроений¹⁹.

Война и пропаганда

После того как Габсбургская монархия объявила войну Сербии, три миллиона человек 11 национальностей были призваны в армию. Клаус Манн, которому на момент начала военных действий было всего восемь лет, писал:

Когда я пытаюсь восстановить атмосферу 1914 года, я вижу развевающиеся флаги, серые шлемы, украшенные букетиками цветов, вяжущих женщин, яркие плакаты и снова флаги — черно-красно-белое море флагов. Воздух наполнен звуками непрекращающейся болтовни и повторяющимися припевами патриотических песен... (цит. по: [Hirschfeld 2011: 29]).

Похожие настроения царили и в других больших и малых городах империй и стран, столь опрометчиво вступивших в войну в августе 1914 г. Публичный образ всеобщего ликования сохранился в послевоенных мемуарах:

¹⁹ Австро-Венгерская империя занимала второе после России место по концентрации еврейского населения [Naumann 2002].

толпа в 20 тысяч человек на улицах в Будапеште, размахивающая черно-желтыми флагами Габсбургов, все воодушевлены любовью к стране, «пламенем национального инстинкта» [Cornwall 2000: 16]. Ликующие толпы — это то, что бросилось в глаза Францу Кафке на улицах Праги, однако, приглядевшись, он увидел «жесткие, застывшие, внимательно вглядывающиеся черные лица с черными глазами» [Kafka 1972: 301]. Впрочем, царило настроение, что война долго не затянется и к Рождеству доблестные воины с победой вернутся домой.

Нашим героям в 1914 г. было от 15 до 20 лет, и в своем большинстве они разделяли патриотические настроения в силу молодости и характерной для этого возраста восприимчивости к идеям, которые высказывались, к примеру, прусским генералом и военным историком Фрейдрихом Бернхарди, писавшим о войне как биологической необходимости. На волне этого милитаристского угара многие пошли на фронт добровольцами, как это было в случае Эрнста Толлера, который оставил университет в Гренобле и покинул Францию на последнем идущем в Германию поезде, чтобы «защитить страну, подвергшуюся нападению»²⁰.

В соответствии с соглашением 1867 г. Венгрия не имела права на независимую внешнюю политику, поэтому когда австрийское правительство объявило войну, Венгрия оказалась втянутой в военное противостояние [Pullmann 2002: 350–351]. Венгры, а также представители других национальностей, входивших в состав венгерской части монархии, сражались на всех фронтах, но в большей степени они были задействованы на Восточном фронте, где им противостояли российские войска.

Однако первоначальная эйфория длилась недолго, поражения в осенней кампании 1914 г. против Сербии и России подействовали отрезвляюще. Несмотря на то что военные неудачи Австро-Венгрии были вызваны численным превосходством противника и провалами в тактике австрийской армии, вину поражения, следуя еще предвоенным предрассудкам против славян, возложили на чешских, словенских и сербских солдат, которых обвиняли в «отсутствии боевого духа», предполагалось даже «возможное соотрудничество между ними и противником» [Lein 2014]. Хотя эти слухи в большинстве случаев были необоснованными, они быстро распространялись в армии, создавая атмосферу подозрительности. На настроения армии влияли и неудачи пропаганды. Австрийская пропаганда находилась под контролем военных властей, что вскоре привело к расхождению пропагандистского образа войны с реальностью [Cornwall 2000: 28–29]. Да и сами солдаты, столкнувшись с реалиями войны, стали по-другому воспринимать происходящее. Мате Залка писал:

Когда у Чактория наш поезд, оставив венгерскую землю, повернул к Нольстрау, сердце сжалось, и я почувствовал странное беспокойство. Это было новое ощущение. В первый день войны я ехал на

²⁰ Однако вскоре Толлер, по его признанию, стал активным противником войны, поняв, что война — это катастрофа для Европы и всего человечества. Он организовал Лигу революционной молодежи Германии и принял участие в забастовке рабочих военных заводов, за что был арестован. В военной тюрьме он написал свою первую драму «Die Wandlung» («Преображение») [Pinthus 1939: 4–5].

сербский фронт, исполненный строгой решимости и наивного возмущения. Прошлой весной в Карпатах я защищал от вторгшихся русских войск выходы к венгерским равнинам. На Волыни я испытывал спокойствие победителя, — ведь мы находились на завоеванной земле. И вот снова на фронт, теперь на итальянский фронт, на мрачное Добердо. Грустная ассоциация: по этой дороге я уже ехал однажды, ехал с друзьями в Италию. Когда это было? Да всего три года назад. И все же как это было давно! Да, тогда был мир, а теперь... [Залка 1983].

Впрочем, для многих первое разочарование произошло уже на учебных курсах, где, по описанию Э. М. Ремарка²¹, новобранцев «успели перевоспитать более основательно, чем за десять школьных лет», где они вскоре «стали черствыми, недоверчивыми, безжалостными, мстительными, грубыми, — и хорошо, что стали такими: именно этих качеств нам и не хватало. Если бы нас послали в окопы, не дав нам пройти эту закалку, большинство из нас, наверное, сошло бы с ума» [Ремарк 2016: 30].

Реалии войны: коллективный опыт насилия

Как отмечал Дж. Винтер, «война переживалась не только как индивидуальный и личный опыт, но и как коллективный опыт» [Winter 2000b: 2].

Э. М. Ремарк предвосхищает свой роман «На Западном фронте без перемен» словами:

Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов [Ремарк 2016: 3].

В этой связи встает вопрос о травмах, которые нанесла война, не только физических, но прежде всего психологических. Не случайно Вальтер Бенджамин задавался вопросом: «Разве не было заметно в конце войны, что люди, вернувшиеся с поля битвы, стали тише — не богаче, а беднее в коммуникативном опыте?» [Benjamin 1969: 84]. Послевоенный синдром, эпидемия нервного срыва, явление «боевой усталости» стали объектом специальных исследований, в том числе посвященных их отражению в культуре и в литературе [Leed 2000; Winter 2000a; Асташов 2002]. Среди пришедших с войны были те (и они, пожалуй, составляли наибольшую группу), кто не демонстрировал явных симптомов своей травмы, но они страдали от ночных кошмаров, легко выходили из себя и были склонны к насилию.

Следует отметить, что опыт солдат и офицеров австро-венгерской армии отличался от опыта их соратников на Западном фронте [Ellis 1977; Ashworth 1980; Watson 2009]. Немногочисленные работы, посвященные этим фронтам, а также письма, воспоминания и литературные произведения участников вой-

²¹ Эрих Мария Ремарк (1898–1970) в 1916 г. был призван на фронт из учительской семинарии. После войны, сменив несколько профессий, он становится журналистом и писателем.

ны дают представление о том, с чем пришлось столкнуться солдатам и офицерам уже в первые месяцы войны [Deák 1991; Holger 1997; Dowling 2008; Tunstall 2010]. Мате Залка писал об итальянском фронте:

Наши войска только что выдержали четвертый ишонзовский бой. На позициях мы нашли наполовину уничтоженные роты, измученные штабы, битком набитые госпитальные бараки и свежие, невиданные по размеру братские могилы. Целые отряды, усердно работая кирками и лопатами, засыпали хлорной известью эти гигантские «королевско-кесарские консервы», и каменщики тут же наглухо замуровывали их бетонными крышками. А рядом подрывники уже рвали каменистую почву, с казенной предусмотрительностью готовя новые могилы [Залка 1983].

Не менее мрачные картины возникали и на других театрах военных действий, в частности на подступах к Австро-Венгрии; Федор Степун свидетельствовал о событиях с противоположной стороны:

Трупы лежали и слева и справа, лежали и наши и вражьи, лежали свежие и многодневные, цельные и изуродованные. Особенно тяжело было смотреть на волосы, проборы, ногти, руки... Кое-где из земли торчали недостаточно глубоко зарытые ноги. Тяжелые колеса моего орудия прошли как раз по таким торчащим из земли ногам. <...> Кое-кого наши батарейцы хоронили, подобрали также четырех брошенных на поле сражения раненых. Ну скажи же мне, ради Бога, разве это можно видеть и не сойти с ума? Оказывается, что можно, и можно не только не сойти с ума, можно гораздо больше, можно в тот же день есть, пить, спать и даже ничего не видеть во сне [Степун 1926: 19–20].

Ужасы войны, реальность смерти и ее повседневность порождали особую реакцию:

Кошмары фронта проваливаются в подсознание, как только мы удаляемся от передовой; мы стараемся разделаться с ними, пуская в ход непристойные и мрачные шуточки; когда кто-нибудь умирает, о нем говорят, что он «прищурил задницу», и в таком же роде мы говорим обо всем остальном. Это спасает нас от помешательства... Мы шутим не потому, что нам свойственно чувство юмора, нет, мы стараемся не терять чувства юмора, потому что без него мы пропадем [Ремарк 2016: 21].

Вопрос выживания не сводился только к физическому выживанию, поэтому своеобразная «душевная амнезия» казалась спасительной именно для молодого поколения, практически не имевшего опыта взрослой мирной жизни.

Люди постарше крепко связаны с прошлым, у них есть почва под ногами, есть жены, дети, профессии и интересы; эти узы уже настолько прочны, что война не может их разорвать. У нас же, двадцатилетних,

есть только наши родители, да у некоторых — девушка... А помимо этого мы почти ничего не знали: у нас были свои мечтания, кой-какие увлечения да школа; больше мы еще ничего не успели пережить. И от этого ничего не осталось... [Там же: 23].

Поскольку большинство наших героев были из состоятельных семей, их отправили на курсы офицеров, а по окончании курсов — на Восточный фронт, где летом 1916 г. российская армия перешла в наступление. В ходе знаменитого Брусиловского прорыва для них развернулась первая трагедия войны: молодые неопытные офицеры или получили ранения, или были взяты в плен. Рауль Орошди и Ласло Надь были ранены и отправлены в госпиталь: Рауль умер от ран, а Ласло хотя и выжил, но был комиссован и на фронт больше не попал. Роберт, Акош и Бела²² были захвачены в плен, как и многие их соотечественники.

Плен

Согласно данным, полученным из разных источников (включая Австро-венгерское министерство обороны и Российский центральный архив военной истории), количество пленных, оказавшихся на территории России в период с 1914 по 1917 г., колеблется в области полутора миллионов человек²³. Однако «если военные действия нашли должное освещение в научной литературе, то пленение в основном описано только в воспоминаниях бывших военнопленных» [Шлейхер 2001: 55]²⁴. Попытки заполнить пробелы предпринимаются как российскими, так и зарубежными историками, что позволяет реконструировать опыт социализации наших героев в условиях плена²⁵. Анализ пребывания в плену также дает возможность отразить скрытые аспекты опыта комбатантов (солидарность, личная и групповая идентичность), а также психологические последствия заключения [Gatrell 2005].

В плен попала треть от общего числа солдат, мобилизованных Австро-Венгрией, или «около 11% всего мужского населения» [Kramer 2010: 76]. Среди причин такого большого числа пленных, помимо проблем структурного характера, отсутствия финансирования, недостаточной подготовки и нехватки современного оружия, были и серьезные ошибки мобилизации [Holger 1997: 12–13]. Многонациональный состав военных подразделений значительно ос-

²² Бела Франкл (позже Мате Залка) закончил коммерческое училище и офицерские курсы, начав войну на итальянском фронте (чему посвящена его книга «Добердо»); позже его перебросили на Восточный фронт, в 1916 г. под Луцком он попал в плен.

²³ Среди военнопленных 31% составляли венгры, 30% — австрийцы, 7% — румыны, 5% — поляки, 3% — чехи и словаки, 3% — южные славяне, 2,5% — евреи и 0,5% — итальянцы. Необходимо отметить, что офицеры составляли только 2,5% от общего числа австро-венгерских пленных [Rachamimov 2002: 9].

²⁴ Подобная ситуация сложилась и в западной литературе [Rachamimov 2002; Leidinger, Moritz 2003].

²⁵ Отчасти задача упрощается в связи с тем, что Роберт, Акош и Бела попали в один и тот же лагерь для офицерского состава в Хабаровске «Красная речка». Об австро-венгерских пленных на Дальнем Востоке см.: [Треков 1997; Иконникова 1999; Бондаренко 2012].

лаблял их боевую сплоченность²⁶. Более того, даже единичные случаи капитуляции использовались должностными лицами австро-венгерской армии для обвинения солдат славянских национальностей в массовом дезертирстве, что вело к взаимной подозрительности и усиливало разобщение в войсках.

Тем не менее, по мнению Р. Грауэра, «солдаты с большей вероятностью сдадутся, когда окружающая обстановка (...) позволяет им ожидать гуманного обращения и относительно короткого периода плена» [Grauer 2014: 622–655]. Надежды на скорое окончание войны — уже к Рождеству — разделяли не только военные, но и гражданское население. Это может быть одной из причин того, что Германия, Россия и Австро-Венгрия не планировали строительство жилья для военнопленных и не рассматривали вопросы обеспечения их продовольствием и одеждой, оказавшись абсолютно не готовыми к столь большому количеству пленных [Nachtigal 2008].

В письмах и воспоминаниях пленение описывается достаточно подробно в силу его особой значимости как момента изменения статуса и самоидентификации. Взятие в плен было эпизодом военного действия, но ситуация менялась по мере удаления от линии фронта, когда противник превращался из врага в пленного, на которого распространялись положения международного права: военнопленный имел право на жизнь и достойное отношение [Rachamimov 2002: 47].

Одним из наиболее тяжелых испытаний в плену стало перемещение военнопленных с фронта в лагерь [Васильева 1999: 90]. Описывая свои чувства во время транспортировки и многодневных пеших маршей от одного пункта назначения до другого, военнопленные подчеркивали отчаяние, которое временами овладевало ими при мысли о будущем при постепенном понимании своего положения. По словам Карла Дрекслера, он помнил только темноту, словно погрузился в нечто незнакомое и мистическое [Rachamimov 2002: 48]. Подобное состояние переживали и другие военнопленные, для которых процесс внутренней трансформации состоял из трех этапов: пути в тыл, пересылки по железной дороге и нахождению в фильтрационных лагерях. Только после этого военнопленных доставляли к месту назначения, которое, тем не менее, могло меняться в силу разных обстоятельств²⁷. Пленные вспоминали о том, как медленно тянулись поезда (можно было идти рядом с вагоном), как они застревали на полустанках или в снежных заносах.

На момент пленения многие солдаты и офицеры были истощены морально и физически, многие были ранены; они страдали от голода и холода во вре-

²⁶ Так, не было ни одного подразделения, состоящего только из венгров [Pullmann 2002: 356–357]. Назначаемые офицеры австро-венгерского происхождения часто не знали языков своих подчиненных. Кроме того, серьезная подготовка офицерского состава была заменена краткосрочными курсами (подобные курсы закончили Ласло Надь, Роберт Орошди и Бела Франкл). Такая политика в конечном итоге привела к тому, что армия «превратилась в своего рода милицию, возглавляемую больше (...) гражданскими в военной униформе, чем профессиональными военными» [Deák 1991: 193].

²⁷ Часть пленных прямоиком направлялась в Сибирь и на Дальний Восток, но многие попадали туда после мытарств по другим лагерям. Роберт Орошди был переведен из лагеря в Шкотово в лагерь «Красная речка», а Акош Надь был отправлен туда из лагеря на Украине, который размещался в здании цирка. Роман Дубовски (позже ректор Ягеллонского университета в Кракове) за время своего плена побывал не только в пересылочном лагере под Киевом, но и в Красноярском; кроме того, за время плена он успел поработать архивистом и даже преподавателем в Казанском университете.

мя длительных перевозок, от жестокого обращения и неясности относительно своего будущего. К этому стоит добавить и сложность коммуникации из-за отсутствия переводчиков; редко кто из российских солдат или местного населения говорил на языках пленных, которые, в свою очередь, не знали русского языка. Отсутствие медицинской помощи и приспособленных помещений, а также недостатки санитарных условий приводили к росту смертности, которая особенно усиливалась во время эпидемий [Davis 1993; Petrák 2000].

В Приморье сведения о военнопленных стали поступать в самом начале боевых действий, а первые военнопленные прибыли уже в октябре 1914 г. Их размещали в Спасском, Никольск-Уссурийском, Раздольном, Шкотово, а также в Хабаровске — в казармах в районе Казачьей горы, в Полковом переулке, Волочаевском городке, в районе Амурской речной флотилии, Николо-Александровской пристани («Красная речка»). Надо отметить, что понятие «лагерь», особенно в первые два года войны, отличалось от современного, предполагающего наличие специально отведенной территории, окруженной колючей проволокой с охраной по периметру²⁸. В большинстве случаев военнопленных размещали в самых разных помещениях — от тюрем до зданий школ²⁹.

На первом этапе войны российское государство старалось следовать международным договоренностям относительно военнопленных³⁰. В частности, офицеры содержались отдельно и пользовались рядом преимуществ: им должны были предоставляться помещения, в которых, кроме кроватей, были «в достаточном числе хотя бы самого простого образца столы, стулья или табуреты, шкафы, умывальники, вешалки» [Талапин 2009: 21]. Высшему офицерскому составу разрешалось иметь денщиков, они получали посылки, а также денежное пособие в размере 50–70 рублей (для генералов — 125), что позволяло вести достаточно сносную жизнь. К тому же, несмотря на то что практически сразу после начала войны было принято решение об использовании труда военнопленных (за исключением военной промышленности), «трудовая повинность» не распространялась на офицеров³¹. Впрочем, многие старались найти работу по специальности, преподавали иностранные языки или участвовали в различных культурных мероприятиях³².

Как следствие, какая-то часть пленных получила относительную свободу, и вольно или невольно они стали участниками повседневной жизни России, о

²⁸ Об использовании термина *лагерь* применительно к российскому плену и об особенностях процесса «лагеризации» см.: [Pastor 1983; Rachaninov 2002; Суржикова 2014].

²⁹ Так, в Бийске первые партии пленных австрийцев и венгров разместили в здании Электротехнического и общественного собрания; позже нижние чины жили ротами в бараках, а офицеров расселили по квартирам в городе [Цапко 2001: 25–29].

³⁰ Гаагская конвенция 1907 г. декларировала гуманное обращение с военнопленными, тюремный режим был исключен (эта мера могла быть применена лишь как временная). Привлечение пленных к труду за плату было разрешено, но работа не должна была быть тяжелой и связанной с военными действиями. К сожалению, эти и другие соглашения постоянно нарушались всеми воюющими державами.

³¹ В 1914–1915 гг. российским правительством были приняты документы, регулирующие труд пленных: «О допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами», «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях».

³² Наиболее распространенной формой была организация оркестров [Царёва 2012].

которой до этого не имели представления [Кондратьев, Щербинин 2009]. Так, Вильгельм Гаан вспоминал, как после двух недель пути он прибыл в Омск, где стал свидетелем бурлящей жизни:

...Новый театр, цирк и множество кинотеатров, городской парк, в котором играл оркестр военнопленных австрийцев <...>. Такой мы себе Россию не представляли [Шлейхер 2001: 57].

Впрочем, нужно учитывать, что положение и условия содержания рядовых и офицеров отличались уже на этапе транспортировки: если нижние чины ехали в вагонах для скота, то офицеры занимали места в пассажирских вагонах; многие офицеры могли позволить себе покупать продукты, а также теплые вещи. Однако плен оставался пленом, и даже офицеры оказывались в тяжелых условиях. Е. Джуль вспоминал антисанитарию в подмосковном госпитале, жестокое обращение охраны даже с тяжелоранеными³³. Несмотря на помощь военнопленным со стороны международных организаций (в том числе Красного Креста³⁴), условия их содержания улучшились незначительно³⁵. На эти условия влияли разные факторы, в том числе дифференцированное отношение по национальному признаку. Военнопленные славянских национальностей направлялись преимущественно в военные округа, расположенные в Центральной России, в то время как венгры, австрийцы и немцы — в Сибирь, а также в Приамурский округ. В 1916–1917 гг. были построены специальные бараки и появились крупные лагеря, которые вмещали от 3 до 10 тысяч человек. Так, Никольско-Уссурийский лагерь насчитывал 15 тысяч пленных; менее крупными были лагеря для офицерского состава; в лагере «Красная речка» содержалось от тысячи до полутора тысяч человек [Греков 1997: 155]. В этом лагере пленные жили в кирпичных бараках, где внутреннее пространство было разделено занавесями, создававшими таким образом «комнаты» для 3–4 человек.

Поскольку офицеры были освобождены от обязательного труда, у них было достаточно времени для организации библиотек, оркестров, театров, учебных курсов, теннисных кортов, специальных помещений для занятий спортом и даже поля для игры в футбол³⁶. Существовала академия торговли, под которую был выделен целый барак в Березовском лагере (ее диплом был признан после войны) [Rachamimov 2002: 99]. Пленные получали российскую и зарубежную прессу, материалы которой переводились на другие языки и читались вслух. Много внимания уделялось изучению иностранных языков; в Красноярском лагере изучали, помимо немецкого и английского, латынь [Ibid.: 100].

³³ При этом многие пленные отмечали помощь со стороны врачей и медсестер [Шлейхер 2001: 59–60].

³⁴ О деятельности Красного Креста в эти годы см.: [Davis 1993].

³⁵ В целом, положение немецких офицеров было на порядок лучше — за счет помощи со стороны германского правительства, осуществляемой через благотворительные организации и частные пожертвования [Шлейхер 2001: 73]. До февраля 1917 г. интересы всех германских и австрийских подданных защищали Соединенные Штаты Америки, но позже для распределения пособий и предоставления отчетов стали назначать специальных чиновников.

³⁶ Одним из организаторов театра в лагере «Красная речка» был Мате Залка. Этот опыт несомненно сыграл свою роль при назначении его директором Театра Революции в Москве в 1924–1927 гг. (сейчас Театр им. В. Маяковского).

Важным моментом лагерной жизни были письма из дома [Rachamimov 2000]. Особое значение также имело неформальное общение с местным населением, чему российский плен Первой мировой войны в принципе не препятствовал, хотя такое общение и квалифицировалось как нежелательное³⁷. Широкое использование имевшихся строений (частных домов, зданий школ и гимназий, складов, театров, гостиниц и т. д.) вело к тому, что пленные «распредоточивались и даже рассеивались, что облегчало задачу преодоления коммуникативных барьеров между ними и местным населением» [Суржикова 2011: 55]. Часто городские власти, столкнувшись с проблемами размещения и обеспечения военнопленных, разрешали им дополнительные заработки³⁸.

Круг общения представителей «потерянного поколения» можно охарактеризовать как «вынужденный интернационал», в который входили представители самых разных национальностей и разного социального статуса. Возможности коммуникации расширялись для тех, кто знал несколько языков. Так, Роберт Орошди помимо венгерского владел немецким, итальянским и английским. В плену он выучил русский. Знание русского языка позволило Мате Залке сделать военную карьеру в Красной армии, а Акошу Надю стать журналистом. Демографическая ситуация в Хабаровске и Владивостоке характеризовалась притоком населения из близлежащих стран — Кореи, Китая, Японии. С началом иностранной интервенции появились также американские и канадские военнослужащие. Судя по кинохронике из американских архивов, командование экспедиционных войск интересовались положением военнопленных.

Тот опыт, что получили молодые офицеры на фронтах Первой мировой войны, сам по себе был достаточным основанием для разочарования в идеалах юности. Годы, проведенные в плену, принесли новый опыт, который, однако, привел бывших соратников и солагерников к выбору разных жизненных путей. На этот выбор оказали влияние самые разные факторы, среди которых особую роль сыграл круг общения в лагере и за его пределами, а также сам ход исторического развития той страны, в которой они находились. Таким образом, события 1917 г. стали решающими для многих представителей «потерянного поколения». И если Эдвин Двингер выбрал путь борьбы с большевизмом, вступив в Белую армию [Двингер 2004], то наши герои встали в ряды Красной гвардии.

Революция и революционные настроения среди военнопленных

После революции в России военнопленные попали в новую политическую ситуацию. Ленин рассматривал «пролетариат всех воюющих и всех вообще стран» в качестве союзника российского пролетариата [Ленин 1974b: 22].

³⁷ Подробнее о взаимоотношениях военнопленных с женским населением см.: [Кондратьев, Щербинин 2009].

³⁸ Первое время военнопленным разрешалось гулять по городу без охраны, но позже из-за участившихся побегов были введены ограничения. Обычно пленные бежали поодиночке, особенно часто — с сельскохозяйственных работ и работ на частных предприятиях, но побег редко имели шансы на успех, так как большинство не знало русского языка, к тому же беглецов было легко распознать по внешнему виду. Российские власти обычно связывали побег со шпионской деятельностью иностранных государств, хотя чаще всего число побегов является одним из показателей условий содержания военнопленных; наибольший рост зафиксирован после 1917 г. на фоне ухудшения жизни военнопленных.

Он был убежден, что мирные инициативы советской власти окажут революционизирующее влияние на находившихся в России иностранцев:

...Заклячая мир, мы можем сразу обменяться военнопленными, и этим самым мы в Германию перебросим громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике; обученные ею, они легче смогут работать над пробуждением ее в Германии [Ленин 1974а: 318–319].

Это предположение оказалось справедливым и в отношении вернувшихся на родину венгерских военнопленных [Krammer 1983].

В своем анализе методов массовой мобилизации П. Кенез уделил особое внимание советской пропаганде, которую он считал успешной, особенно во время Гражданской войны и в 1920-е годы, потому что у большевиков, по его словам, «было горячее желание убедить своих сограждан в том, что новый порядок установит лучший, новый мир социальной справедливости» [Kenez 1985: ix].

Пропаганда среди военнопленных началась еще в 1915 г. [Krammer 1983]. Ее успеху способствовала помощь со стороны представителей западно- и восточноевропейских социалистических и «левых» партий, которые, оказавшись в плену, стали проводить разъяснительную работу³⁹. Одним из результатов событий 1917 г. на фоне девальвации рубля и общего экономического кризиса стало резкое ухудшение условий содержания и обеспечения продовольствием военнопленных, поэтому большевистская пропаганда с ее требованиями немедленного прекращения войны (что предполагало для пленных возвращение домой) и призывами к устранению социального неравенства находила своих слушателей. Кроме того, к участию в отрядах красногвардейцев военнопленных привлекал и высокий заработок. Важным моментом стало решение об упрощенной процедуре принятия советского гражданства⁴⁰.

С конца 1916 г. революционные группы возникли во многих лагерях Урала и Сибири; стали выходить газеты, на страницах которых большевики и социалисты излагали свои взгляды⁴¹. В 1917 г. по инициативе С. Тайхнера в Краснореченском лагере появилась подпольная ячейка, в которую вошли Янош Мунтьян, Ференц Гаал, Агоштон Гольдфингер, Иштван Са-

³⁹ В их числе были член Трансильванского комитета Венгерской социал-демократической партии Бела Кун, сотрудник редакции центрального органа той же партии газеты «Непсава» («Голос народа») Тибор Самуэли, венгерский профсоюзный деятель Иозеф Рабинович, а также представители Социал-демократической партии Австрии Макс Юнг, Стефан Зингер, Иосиф Грюн; германские социал-демократы Гуго Кольгоф и Эрих Штер (до войны они учились в берлинской партийной школе у Розы Люксембург и Франца Меринга), член Социал-демократической партии Хорватии Иосип Броз (по прозвищу Тито) и мн. др.

⁴⁰ Этой возможностью воспользовались многие военнопленные, в том числе Мате Залка и Акош Надь, став, соответственно, Матвеем Залкой и Алексеем Наги.

⁴¹ Газету «Форрадалом» («Революция») издавала омская организация интернационалистов под руководством Кароя Лигети; в Томске выходила газета «Непсава» («Голос народа») на венгерском, «Дер Пролетарьер» («Пролетарий») на немецком, «Комуниста» («Коммунист») на чешском [Бобров 1990]. В Иркутске Ярослав Гашек входил в редакцию сразу трех газет; две издавались на чешском, а третья — на монгольском языке.

лаи, Ференц Киш. Именно там Мате Залка, Роберт Орошди и Акош Надь познакомились с марксизмом⁴².

В начале декабря 1917 г. «Правда», а затем «Известия» объявили всех военнопленных «свободными гражданами», призывая их поддержать социалистическую революцию. Задача созданной в Москве Центральной Федерации иностранных групп заключалась, помимо агитации в Красную гвардию (позже в Красную армию), в пропаганде и обучении военнопленных для проведения революции в Западной Европе. Поэтому, как подчеркивает Марк Корнуолл, у австрийских властей были основания беспокоиться о влиянии с востока; они справедливо видели «опасные параллели в крамольных социалистических листовках, которые циркулировали в Будапеште» [Cornwall 2000: 258].

Гражданская война

В марте 1918 г. западные газеты опубликовали слова посла Японии в Италии о том, что немецкие военнопленные вооружены и готовы захватить Сибирскую железную дорогу⁴³. Угроза была явно преувеличена, но ее использовали для поддержки идеи иностранного вмешательства в дела Советской республики⁴⁴. Обеспокоенность союзников, связанная с потенциальной возможностью участия немецких военнопленных в военных действиях, также проявилась в их отношении к ситуации вокруг Чехословацкого корпуса⁴⁵.

15 января 1918 г. филиал Чехословацкого национального совета в России провозгласил корпус составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции [Fic 1958]⁴⁶. В настоящее время преобладает точка зрения, что участие чехословацких войск в военных действиях на стороне Белой армии было результатом стечения разного рода

⁴² Летом 1918 г., после захвата Красноярска Белой армией, Мате Залка был арестован. По его воспоминаниям, он скрыл свое настоящее имя и был снова отправлен в лагерь для военнопленных, откуда ему удалось бежать. Он организовал отряд из пленных венгров, который в составе партизанской армии Кравченко и Щетинкина вступил в Красноярск, где был зачислен в 1-й Интернациональный полк дивизии имени III Интернационала. Весной 1920 г. Залка участвовал в охране «золотого эшелона» при его доставке в Казань. По завершении операции награжден орденом Красного Знамени и почетным именованным оружием.

⁴³ Посол основывался на информации японского военного министра, полученной на основе разведданных [Bisher 2005: 57].

⁴⁴ Еще одним поводом для интервенции на Дальнем Востоке, в частности, для американских властей, стали слухи о возможной передаче военного арсенала во Владивостоке в Германию [Kenpan 1989: 61].

⁴⁵ Формирование чехословацкого добровольного военного подразделения началось в 1914 г. из числа проживающих на территории России чехов и словаков; позже было получено разрешение рекрутировать добровольцев из числа военнопленных. Победа над немецкими войсками у Зборова в июне 1917 г. способствовала росту численности Чешской дружины, и уже в конце года был сформирован отдельный корпус в составе двух дивизий и запасной бригады численностью почти 40 тыс. человек [Манусевич 1987; Левчук 1996; Rees 1992].

⁴⁶ Данный эпизод важен для нашего исследования еще и потому, что чешские, словацкие и венгерские представители «потерянного поколения» были соотечественниками и военнослужащими австро-венгерской армии, что делает возможным их личное знакомство до начала конфликта. Кроме того, многие участники «чехословацкого мятежа» принадлежат к «потерянному поколению», в том числе Радола Гайда (Рудольф Гейдл, 1892–1948), командующий частью корпуса на участке от Новосибирска до Иркутска.

обстоятельств, среди которых немаловажную роль сыграли просчеты советского руководства [Валиахметов 2012a; 2012b].

Срыв переговоров в Брест-Литовске позволил немецким войскам оккупировать Западную Украину. Отступая от Киева, чехословацкий корпус в ряде боев действовал совместно с австро-венгерскими интернационалистами⁴⁷. К этому времени в Москве была достигнута договоренность о транспортировке формирования с минимальным вооружением по Транссибирской железной дороге до Владивостока. По мнению М. Фица, ситуация изменилась под влиянием чешских коммунистов, которые убедили Л. Д. Троцкого, что 45% чехословаков готовы вступить в Красную гвардию [Fic 1978: 10–17]⁴⁸. Таким образом, возникла двойственная ситуация: с одной стороны, первые эшелоны, прошедшие в апреле 1918 г. по Сибирской железной дороге, приветствовались большевиками и местным населением как союзники, с другой стороны, после приказа замедлить продвижение чешских эшелонов и требования их полного разоружения отношения между чехословаками и советским правительством стали резко ухудшаться.

21 апреля 1918 г. Революционный Военный Совет Республики издал приказ о строгом соблюдении статьи второй Брест-Литовского мирного договора в отношении иностранных военнопленных. Через два дня была образована Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, а вскоре началась репатриация военнопленных. Однако еще до начала репатриации многие военнопленные вошли в местные отряды Красной гвардии⁴⁹. В ноябре 1917 — январе 1918 г. появились отряды интернационалистов на Урале и в Сибири⁵⁰.

⁴⁷ Корпус также сопровождали небольшие отряды бывших военнопленных, которые решили сменить стороны: румыны из венгерской части Австро-Венгерской монархии и итальянцы из Трентино, Истрии и Фиуме.

⁴⁸ Переговоры проходили в Москве 15–16 марта 1918 г.; Троцкий приехал в Москву 17 марта. В качестве только что назначенного наркома по военным делам он принял участие в дальнейшем обсуждении ситуации. Уже 20 марта выявились разногласия между Лениным и Троцким по этому вопросу: Троцкий настаивал на задержании корпуса и даже отдал соответствующие распоряжения. Истинная причина стала ясна на следующий день, когда Троцкий представил план создания современной армии численностью полмиллиона человек [Fic 1978: 14].

⁴⁹ Красная гвардия стала создаваться в марте 1917 г., но до октябрьского восстания находилась на нелегальном положении. В Петрограде ее формирование усилилось в связи с угрозой наступления немцев и Корниловского мятежа. Под руководством Военно-революционного комитета (ВРК) красногвардейские отряды были организованы и в регионах. Первыми стали финский отряд Красной гвардии в Петрограде, польский революционный батальон в составе стрелкового полка в Минске, два румынских революционных батальона в Одессе.

⁵⁰ В Сибири были сформированы 1-й и 2-й Омский международный партизанский отряд, Интернациональный батальон им. Карла Маркса в Новониколаевске, 1-й Томский красногвардейский отряд интернационалистов, Читинский интернациональный отряд. Подобные отряды были в Красноярске, Иркутске, Сретенске, Тюмени, Березовке, Барнауле, Марининске, Ачинске, Нижнеудинске, Семипалатинске; на Урале они действовали в Оренбурге, Екатеринбурге, Златоусте, Ирбите, а также в других городах. Существуют разные точки зрения на роль интернационалистов в Гражданской войне, в том числе и такие, которые предлагают не преувеличивать эту роль, при этом отмечается, что военнопленные воевали на стороне как красных, так и белых [Иконникова 2004]. К сожалению, исследования по данной теме в основном представлены работами советского периода (в том числе вен-

23 мая был создан Временный исполнительный комитет чехословацких войск, который отдал приказ: «Оружия нигде советам не сдавать, самим столкновений не вызывать, но в случае нападения защищаться; продвижение на восток продолжать собственным порядком» [Цветков 2001: 59]. Следуя этой директиве и с целью обеспечения беспрепятственного продвижения по железной дороге военные действия начались почти одновременно в Челябинске, Новониколаевске, Мариинске и Нижнеудинске; 27 мая был взят Челябинск. Р. Гайда, взявший на себя руководство восстанием в Новониколаевске, приказывает «по возможности сейчас же наступать на Иркутск. Советскую власть арестовывать. Отрезать Красную армию, оперирующую против Семенова» [Гергилева, Гергилев 2015: 111].

Реакцией на известия о выступлении чехословаков стало решение Красноярского губисполкома об использовании против них бойцов-интернационалистов в Мариинске и Канске [Там же: 112]. Ожесточенные бои в мае-июне закончились тем, что вся Транссибирская магистраль оказалась под контролем чехов. Слухи о жестоком обращении «белочехов» с бывшими австро-венгерскими военнопленными быстро распространялись по мере продвижения корпуса вглубь Сибири. Так, в справке Венгерского отдела агитпропаганды при Алтайском губкоме сообщалось:

В Алтайском крае во время Российской социалистической революции в 1917–1921 гг. были казнены контрреволюционными бандами следующие венгерские товарищи: 22 января 1919 г. белочехи в лесу неподалеку от Бийска расстреляли Михая Немета, Дьюла Якоборича, Йозефа Тота, Яноша Луппера, Хенриха Унгриха, Яноша Лакатоша. <...> 10 июня красноармеец Дьердь Н. из бывшего 23-го гонведского пехотного полка был расстрелян рядом со зданием казармы Красной Армии в Барнауле. 12 июня та же участь постигла Йозефа Ковача, музыканта. На другой день были казнены 60 венгров на городском кладбище [Ходак и др. 1968: 270]⁵¹.

Временное сибирское правительство, созданное в мае-июле 1918 г., не только продолжило царскую политику в отношении военнопленных, но и ввело более суровые меры, особенно для немецких и австро-венгерских военнопленных, которые считались сторонниками большевиков. Они должны были быть отделены от военнопленных других национальностей и содержаться в лагерях вне населенных пунктов. С этой целью были организованы специальные лагеря для чехов, словаков и русинов в Омске и Иркутске, для поляков в Новониколаевске, для южных славян и итальянцев в Томске, для румын в Петропавловске, для украинцев в Славгороде. В Тобольске и Таре были созданы отдельные лагеря для офицеров. Инвалиды были отправлены в Павлодар, Семипалатинск, Барнаул и Бийск [Талапин 2013: 83].

герских историков), которые требуют критического переосмысления и уточнения фактического материала. В то же время практически нет работ, посвященных участию иностранных военнопленных в Белой армии, хотя материалы российских архивов предоставляют такую возможность.

⁵¹ В документе также сообщалось, что двое из этой группы были отпущены, так как один из «белочехов» знал их лично.

Военнопленных заключали в тюрьму за «свободное хождение по городу», не связанное с их службой в тех или иных учреждениях, за неимение на левом рукаве белой повязки с буквами «В. П.», за неуставное приветствие «при встрече с военнослужащими Сибирской армии и чехословаками», за участие в «каких бы то ни было профессиональных союзах и организациях» [Гергилева, Гергилев 2015: 112]. Они освобождались от любых работ на частных предприятиях, кроме государственных; зарплата была ограничена 25% от местной заработной платы, и заключенный мог получить только один рубль наличными [Талапин 2013]. Все военнопленные, которые ранее числились в Красной армии, были арестованы.

С приходом к власти генерала Колчака ситуация только ухудшилась⁵². Он не доверял даже своим славянским союзникам, и те чехи и словаки, которые отказались вступить в Чешский легион (или оставили его по разным причинам), были отправлены в отдельные лагеря в Омске и Иркутске. Все попытки побегов или восстаний были сурово наказаны⁵³.

В центре внимания советской историографии были прежде всего вопросы «пролетарского интернационализма» и привлекательности революционных идей для военнопленных. Не умаляя роли большевистской пропаганды, стоит учитывать и другие факторы, в частности, противоречия между представителями разных национальностей империи Габсбургов, особенно в связи с продвижением Чехословацкого корпуса по Транссибирской магистрали и участием его в боевых действиях на стороне Белой армии. Как справедливо отмечают А. И. и Д. Н. Гергилевы, «ставка в использовании интернациональной силы была сделана на национальную неприязнь между венграми, австрийцами, немцами, с одной стороны, и чехословаками — с другой» [Гергилева, Гергилев 2015: 109]. Показательно в этом отношении одно из заявлений о вступлении в дружину, где особо подчеркивалось:

...Нас, чехов, во всем здесь сокращают и буквально обдирают; лучше всех живется немцам и мадьярам. Всякого чеха можно узнать с первого взгляда по рваной одежде. Так убого, как здесь, одеты чехи во всем округе, потому что в случае получения Красным Крестом посылок для пленных все вещи делят между собою евреи, немцы и мадьяры. Вообще весь округ кишмя кишит евреями; они всюду: в канцелярии, складах, магазинах и т. п. Горсточка нас, добрых чехов, в течение своего пребывания здесь должна была проглотить немало горьких пилюль [Суржикова 2009: 170].

⁵² 5 ноября 1918 г. А. В. Колчак был назначен военным и морским министром Временного Всероссийского Правительства, которое было создано при активном участии социал-революционеров (эсеров). Недовольство правительством вылилось в переворот 18 ноября, когда Совет министров выступил против Директории, тем самым поддержав идею передачи власти одному лицу. Согласно «Положению о временном устройстве государственной власти в России» был установлен порядок взаимоотношений Верховного правителя и Совета министров. Генерал Колчак был избран на должность Верховного правителя.

⁵³ В 1918–1919 гг. в лагерях Томска, Омска, Красноярска и Хабаровска произошло несколько восстаний. Массовые расстрелы венгерских военнопленных имели место в Тюмени, когда те присоединились к восстанию против мобилизации в Белой армии; в Омске — за попытку массового побега из концентрационного лагеря; в Красноярске — за то, что они присоединились к восстанию русского гарнизона [Талапин 2013].

Ситуация на Дальнем Востоке, где Гражданская война продолжалась с апреля 1918 по октябрь 1922 г., имела свои особенности. Революционные события в центре России были поддержаны на местах, в том числе во Владивостоке, который имел особое значение для союзников. За время войны в нем скопилось значительное количество оружия и военного снаряжения, поставлявшегося на европейский фронт через Транссиб, поэтому уже в январе 1918 г. в залив Золотой Рог вошло несколько кораблей союзников, которые весной и летом пресекли несколько попыток вывоза большевиками оружия: по слухам, его использовали для вооружения австро-венгерских и немецких интернационалистов.

Газета «Вестник Временного правительства Автономной Сибири», издававшаяся во Владивостоке, писала в июле 1918 г.:

Сибири угрожает смертельная опасность быть раздавленной с Урала и Востока большевистско-германо-мадьярскими отрядами. <...> Правительство Автономной Сибири спешно организует большие военные силы для очищения Дальнего Востока от большевиков и подачи энергичной помощи Сибири, бьющейся в судорогах неравной борьбы с полчищами военнопленных [Дербер и др. 1918].

29 июня командующий чехословацкими войсками во Владивостоке русский генерал-майор М. К. Дитерихс в ультимативной форме потребовал немедленного разоружения у местного Совета. После взятия Владивостока чешские войска продолжили наступление и 5 июля взяли Уссурийск. Это стало поводом для совместной интервенции союзников.

5 сентября 1918 г. был оставлен Хабаровск. Вместе с иностранными войсками в город вошел казачий отряд атамана Калмыкова, и буквально сразу начались репрессии в отношении большевиков и сочувствующих им жителей. Также были ужесточены правила содержания военнопленных, ухудшились условия проживания и питание (о посылках и денежных пособиях давно было забыто), более того, возникла реальная угроза их жизни.

Показательна в этом отношении история расстрела в сентябре 1918 г. 16 музыкантов — австро-венгерских военнопленных⁵⁴. О жестокости и самоуправстве Калмыкова свидетельствует и факт расправы над иностранными представителями Красного Креста⁵⁵.

Те из военнопленных, кто стали красногвардейцами до прихода белогвардейцев и иностранных экспедиционных войск, присоединились к партизанам⁵⁶.

⁵⁴ Оркестр был организован в декабре 1915 г. и до своей гибели в сентябре 1918 г. играл в кофейне «Чашка чая». Он пользовался популярностью и в других аудиториях, играл на благотворительных концертах. Основное обвинение музыкантов было связано с их симпатиями к большевикам, кроме того, при обыске было найдено оружие [Иконникова 2004: 72–74].

⁵⁵ После ареста Калмыкова в Китае в 1920 г. он был обвинен в присвоении 56 пудов золота, а также в убийстве представителей Красного Креста — шведа Свена Хедблома и норвежца Оле Опшауга — близ станции Пограничная в сентябре 1918 г. [Савченко 1999]. Об этом случае упоминает А. В. Колчак [Квакин 2007: 411].

⁵⁶ О дальнейшем участии бывших военнопленных в партизанском движении см.: [Авдеева и др. 1980].

Среди них был Мате Залка и, возможно, Акош Надь⁵⁷. Часть интернационалистов рассеялась по таежным районам Амурской области, стараясь в одиночку или группами спастись от карателей, устраиваясь наемными рабочими или батраками; кто-то вернулся в лагеря. К началу 1919 г. там числилось около 5 тысяч человек [Иконникова 2004: 70]. В конце 1919 г. в Хабаровском лагере вспыхнуло восстание, которое было жестоко подавлено. Над всеми военнопленными нависла угроза расправы. Помощь пришла неожиданно — со стороны американских оккупационных войск, которые в один день погрузили военнопленных во Владивостоке на пароход, отправлявшийся в Европу⁵⁸.

После восстановления советской власти в регионе военнопленные рассчитывали на возвращение домой, а те, кто решил остаться в России, планировали начать новую жизнь. Однако даже для тех, кто сражался в рядах Красной армии, процесс возвращения оказался не столь быстрым⁵⁹.

Количество пленных, оставшихся в Советской России во время и после Гражданской войны, неизвестно; обычно они входили в расчет потерь или пропавших без вести. Большинство из них изменили свои имена после принятия советского гражданства, обзавелись семьями и даже пережили сталинские чистки, когда были казнены многие венгерские коммунисты, в том числе Акош Надь. Еще в ходе Гражданской войны многие бывшие военнопленные оказались в Москве, где приняли активное участие в деятельности советских и международных организаций, включая Коминтерн, венгры составили в нем вторую по численности (после немецких коммунистов) группу. Советское руководство возлагало на них особую надежду в деле «мировой революции», особенно в Венгрии и Германии. Когда этот проект потерпел неудачу, они бежали в Москву, чтобы вернуться на родину в 1944 г. вместе с наступавшей Советской армией.

⁵⁷ Существует несколько версий относительно дальнейших перемещений Мате Залки, который в это время был известен еще и как Ласло Кемень. По одним данным, Залка участвует в партизанских операциях, по другим, под именем Кемени отправляется вместе с Робертом Орошди в Европу; их высаживают с корабля в Шанхае из-за угрозы расправы за «симпатии к большевикам». Оттуда через Китай и Ближний Восток Орошди добирается до Фиуме (который к этому времени стал итальянским городом), но вскоре переезжает сначала в Триест, а затем в Милан. След его солагерника теряется. Джузеппе Цампаллиа предлагает другую версию, согласно которой и Орошди, и Залка присоединяются к интернациональным отрядам еще в 1918 г. Позже Залку направляют в Турцию, а Орошди — в Италию для связи с итальянскими коммунистами [Ciampaglia 2010]. Все версии, к сожалению, недостаточно подкреплены документами, поэтому их можно рассматривать только как гипотетические. См.: [Залка 1987].

⁵⁸ Эта история заслуживает отдельной статьи. Некоторые детали см. в [Unterberger 1956; Smith 2002; Хитрый 2012].

⁵⁹ Подробнее о процессе репатриации см.: [Талапин 2013]. В феврале 1920 г. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центрпленбеж) издала документ, согласно которому все красноармейцы получали на общих основаниях «билет военнопленного». Часть военнопленных, ранее вступивших в партию большевиков, в ожидании репатриации решила выйти из нее. Однако оказалось, что это решение для многих отодвинуло сроки репатриации.

Коллективный опыт и идентичность

Современное понятие идентичности отражает социально-культурный опыт как индивидуального, так и коллективного способа существования и признания (recognition) [Taylor 1994]. Коллективная идентичность формируется через понимание принадлежности к социальной или политической группе — семье (первичная социализация), группе друзей, студенческому или профессиональному коллективу, партийной группе, нации (вторичная социализация) под влиянием культурных, политических и идеологических норм и мифологий. Напротив, личная идентичность предполагает отрыв, отказ от коллективной идентичности через развитие самосознания, когда решающая роль отводится свободному личному выбору.

Травматический опыт войны и плена был окрашен эмоционально, в нем преобладали такие чувства, как страх, тревога, неуверенность, унижение, отчаяние, уязвленное самолюбие, которое могло формироваться особенно у представителей молодого поколения. Принадлежность к социально депривированной группе, какой являлись военнопленные, способствовало формированию искаженного представления о себе, что, в свою очередь, накладывало отпечаток на дальнейшее поведение как в плену, так и после освобождения и возвращения на родину. Последствия долговременного воздействия подобных эмоций нашли выражение в особом виде апатии. Для понимания механизмов преодоления последствий травмы необходимы дальнейшие исследования не только войны и плена, но и процесса реинтеграции в общество⁶⁰.

В условиях плена возможности личного выбора и формирования индивидуальной идентичности были ограничены рамками межличностных отношений в лагере, которые далеко не всегда можно описывать в терминах «лагерного братства». Напротив, за годы плена складывались различные линии размежевания, возникали как бытовые, так и национальные и политические конфликты. Кроме того, стремление выжить диктовало свои формы восприятия и понимания окружающей действительности, которые варьировались от пассивного приспособления до скрытого или даже открытого сопротивления [Бондаренко 2012].

Возвращение

В 1930–1931 гг. Э. М. Ремарк пишет роман «Возвращение» («Der Weg zurück»), в нем он рассказывает о возвращении молодых солдат после Первой мировой, которые пытаются как-то жить, остро ощущая всю бессмысленность и жестокость жизни. Эпиграфом к роману стали строки:

Солдаты, возвращенные отчизне,
Хотят найти дорогу к новой жизни.

⁶⁰ Анализ деятельности ветеранов Первой мировой войны в межвоенный период привел к выводу о неоднозначности связи между деятельностью ветеранских организаций и подъемом национал-социализма, как это предполагалось ранее; по мнению К. Меннена, на этот подъем гораздо большее воздействие оказал процесс «мифологизации» образа войны и самих ветеранов войны [Mennen 2017].

Ремарк предрекает печальную судьбу «потерянному поколению», он говорит о тех 20-летних, что не знают другой жизни, кроме отчаяния, смерти и страха, и все их знания о жизни ограничены смертью и единственным, что они умеют делать, это убивать. От их имени в романе «Три товарища» он пишет:

Мы хотели было воевать против всего, всего, что определило наше прошлое, — против лжи и себялюбия, корысти и бессердечия; мы ожесточились и не доверяли никому, кроме ближайшего товарища, не верили ни во что, кроме таких никогда нас не обманывавших сил, как небо, табак, деревья, хлеб и земля; но что же из этого получилось? Все рушилось, фальсифицировалось и забывалось. А тому, кто не умел забывать, оставались только бессилие, отчаяние, безразличие и водка. Прошло время великих человеческих и мужественных мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета [Ремарк 1993: 54].

Судьбы возвращающихся с войны сложились по-разному; тем не менее с окончанием войны практически перед каждым стал вопрос о дальнейшем жизненном пути. Многие, уйдя на войну гражданами Австро-Венгрии, возвращались в неизвестную им страну. Не имея опыта студенческой жизни и, соответственно, опыта профессиональной деятельности, которую им заменила война, они должны были снова принимать решение о своей дальнейшей профессии; немногие из них остались верны своим юношеским увлечениям. Поэтому их ресоциализация в послевоенный период отмечена не просто опытом возвращения, выбором страны проживания и связанными с этими проблемами адаптацией и коммуникацией (в аспекте языка, культуры, традиций), но также выбором профессии в новых, послевоенных условиях. Это наложило отпечаток на их политическую ресоциализацию на родине и/или в новых принимающих странах. Как отмечал И. Волдьеш, многие отложили окончательное решение до возвращения домой, присоединившись, в частности, к коммунистическому движению накануне Венгерской революции [Volgyes 1973]. Помимо коллективного опыта войны, который уже после Второй мировой стал известен также как «военный синдром», многие получили опыт политической социализации «левого» направления. Еще находясь на территории Российской империи, они оказались объектами большевистской пропаганды, войдя в отряды интернационалистов или участвуя в деятельности новой Советской республики, как это было в случае Аюша Надя, который в 1920-е годы стал сотрудником редакции газеты «Красное знамя» во Владивостоке [Наги 2001].

Примерно в этот же период, в 1918–1919 гг. Лео Силард, Карл Силард, Ласло Надь и Йозеф Рот, захваченные событиями венгерской революции, принимают участие в мероприятиях новой власти⁶¹. Революция потерпела поражение; на смену «красному террору» пришел «белый террор», который носил ярко выраженный антисемитский характер [Lazaroms 2014].

⁶¹ Лео Силард организовал Венгерскую ассоциацию социалистических студентов, цель которой заключалась в консультативной помощи по вопросам экономики и политики. Брошюра по вопросам налогов и денежной реформы, которая распространялась от имени ассоциации, была по большей части написана Силардом.

Большинство участников, избежавших немедленных репрессий, сначала уехали в Вену, а оттуда в другие страны, многие — в Москву. Лео Силлард и Ласло Мохой-Надь выбрали Берлин [Frank 2009]. Среди тех, кто покинул Венгрию в последующие годы, были и другие представители «потерянного поколения»: Карл Манхейм, Майкл Полани, Майкл Кертис, Бела Балаж, Карл Силлард, Эрвин Бауэр. Так, в начале 1920-х годов в Вене, Париже, Берлине и Москве появилось несколько транснациональных групп, объединенных опытом войны и революций. Пути их время от времени пересекались. Бывший австро-венгерский военнопленный Роберт Орошди стал итальянским коммунистом, но из-за угрозы преследований был вынужден эмигрировать в Советскую Россию, где, впрочем, ему пришлось провести долгие годы в «шарашке» вместе с Карлом Силлардом [Озеров 1973]. Часто члены семей были разделены не только национальными, но и идеологическими границами, как это было в случае братьев Надь: Ено остался в Венгрии, Ласло сначала перебрался в Берлин, участвовал в художественном движении Баухаус, в середине 1930-х эмигрировал в США, поселившись в Чикаго, где основал Чикагскую школу искусств. Третий брат, Акош, или Алексей Львович Наги, остался в Советской России, где стал главой советского информационного агентства (ТАСС) в Токио.

Список венгерских представителей «потерянного поколения»⁶²

Вайс Ласло (Weisz László; 20 июля 1895, Боч-Боршод, Австро-Венгрия — 1946, Чикаго, США) — Ласло Надь — Ласло Мохой-Надь (László Moholy-Nagy).

Вайс Акош (Weisz Akos; 1897, Боч-Боршод, Австро-Венгрия — 1938, Москва, СССР) — Акош Надь; в СССР — Алексей Львович Наги.

Орошди Рауль Мария (Orosdy Raoul Maria; 1897, Будапешт, Австро-Венгрия — 3 августа 1916, Нередьхаза, Австро-Венгрия).

Манхейм Карой (Manheim Karoly; 27 марта 1893, Будапешт, Австро-Венгрия — 9 января 1947, Лондон, Великобритания) — Карл Манхейм (Karl Mannheim).

Рот Йозеф Моше (Roth Josef Moses; 2 сентября 1894, Броды, Австро-Венгрия — 1937, Вена, Австрия) — Йозеф Рот (Joseph Roth).

Ферлих Роберт Фридьеш (Ferlich Robert Frigyes; 14 мая 1897, Надьканижа, Австро-Венгрия — 1974, Москва, СССР) — Роберт Орошди (Orosdy Robert) (с 1906); в СССР — Роберт Людвигович Бартини.

Франкл Бела (Frankl Béla; 23 апреля 1896, Матолч, Австро-Венгрия — 11 июня 1937, Уэска, Испания) — Ласло Кемень — Мате Залка (Máté Zalka) — «генерал Лукач»; в СССР — Матвей Михайлович Залка.

Шпиц Лео (Spitz Leó; 11 февраля 1898, Будапешт, Австро-Венгрия — 30 мая 1964, Ла Йола, Калифорния, США) — Лео Силард (Szilárd Leó) (с 1903).

⁶² Данный список не является окончательным; по мере развития проекта он пополнится новыми именами, среди которых, в частности, историк Ено Леваи (1892–1983), писатель Йозеф Лендшел (1896–1974), ученый Эрвин Бауэр (1890–1938) и др.

Литература

- Авдеева и др. 1980 — *Авдеева Н. А., Крушанов А. И., Мухачев Б. И., Шиндялов Н. А.* Венгерские интернационалисты борются за Советскую власть на Дальнем Востоке // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг.: К истории советско-венгерских интернациональных связей / [Отв. ред. А. П. Окладников, П.-Ж. Пах]. М.: Наука, 1980. С. 76–90.
- Асташов 2002 — *Асташов А. Б.* Война как культурный шок. Анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник: 2002 / Отв. ред. и сост. Е. С. Сеньявская. М.: РОССПЭН, 2002. С. 268–281.
- Бобров 1990 — *Бобров М.* «Мы говорим правду...»: В. И. Ленин и печать зарубежных интернационалистов. Л.: Лениздат, 1990.
- Бондаренко 2012 — *Бондаренко Е. Ю.* Иностранные военнопленные Первой и Второй мировых войн на Дальнем Востоке России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1 (17). С. 43–47.
- Валиахметов 2012a — *Валиахметов А. Н.* Новейшая отечественная историография о чехословацком легионе в России // Грамота. 2012. № 1. Ч. 2. С. 45–48.
- Валиахметов 2012b — *Валиахметов А. Н.* Выступление Чехословацкого легиона в мае 1918 г.: «заговор Антанты» или «мятеж против союзников» (зарубежная историография) // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. № 3. С. 207–210.
- Васильева 1999 — *Васильева С. Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Учебное пособие к спецкурсу. М.: Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999.
- Гергилева, Гергилев 2015 — *Гергилева А. И., Гергилев Д. Н.* Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны в период гражданской войны на территории Сибири // Вестник Томского государственного университета. № 390. 2015. С. 109–116.
- Греков 1997 — *Греков Н. В.* Германские и австрийские пленные в Сибири // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. П. П. Вибе. Омск: ОГИК музеев, 1997. С. 154–180.
- Двингер 2004 — *Двингер Э. Э.* Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России. 1915–1918. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.
- Дербер и др. 1918 — *Дербер П. и др.* От Временного Правительства Автономной Сибири // Вестник Временного Правительства Автономной Сибири. 1918. 2 июля. С. 1.
- Залка 1983 — *Залка М.* Добердо // Залка М. Избранное / Сост. Н. Залки. М.: Худ. лит., 1983. Цит. по электрон. версии. URL: militera.lib.ru/prose/foreign/zalka_m1/index.html.
- Залка 1987 — *Залка Н.* Человек из Матольна: повесть-хроника о жизни Матэ Залки. М.: Сов. писатель, 1987.
- Заславская 2015 — *Заславская О. В.* От Фиуме до Красной речки: по следам одного мифа // Право на имя. Биографика XX века: Тринадцатые чтения памяти Вениамина Иофе. 20–22 апреля 2015: Сб. докладов. СПб.: НИЦ «Мемориал», 2016. С. 45–59.
- Иконникова 1999 — *Иконникова Т. Я.* Военнопленные Первой мировой на российском Дальнем Востоке (1914–1918 гг.) // Россия и АТР. 1999. № 1. С. 90–94.
- Иконникова 2004 — *Иконникова Т. Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО ХГПУ, 2004.
- Квакин 2007 — Окрест Колчака: Документы и материалы / Сост. А. В. Квакин. М.: Аграф, 2007.
- Кондратьев, Щербинин 2009 — *Кондратьев А. В., Щербинин П. П.* Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны 1914–

- 1918 г. // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 12 (80). С. 354–357.
- Левчук 1996 — *Левчук А. П.* Еще раз о «проданном корпусе»: К вопросу о возникновении чехословацкого мятежа // Из истории революций в России: первая четверть XX в.: Материалы Всерос. симпозиума, посвящ. памяти ... И. М. Разгона / Отв. ред. Л. И. Боженко. Вып. 2. Томск: ТГУ, 1996. С. 3–12.
- Ленин 1974а — *Ленин В. И.* Выступление на заседании ЦК РСДРП (6) 19 января (1 февраля 1918 г.) Протокольная запись // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. С. 318–320.
- Ленин 1974б — *Ленин В. И.* Письма издалека [1917] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. С. 11–22.
- Манусевич 1987 — Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов / Отв. ред. А. Я. Манусевич. М.: Наука, 1987.
- Наги 2001 — *Наги Э. А.* Дело отца: Документированный рассказ // Наги Э. Былое в памяти моей (Erinnerungen). Дюссельдорф: [б. и.], 2001. С. 221–255.
- Озеров 1973 — *Озеров Г. [Кербер Л. Л.]*. Туполевская шарага. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973.
- Поэты и писатели 2014 — Поэты и писатели — воины Первой мировой войны // Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Новомосковская библиотечная система». 2014. 25 июля. URL: <http://www.nmosk-lib.ru/news/detail.php?ID=1182>.
- Ремарк 1993 — *Ремарк Э. М.* Три товарища. Пермь: РИЦ «КАПИК», 1993.
- Ремарк 2016 — *Ремарк Э. М.* На Западном фронте без перемен. М.: АСТ, 2016.
- Савченко 1999 — *Савченко С. Н.* Арест и гибель атамана И. П. Калмыкова в Китае в 1920 г. // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность (тезисы докладов и сообщений международной научной конференции 18–19 мая 1999 г.). Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 89–92.
- Степун 1926 — *Степун Ф.* Из писем прапорщика артиллериста. Прага: Пламя, 1926.
- Суржикова 2009 — *Суржикова Н. В.* Повседневность уральского плена: взгляд изнутри (конец 1916 — первая половина 1917 г.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). Сер. История. Вып. 34. С. 167–172.
- Суржикова 2011 — *Суржикова Н. В.* Российский и советский плен как пространство неформальной коммуникации (по материалам Среднего Урала) // Российская история. 2011. № 4. С. 53–63.
- Суржикова 2014 — *Суржикова Н. В.* Российский плен 1914–1917 гг.: проблема институциональной атрибуции // Идеи и Идеалы. Т. 2. № 3. 2014. С. 5–12.
- Талапин 2009 — *Талапин А. Н.* Военнопленные Первой мировой войны в дореволюционном Кургане // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 20–22.
- Талапин 2013 — *Талапин А. Н.* Военнопленные первой мировой войны в Сибири в период Гражданской войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. №3 (69). С. 81–83.
- Хитрый 2012 — *Хитрый В. Г.* Партизаны и американские интервенты в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920 гг.) // Армия и общество. 2012. № 4 (32). С. 140–147.
- Ходак и др. 1968 — Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов. Т. 2 / [Сост. А. А. Ходак и др.]. М.: Политиздат, 1968.
- Цапко 2001 — *Цапко А. И.* К вопросу о бийском концентрационном лагере // Краеведческий вестник [Бийск]. № 11. 2001. С. 25–29.
- Царёва 2012 — *Царёва Е. С.* Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Сибири // Южно-Российский музыкальный альманах. 2012. № 1. С. 78–88.

- Цветков 2001 — *Цветков В.* Мятёж: Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // *Родина*. 2001. № 6. С. 55–61.
- Шлейхер 2001 — *Шлейхер И. И.* Военнопленные Первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // *Из прошлого Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Ч. 1* / Под ред. Е. Э. Казакова. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2001. С. 54–97.
- Ashworth 1980 — *Ashworth T.* Trench warfare 1914–1918: The live and let live system. New York: Holmes & Meier, 1980.
- Benjamin 1969 — *Benjamin W.* The storyteller // *Illuminations* / Ed. by H. Arendt. New York: Schocken, 1969. P. 83–110.
- Bisher 2005 — *Bisher J.* White terror: Cossack warlords of the Trans-Siberian. London; New York: Routledge, 2005.
- Böhker et al. 2014 — *Legacies of violence. Eastern Europe's First World War* / Ed. by J. Böhker, W. Borodziej, J. von Puttkamer. München: Oldenbourg Verlag, 2014.
- Bucur 2009 — *Bucur M.* Heroes and victims: Remembering war in Twentieth-Century Romania. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2009.
- Ciampaglia 2010 — *Ciampaglia G.* La vita e gli aerei di Roberto Bartini. Roma: I. B. N. Editore, 2010.
- Cornwall 2000 — *Cornwall M.* The undermining of Austria-Hungary. The battle for hearts and minds. Basingstoke: Macmillan; New York: St. Martin's Press, 2000.
- Davies 2007 — *Davies Th. R.* The possibilities of transnational activism: The campaign for disarmament between the two world wars. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2007.
- Davis 1993 — *Davis G. H.* National Red Cross Societies and prisoners of war in Russia, 1914–18 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 28. No. 1. 1993. P. 31–52.
- Deák 1991 — *Deák I.* Beyond nationalism: A social and political history of the Habsburg officer corps, 1848–1918. New York: Oxford Univ. Press, 1991.
- Dolan 1996 — *Dolan M.* Modern lives: A cultural re-reading of “The Lost Generation”. West Lafayette, IN: Purdue Univ. Press, 1996.
- Dowling 2008 — *Dowling T. C.* The Brusilov Offensive. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2008.
- Eichenberg, Newman 2013 — *The Great War and veterans' internationalism* / Ed. by J. Eichenberg, J. P. Newman. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2013.
- Ellis 1977 — *Ellis J.* Eye-deep in hell: Trench warfare in World War I. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1977.
- Fenyo 1976 — *Fenyo M. D.* Writers in politics: The role of Nyugat in Hungary, 1908–19 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 11. No. 1. 1976. P. 185–198.
- Fenyo 1987 — *Fenyo M. D.* Literature and political change: Budapest, 1908–1918. Philadelphia: American Philosophical Society, 1987 (Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 77. No. 6).
- Fic 1978 — *Fic V. M.* The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: The origin of their armed conflict, March–May 1918. New Delhi: Abhinav Publications, 1978.
- Frank 2005 — *Frank T.* Ever ready to go: The multiple exiles of Leo Szilard // *Physics in Perspective*. Vol. 7. No. 2. 2005. P. 204–252.
- Frank 2009 — *Frank T.* Double exile: Migrations of Jewish-Hungarian professionals through Germany to the United States, 1919–1945. Oxford: Peter Lang, 2009 (Exile Studies; Vol. 7).
- Frevert 2005 — *Frevert U.* Europeanizing German history // *Bulletin of the German Historical Institute*. No. 36. 2005. P. 9–31.
- Gatrell 2005 — *Gatrell P.* Prisoners of war on the Eastern Front during World War I // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 3. P. 557–566.

- Glick Schiller et al. 1995 — *Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C.* From immigrant to transmigrant: Theorizing transnational migration // *Anthropology Quarterly*. Vol. 68. No. 1. 1995. P. 48–63.
- Grauer 2014 — *Grauer R. D.* Why do soldiers give up? A self-preservation theory of surrender // *Security Studies*. Vol. 23. No. 3. 2014. P. 622–655.
- Haumann 2002 — *Haumann H.* A history of East European Jews. Budapest; New York: Central European Univ. Press, 2002.
- Hemingway 1926 — *Hemingway E.* The Sun also rises. New York: Scribner, 1926.
- Herwig 1997 — *Herwig H. H.* The First World War: Germany and Austria-Hungary, 1914–1918. New York: Arnold, 1997.
- Hirschfeld 2011 — *Hirschfeld G.* ‘The spirit of 1914’: A critical examination of war enthusiasm in German society // *The legacies of two World Wars: European societies in the Twentieth Century* / Ed. by L. Kettenacker, T. Riotte. New York: Berghahn Books, 2011. P. 29–41.
- International Encyclopedia — *International Encyclopedia of the First World War*. URL: <http://www.1914-1918-online.net>.
- Kafka 1972 — *The diaries of Franz Kafka, 1910–1923* / Ed. by M. Brod. London: Penguin, 1972.
- Kenez 1985 — *Kenez P.* The birth of the propaganda state: Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1985.
- Kennan 1989 — *Kennan G. F.* The decision to intervene. Princeton: Princeton Univ. Press, 1989.
- Kramer 2010 — *Kramer A.* Prisoners in the First World War // *Prisoners in War* / Ed. by S. Scheipers. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2010. P. 75–90.
- Krammer 1983 — *Krammer A.* Soviet propaganda among German and Austro-Hungarian prisoners of war in Russia, 1917–1922 // *Essays on World War I: Origins and prisoners of war* / Ed. by S. R. Williamson Jr., P. Pastor. New York: Brooklyn College Pr., 1983. P. 239–264.
- Lanouette 2013 — *Lanouette W.* Genius in the shadows: A biography of Leo Szilard, the man behind the bomb. New York: Skyhorse Publishing, Inc., 2013.
- Lanouette, Grufman 2012 — *Lanouette W., Grufman U.* Leo Szilard and the founding of Council for a Livable World // *Council for a Livable World*. 2012. May 4. URL: <https://livable-world.org/leo-szilard-and-the-founding-of-council-for-a-livable-world>.
- Lazaroms 2014 — *Lazaroms I. J.* Marked by violence: Hungarian Jewish histories in the wake of the White Terror, 1919–1922 // *Zutot: Perspectives on Jewish Culture*. Vol. 11. No. 1. 2014. P. 39–48.
- Leed 2000 — *Leed E.* Fateful memories: Industrialized war and traumatic neuroses // *Journal of Contemporary History*. Vol. 35. № 1. 2000. P. 85–100.
- Leidinger, Moritz 2003 — *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel-und Osteuropa 1917–1920. Vienna: Böhlau, 2003.
- Lein 2014 — *Lein R.* Between acceptance and refusal — Soldiers’ attitudes towards war (Austria-Hungary) // *International Encyclopedia of the First World War*. 2014. October 8. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/between_acceptance_and_refusal_-_soldiers_attitudes_towards_war_austria-hungary.
- Macdonald — *Macdonald S.* (n. d.). Transnational history: A review of past and present scholarship // *Centre for Transnational History*. URL: https://www.ucl.ac.uk/centre-transnational-history/objectives/simon_macdonald_tns_review.
- Mannheim 1971 — *Mannheim K.* The problem of generations // *Mannheim K. Essays on the sociology of culture* / Ed. by E. Mannheim, P. Keschemeti. London: Routledge; Kegan Paul, 1971. P. 276–322.

- Mennen 2017 — *Mennen K.* 'Milksons' and 'bemedalled old men': War veterans and the war youth generation in the Weimar Republic // *Fascism*. Vol. 6. No. 1. 2017. P. 13–41.
- Monk 2010 — *Monk C.* Writing the lost generation: Expatriate autobiography and American Modernism. Iowa: Univ. of Iowa Press, 2010.
- Nachtigal 2008 — *Nachtigal Reinhard.* The Repatriation and Reception of Returning Prisoners of War, 1918–22 // *Immigrants & Minorities*. Vol. 26. No. 1–2. 2008. P. 157–184.
- Neiberg 2004 — *Neiberg M. S.* Warfare and society in Europe, 1898 to the present. New York; London: Routledge, 2004.
- Pastor 1983 — *Pastor P.* Introduction // *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War* / Ed. by P. Pastor, G. A. Tunstall. New York: Columbia Univ. Press, 1983. P. 113–117.
- Petrák 2000 — *Petrák K.* Magyarok a Szovjetunióban, 1922–1945. Budapest: Napvilág Kiadó, 2000.
- Pinthus 1940 — *Pinthus K.* Life and death of Ernst Toller // *Books Abroad*. Vol. 14. No. 1. 1939/1940. P. 3–8.
- Pullmann 2002 — *Pullmann F.* Hungarians in World War I // *A millennium of Hungarian military history* / Ed. by L. Veszprémy, B. K. Király. Boulder, Colo.: Social Science Monographs, 2002. P. 350–368.
- Rachamimov 2000 — *Rachamimov A.* Imperial Loyalties and Private Concerns: Nation, Class, and State in the Correspondence of Austro-Hungarian POWs in Russia, 1916–1918 // *Austrian History Yearbook*. Vol. XXXI. P. 87–105.
- Rachamimov 2002 — *Rachamimov A.* POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. London: Bloomsbury Academic, 2002.
- Rees 1992 — *Rees H. L.* The Czechs during World War I: The path to independence. Boulder: East European Monographs, 1992.
- Rosenfeld 2001 — *Rosenfeld S.* Understanding Joseph Roth. Columbia, SC: Univ. of South Carolina Press, 2001.
- Roth 2013 — *Roth J.* The emperor's tomb. London: Granta, 2013.
- Saunier 2013 — *Saunier P.-Y.* Transnational history. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2013.
- Smith 2002 — *Smith G. B.* Guarding the railroad, taming the Cossacks. The U. S. Army in Russia, 1918–1920 // *Prologue Magazine*. Vol. 34. No. 4. 2002. P. 294–305.
- Strachan 2003 — *Strachan H.* The First World War. Vol. 1: To arms. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- Taylor 1994 — *Taylor Ch.* The politics of recognition // *Multiculturalism: Examining the politics of recognition* / Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. P. 25–53.
- Tunstall 2010 — *Tunstall G. A.* Blood on the snow: The Carpathian Winter War of 1915. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 2010.
- Unterberger 1956 — *Unterberger B. M.* America's Siberian expedition, 1918–1920: A study of national policy. Durham, NC: Duke Univ. Press, 1956.
- Volgyes 1973 — *Volgyes I.* Hungarian prisoners of war in Russia 1916–1919 // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 14. № 1/2. 1973. P. 54–85.
- Watson 2009 — *Watson A.* Enduring the Great War: Combat, morale and collapse in the German and British armies, 1914–1918. New York: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Weeks 2009 — *Weeks Th. R.* Vilnius in World War I, 1914–1920 // *Über den Weltkrieg hinaus, Kriegserfahrungen in Ostmitteleuropa 1914–1921* / Hrsg J. Tauber. Lüneburg: Nordost-Institut, 2009. P. 34–57.
- White 1992 — *White D. S.* Lost comrades: Socialists of the front generation 1918–1945. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1992.

- Winter 2000a — *Winter J. M.* Shell-shock and the cultural history of the Great War // *Journal of Contemporary History*. Vol. 35. No. 1. 2000. P. 7–11.
- Winter 2000b — *Winter J. M.* Sites of memory, sites of mourning: The Great War in European cultural history. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Wohl 1979 — *Wohl R.* The generation of 1914. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1979.
- Wróbel — *Wróbel P. J.* Foreshadowing the Holocaust: The Wars of 1914–1921 and Anti-Jewish violence in Central and Eastern Europe // *Legacies of violence. Eastern Europe's First World War* / Ed. by J. Böhrer, W. Borodziej, J. von Puttkamer. München: Oldenbourg Verlag, 2014. P. 169–2018.

BETWEEN WAR AND REVOLUTION: THE TRANSNATIONAL CONTEXT OF THE COLLECTIVE BIOGRAPHY OF EASTERN EUROPE'S "LOST GENERATION"

Zaslavskaya, Olga V.

PhD (Candidate of Science in Cultural Studies)

Director, International Alternative Culture Center

Hungary, 1026 Budapest, Yulia str., 7

Website: www.alternativeculture.org

E-mail: zaslavsk@gmail.com

Abstract. The study attempts to outline the perspectives of creating a collective biography of the Eastern European "lost generation". Based on the historical material of the events of 1914–1923, it aims at identifying some typological features in the biographies of its representatives that would help explain the existence (or absence) of a collective identity. The main attention is paid to the collective experience of the war by a group of young people of predominantly Jewish origin who came from the middle and upper social strata of the Hungarian part of the Habsburg empire. It analyzes their transnational experience during the war and captivity as a part of their secondary socialization and how it determined their reintegration. For many of them this process had started already in Soviet Russia when they joined the Red Army or remained in the country after Civil War. Their resocialization in the post-war period was marked by the experience of return, when they had to choose a country of residence and the associated problems of adaptation and communication (language, culture, traditions) as well as profession in new post-war conditions.

Keywords: First World War, "lost generation", transnational history, Austria-Hungary, captivity, October Revolution, Civil War

References

- Ashworth, T. (1980). *Trench warfare 1914–1918: The live and let live system*. New York: Holmes & Meier.
- Astashov, A. B. (2002). Voina kak kul'turnyi shok. Analiz psikhopatologicheskogo sostoiianiia russkoi armii v Pervuiu mirovuiu voinu [War as culture shock. Analysis of the psychopathological state of the Russian army in the First World War]. In E. S. Seniavskaia (Ed.). *Voenno-*

- istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik: 2002* [Military and historical anthropology: Annual: 2002], 268–281. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Avdeeva, N. A., Krushanov, A. I., Mukhachev, B. I., Shindialov, N. A. (1980). Vengerskie internacionalisty boriutsia za Sovetskuiu vlast' na Dal'nem Vostoke [Hungarian internationalists fight for Soviet power in the Far East]. In A. P. Okladnikov, P.-Zh. Pakh (Eds.). *Vengerskie internacionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke, 1917–1922 gg.: K istorii sovetsko-vengerskikh internacional'nykh svyazei* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East, 1917–1922], 76–90. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Benjamin, W. (1969). The storyteller. In H. Arendt (Ed.). *Illuminations*, 83–110. New York: Schocken.
- Bisher, J. (2005). *White terror: Cossack warlords of the Trans-Siberian*. London; New York: Routledge.
- Bobrov, M. (1990). “My govorim pravdu...”: V. I. Lenin i pechat' zarubezhnykh internacionalistov [“We tell the truth...”: V. I. Lenin and the press of the foreign internationalists]. Leningrad: Lenizdat. (In Russian).
- Böhker, J., Borodziej, W., Puttkamer, J. von. (Eds.) (2014). *Legacies of violence. Eastern Europe's First World War*. München: Oldenbourg Verlag.
- Bondarenko, E. Iu. (2012). Inostrannye voennoplennye Pervoi i Vtoroi mirovykh voyn na Dal'nem Vostoke Rossii [Foreign prisoners of war of the First and the Second World Wars in the Russian Far East]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], 2012(1(17)), 43–47. (In Russian).
- Bucur, M. (2009). *Heroes and victims: Remembering war in Twentieth-Century Romania*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press.
- Ciampaglia, G. (2010). *La vita e gli aerei di Roberto Bartini*. Roma: I. B. N. Editore. (In Italian).
- Cornwall, M. (2000). *The undermining of Austria-Hungary. The battle for hearts and minds*. Basingstoke: Macmillan; New York: St. Martin's Press.
- Davies, T. R. (2007). *The possibilities of transnational activism: The campaign for disarmament between the two world wars*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff.
- Davis, G. H. (1993). National Red Cross Societies and prisoners of war in Russia, 1914–18. *Journal of Contemporary History*, 28(1), 31–52.
- Deák, I. (1991). *Beyond nationalism: A social and political history of the Habsburg officer corps, 1848–1918*. New York: Oxford Univ. Press.
- Derber, P. et al. (1918, July 2). Ot Vremennogo Pravitel'stva Avtonomnoi Sibiri [From the Provisional Government of Autonomous Siberia]. *Vestnik Vremennogo Pravitel'stva Avtonomnoi Sibiri*. [Bulletin of the Provisional Government of Autonomous Siberia], 1. In Russian.
- Dolan, M. (1996). *Modern lives: A cultural re-reading of “The Lost Generation”*. West Lafayette, IN: Purdue Univ. Press.
- Dowling, T. C. (2008). *The Brusilov Offensive*. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Dvinger, E. E. (2004). *Armiia za koliuchei provolokoi. Dnevnik nemetskogo voennoplennogo v Rossii. 1915–1918* [Trans. from Dwinger, E. E. (1929). *Die Armee Hinter Stacheldraht: Das sibirische Tagebuch*. Jena: Diederichs]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Eichenberg, J., Newman J. P. (Eds.). (2013). *The Great War and veterans' internationalism*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Ellis, J. (1977). *Eye-deep in hell: Trench warfare in World War I*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Fenyo, M. D. (1976). Writers in politics: The role of Nyugat in Hungary, 1908–19. *Journal of Contemporary History*, 11(1), 185–198.
- Fenyo, M. D. (1987). *Literature and political change: Budapest, 1908–1918*. Philadelphia: American Philosophical Society (Transactions of the American Philosophical Society, Vol. 77, No. 6).

- Fic, V. M. (1978). *The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: The origin of their armed conflict, March–May 1918*. New Delhi: Abhinav Publications.
- Frank, T. (2005). Ever ready to go: The multiple exiles of Leo Szilard. *Physics in Perspective*, 7(2), 204–252.
- Frank, T. (2009). *Double exile: Migrations of Jewish-Hungarian professionals through Germany to the United States, 1919–1945*. Oxford: Peter Lang (Exile Studies, Vol. 7).
- Frevert, U. (2005). Europeanizing German history. *Bulletin of the German Historical Institute*, 36, 9–31.
- Gatrell, P. (2005). Prisoners of war on the Eastern Front during World War I. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 6(3), 557–566.
- Gergileva, A. I., Gergilev, D. N. (2015). Chekhoslovatskii korpus i voennoplennye Pervoi mirovoi voyny v period grazhdanskoi voyny na territorii Sibiri [Czechoslovak Legion and prisoners of war of the First World War during the Civil War on the territory of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 390, 109–116. (In Russian).
- Glick Schiller, N., Basch, L., Szanton Blanc, C. (1995). From immigrant to transmigrant: Theorizing transnational migration. *Anthropology Quarterly*, 68(1), 48–63.
- Grauer, R. D. (2014). Why do soldiers give up? A self-preservation theory of surrender. *Security Studies*, 23(3), 622–655.
- Grekov, N. V. (1997). Germanskie i avstriiskie plennye v Sibiri (1914–1917) [German and Austrian prisoners of war in Siberia]. In P. P. Vibe (Ed.). *Nemtsy. Rossiia. Sibir': sbornik statei* [Germans. Russia. Siberia: Collection of articles], 154–180. Omsk: OGIK muzei. (In Russian).
- Haumann, H. (2002). *A history of East European Jews*. Budapest; New York: Central European Univ. Press.
- Hemingway, E. (1926). *The Sun also rises*. New York: Scribner.
- Herwig, H. H. (1997). *The First World War: Germany and Austria-Hungary, 1914–1918*. New York: Arnold.
- Hirschfeld, G. (2011). 'The spirit of 1914': A critical examination of war enthusiasm in German Society. In L. Kettenacker, T. Riotte (Eds.). *The legacies of two World Wars: European societies in the Twentieth Century*, 29–41. New York: Berghahn Books.
- Ikonnikova, T. Ia. (1999). Voennoplennye Pervoi mirovoi na rossiiskom Dal'nem Vostoke (1914–1918 gg.) [The First World War prisoners of war in the Russian Far East]. *Rossiia i ATR* [Russia and the Pacific], 1999(1), 90–94. (In Russian).
- Ikonnikova, T. Ia. (2004). *Voennoplennye Pervoi mirovoi voyny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1918 gg.)* [Prisoners of war in the Russian Far East]. Khabarovsk: Izdatel'stvo GOU VPO KhGPU. (In Russian).
- International Encyclopedia of the First World War*. Retrieved from <http://www.1914-1918-online.net>.
- [Kafka, F.] (1972). *The diaries of Franz Kafka, 1910–1923*. M. Brod (Ed.). London: Penguin.
- Kenez, P. (1985). *The birth of the propaganda state: Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press.
- Kennan, G. F. (1989). *The decision to intervene*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Khitryi, V. G. (2012). Partizany i amerikanskii interventy v gody grazhdanskoi voyny na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1920 gg.) [Partisans and American interventionists during the Civil War in Russia's Far East]. *Armiia i obshchestvo* [Army and society], 2012(4(32)), 140–147. (In Russian).
- Khodak, A. A. et al. (Eds.) (1968). *Vengerskie internatsionalisty v Oktjabr'skoi revoliutsii i grazhdanskoi voine v SSSR: Sbornik dokumentov* [Hungarian internationalists in the October revolution and in the Civil War in the USSR: Collection of documents] (Vol. 2). Moscow: Politizdat. (In Russian).

- Kondrat'ev, A. V., Shcherbinin, P. P. (2009). Voennoplennye i provintsial'noe obshchestvo Rossiiskoi imperii v period Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. [Prisoners of war and provincial society of the Russian Empire during the First World War]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tambov University Review], Ser. *Gumanitarnye nauki* [Humanities], 2009(12(80)), 354–357. (In Russian).
- Kramer, A. (2010). Prisoners in the First World War. In S. Scheipers (Ed.). *Prisoners in war*, 75–90. Oxford; New York: Oxford Univ. Press.
- Krammer, A. (1983). Soviet propaganda among German and Austro-Hungarian prisoners of war in Russia, 1917–1922. In S. R. Williamson Jr., P. Pastor (Eds.). *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, 239–264. New York: Brooklyn College Pr.
- Kvakin, A. V. (Ed.). (2007). *Okrest Kolchaka: Dokumenty i materialy* [Around Kolchak: Documents and materials]. Moscow: Agraf. (In Russian).
- Lanouette, W. (2013). *Genius in the shadows: A biography of Leo Szilard, the man behind the bomb*. New York: Skyhorse Publishing, Inc.
- Lanouette, W., Grufman, U. (2012, May 4). Leo Szilard and the Founding of Council for a Livable World. *Council for a Livable World*. Retrieved from <https://livableworld.org/leo-szilard-and-the-founding-of-council-for-a-livable-world>.
- Lazaroms, I. J. (2014). Marked by violence: Hungarian Jewish histories in the wake of the White Terror, 1919–1922. *Zutot: Perspectives on Jewish Culture*, 11(1), 39–48.
- Leed, E. (2000). Fateful memories: Industrialized war and traumatic neuroses. *Journal of Contemporary History*, 35(1), 85–100.
- Leidinger, H., Moritz, V. (2003). *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel-und Osteuropa 1917–1920*. Vienna: Böhlau. (In German).
- Lein, R. (2014). Between acceptance and refusal — Soldiers' attitudes towards war (Austria-Hungary). In *International Encyclopedia of the First World War*. Retrieved from https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/between_acceptance_and_refusal_-_soldiers_attitudes_towards_war_austria-hungary.
- Lenin, V. I. (1974a). Vystuplenie na zasedanii TsK RSDRP (b) 19 ianvaria (1 fevralia 1918 g.) Protokol'naia zapis' [Speech at the meeting of CC RSDRP (b) 19 January (1 February 1918 g. Protokol]. In V. I. Lenin. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 35), 318–320. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).
- Lenin, V. I. (1974b). Pis'ma izdaleka [Letters from afar]. In V. I. Lenin. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 31), 11–22. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).
- Levchuk, A. P. (1996). Eshche raz o “prodannom korpuse”: K voprosu o vozniknovenii chekhoslovatskogo miatezha [One more time about the ‘sold legion’: towards the question of Czechoslovak rebellion]. In L. I. Bozhenko (Ed.). *Iz istorii revoliutsii v Rossii: pervaiia chetvert' XX v.: Materialy Vserossiiskogo simpoziuma, posviashchennogo pamiati ... I. M. Razgona* [From the history of the revolution in Russia: The first quarter of the XX century: Proceedings of the All-Russia symposium in memoriam I. M. Razgon] (Part 2), 3–12. Tomsk: TGU. (In Russian).
- Macdonald, S. (n. d.). *Transnational history: A review of past and present scholarship*. Retrieved from https://www.ucl.ac.uk/centre-transnational-history/objectives/simon_macdonald_tns_review.
- Mannheim, K. (1971). The problem of generations. In K. Mannheim. *Essays on the sociology of culture*. E. Mannheim, P. Keschemeti (Eds.), 276–322. London: Routledge; Kegan Paul.
- Manusevich, A. Ia. (Ed.) (1987). *Internatsionalisty: Uchastie trudiashchikhsia stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v bor'be za vlast' Sovetov* [Internationalists: Participation of workers from Central and South-Eastern Europe in the struggle for Soviet power]. Moscow: Nauka. (In Russian).

- Mennen, K. (2017). 'Milksoops' and 'bemedalled old men': War veterans and the war youth generation in the Weimar Republic. *Fascism*, 6(1), 13–41.
- Monk, C. (2010). *Writing the lost generation: Expatriate autobiography and American Modernism*. Iowa: Univ. of Iowa Press.
- Nachtigal, R. (2008). The repatriation and reception of returning prisoners of war, 1918–22. *Immigrants and Minorities*, 26(1–2), 157–184.
- Nagi, E. A. (2001). Delo ottsa: Dokumentirovannyi rasskaz [My father's case: Documented story]. In E. A. Nagi. *Byloe v pamiati moei (Erinnerungen)* [The past in my memory (Erinnerungen)], 221–255. Dusseldorf: [n. p.]. (In Russian).
- Neiberg, M. S. (2004). *Warfare and society in Europe, 1898 to the present*. New York; London: Routledge.
- Ozerov, G. [Kerber, L. L.] (1973). *Tupolevskaja sharaga* [Tupolev's 'sharaga']. Frankfurt-am-Mein: Posev. (In Russian).
- Pastor, P. (2012). Capture and captivity, Hungarian prisoners of war in Siberia. In P. Pastor, G. A. Tunstall (Eds.). *Essays on World War I*, 111–129. New York: Columbia Univ. Press.
- Petrák, K. (2000). *Magyarok a Szovjetunióban, 1922–1945*. Budapest: Napvilág Kiadó. (In Hungarian).
- Pinthus, K. (1939/1940). Life and death of Ernst Toller. *Books Abroad*, 14(1), 3–8.
- Poety i pisateli — voiny Pervoi mirovoi voyny [Poets and writers — soldiers of World War One] (2014, July 25). Munitsipal'noe biudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury "Novomoskovskaia bibliotekhnaiia sistema" [Municipal Budgetary Institution of Culture "Library System of Novomoskovsk"]. Retrieved from <http://www.nmosk-lib.ru/news/detail.php?ID=1182>. (In Russian).
- Pullmann, F. (2002). Hungarians in World War I. In L. Veszprémy, B. K. Király (Eds.). *A millennium of Hungarian military history*, 350–368. Boulder, Colo.: Social Science Monographs.
- Rachamimov, A. (2000). Imperial loyalties and private concerns: Nation, class and state in the correspondence of Austro-Hungarian POWs in Russia, 1916–1918. *Austrian History Yearbook*, 31, 87–105.
- Rachamimov, A. (2002). *POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front*. London: Bloomsbury Academic.
- Rees, H. L. (1992). *The Czechs during World War I: The path to independence*. Boulder: East European Monographs.
- Remark, E. M. (1993). *Tri tovarishcha* [Trans. from Remarque, E. M. (1964). *Drei Kameraden*. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch]. Perm: RITs "KAPIK". (In Russian).
- Remark, E. M. (2016). *Na Zapadnom fronte bez peremen* [Trans. from Remarque, E. M. (1929). *Im Western nichts Neues*. Berlin: Propyläen verlag]. Moscow: AST. (In Russian).
- Rosenfeld, S. (2001). *Understanding Joseph Roth*. Columbia, SC: Univ. of South Carolina Press.
- Roth, J. (2013). *The emperor's tomb*. London: Granta.
- Saunier, P. Y. (2013). *Transnational history*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Savchenko, S. N. (1999). Arest i gibel' atamana I. P. Kalmykova v Kitae v 1920 g. [Arrest and death of ataman I. P. Kalmykov in China in 1920]. *Kitaiskoi Narodnoi Respublike 50 let: istoriia i sovremennost' (tezisy dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 18–19 maia 1999 g.)* [50 years of People's Republic of China: History and modernity (theses of an international conference, 1999, May 18–19)], 89–92. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian).

- Shleikher, I. I. (2001). Voennoplennnye Pervoi mirovoi voyny: problemy pleneniia, transportirovki i soderzhanii v sibirskikh lageriakh [Prisoners of war of the First World War: Problems of capturing, transportation and captivity in the Siberian camps]. In E. E. Kazakov (Ed.), *Iz proshlogo Sibiri* [From the past of Siberia] (Issue 4, Part 1), 54–97. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian).
- Smith, G. B. (2002). Guarding the railroad, taming the Cossacks. The U. S. Army in Russia, 1918–1920. *Prologue Magazine*, 34(4), 294–305.
- Stepun, F. (2000). *Iz pisem praporshchika artillerista* [From the letters of an artillery officer]. Praha: Plamia. (In Russian).
- Strachan, H. (2003). *The First World War* (Vol. 1: To arms). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Surzhikova, N. V. (2009). Povsednevnost' ural'skogo plena: vzgliad iznutri (konets 1916 — pervaya polovina 1917 g.) [Everyday life in captivity in the Urals: A view from within (end of 1916 — first half of 1917)]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 28(166), Ser. Istorii [History], 34, 167–172. (In Russian).
- Surzhikova, N. V. (2011). Rossiiskii i sovetskii plen kak prostranstvo neformal'noi kommunikatsii (po materialam Srednego Urala) [Russian and Soviet captivity as space for informal communication (on materials from the Middle Urals region)]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], 2011(4), 53–63. (In Russian).
- Surzhikova, N. V. (2014). Rossiiskii plen 1914–1917 gg.: problema institutsional'noi attributsii [Russian captivity of 1914–1917: The problem of institutional attribution]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2(3), 5–12. (In Russian).
- Talapin, A. N. (2009). Voennoplennnye Pervoi mirovoi voyny v dorevoliutsionnom Kurgane [Prisoners of war of the First World War in pre-revolutionary Kurgan]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2009(5(81)), 20–22. (In Russian).
- Talapin, A. N. (2013). Voennoplennnye pervoi mirovoi voyny v Sibiri v period Grazhdanskoi voyny i repatriatsii [Prisoners of war of the First World War in Siberia during Civil War and repatriation]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2013(3(69)), 81–83. (In Russian).
- Taylor, Ch. (1994). The politics of recognition. In A. Gutmann (Ed.), *Multiculturalism: Examining the politics of recognition*, 25–53. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Tsapko, A. I. (2001). K voprosu o biiskom kontsentratsionnom lagere [About Biysk concentration camp]. *Kraevedcheskii vestnik* [Regional herald (Biysk)] 11, 25–29. (In Russian).
- Tsareva, E. S. (2012). Voennoplennnye Pervoi mirovoi voyny v muzykal'noi zhizni Sibiri [Prisoners of war of the First World War in musical life in Siberia]. *Iuzhno-Rossiiskii muzykal'nyi al'manakh* [South-Russian musical anthology], 2012(1), 78–88. (In Russian).
- Tsvetkov, V. (2001). Miatezh: Chekhoslovatskii korpus na poliakh Grazhdanskoi voyny. [Mutiny: Czechoslovak Legion during the Civil War]. *Rodina*, 2001(6), 55–61. (In Russian).
- Tunstall, G. A. (2010). *Blood on the snow: The Carpathian Winter War of 1915*. Lawrence: Univ. Press of Kansas.
- Unterberger, B. M. (1956). *America's Siberian expedition, 1918–1920: A study of national policy*. Durham, NC: Duke Univ. Press.
- Valiakmetov, A. N. (2012). Noveishaia otechestvennaia istoriografiia o chekhoslovatskom legione v Rossii [The recent Russian historiography about the Czechoslovak Legion in Russia]. *Gramota*, 2012(1) (Part 2), 45–48. (In Russian).
- Valiakmetov, A. N. (2012). Vystuplenie Chekhoslovatskogo legiona v mae 1918 g.: “Zagovor Antanty” ili “Miatezh protiv soizniznikov” (zarubezhnaia istoriografiia) [Czechoslovak Legion's rebellion in May 1918: Entente conspiracy or rebellion against the Allies (foreign historiography)]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tatar State Humanities-Pedagogical University], 2012(3), 207–210. (In Russian).

- Vasil'eva, S. N. (1999). *Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny: uchebnoe posobie k spetskursu* [German, Austro-Hungarian and Russian prisoners of war during the First World War: A manual for the special course]. Moscow: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr MGOPU. (In Russian).
- Volgyes, I. (1973). Hungarian prisoners of war in Russia 1916–1919. *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 14(1/2), 54–85.
- Watson, A. (2009). *Enduring the Great War: Combat, morale and collapse in the German and British armies, 1914–1918*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Weeks, Th. R. (2009). Vilnius in World War I, 1914–1920. In J. Tauber (Ed.). *Über den Weltkrieg hinaus, Kriegserfahrungen in Ostmitteleuropa 1914–1921*, 34–57. Lüneburg: Nordost-Institut.
- White, D. S. (1992). *Lost comrades: Socialists of the front generation 1918–1945*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Winter, J. M. (2000a). Shell-shock and the cultural history of the Great War. *Journal of Contemporary History*, 35(1), 7–11.
- Winter, J. M. (2000b). *Sites of memory, sites of mourning: The Great War in European cultural history*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Wohl, R. (1979). *The generation of 1914*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Wróbel, P. J. (2014). Foreshadowing the Holocaust: The Wars of 1914–1921 and Anti-Jewish violence in Central and Eastern Europe. In J. Böhker, W. Borodziej, J. von Puttkamer (Eds.). *Legacies of violence. Eastern Europe's First World War*, 169–2018. München: Oldenbourg Verlag.
- Zalka, M. (1983). Doberdo. In M. Zalka. *Izbrannoe* [Selected writings]. N. Zalka (Ed.). Moscow: Khudozhestvennaia literatura. Retrieved from militera.lib.ru/prose/foreign/zalka_ml/index.html (In Russian).
- Zalka, N. (1987). *Chelovek iz Matol'cha: povest'-khronika o zhizni Mate Zalki* [A man from Matols: A novel-chronicle about life of Mathe Zalka]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian).
- Zaslavskaya, O. V. (2016). Ot Fiume do Krasnoi rechki: po sledam odnogo mifa [From Fiume to Krasnaia Rechka: In the footsteps of a myth]. *Pravo na imia. Biografika veka: Trinadtsatye chteniia pamiati Veniamina Iofe. 20–22 apreliia 2015* [Right to a name: Biography of a century: 13th Readings in memoriam of Veniamin Iofe, 2015, April 20–22], 45–59. St. Petersburg: [NITs "Memorial"]. (In Russian).

To cite this article:

ZASLAVSKAYA, O. V. (2018). MEZHDU VOINOI I REVOLIUTSIEI: TRANSNATSIONAL'NYI KONTEKST KOLLEKTIVNOI BIOGRAFI "POTERIANNOGO POKOLENIIA" VOSTOCHNOI EVROPY [BETWEEN WAR AND REVOLUTION: THE TRANSNATIONAL CONTEXT OF THE COLLECTIVE BIOGRAPHY OF EASTERN EUROPE'S "LOST GENERATION"]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 166–203. (IN RUSSIAN).

Received February 22, 2018

Королёва Светлана Юрьевна
кандидат филологических наук
доцент, кафедра русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7 (342) 239-73-74
E-mail: petel@yandex.ru

ПРОСТОНАРОДНЫЕ СПИРИТИЧЕСКИЕ ГАДАНИЯ В XX В. (СТОЛОВОЕРЧЕНИЕ И КРУГ С БУКВАМИ)¹

Аннотация. Спиритические ритуалы, основанные на использовании предметов, нередко функционируют в городской и сельской культуре как календарно приуроченные или окказиональные гадания. Они встают в ряд святочных, новогодних, реже пасхальных развлечений, иногда становятся семейной традицией. Источники советского времени показывают, что в некоторых случаях такие гадания могли провоцировать возникновение острых переживаний (связанных с атеистическим или религиозным мировоззрением); это характерно больше для городской, чем для сельской среды. В военное время обращения к спиритическим ритуалам, как и другим видам ворожбы, активизируются практически повсеместно. Внимание к «технической стороне» гаданий позволяет четче очертить материал исследования, уточнить генезис некоторых сельских обрядов, выявить разнообразие бытовавших вариантов, увидеть их «сдвиги» в сторону детских «вызываний». Сельские спиритические гадания оказываются более вариативными, чем городские, — возможно, благодаря их взаимодействию с разнообразными формами святочной, любовной, окказиональной ворожбы. Зафиксированы случаи глубокого включения спиритических приемов в этнолокальную мифоритуальную традицию, где гадание становится одним из звеньев в цепи необходимых обрядовых действий (магический поиск пропавшей скотины, обетные практики).

Ключевые слова: спиритизм, столоверчение, гадания, предсказания, Святки, детские вызывания, русские, коми-пермяки, мифоритуальная традиция, мифологическая проза

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ и Министерства образования и науки Пермского края, проект № 17-14-59009-ОГН («Фольклорная сказочная проза Северного Прикамья: универсальное, региональное, локальное (на материале записей второй половины XX — начала XXI вв.)).»).

Серьезное увлечение спиритизмом, охватившее во второй половине XIX в. Северную Америку, Европу и Россию, к началу следующего столетия начало ослабевать. Его адептами оставались представители философско-оккультных сообществ и творческой богемы; что касается прочих слоев образованного городского населения, то ими спиритические сеансы зачастую воспринимались как популярное развлечение, почти что салонная игра. Приблизительно в это же время некоторые спиритические техники проникают в сельскую культуру, где пополняют набор магико-ритуальных приемов, типичных для городского простонародья, казачества, крестьянства. Сама идея ритуализированного обращения к силам иного мира с целью узнать будущее или прояснить события прошлого была для этих слоев отнюдь не чуждой: здесь существовали (и существуют до сих пор) свои магические практики, которые осмысляются носителями традиции в категориях «общения с духами». Тому, какую трансформацию претерпевают спиритические ритуалы в более разнородной и, если так можно сказать, менее искушенной социальной среде в XX в., посвящена эта статья.

В исследовании учтен широкий круг источников и материалов: сведения по истории российского спиритизма [Дьяченко 1900: 377–380; Панченко 2006; Виницкий 2009], дневники, мемуары, автобиографическая проза участников и свидетелей спиритических сеансов, в том числе советского времени, журнальные публикации, а также фольклорно-этнографические работы XX–XXI вв., архивные документы, полевые записи из Северного Прикамья и других регионов.

Спиритические ритуалы в XIX в. и в советское время

Как известно, в арсенал спиритов входили различные техники: телепатия, гипноз и гипнотический сон, сомнамбулизм, автоматическое письмо и говорение (человек-медиум достигал их самопроизвольно или под воздействием магнетизера). Также практиковалось столоверчение, использование блюдца и круга с буквами и другие приемы. Большинство из них существовало в культуре и раньше: так, Тертуллиан в «Апологетике» говорит о столах, которые «прорицают» посредством «призванных ангелов и демонов» [Тертуллиан 2005: 153]. Древнеримский историк Аммиан Марцеллин описывает ворожбу на кольце, которое подвешивали на тонкой льняной нити и держали над сплетенным из лавровых веток столиком, сделанным по типу дельфийского треножника; на столе устанавливалось металлическое блюдо с вырезанными по краям буквами, а ответ складывался из знаков, над которыми кольцо, раскачиваясь, останавливалось (ворожившие хотели узнать имя будущего императора, за что и были казнены) [Марцеллин 2000: 437–438]. Использование гадальных кругов, заполненных буквами и числами, известно также по средневековой, в том числе славянской, книжности². Спиритизм, возникший в середине XIX в.,

² По сведениям слависта В. Ф. Райана, гадальные круги с радиальными линиями или делением по спирали, заполненные номерами, буквами и текстами, известны в древнерусских рукописях с XV в.; для получения ответа в такой круг наугад бросали зерно, боб, камешек и т. п. Самым известным был «Круг царя Соломона», который позднее изображался на «народных картинках»; гадание на нем в XIX в. было популярным вечерним развлечением

дал этим мантическим приемам новую жизнь. В кружках спиритов и посвященных им работах сложилась своя терминология для обозначения подобных ритуалов и предметов: *гадательный стол*, *столописание*, *стологадание*, *духостучание*, *духосообщение* и т.п. [Дьяченко 1900: 379].

Предпочтения, отдаваемые различным способам спиритического «общения с духами», были изменчивы. Кроме собственно столоверчения использовался так называемый психограф, или уиджа — деревянная дощечка, покрытая буквами и цифрами, по которой при легком касании ладоней (или только пальцев) двигался небольшой указатель [Дьяченко 1900: 378; Уиджа]. В 1850-е годы в магазинах продавался миниатюрный столик-планшетка с двумя ножками и карандашом вместо третьей, писавший сообщения от духов при возложении на него рук [Павлищев 1890: 74–75; Виноцкий 2009]; на сеансах П. В. Нащокина карандаш прикрепляли к тарелке [Берг 1880: 615]. Любопытны мемуары художника А. Н. Бенуа, который рассказывает о смене моды на способы «мистической коммуникации»: в 1884 г. в его окружении использовали стол на одной ножке, которая при ответе стучала по полу, а семь лет спустя предпочитали блюдце и бумагу с написанными по кругу буквами [Бенуа 1980: 472–473]. О подобном же способе писала жительница Вятки И. К. Франчески (урожденная Громозова), жена ссыльного революционера, которая в юности, задолго до замужества, «зачитывалась» спиритическим журналом «Ребус». В 1890-е годы в ее доме для разговора с духами служила бумага с расчерченным прямоугольником, в каждой клетке которого была буква, а указателем выступала капля воска на обратной стороне блюдца [Николаева 2002: 161].

Обращение к личным дневникам показывает, что именно в городской среде в начале прошлого столетия спиритические приемы переходят в разряд святочных гаданий, в числе которых они нередко и упоминаются³. Выпускница епархиального женского училища, приехавшая на Святки к родным в Вологду, записывает 31 декабря (старого стиля) 1913 г.:

Пили чай, играли в карты, гадали, даже занимались спиритизмом. — Ложась спать, мы с Лидой обе заперлись замками, говоря: «Суженый-ряженный, приходи меня отпирать» [Манакова 1913]⁴.

Упоминаются гадания и в записи от следующего дня:

...Зинголь ушли, а мы, т. е. Лена, Люба, Леша, я, Сережа и Паня гадали. Лили воск, жгли бумагу, занимались спиритизмом; дурили, хохотали. В ½ 12го пошли в церковь нов. год встречать [Там же].

купцов, мелких домохозяев, крестьян [Райан 2006: 468]. У южных славян для аналогичного предсказания судьбы использовались «старосоставленные» (серб. *староставне*) книги, где тоже изображался гадальный круг (или крест в центре разлинованного поля с буквами — как, например, в «Сборнике попа Драголя»); в отдельных селах современных Сербии и Черногории гадание на старинных рукописных книгах фиксировалось еще в первой трети XX в. [Казимировић 1940: 213–219].

³ При этом роль медиума, почти обязательная в спиритических сеансах, утрачивается.

⁴ Здесь и далее при цитировании письменных источников их орфография и пунктуация сохраняются.

В 1922 г. юная москвичка так описывает Крещенский сочельник и Крещение:

Вчера вечером я была у Ади, и мы гадали: топили воск. Мне вышла коронка. Потом мы жгли бумагу, но у нас ничего не вышло. Потом Устюша гадала мне по картам. <...> А сегодня мы были у Злобиных, гадали с блюдцем. Я задумала желание (вопрос), сдала ли я экзамен по музыке. Мне вышло «Сдали». Я не верю, мне казалось, что Адя двигала блюдце [Даева 1922].

Более подробные описания способов и обстоятельств спиритических гаданий советского времени можно найти в мемуарной и автобиографической прозе⁵. «Настоящие» спиритические сеансы назначались заранее и были занятием взрослых; дети если изредка и присутствовали на них, то в основном в качестве медиумов (см., например: [Дьяченко 1900: 351; Крыжанская 2010: 46–47]). Теперь же, за пределами кружков, занятия спиритизмом возникают спонтанно, по предложению хозяев или гостей, при этом участниками или свидетелями гаданий становятся все находящиеся в комнате, в том числе и дети. Будущий эмигрант Ф. Вейцман вспоминает, как в годы Гражданской войны в Таганроге гадала его семья (ребенка не отправили спать, и он наблюдал происходящее). В числе описанных им деталей едва ли не самой интересной является упоминание спиритической «цепи»: участники поставили локти на стол, а пальцы опустили на перевернутое блюдце — так, чтоб касаться пальцев своих собственных рук или рук соседей [Вейцман 1981: 202] (позднее это сложное положение заменяется в подобных гаданиях на более простое: гадающие просто касаются блюдца пальцами). Содержится в его воспоминаниях и рассказ фольклорного типа — о сбывшемся предсказании, которое сделал пришедший дух⁶.

Известны случаи, когда дети становились непосредственными участниками гадания. Житель Еревана вспоминал, как во время Великой Отечественной войны его мать начала ворожить женщинам-соседкам с целью поддержать их: она стояла рядом и задавала вопросы о судьбе их мужей и родственников, а блюдце незаметно двигал он сам; участие мальчика мотивировалось тем, что ребенку «святой дух скорее скажет истину» [Судариков 1977: 40]. Собственно детский ритуал изображен в автобиографическом рассказе О. Шестинского: в блокадном Ленинграде несколько школьников устроили гадание на блюдце, когда один из них нашел дома книгу с подробным описанием сеанса. Занавесив окна, при свете свечи ребята вызвали «души известных людей», знакомых по школьной программе, — Гоголя, генерала Скобелева, Екатерины Великой — и задавали вопросы, соответствовавшие, по мнению гадающих, основной деятельности и интересам этих лиц: генерала спрашивали об исходе

⁵ Отдельную линию в истории российского спиритизма составляет его судьба в эмигрантской среде: так, в Харбине на рубеже 1920–1930-х годов возникает новая волна интереса к спиритическим кружкам, равно как и к всевозможным гаданиям, которые, судя по коммерческим предложениям в прессе, были весьма востребованы [Крыжанская 2011].

⁶ Отец мальчика вызвал дух покойного родственника, чтоб узнать о судьбе троюродного брата, и получил ответ: «Здесь кладбищенский сторож. Моисей Городецкий прийти не может. Иосиф Городецкий недавно умер»; позднее сведения о смерти брата подтвердились [Вейцман 1981: 203].

войны, императрицу — о самых красивых одноклассниках и т. д. [Шестинский 1986: 25]). Подобные свидетельства любопытны тем, что отражают процесс проникновения спиритических практик в детскую среду, где, по предположению некоторых исследователей, под их влиянием позднее возникли так называемые *вызывания*.

Если «беседы с духами» увлекали участников и становились постоянными, могло возникнуть какое-то подобие кружка, группа с относительно постоянным составом (по-видимому, чаще это происходило в молодежных компаниях). В начале 1970-х годов одна из таких групп спонтанно сложилась в г. Узловая Тульской области, ее участницами были работницы-комсомолки, трудившиеся на заводе пластмасс⁷. В свободное время победительницы соцсоревнования занимались спиритизмом прямо в цехе или у кого-то на квартире; блюдце с нарисованной стрелкой нагревали спичкой изнутри, «таинственными голосами» вызывали «духов покойников», — и оно «ходило» по кругу с буквами, написанными в алфавитном порядке. Обычно духов просили назвать имена всех присутствовавших и их возраст; спрашивали о будущих знакомствах с парнями и о том, как их будут звать; узнавали, по какому предмету спросят в техникуме, — и учили именно его; случаи совпадений запоминались и становились предметом рассказов [Каменский 1973: 74–79]. Примечательно, что остальные рабочие знали об увлечении девушек — но только «удивлялись и посмеивались». Поводом для разбирательства стало письмо в журнал «Молодой коммунист», написанное одной из них и выдающее сильный внутренний конфликт между усвоенными атеистическими установками и как будто неистребимой тягой к мистическому:

До вчерашнего дня я ходила в «железных атеистках», а сейчас (...), кажется, поверила в загробную жизнь. Ночью я почти не спала: снились кошмары, из головы не выходят мысли о боге. (...) Я бы, может, не поверила, если бы не испытала сама. Не могу успокоиться, странное душевное состояние, какое-то смятение, водоворот мыслей. Я верю и не верю [Там же: 74]⁸.

Душевный кризис другого рода отражен в автобиографическом рассказе монаха, в прошлом — студента одного из столичных творческих вузов. В начале 1980-х годов он с друзьями использовал спиритические сеансы как «бегство от материализма», способ сформировать альтернативное официальному мировоззрению. Намеренно умалчивая о технологии «мистической коммуникации» (восстановленной пытливыми студентами по работам Д. И. Менделеева и беседам с сотрудниками музея В. И. Вернадского!), автор рассказа подробно описывает тягостные психологические последствия от ночных бесед с духами (Наполеоном, Сократом, умершей бабушкой приятеля и др.); сеансы

⁷ Общавшийся с ними журналист характеризует их как «оживленных девушек, очень добродушных и непосредственных, даже бесхитростных», рассказывавших о своем увлечении «с охотой, смеясь и немного смущаясь» [Каменский 1973: 77].

⁸ Ср. письмо девятиклассницы из г. Паласовка Волгоградской области, отправленное в редакцию журнала «Наука и религия»: «Мама рассказывала, что когда она была молодой, то с подружками гадала на фарфоровом блюдце. (...) Я не верю ни в каких духов, но как не верить маме?» [Сергиенко 1977: 33].

прекратились после того, как «дух Гоголя» начал прямо подталкивать участников к суициду⁹, — это же событие, по признанию рассказчика, стало одной из причин его последующего обращения к религии [Шевкунов 2011: 18].

Очевидно, однако, что отнюдь не всегда спиритические гадания вызывали столь драматичные переживания. В городской культуре советского и постсоветского времени они прочно заняли нишу новогодних (святочных) развлечений и до сих пор функционируют как ритуально-праздничная форма времяпрепровождения, объединяющая иногда всю семью¹⁰.

Спиритические гадания в сельской среде

Использованные выше источники, дающие представление о городских спиритических гаданиях, — это мемуары, автобиографическая проза, журнальные публикации, т. е. тексты, прошедшие значительную литературную обработку (а возможно, и какое-то подобие самоцензуры, приводящей описание в соответствие с «правильной», по мнению их авторов, позицией — атеистической, религиозной и проч.). Что касается бытования спиритических практик в сельской среде, то о них мы знаем по текстам, имеющим иную жанрово-стилевую природу. Во-первых, это описания этнографов, передающие технологию гадания, а во-вторых — фольклорные мемораты носителей традиции, отражающие личный опыт участия в подобном ритуале либо наблюдения за ним (реже — пересказы чужих рассказов). Однако различия между городскими и сельскими спиритическими гаданиями не исчерпываются ориентацией рассказчиков на разные дискурсы: разница обнаруживается и в технологии гаданий, и в их прагматике.

Из разнообразного набора спиритических техник в сельской среде предсказуемо востребуются ритуалы, которые основаны на манипуляции с вещами. К гаданиям спиритического характера исследователи относят иногда ворожбу на подвешенном предмете. Так, Р. Казимирович описывает гадание на кольце, которое гадалка привязывает к собственному волосу и опускает в стакан с водой; вскоре кольцо, висящее над водой, начинает ударяться о стенки стакана, и по этим движениям она судит об ответе¹¹; сходным образом у сербов гадали на кольце и сите [Казимирович 1940: 209]. Целый ряд русских костромских гаданий (на решете и ножницах, на клубке ниток, на подвешенном камне) описывает этнограф В. Смирнов, также выделяя их в разряд спиритических [Смирнов 1927: 72]. Однако подобные гадания известны многим народам и являются достаточно универсальными, в связи с чем однозначно связывать генезис такого типа ворожбы с практикой городских спиритических кружков второй половины XIX в. представляется про-

⁹ ««Помогите! Прошу, не оставляйте! Страшный пламень, сера, страдания... О, это нестерпимо, помогите...» <...> — «Конечно! Скажите только — как?» — «О, если так!.. Тогда я... Тогда я бы дал вам... яду...»» [Шевкунов 2011: 15–16].

¹⁰ Так, в одной петербургской семье на Рождество родители вызывали «дух Пушкина» вместе с дочерью-подростком; буквы были написаны на большом листе ватмана, и та буква, на которую указывало блюдо с нарисованной стрелкой, интерпретировалась как предсказание на следующий год: «с» — счастье, «г» — горе и т. д. [Адоньева 2001: 69].

¹¹ В приведенном примере ворожея смогла назвать гадающему имя его покойного сына и верно указала, что смерть юноши была насильственной.

блематичным (об этом свидетельствует и использование во многих гаданиях предметов, типичных для крестьянского обихода). Возможно, авторы источников именуют эту ворожбу спиритической несколько условно¹². Так или иначе, гораздо увереннее можно говорить о заимствованном характере сельского столоверчения и гадания на блюде и круге с буквами. В простонародной среде ворожба на блюде принимает иногда новые формы, и именно написанные по кругу буквы (или имена) могут, по-видимому, доказывать ее происхождение из городских спиритических ритуалов.

1. Гадание с помощью стола. Автору этой статьи уже приходилось писать о специфике народных гаданий со «стучащим» столом (см.: [Королёва, Коршунков 2017]), поэтому здесь будут перечислены лишь основные способы фольклоризации этой практики и представлен новый материал. Одна из наиболее ранних фиксаций столоверчения в сельской местности относится к 1920-м годам; известен случай, когда вместо стола использовалась деревянная скамейка без железных гвоздей, при этом пальцы гадающих образовывали кругом ее сиденья непрерывную спиритическую «цепь» [Там же] (позднее, как и в гадании на блюде, это положение заменяется на более простое: сидящие за столом просто кладут на него руки ладонями вниз). О том, сбудется ли задуманное, судили по характеру стука (спокойный — «сердитый»), также могли учитывать количество ударов:

«Ну, сколько у меня детей будет?» Ведь он [стол] стукнул семь раз!
 <...> Ведь вышла правда: пятеро живых, двое умерли. И первы-то
 двойники были, две девушки. <...> Рожоны, некрещёны. Вот у меня у
 самой испытано [Ипполитова, Топорков 2012: 311].

В самозаписи крестьянского гадания из Слободского уезда Вятской губернии, сделанной в первой половине XX в., приводятся *слова* (заговор), которые, держась правой рукой за перекладину между ножками стола, произносил перед началом гадания столовёрт:

Садятся рабы божьи за стол, / Кладут руки на стол. / Руки кровью
 согреваются, / Рососо покрываются. / Как Илья пророк ходил по зем-
 ле, / Так и ты ходи. / Как Илья пророкверху поднимался, / Так и ты
 поднимайся [Королёва, Коршунков 2017: 130].

Запись подобного заговора является пока единичной; по всей видимости, слова эти могли носить окказиональный характер (в том смысле, что были составлены и использовались одним конкретным столовёртом), — но подобные явления вполне согласуются с функционированием заговорно-заклинательной традиции: при декларируемой «неизменяемости» заговоров она относительно пластична, откликается на вновь возникшие запросы, допускает включение в тексты новых реалий и т. д. Примечательно, что упоминания о специальных *словах*, которые *шептали* перед началом гадания на столе, содержатся и в других источниках:

¹² На неточность определения «спиритический» применительно к гаданиям, где не происходит вызывания «нечистых духов», указывает и этнограф К. К. Логинов [2010: 186].

Ён [столоверт] вот эх встанет, руки назад положит, в трубу шопцет, столу приказыват, а стол своё дело делает — *колотит* [Ипполитова, Топорков 2012: 311].

Если ритуал получал календарную приуроченность, к нему прибегали в святочный период. Однако у русских Водлозерья, по данным К. К. Логинова, спиритические гадания на столе и блюдце проводились не в Святки, а на пасхальной неделе, при этом ворожба в *бесёдной избе* допускалась только дважды — во вторник и четверг. В с. Курганаволок молодежь ходила к отцу местной знахарки и уговаривала погадать при помощи небольшого стола или скамейки (без железных гвоздей):

Отец <...> что-то шептал себе на руки, накладывал ладони плашмя на стол или лавку, затем туда же клали ладони юноши и девушки. Предмет начинал двигаться по избе, за ним двигались и люди. При этом задавались вопросы, вроде «Сколько мне лет?» или «Сколько лет осталось до женитьбы (замужества)»? <...> Стол или лавка начинали кланяться, отстукивая ударами ножек ответ на заданный вопрос [Логинов 2010: 186].

Для обозначения столоверчения в народной среде складывается своя терминология. При описании обряда носителями традиции используются такие выражения, как *столом гадать* (вят., арханг.), *гадать на столик*, *стол разогреть* (ростов.); сам стол *поднимается* (костром.), *ходит* (костром., перм.), *крутится*, *колотит* (арханг.). Важной фигурой сельского обряда становится обычно владелец стола: он выступает как ритуальный специалист, организующий процесс гадания, произносит нужные слова, может выполнять магические действия — и нередко включается местным социумом в число *знающих* людей. Обязательное для спиритических сеансов вызывание «духа» в известных нам рассказах о столоверчении отсутствует: стол *стучит* как бы самопроизвольно (однако установка на контакт с иным миром может проявляться в *словах*, открывании душика и т. п.).

Важным правилом спиритических сеансов был запрет на смех. Сохраняется он и в сельских ритуалах столоверчения, при этом здесь появляются новые предписания: может регламентироваться форма стола и количество гадальщиц, иногда не допускаются к участию дети, рыжеволосые, люди «в подпитии» и т. п. И в городских, и в сельских материалах часто упоминается, что стол (в том числе при помощи которого ворожат на блюдце и круге с буквами) должен быть сделан без железных гвоздей. Этнограф В. Смирнов предполагал, что в костромских гаданиях этот запрет возник по аналогии с гробом, который не принято заколачивать железными гвоздями [Смирнов 1927: 28]. В традиции восточных славян известны и другие случаи, когда ритуальные предметы изготавливаются без железных деталей, гвоздь же выступает как сильный апотропей. Подобные представления действительно могли повлиять на распространение и устойчивость правила, касающегося гадального стола, однако само оно, по всей видимости, восходит все-таки к практике «профессиональных» спиритов — причем не только российских, но и западноевропейских. Так, в повести немецкого писателя персонаж, знакомый с тонкостями спери-

тизма, рассказывает о правильном устройстве сеанса и в числе требований к столу называет обрубленные, скругленные углы, а также отсутствие гвоздей или винтов — предмет должен быть изготовлен «исключительно на клею»¹³ [Ланге 1976: 64–65].

Отдельный интерес представляет случай, когда гадание с помощью стола адаптируется к особенностям этнолокальной мифоритуальной традиции. На территории Коми-Пермяцкого округа до сих пор повсеместно распространены магические практики, направленные на возвращение пропавшей в лесу скотины или человека; первым этапом при этом становится определение причины ущерба (корова сама упала в яму, или ее украли люди, или *запер* колдун, или она *ходит под лесным* (лешим) и т. д.). В д. Козлова Кудымкарского района местная старушка-знахарка (коми-перм. *tödisь*) использовала для этой цели свой обеденный стол — небольшой, некрашенный, сделанный без железных гвоздей, со столешницей, не приколоченной к раме. Об этом вспоминает свидетель гаданий, наблюдавший их в 1964–1965 гг., будучи ребенком:

Мама жалуется, что корова третий день не возвращается из леса и молока бабушке не смогли парное принести. Идет обычный разговор. Про колдунов в деревне, одного обсудят, другого обсудят, стол и молчит. <...> Упоминала она [знахарка] колдунов. И расспрашивала, на кого мама думает. Мама сказала Дзор Санко или Овер Иван. Они якобы знали с лешим. <...> А как про лешего начали разбирать его прошлые проделки, стол и разволновался¹⁴.

По утверждению рассказчика, и сама знахарка, и пришедшие к ней погадать сидели на некотором удалении от стола, при этом гости не проходили дальше матицы; когда задавался вопрос и перечислялись возможные ответы, столешница «действительно чуть приподнималась и опускаясь издавала стук. Как эхо. Глухой звук». Поскольку «виновником» пропажи оказался леший, знахарка на этом же столе написала ему *кабалу* (магическое письмо с просьбой вернуть скотину), велела отнести ее вместе с горячим рыбным пирогом в лес и положить на пень, после чего пропавшая корова тут же нашлась. Приходили к ней и с другими вопросами; после гадания женщину благодарили тем, что оставляли на столе каравай хлеба, молоко, кто мог — масло.

2. Гадание на круге с буквами. Этот вид спиритического ритуала сходен с народными гаданиями, возникшими под влиянием лубочных гадательных книг, которые издавались вплоть до начала XX в. и были известны даже на отдаленных территориях (см. прим. 2). В деревнях Северного Белозерья такие гадания назывались *Соломон* или *орáкуль* и проводились не на книге, а на ее примитивном графическом аналоге, который гадающие чертили на полу или на столе:

¹³ В русских, коми и коми-пермяцких источниках упоминается стол на «деревянных гвоздях».

¹⁴ Самозапись Николая Алексеевича Кольчурина, 1959 г. р., род. в д. Козлова Кудымкарского р-на Пермского края, живет в г. Кудымкаре (2017); ЛАА. Благодарю Н. А. Кольчурина за присланную самозапись воспоминаний.

Соломон, оракуль — только старые люди делали. Чертили кружок, делили на части и бросали в него хлебный шарик с горошину (вологод. [Морозов, Смольников 1997: 67]; о судьбе судили по меткам, стоявшим в том секторе, куда упал хлебный шарик).

Судя по полевым записям конца XX — начала XXI в., ворожба на блюдце и круге с буквами была в сельской среде более популярной, чем столоверчение. Об этом обряде нередко известно и тем, кто сам не гадал:

А еще гадали по тарелочке. Ну, тарелочка так ложится, и будешь сидеть до тех пор, пока не начинает крутиться в глазах у тебя, наверно, эта тарелочка. И начинает. А почему она крутится, я не знаю [КВГ].

И з зеркалам гадали, и на тарелках гадали. Да чё-та там смалили¹⁵, эта я слышала. Сама ничиво ни делала. И уот смалили, тарелашка уроди хадила сама [ДНА]¹⁶.

В конкретных локальных традициях ворожба на блюдце часто становилась девичьим любовным гаданием; во время войны к ней прибегали и замужние женщины, желавшие узнать судьбу мужей и родственников [Панченко 2006: 126]¹⁷. Зафиксированные в источниках детали показывают, что спиритический ритуал общения с духом при помощи блюдца и круга с буквами претерпевает в народной культуре значительную трансформацию. В обряд вводятся действия и предметы, более доступные для крестьян и традиционные для русских гаданий: так, в одном из вариантов святочного ритуала буквы и цифры пишут на газете, а под перевернутое блюдце кладут золу с кольцом (перм. [Бахматов и др. 2008: 166]). Известен случай, когда в середине 1940-х годов вместо стола использовался табурет:

...Тубаретка чтобы без гвоздя была. Там это постелют [бумагу] и, значит, белое чтоб блюдце. И вот там какие-то всё, ну, пишут то ли буквы, то ли чё. Мы с полатай наблюдали. <...> Как-то они вот держали руки. Видимо, блюдце нагревается, и оно начинает, это, ходить (перм. [КНВ])¹⁸.

Указателем мог выступать и другой предмет: во время календарно не приуроченного любовного гадания девушки рисовали круг на столе или на полу, по окружности писали имена парней (или присвоенные им по договоренности номера), а в центр клали веретено — крутили его и смотрели, на какое имя оно покажет «пяткой»: так выясняли, кто «любит», «не любит», «думает», «женится» и т. п. (вологод. [Морозов, Слепцова 2004: 728]).

¹⁵ По-видимому, имеется в виду осуществлявшееся иногда нагревание блюдца — с помощью спички, горящей бумаги и т. п.

¹⁶ Выражаю признательность Н. А. Власкиной за полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета.

¹⁷ В Гороховецком районе Владимирской области спиритические гадания использовались как окказиональные — наряду с ворожбой на картах, кофейной гуще и т. п. [Добровольская 2004: 69].

¹⁸ Примечательно, что, будучи ребенком, рассказчица наблюдала за этим гаданием с полатай — традиционного места, откуда дети могли видеть взрослые обряды.

Начерченный круг мог иметь усложненную структуру (типичную, к примеру, для спиритических досок) и включать, кроме букв и цифр, слова «да» и «нет» (перм.). Участники могли согреть не блюдце, а свои руки, растерев их перед ворожбой. В некоторых вариантах упоминаются дополнительные запреты и предписания, касающиеся хода обряда. На перевернутую вверх дном тарелку кладут только правую ладонь (водлозер.), перед гаданием нужно открыть окно/форточку («чтоб дух через него влетел или вылетел»), завесить все зеркала («это портал, поэтому нужно их закрыть, вдруг кто еще придет»), убрать иконы, вывести всех домашних животных («особенно кошек»); нельзя скрещивать пальцы (перм. [ПГН]). Число участников должно быть нечетным, в комнате не должно быть детей, стол нужен обязательно круглый (новгород. [Панченко 2006: 127]) и т. д.

В описаниях обряда носителями традиции встречаются специальные номинации как для самого гадания, так и для отдельных действий: *гадать духом* (новгород.), *гадать на блюдце / на блюдец* (новгород., ростов.), *на тарелках гадать* (ростов.); *блюдечко забегат* (перм.), *ходит* (новгород., ростов., перм.), *идёт* (новгород.), *крутится* (новгород., ростов.), *ездит* (кагопол.), *скажет* (перм.), *показывает* (ростов., перм.); *дух / блюдец говорит, пишет* (новгород.).

Как и в случае со столом, в рассказах о гадании на круге с буквами нередко подчеркивается, что блюдце «ходит само». Но в народных вариантах этого гадания сохраняется иногда и вызывание духа¹⁹, которое может принимать разные формы. В описании ростовского любовного гадания упоминается обращение к «безымянному» духу:

Пасиридини, стала быть, блюдачки зажыгають бумагу и фсе деуки сидять кругом: «Дух, выди, дух выди, дух, выди». И вот эта тарелка далжна крутица и паказать какую-та букву. «Дэ» там или «рэ». Эта тибе жыних там выдить, Коля или там Ваня [КАС].

В новгородской традиции зафиксирована практика обращаться в начале гадания к кому-то из местных самоубийц («кто или задавивши, или повесивши») — этого человека *кричали в трубу*, чтобы *черт приходил* [Панченко 2006: 126–127]. Но чаще, как и в городской среде, в сельской местности вызывают известных поэтов, причем предпочтение отдается погибшим на дуэли и самоубийцам (Пушкин, Есенин, Маяковский и т. п.), — хотя их неестественная смерть далеко не всегда указывается рассказчиками как причина выбора.

Сравнительно редкий за пределами городской среды вариант с вызыванием собственно покойных родных обнаруживается у русских-водлозеров, где гадание на блюдец приурочивалось к пасхальной неделе: считалось, что нужно позвать душу кого-то из умерших «добрых и честных родственников», которые при жизни хорошо знали сидящих «за тарелочкой», — тогда вызванный дух будет отвечать правду и не станет ругаться матом [Логинов 2010: 186].

В некоторых вариантах ритуала блюдец заменяет указатель другого типа: на буквы указывает подвешенный предмет. Обычно это игла на нитке, которую держит над центром круга кто-то из гадающих:

¹⁹ В городских гаданиях этого типа вызывание духа остается, кажется, обязательным.

Так-ту наши гадали сёстры. <...> Гадали они вот иголкой. Иголку по-середине, ну, свечи горят у них. <...> Чё-то писали, чё-то ково-то вызывали, ой, не знаю, я сама нет (перм. [МЛЕ]).

Гадали это, дух вызывали, что ли, открывали, это, боковушку, печку-то, и по буквам писали, как будут звать жениха да что да. <...> Иголку берешь, но иголка ходит и буквы показывает, пишет слово как (перм. [ЗНИ]).

Будучи студенткой, одна из рассказчиц вызвала таким образом дух своей умершей бабушки: «просто как-то раз обратилась к ней» — и «она стала через иголочку разговаривать»; со временем «всё, что бабушка сказала, сбылось» [ПГН]²⁰.

Исключительно интересным представляется случай, зафиксированный в Юрлинском районе Пермского края: спиритическое гадание контаминируется здесь с более традиционными типами ворожбы. От живущих по соседству коми-пермяков русские-юрлинцы заимствовали специфический гадальный обряд *черешлан* (от коми-перм. *чер* 'топор' + *ошлыны* 'вешать'). Обычно для этого ритуала используются подвешенный топор, серп, медная иконка либо другой предмет: по просьбе заболевшего человека коми-пермяцкая знахарка перечисляет имена святых и умерших родственников, и на чье имя предмет качнется — тот «наказал» больного; для исцеления нужно устроить поминальный обед либо съездить к соответствующей иконе, сходить на престольный праздник²¹. Пожилые жительницы Юрлинского района рассказали, что болезнь может возникнуть, если человек *посулил* умершему поминальный обед и не исполнил обещание, — тогда нужно *вешать черешлан* и выполнить *обет*, который выпадет. При этом, по сообщению рассказчиц, русская знахарка не перечисляла праздники, а использовала круг с надписями. Ценные детали заслуживают того, чтоб привести развернутый фрагмент этой беседы:

[ТЕИ]: Посулишь обед-от...

[ПКД]: И не сделаешь.

[ТЕИ]: ...что у меня вот это болит, это болит, и я сделаю обед, и не сделаешь — вот тожно этот обет-от. Обет он называтца. Он... черешлан вешали раньше. Ходили челпан [каравай] носили. <...> В Чёрной вешала одна. И там такой круг, и етот, видно, круг-от, где остановитца стрелка, вот там то ли на Фролы молиться Богу, то ли на какой-ко праздник на другой. То ле в воде постоеть. Вот едак я слыхала.

²⁰ Судя по возрасту всех трех рассказчиц, они могли гадать или наблюдать гадание на игле в конце 1960-х — первой половине 1970-х годов; интересно, что уже в 1980-е сходный ритуал фиксируется в городе как подростково-девичье и детское гадание с вызыванием *чертика*: в середине круга изображают фигуру черта, острый конец иглы втыкают ему в «пуп» — и иголка, которую держат на «слабой» нитке, вращается, как стрелка, показывая буквы.

²¹ В свою очередь, коми-пермяцкий черешлан — в том виде, в каком мы его знаем по записям XIX–XXI вв., — отражает явное влияние севернорусских обетных практик: фактически это гадание предназначено для того, чтоб определить, может ли в случае конкретной болезни или другого ущерба помочь обет и что именно человек должен сделать по этому обету.

[ПКД]: А вот это... Соломон какой-ко был. Было всё написано, написано, бросишь ково-ко-си — и вот выпадёт куды-ко.

[ТЕИ]: А вот там... там под вид этого жо было <...>.

[Соб.:] Был круг какой-то, <...> и по кругу написано?

[ПКД]: И там написано чё-то, куды выпадёт этот обет. Написано, где. <...> Раз посулила, не сделала — вот это болит. <...>

[ТЕИ]: Я толком-то сама не видела. Но знаю, что челпан носили, челпан. Дак всё равно его где-ко-ся куды-ко, черешлан дак, это, перевешивали как. Но как делали, не знаю. <...> А выпадёт, видно, где куды выпадёт... Или в церковь сходить, или... я говорю, бывало дело, в воде постоять, обед сделать.

[ПКД]: Но. Собрать людей, это, покушать.

[ТЕИ]: Кто чё, кому чё.

Обе рассказчицы знают об обряде только понаслышке, поэтому лишь приблизительно представляют себе его ход. Но детали, которые возникают в разговоре, весьма примечательны. Упомянутый «Соломон» — это «Круг царя Соломона», на котором гадали, бросая наугад мелкий предмет, — как оказалось, здесь еще помнят об этом типе ворожбы. Вариант со стрелкой-указателем, по всей видимости, отражает проникновение в народную среду собственно спиритических гаданий. Рассказчицы, однако, знают, что черешлан нужно *вешать, перевешивать*, — и упоминают еще и это действие, хотя для одного конкретного ритуала оно уже явно избыточно. Какой бы ни была технология юрлинского черешлана на самом деле, возникающая в разговоре пожилых женщин контаминация различных приемов в любом случае информативна: она высвечивает тот круг представлений и ритуальных действий, в контексте которых новые для крестьян спиритические гадания могли восприниматься и к которым они должны были адаптироваться.

Спиритические гадания и традиционные формы «коммуникации с духами»

Приведенный материал позволяет увидеть заимствованные из города спиритические ритуалы в контексте традиционных святочных, любовных и окказиональных гаданий (в том числе имеющих выраженную этнолокальную специфику). Но представляется необходимым наметить — хотя бы пунктирно — еще один контекст, который мог повлиять на фольклоризацию первоначально «чужих», заимствованных из города техник. Это народные представления о возможности и формах коммуникации с различными духами — как душами умерших, так и демонологическими персонажами.

Сравнительно легкое вхождение круга с буквами в сельский ритуальный обиход XX в. может соотноситься с крестьянскими представлениями о письме (знаках, текстах) как средстве общения с потусторонним миром²². Ряд явлений, основанных на сакрализации текстов и геометрических фигур, в народной культуре славян достаточно широк [Левкиевская 2009; Раденковић 1993;

²² Свою роль сыграл и собственно социальный фактор — обязательное школьное образование и всеобщая грамотность.

Райан 2006: 418–469]. Ярким примером магической письменной коммуникации является уже упоминавшаяся *кабала* — письмо лешему для возвращения потерявшейся скотины; повлияло на усвоение нового спиритического ритуала и предшествующее знакомство горожан и крестьян с гадальными кругами (типа «Круга царя Соломона»).

Оба рассматриваемых здесь вида спиритических гаданий проводятся, за редкими исключениями, за столом. Известно, что в традиционной картине мира предмет этот наделен высоким семиотическим статусом, что, в частности, проявляется в устойчивых этикетных формах поведения — как в быденных ситуациях, так и во время празднично-обрядовых застолий. Особый статус стола не исключает (а возможно, наоборот, выступает причиной) того, что предмет этот может использоваться и для коммуникации с иным миром. За столом проводятся основные домашние поминальные ритуалы, до сих пор иногда осмысляемые носителями традиции как прямое общение с душами умерших. Использование стола предполагают и некоторые традиционные гадания: к примеру, на Святки подметали в избе пол, в мусор добавляли угли, заливали водой, высыпали под стол и ждали *причудия* — что послышится; на пасхальных *бесёдах* сходное гадание проводили в заброшенном доме ближе к полуночи: гадающие заматали мусор под стол, залезали под него сами и приглашали «богосуженых, богоряженных», после чего, как считалось, в дом должны прийти нечистые духи в одежде будущих женихов (водлозер. [Логинов 2010: 185–187]).

В быличках «активной стороной» могут выступать и представители иного мира, дающие о себе знать в тот момент, когда человек находится за столом. К примеру, в святочный вечер они наказывают девочку, которая, нарушив правила поведения, забралась на лавку вместе с ногами:

...Я за столом сидела, на корточки, на лавке за столом села, сижу.
Вот меня кто-то эдак так и поднимат за жопу, так и поднимат. Я за-
кричала, заревела ([Бахматов и др. 2008: 239]; составители сборника
включили этот сюжет в раздел о святочных духах).

В вятских быличках кикимора, живущая в доме, начинает донимать хозяев, когда семья садится за трапезу:

Вот когда сядут ести за стол — и вдруг валенки, лапти, сапоги, — всё
летит на стол с печки ([Иванова 1996: 21, № 45], см. также № 43–44).

...А как сядут за стол, слышится голос: «Убирайся-ка ты из-за стола-
то!» ([Левкиевская 2000: 261]; дом был построен на месте погребения
неотпетого покойника).

С помощью стола подает знак и домовой:

Вдруг словно плетью два раза по столу ударило. Тогда муж и гово-
рит: «Это домовый две души высек» (перм. [Шумов, Преженцева
1993: 64–65]; вскоре в семье погибли сын с дочерью).

Самопроизвольный стук мебели и ее перемещение (ср. со стуком и движениями стола во время столоверчения) всегда выдают присутствие нечистой силы:

У нас ночью лавки стучат, пол трясется. <...> Молоко принесу, на стол поставлю, а лавка и стол дрыгают <...>. — «Так кто стучит-то у вас, дядя Степан?» — «А я не знаю». <...> Ну, и стол ходит по избе, всё дрожит. <...> Но потом прошло. До сих пор понять не могу, что это было [Там же: 71–72].

В сибирской быличке кикимора отвечает стуком в пол на вопросы хозяев, а те развлекают беседой с духом своих гостей:

«Сколько чужестранных, из чужой деревни-то, здесь?» Стукнет — точно! «А сколько наших?» — То же само [Зиновьев 1987: 92].

Вариант сюжета о шумящей кикиморе уже заметно сближается с рассказами о гаданиях на столе или об общении с духом при помощи круга с буквами. О том, что народная традиция в принципе допускает ситуацию, когда зловредное существо целенаправленно используется для предсказаний, косвенно свидетельствуют и материалы судебного дела 1798 г., открытого в отношении «крестьянина Ефима Разницына жены Акилины». Крестьянка, проживавшая в Орловском уезде Вятской губернии, имитировала присутствие кикиморы в своем доме, сбрасывая горшки и корчаги с полатей и печи на пол, а потом начала извлекать из ситуации прямую пользу — в отсутствие хозяина и свекрови «кикимора» гадала приходившим, отвечая на их вопросы о пропаже денег и других несчастных случаях:

[Земский комиссар, приехавший для выяснения обстоятельств] подошел к дому того Разницына пешком, услышав происходящей голос странный, расспрося крестьянина тово десятка Терентья Шихова о потерянных у него ден[ь]гах — десяти рублями, найдутся ли они, и ответствующей таким образом: «Териоха, Териоха, старик украл».

В благодарность крестьяне «клали на брус полатной подле печи ден[ь]-гами копеек по пети и по десяти, другие же по десятку яиц куриных и меду по полу фунту и менее, печенова хлеба и пирогов»; принесенные для кикиморы подношения крестьянка делила с дочкой мельника, которая помогала ей избирать домашнего духа (в итоге девочку оправдали, а ушлую Акилину приговорили к наказанию розгами)²³.

Общеизвестны обращения к демонологическим персонажам во время святочных гаданий; в мифологической прозе вопросы и ответы принимают иногда вид развернутой вербальной коммуникации. Три парня, *зачертившись*,

²³ Дело хранится в Государственном архиве Кировской области («О чинении гаданий под именем кикиморы крестьянской женою Рязницыною». Ф. 58 (Орловский уездный суд). Оп. 2. Д. 114. 76 л.). Написание фамилии Разницына/Рязницына в документе варьирует. Благодарю доцента кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета В. А. Коршунова за возможность воспользоваться материалом (орфография и пунктуация цитируемого источника приближены к современным).

слушают под окошком заброшенного дома, где *чудится* и чьи-то голоса отвечают на задуманные вопросы:

«Что со мною будет: али я женюся, али в солдаты отдадут?» Не успел только задумать, вдруг в этом пустом доме человеческим голосом говорит: «Тебя в солдаты отдадут!» — «Ну, думай!» — говорят другому. Вот он и думает: «Али я женюся, али в солдаты отдадут?» <...> А тому говорят: «Тебя в Сибирь сошлют!» А третьей-от парень хороший-расхороший, красавец, да только бедный: ни отца, ни матери, округ сирота. <...> Там говорит: «Ты, — говорит, — женишься!» [Криничная 2004: 189].

Обращаются за предсказаниями и вне специальных календарных периодов. Во время войны одна женщина водила «спрашивать у дворового», которого звала вместе с другими духами: «Черт, выходи! Водяной, выходи! Жировой, выходи!...»; дворовой показывался в хлеву в виде маленького старичка и рассказывал женщинам о судьбе сыновей:

«А один, — говорит, — в танке погиб <...>. А другой сын, — говорит, — в Англии в плену. <...> А у тя, — говорит [второй женщине], — три сына погибли, а еще остался четвертый сын — с тем доживать <...> Ну, довольны вы?» — «Довольны» (сев.-рус. [Шумов, Преженцева 1993: 59]).

Ср. другой вариант аналогичного сюжета:

Ходила вызывала дворового как-то, ночью ходила <...>. Придет да станет с хозяйкой во двор, во хлев, и вот встанут они [гадающие] спинами в одно место. <...> И вот спрашивают про мужьев, что каки на войне были убиты, что живой ли муж, дак ен там в углу, говорят, ответит, что ж-и-ив, ж-и-ив (сев.-рус. [Криничная 2004: 192]; известны и другие сходные тексты [Левкиевская 2000: 289–290]).

Любопытна и пермская запись, в которой хозяева обращаются к домовому за потерянными вещами, а он отвечает им «по карандашам»:

Двое стоят друг напротив друга и держат по два карандаша незаточенных, приткнув друг к другу, а поперек каждой пары лежит еще по карандашу. Спрашиваешь его. Если «да», то карандаши вверх поднимаются, если «нет» — вниз, если в разные стороны — сомневается [Шумов, Преженцева 1993: 195]²⁴.

Традиционные представления о гаданиях с помощью духов пространства составляют своего рода типологическую параллель к основной идее спиритов о возможности целенаправленного контакта с иным миром, и прежде всего с

²⁴ Как и спиритические гадания, этот новый и, скорее всего, индивидуальный способ «общения с домовым» основан на мышечных микроимпульсах, приводящих к неосознаваемым движениям рук и соприкасающихся с ними предметов.

душами умерших людей. Однако вызывание мертвецов для получения ответа на вопрос — сюжет (и ритуал), почти не характерный для русской крестьянской культуры²⁵, где коммуникация с умершими регламентируется поминальной обрядностью (либо происходит независимо от воли человека — в пространстве сна/видения). Возможно, сохраняющаяся нормативность подобных контактов становится одной из причин, по которой в сельских спиритических гаданиях вызывание духа может полностью редуцироваться: стол/блюде двигаются «сами»; адаптация к традиции проявляется и в том, что гадающие называют имя самоубийцы, предполагая, что на самом деле к ним придет черт (новгород.), либо вызывают безымянного «духа» (ростов.); по образцу городских гаданий для вызывания могут выбирать хрестоматийно известных поэтов, относящихся к «высокой»/официальной культуре и максимально далеко отстоящих от «настоящих»/«своих» умерших — родственников, односельчан²⁶ и т. п. Случаи вызывания собственно покойных родных, встречающиеся в городских ритуалах, в известных мне сельских и деревенских материалах остаются пока единичными.

* * *

На протяжении последнего столетия спиритические ритуалы функционируют в городской и сельской среде преимущественно как гадания — календарно приуроченные или окказиональные; они встают в ряд святочных развлечений, становятся своего рода семейной традицией. Практически повсеместно к спиритическим гаданиям (как и к другим видам предсказаний) активно обращались во время войны. Материалы более позднего советского времени показывают, что в некоторых случаях такие гадания могли провоцировать у горожан возникновение острых переживаний (кризис атеистической установки, возникновение суицидальных импульсов); для сельских меморатов подобные мотивы, кажется, нехарактерны. Предварительно можно говорить о том, что сельскому (крестьянскому и казачьему) материалу свойственна большая вариативность, — возможно, благодаря взаимодействию спиритических ритуалов с актуальными и разнообразными формами святочной, любовной, окказиональной ворожбы. Наиболее интересными представляются случаи глубокого включения «чужой» техники в этнолокальную мифоритуальную традицию, где гадание становится лишь одним из звеньев в целой цепи обрядовых действий (магические способы поиска и возвращения пропавшей скотины, исцеление от болезни через обетные практики).

²⁵ Такие мифологические сюжеты известны, но они, по-видимому, редки: мужчина, желающий узнать, почему болеет его дочь, идет в полночь на кладбище, накрывает стол белой скатертью и ставит две рюмки с водкой; когда рюмка пустеет, кто-то произносит ответ [Зиновьев 1987: 83]; гадающий открывает душник и печную заслонку, по имени зовет умершего человека, и тот отзывается через трубу, отвечая на вопросы присутствующих [Мороз 2012: 253–254]. Исследователи отмечают, что на славянском материале XIX–XX вв. прямая связь ворожбы с культом умерших предков не прослеживается, но отчасти ее позволяет реконструировать акциональная сторона некоторых гаданий (использование куты, блинов и т. п.) [Виноградова 1981: 14–18].

²⁶ Показательно замечание бывшей жительницы юсьвинской деревни, что во время гадания на игле она вызвала свою покойную бабушку «случайно»; хотя предсказания сбылись, больше она к такому способу не прибегала.

Список информантов

- ДНА — Дёмина Нина Афанасьевна, 1919 г. р., род. в ст. Раздорская Усть-Донецкого р-на Ростовской обл.; зап. Н. А. Власкина, С. А. Шестак в 2001 г.; ПМ ДЭЭ РГУ.
- ЗНИ — Зубова Нина Ивановна, 1953 г. р., род. в д. Гурино, живет в д. Трошиха Кудымкарского р-на Пермского края; зап. М. А. Брюханова в 2017 г.; ФА ЛКиВА ПГНИУ.
- КАС — Красюков Алексей Семёнович, 1928 г. р., род. в х. Коса Азовского р-на Ростовской обл.; зап. Н. А. Власкина в 2003 г.; ПМ ДЭЭ РГУ.
- КВГ — Колесникова Валентина Геннадьевна, 1934 г. р., род. в х. Чалбин Цимлянского р-на, живет в пос. Зимовники Зимовниковского р-на Ростовской обл.; зап. Н. Добрыдень, Е. А. Мельникова в 2000 г.; ПМ ДЭЭ РГУ.
- КНВ — Кичигина Нина Васильевна, 1937 г. р., род. в с. Верх-Язьва Красновишерского р-на Пермского края; зап. С. Ю. Королёва, А. С. Беломестнова, М. А. Брюханова в 2017 г.; ФА ЛКиВА ПГНИУ.
- МЛЕ — Моисеева Любовь Егоровна, 1960 г. р., род. в д. Дубровка Юрлинского р-на Пермского края; зап. С. Ю. Королёва в 2017 г.; ФА ЛКиВА ПГНИУ.
- ПГН — Петрова Галина Николаевна, 1950 г. р., род. и в юности жила в д. Федорово Юсьвинского р-на Пермского края, живет в г. Славянск-на-Кубани Краснодарского края; зап. Е. С. Шевченко в 2017 г.; ЛАА.
- ПКД — Половникова Ксения Демьяновна, 1942 г. р., род. в д. Зарубина, живет в д. Васькова Юрлинского р-на Пермского края; зап. С. Ю. Королёва, А. С. Беломестнова, М. А. Брюханова в 2017 г.; ФА ЛКиВА ПГНИУ.
- ТЕИ — Тотьмянина Екатерина Ивановна, 1942 г. р., род. в д. Кладова, живет в д. Васькова Юрлинского р-на Пермского края; зап. С. Ю. Королёва, А. С. Беломестнова, М. А. Брюханова в 2017 г.; ФА ЛКиВА ПГНИУ.

Интернет-источники

- Даева 1922 — *Даева М.* Дневник. Записи 1922 г. // Прожито: Электронный корпус личных дневников. URL: <http://prozhito.org/notes?date=»1922-01-01»&diaries=%5B137%5D>.
- Манакова 1913 — *Манакова Е.* Дневник. Записи 1913 г. // Прожито: Электронный корпус личных дневников. URL: <http://prozhito.org/notes?date=»1913-01-01»&diaries=%5B453%5D>.
- Уиджа // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Уиджа>.

Литература

- Адоньева 2001 — *Адоньева С. Б.* Дух Пушкина // Адоньева С. Б. Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. С. 63–76.
- Бахматов и др. 2008 — *Бахматов А. А., Голева Т. Г., Подюков И. А., Черных А. В.* Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: Материалы и исследования. Пермь: ОТ и ДО, 2008.
- Бенуа 1980 — *Бенуа А.* Мои воспоминания: В 5 кн. Кн. 1–3. М.: Наука, 1980.
- Берг 1880 — *Берг Н. В.* И. Даль и П. В. Нащокин // Русская старина. Т. 28. Вып. 5–8. 1880. С. 613–616.
- Вейцман 1981 — *Вейцман Ф.* Без отечества. История жизни русского еврея. Т. 1–2. Тель-Авив: [б. и.], 1981.

- Виницкий 2009 — *Виницкий И. Ю.* Душа в «закрытом» обществе: эпидемия столоверчения в России 1853–1855 годов // Новое литературное обозрение. № 100. 2009. С. 734–745.
- Виноградова 1981 — *Виноградова Л. Н.* Девичьи гадания о замужестве в цикле календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст / Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1981. С. 13–43.
- Добровольская 2004 — *Добровольская В. Е.* Гадания // Традиционная культура Гороховецкого края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: В 2 т. / Сост. А. Н. Иванов, А. С. Каргин. Т. 1. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2004. С. 62–69.
- Дьяченко 1900 — *Дьяченко Г., свящ.* Из области таинственного. Простая речь о бытии и свойствах души человеческой. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1900.
- Зиновьев 1987 — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987.
- Иванова 1996 — Вятский фольклор: Мифология / Сост., вступ. ст., коммент. А. А. Ивановой. Котельнич: Вятск. рег. центр рус. культуры, 1996.
- Ипполитова, Топорков 2012 — *Ипполитова А. Б., Топорков А. Л.* «Прожила как в мельничном колесе, вот такую жизнь»: Записи мифологической и биографической прозы из с. Тихманьга // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв.: К изучению биографического и религиозного нарратива / Под ред. Е. Б. Смилянской. М.: Индрик, 2012. С. 261–326.
- Казимировић 1940 — *Казимировић Р.* Чарање, гатање, врачање и прорицање у нашем народу. Београд: Издање книжарнице М. Милановића, 1940.
- Каменский 1973 — *Каменский Ю.* Вокруг стола // Молодой коммунист. 1973. № 12. С. 74–81.
- Королёва, Коршунков 2017 — *Королёва С. Ю., Коршунков В. А.* Народное столоверчение (городской ритуал в крестьянской среде) // Антропологический форум. № 34. 2017. С. 127–155.
- Криничная 2004 — *Криничная Н. А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академ. проект; Гаудеамус, 2004.
- Крыжанская 2010 — *Крыжанская К. А.* Мистика, хиромантия и суеверия в повседневной жизни благовещенцев 10-х годов XX века (по материалам периодической печати тех лет) // Лосевские чтения-2010: Материалы регион. науч.-практ. конф. / Под ред. А. В. Урманова. Вып. 3. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 42–54.
- Крыжанская 2011 — *Крыжанская К. А.* Опыт соприкосновения с мистическим в повседневной жизни русского Харбина (по материалам периодической печати г. Харбина 1920–1930-х гг.) // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами / Под общ. ред. Л. А. Понкратовой, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 346–352.
- Ланге 1976 — *Ланге В.* Загадки танцующих столов // Наука и религия. 1976. № 9. С. 61–73.
- Левкиевская 2000 — *Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, АСТ, 2000.
- Левкиевская 2009 — *Левкиевская Е. Е.* Письмо // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 52–55.
- Логинов 2010 — *Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2010.
- Марцеллин 2000 — *Марцеллин А.* Римская история (Res Gestae) / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни; Ред., предисл. и коммент. Л. Ю. Лукомского. СПб.: Алетейя, 2000.

- Мороз 2012 — Знатки, ведуны и чернокнижники: Колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под ред. А. Б. Мороза. М.: Форум; Неолит, 2012.
- Морозов, Слепцова 2004 — *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004.
- Морозов, Смольников 1997 — *Морозов И. А., Смольников С. Н.* Гадания // Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. С. 67–73.
- Николаева 2000 — *Николаева Н.* Театр, библиотеки, семейные вечера (из воспоминаний Ии Константиновны Франчески) // Сквозь границы: Культурологический альманах / Гл. ред. Н. И. Поспелова. Вып. 1. Киров: Изд-во ВятГПУ, 2002. С. 158–161.
- Павлицев 1890 — *Павлицев Л.* Из семейной хроники. Воспоминания об А.С. Пушкине. М.: Унив. тип., 1890.
- Панченко 2006 — *Панченко А. А.* Русский спиритизм: культурная практика и литературная репрезентация // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика / Сост. К. Богданов, Ю. Мурашов, Р. Николози. М.: Нов. изд-во, 2006. С. 113–134.
- Раденковић 1993 — *Раденковић Љ.* Култ писане речи код Јужних Словена // Српска Византија / Уред. Б. Јовановић. Београд: Студио плус, 1993. С. 227–234.
- Райан 2006 — *Райан В. Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. М.: Нов. лит. обозрение, 2006.
- Сергиенко 1977 — *Сергиенко Е.* О вещих снах и всезнающем блюдецке // Наука и религия. 1977. № 12. С. 33–36.
- Смирнов 1927 — *Смирнов В.* Народные гаданья Костромского края. (Очерк и тексты) // Четвертый этнографический сборник. Кострома: Красный печатник, 1927 (Тр. Костромского научного общества по изучению местного края; Вып. 41). С. 17–91.
- Судариков 1977 — *Судариков В.* Добрый «святой дух» // Наука и религия. 1977. № 2. С. 40.
- Тертуллиан 2005 — *Тертуллиан К.* Апологетик. К Скапуле / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. А. Ю. Братухина. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2005.
- Шевкунов 2011 — *Тихон (Шевкунов), архимандрит.* «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА Медиа Групп, 2011.
- Шестинский 1986 — *Шестинский О.* Словно вода сквозь камни // Смена. 1986. № 8. С. 24–25.
- Шумов, Преженцева 1993 — Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе, в бане / Сост. К. Шумов, Е. Преженцева. Пермь: Янус, 1993.

Сокращения

ЛАА — Личный архив автора.

ФА ЛКиВА ПГНИУ — фольклорный архив лаборатории культурной и визуальной антропологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

ПМ ДЭЭ РГУ — полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета.

FOLK SPIRITUALISTIC FORTUNE-TELLING IN THE 20TH CENTURY (TABLE-TURNING AND CIRCLE WITH LETTERS)

Korolyova, Svetlana Yu.

PhD (Candidate of Science in Philology)

Associate Professor, Department of Russian Literature,

Perm State University,

Russia, 614990, Perm, Bukireva str., 15

Tel.: +7 (342) 239-73-74

E-mail: petel@yandex.ru

Abstract. The article investigates transformation of spiritualist rituals that functioned in the 20th century in a heterogeneous social environment: in popular urban culture, in peasant and Cossack communities. The data comes from various sources: diaries, memoirs, autobiographical prose of participants in spiritualist sessions, periodical publications, folklore and ethnographic works, field research materials from various regions. Spiritualist rituals (conversation with a spirit through table-turning or a circle with letters) are usually used in urban and rural culture as New Year or occasional divination; they become a kind of family tradition. Analysis of the “technical side” of these rites makes it possible to clarify the genesis of some peasant fortune-telling, to reveal the diversity of folk variants of spiritualist divination, to show their “shifts” towards children’s “call for spirits”. It appears that rural spiritualist fortune-telling is more variable than urban ones, possibly because of its interaction with various living forms of calendrical, love and occasional divination. Beliefs concerning the magical power of written words and signs, as well as the traditional ways of “communication with spirits” (demons of space) could also be the factors which influence the adaptation of urban spiritual rites to the peasant tradition.

Key words: spiritualism, table-turning, fortune-telling, divination, Christmastide, children’s “call for spirits”, Komi-Permyaks, mytho-ritual tradition, folk narrative

References

- Adoniev, S. B. (2001). Dukh Pushkina [Pushkin’s spirit]. In S. B. Adoniev. *Kategoriia nenastoiashchego vremeni (antropologicheskie ocherki)* [The category of non-present simple tense (Anthropological essays)], 63–76. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (In Russian).
- Bakhmatov, A. A., Goleva, T. G., Podiukov, I. A., Chernykh, A. V. (2008). *Russkie v Komi-Permiatskom okruge: obriadnost’ i fol’klor: Materialy i issledovaniia* [The Russians in Komi-Permian area: Rituals and folklore: Materials and studies]. Perm: OT i DO. (In Russian).
- Benua, A. (1980). *Moi vospominaniia* [My memoirs] (Books 1–3). Moscow: Nauka. (In Russian).
- Berg, N. V. (1880). V. I. Dal’ i P. V. Nashchokin. [V. I. Dal and P. V. Nashchokin]. *Russkaia starina* [Russian antiquity], 28(5–8), 613–616. (In Russian).

- D'iachenko, G. (1900). *Iz oblasti tainstvennogo. Prostaia rech' o bytii i svoistvakh dushi chelovecheskoi* [From the sphere of the mysterious. Simple stories about the existence and features of the human soul]. Moscow: Tipografiia tovarishchestva I. D. Sytina. (In Russian).
- Dobrovol'skaia, V. E. (2004). Gadaniia [Divination]. In A. N. Ivanov, A. S. Kargin (Eds.). *Traditsionnaia kul'tura Gorokhovetskogo kraia: Ekspeditsionnye, arkhivnye, analiticheskie materialy* [Traditional culture of the Gorokhovetsky region: Fieldwork, archival, analytical materials] (Vol. 1), 62–69. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. (In Russian).
- Ivanova, A. A. (Ed. and Comment.). (1996). *Viatskii fol'klor: Mifologiya* [Vyatka folklore: Mythology]. Kotelnich: Viatskii regional'nyi tsentr russkoi kul'tury. (In Russian).
- Ippolitova, A. B., Toporkov, A. L. (2012) “Prozhila kak v mel'ničnom kolese, vot taku zhis'”: Zapisi mifologicheskoi i biograficheskoi prozy iz s. Tikhman'ga [“Lived as in a mill wheel, that's how life is”: Records of mythological and biographical prose from Tikhmanga village]. In E. B. Smilianskaia (Ed.). *O svoei zemle, svoei vere, nastoiashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv.: K izucheniiu biograficheskogo i religioznogo narrativa* [About the land, the belief, the present and the experienced in Russia in the 20th–21st centuries: Towards a study of biographical and religious narrative], 261–326. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Kamenskii, Iu. (1973). Vokrug stola [Around the table]. *Molodoi kommunist* [Young Communist], 1973(12), 74–81. (In Russian).
- Kazimirovich, R. (1940). *Čaranje, gatanje, vračanje i proricanje u našem narodu* [Charms, divination, healing and predictions of our nation]. Belgrade: Izdanje knjižarnice M. Milanovića. (In Serbian).
- Koroleva, S. Iu., Korshunkov, V. A. (2017). Narodnoe stoloverchenie (gorodskoi ritual v krest'ianskoi srede) [Folk table-turning (an urban rite in a peasant community)]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], 34, 127–155. (In Russian).
- Krinichnaia, N. A. (2004). *Russkaia mifologiya: Mir obrazov fol'klora* [Russian mythology: The world of folklore images]. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus. (In Russian).
- Kryzhanskaia, K. A. (2010). Mistika, khiromantiia i sueverii v povsednevnoi zhizni blagoveshchentsev 10-kh godov 20 veka (po materialam periodicheskoi pechati tekhnicheskikh let) [Mysticism, palmistry and superstition in the everyday life of Blagoveshchensk inhabitants in the 1910s (based on the periodical press of the 1920s–1930s)]. In A. V. Urmanov (Ed.). *Losevskie chteniia–2010: Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Losev readings–2010: Proceedings of a regional scientific-practical conference] (Issue 3), 42–54. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russian).
- Kryzhanskaia, K. A. (2011). Opyt soprikosnoveniia s misticheskim v povsednevnoi zhizni russkogo Kharbina (po materialam periodicheskoi pechati g. Kharbina 1920–1930-kh gg.) [Experience of contact with the mystical in the everyday life of Russian people in Harbin (based on the periodical press of the 1920s–1930s)]. In L. A. Ponkratova, A. A. Zabiako (Eds.). *Rossia i Kitai: sotsial'no-ekonomicheskoe vzaimodeistvie mezhduraznymi stranami i pri-granichnymi regionami* [Russia and China: socio-economic interaction between countries and border regions], 346–352. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Lange, V. (1976). Zagadki tantsuiushchikh stolov [Trans. from Lange, W. (1972). *Das Rätsel der tanzenden Tische. Kriminal-Geschichten*. Berlin: Das Neue Berlin]. *Nauka i religiya* [Science and Religion], 1976(9), 61–73. (In Russian).
- Levkievskaja, E. E. (2000). *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian ethnos]. Moscow: Astrel', AST. (In Russian).
- Levkievskaja, E. E. (2009). Pis'mo [Writing]. In N. I. Tolstoi (Ed.). *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary] (Vol. 4), 52–55. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).

- Loginov, K. K. (2010). *Traditsionnyi zhiznennyi tsikl russkikh Vodlozer'ia: obriady, obychai i konflikty* [The traditional life cycle of Russians in the Vodlozerye area: Rituals, customs and conflicts]. Moscow; Petrozavodsk: Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke. (In Russian).
- Martsellin, A. (2000). *Rimskaia istoriia* [Transl. from *Ammiani Marcellini Rerum Gestarum libri qui supersunt* (1978). Vol. I–II. Leipzig: Teubner]. St. Petersburg: Aleteiia. (In Russian).
- Moroz, A. B. (Ed.). (2012). *Znatki, veduny i chernoknizhniki: Koldovstvo i bytovaia magiia na Russkom Severe* [Magicians, seers and warlocks: witchcraft and everyday magic in Russian North]. Moscow: Forum; Neolit. (In Russian).
- Morozov, I. A., Smol'nikov, S. N. (1997). Gadaniia [Divination]. In I. A. Morozov, I. S. Sleptsova, E. B. Ostrovskii, S. N. Smol'nikov, E. A. Miniukhina. *Dukhovnaia kul'tura Severnogo Beloz'er'ia: Etnodialektnyi slovar'* [Spiritual culture of Northern Belozerye: Ethnodialectal dictionary], 67–73. Moscow: Izdatel'stvo Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi Akademii nauk. (In Russian).
- Morozov, I. A., Sleptsova, I. S. (2004). *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'ianina (XIX–XX vv.)* [The circle of the game. Holiday play in the life of the North-Russian peasant (19th–20th centuries)]. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Nikolaeva, N. (2000) Teatr, biblioteki, semeinye vechera (iz vospominanii Li Konstantinovny Francheski) [Theater, libraries, family evenings (from Lia Konstantinovna Francheski's memoirs)]. In N. I. Pospelova (Ed.). *Skvoz' granitsy: Kul'turologicheskii al'manakh* [Across the borders: Almanac on culture studies] (Vol. 1), 158–161. Kirov: Izdatel'stvo viatskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russian).
- Panchenko, A. A. (2006). Russkii spiritizm: kul'turnaia praktika i literaturnaia reprezentatsiia [Russian spiritism: Cultural practice and literary representation]. In K. Bogdanov, Iu. Murashov, R. Nikolozi (Eds.). *Russkaia literatura i meditsina: Telo, predpisaniia, sotsial'naia praktika* [Russian literature and medicine: Body, prescriptions, social practice], 113–134. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Pavlishchev, L. (1890). *Iz semeinoi khroniki. Vospominaniia ob A. S. Pushkine* [From the family chronicle. Memoirs about A. S. Pushkin]. Moscow: Universitetskaiia tipografiia. (In Russian).
- Radenković, L. (1993). Kult pisane reči kod Južnih Slovena [South Slavic cult of the written word]. In B. Jovanović (Ed.). *Srpska Vizantija* [Serbian Byzantium], 227–234. Belgrade: Studio plus. (In Serbian).
- Raian, V. F. (2006). *Bania v polnoch': Istoricheskii obzor magii i gadanii v Rossii* [Trans. from Ryan, W. F. (1999). *The bathhouse at midnight: An historical survey of magic and divination in Russia*. University Park: The Pennsylvania State Univ. Press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Sergienko, E. (1977). O veshchikh snakh i vseznaiushchem bliudechke [About prophetic dreams and an omniscient saucer]. *Nauka i religiia* [Science and religion], 1977(12), 33–36. (In Russian).
- Shestinskii, O. (1986). Slovo voda skvoz' kamni [Like water through rocks]. *Smena* [Shift], 1986(8), 24–25. (In Russian).
- Shevkunov, T. (2011). “Nesviatye sviatye” i drugie rasskazy [“Unholy saints” and other stories]. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastiria; OLMA Media Grupp. (In Russian).
- Shumov, K., Prezhentseva, E. (Eds.) (1993). *Pravdivye rasskazy o poltergeiste i prochei nezhi na ovine, v izbe, v bane* [True stories about a poltergeist and other spirits in barn, house and bathhouse]. Perm: Ianus. (In Russian).
- Smirnov, V. (1927). Narodnye gadan'ia Kostromskogo kraia [Folk fortune-telling of the Kostroma region]. In *Chevertyi etnograficheskii sbornik* [4th ethnographic collection], 17–91. Kostroma: Krasnyi pechatnik. (In Russian).

- Sudarikov, V. (1977). Dobryi “sviatoi dukh” [A kind “holy spirit”]. *Nauka i religiia* [Science and Religion], 1977(2), 40. (In Russian).
- Tertullian, K. (2005). Apologetik. [Transl. from Tertullianus (1961). *Apologeticum: Verteidigung des Christentums lateinisch und deutsch, übers. C. Becker*. München]. In K. Tertullian. *Apologetik. K Skapule* [Apologeticus. To Scapula], 111–191. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko. (In Russian).
- Veitsman, F. (1981). *Bez otechestva. Istoriia zhizni russkogo evreia* [Without a fatherland. A Russian Jew's life history] (Vols. 1–2). Tel-Aviv: [n. p.]. (In Russian).
- Vinitskii, I. Iu. (2009). Dusha v “zakrytom” obshchestve: epidemiia stolovercheniia v Rossii 1853–1855 godov [The soul in a “closed” society: The epidemic of table-turning in Russia during 1853–1855]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 100, 734–745. (In Russian).
- Vinogradova, L. N. (1981). Devich'i gadaniia o zamuzhestve v tsikle kalendarnoi obriadnosti (zapadno-vostochnoslavianskie paralleli) [Girl's divination about marriage in the cycle of calendar rituals (West and East Slavic parallels)]. In N. I. Tolstoi (Ed.). *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Obriad. Tekst* [Slavic and Balkan folklore: Ritual. Text], 13–43. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Zinov'ev, V. P. (Ed.) (1987). *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniia Vostochnoi Sibiri* [Mythological oral stories of Russians in Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka. (In Russian).

To cite this article:

KOROBYOVA, S. YU. (2018). PROSTONARODNYE SPIRITICHESKIE GADANIYA V XX V. (STOLOVERCHENIE I KRUG S BUKVAMI) [FOLK SPIRITUALISTIC FORTUNE-TELLING IN THE 20TH CENTURY (TABLE-TURNING AND CIRCLE WITH LETTERS)]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 204–227. (IN RUSSIAN).

Received September 12, 2017

Жепниковска Ивона
доктор гуманитарных наук,
профессор, кафедра славянской филологии,
Университет Николая Коперника в Торуня (Польша)
Ul. Fosa Staromiejska 3 87-100 Toruń (Polska)
Тел.: +48 (606) 294-469
E-mail: iwo@umk.pl

В ПОИСКАХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ТЕКСТООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОТЕНЦИЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Рецензия на: Неклюдов С. Ю. Темы и вариации / [Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ]. — М.: Индрик, 2016. — 520 с., ил. — (Литература как традиция; 1).

Одной из основных проблем, постоянно привлекающих исследователей, и притом с давних времен, является соотношение книжных и устных традиций. Отчасти это объясняется тем, что на всем протяжении исторического развития литература находилась в непосредственной связи с фольклором, и эта связь, как известно, была двусторонней. Проблема взаимовлияния обоих видов творчества относится к числу наиболее сложных и дискуссионных. И хотя за последние десятилетия был накоплен огромный опыт в изучении этого вопроса, как практический, так и теоретический, проблема не теряет своей актуальности. Лучшим подтверждением сказанного является новейшее монографическое исследование известного фольклориста и востоковеда С. Ю. Неклюдова «Темы и вариации».

Использованное в заглавии определение «темы и вариации» является первым маркером методологической установки автора, который исходит из положения о существовании в мировой словесности неких устойчивых тем и мотивов, обладающих большим и в то же время ограниченным текстопорождающим потенциалом. К ним относятся, например, предсказание судьбы и попытки ее избежать, представление о Луне как загробном мире и лунных пятнах как неких обитателях ночного светила, уподобление города женщине и женщины городу, сдача жены в аренду (когда муж отдает жену кому-либо с целью извлечения выгоды). Наблюдения над сюжетными реализациями этих тем и мотивов, т. е. над конкретными произведениями словесности, особенно относящимися к разным культурным традициям, позволяют выявить совпадения между ними, порой неожиданные и поразительные, при одновременном наличии структурных и семантических

модификаций, позволяющих говорить о своеобразном варьировании. В поисках объяснения обнаруженных соответствий и трансформаций автор монографии обращается к методам фольклористики, в основном к структурно-семиотическому и сравнительно-типологическому. В результате такой установки тексты рассматриваются как многовариантные и, следовательно, равноправные способы реализации определенной темы, независимо от художественной ценности, приписываемой тем или иным произведениям в литературоведении.

Ключевой аналитической категорией, использованной для объяснения фольклорно-литературных параллелей, является повествовательная модель, которую в конечном счете можно назвать мифологической моделью, несмотря на то что она не имеет прямой текстовой репрезентации. Эти «структурные конфигурации семантических элементов, объединенные логическими связями и реализующие одну из мифологических тем» (с. 481), порой могут быть представлены как относительно простые фабульные схемы, например, описанные в сюжетно-мотивных указателях, но они могут представлять собой и более сложные образования.

К пониманию роли этих моделей в объяснении причин совпадений между текстами культурной традиции автор подводит читателя постепенно, в чем определенную роль играет композиционно-смысловая структура монографии, построенной по принципу градации, т. е. не только по мере усложнения проведенного исследования, но и (а может быть, и прежде всего) по нарастающей сложности и разнообразию выявленных соотношений между текстами устных и книжных традиций. При этом расширяется и само понимание текста, не сводимого исследователем исключительно к речевому высказыванию, поскольку анализу подвергаются также произведения изобразительного и музыкального искусства, кинематографа. Некие устойчивые повествовательные модели выявляются также в историях из реальной жизни, что заставляет автора задуматься о причинах стереотипности этих «сценарных схем жизни», являющейся результатом определенной многоэтапной переорганизации жизненного материала в культурной памяти сообщества.

Основная часть рецензируемой книги посвящена текстуализации в мировой культурной традиции бродячих сюжетов и мотивов (гл. 5). Исходным пунктом для выявления причин соответствий между разными текстами является какой-либо образец книжной словесности, в котором исследователь обнаруживает реализацию определенной устойчивой темы, способной создать структурно-семантическую модель. Как правило, эта модель конкретизируется, а затем приводятся фольклорно-мифологические параллели как данной схемы, так и отдельных ее морфологических компонентов. После этого демонстрируются другие литературные реализации обнаруженной сюжетной конструкции на примерах, почерпнутых из русской и мировой словесности; соответствующие тексты нередко значительно отделены друг от друга временем и пространством их создания. Последнее показывает особую ценность (и даже преимущество) использованных фольклористических методов исследования, которые дают возможность выявления не только типового, повторяющегося на больших временных

и географических дистанциях, но прежде всего позволяют продемонстрировать возможности трансформации сюжета, пути развития фабульных линий. После рассмотрения многочисленных фольклорно-литературных реализаций той или иной модели уточняется, наконец, и сама сюжетопорождающая модель, определенная в начале анализа в максимально обобщенной форме, а скорее обнаруживается существование моделей более специализированного характера. К примеру, для подтверждения тезиса о том, что рассказ Льва Толстого «Кавказский пленник» воспроизводит известную в эпическом фольклоре тему «пленник ямы» (эта тема образует очень простую сюжетную схему: падение в яму-ловушку и спасение из нее), автор приводит и подробно рассматривает ряд примеров ее реализации, почерпнутых из тюрко-монгольских и среднеазиатских традиций. Отмечая возможности взаимозамен и комбинации компонентов повествовательной матрицы (например, это касается мотива расчесывания, распускания, отрезания волос), автор обращается, среди прочего, к фольклору американских индейцев, к памятнику персидской литературы «Шахнаме», к библейской легенде о Самсоне и Далиле и к античной мифологии (с. 223–225). Читатель будет постоянно удивляться нахождению текстуальных манифестаций определенной нарративной модели в столь отдаленных друг от друга фольклорно-мифологических традициях.

Убедительно (и даже свехубедительно) доказав фабульные сходства рассказа Толстого с чрезвычайно богатым фольклорно-эпическим материалом, исследователь показывает другие возможности реализации обнаруженной им сюжетно-мотивной конструкции, обратившись к произведениям, на первый взгляд не дающим основания для подобных сопоставлений, — например, к рассказам «Необычайная прогулка Морроуби Джукса» Редьярда Киплинга и «Страна слепых» Герберта Уэллса, а также к роману «Женщина в песках» Кобо Абэ. Это, в частности, позволяет поставить один из существеннейших с методологической точки зрения вопросов о том, насколько выявленные между столь различными текстами совпадения на самом деле являются результатом реализации определенной фольклорно-мифологической темы, а насколько это результат литературной преемственности. Если знание писателем творчества своих предшественников вполне возможно, но не всегда доказуемо, а иногда и вовсе недоказуемо (для этого требуются определенные свидетельства, документальные подтверждения), то в данном случае причины тематических схождений наиболее убедительно можно объяснить именно следованием общей сюжетопорождающей модели, источник которой — во-первых, довольно широкий круг вербальных текстов, в том числе входящий в фоновое знание читающей публики определенной эпохи, а во-вторых, знание семантики и метафорики языка и разных фольклорно-эпических традиций, оставляющих иногда в памяти лишь неотчетливые отзвуки. Литературные явления часто восходят ко множеству разных источников, т. е. в своей основе они полигенетичны.

Читатель неоднократно убедится в том, что особая ценность сравнительно-типологического метода обнаруживается не столько в тех случаях, когда существует источник, на который писатель сознательно ориентировался, — не для всех мотивов в этом источнике есть параллели (это,

в частности, относится к пушкинской «Песни о вещем Олеге»), сколько тогда, когда источники, к которым восходят определенные фольклорные реминисценции в литературном тексте, совсем не осознаются писателем. Например, таким неосознанным источником для Юрия Олеши был фольклорный сборник Кириши Данилова, объясняющий в неоконченной пьесе писателя «Смерть Занда» соположение городов Москвы и Казани.

Кстати, пример Олеши отсылает к ряду методологических сомнений, высказанных автором в первой главе монографии, посвященной одному из фрагментов поэмы Николая Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» («Савелий, богатырь святорусский»). Речь идет о путях и формах знакомства писателя с фольклорной традицией, а также о том, насколько правомерно в сопоставительных исследованиях выходить за пределы фольклорного материала, непосредственно известного писателю. В ходе анализа выясняется, что это актуально по отношению к творчеству как Некрасова, связь которого с народной традицией является несомненной, так и Олеши, как бы он ни был чужд этой традиции. Дело в том, что, как было сказано выше, в памяти писателя удерживается знание устного наследия, полученное им иногда частями, обрывками, в виде отдельных мотивов, причем не только непосредственно, но и очень часто опосредованно, в форме, неотрефлексированной сознанием. В связи с этим, как полагает С. Ю. Неклюдов, в некотором переосмыслении и коррективах нуждается вопрос о воздействии фольклора на творчество, по сути дела, любого писателя. Определенная роль в исследовании проблемы фольклоризма в литературном творчестве принадлежит структурно-семиотическому и сравнительно-типологическому методам, что было убедительно продемонстрировано автором монографии на примере произведений Некрасова и Олеши.

Конечная цель предпринятых в монографии рассуждений состоит, однако, не в уточнении и корректировании устоявшихся в литературоведении мнений об источниках мотивов, сюжетов, художественных образов, не в обнаружении самой древней фиксации топоса, а в попытке ответить на вопрос о причинах, с одной стороны, сохранения в литературной традиции одних сюжетопорождающих тем и мотивов, их продуктивности на протяжении многих десятилетий и, с другой, ухода из традиции других, их меньшей живучести. Как полагает С. Ю. Неклюдов, востребованными литературой оказываются лишь темы с мифологическими корнями, т. е. восходящие к осмыслению некоторых мифоритуальных практик, а также сохранившиеся в языковой метафорике, как, например, ветхозаветный образ «города-женщины / женщины-города» или «пленник ямы». Не удерживаются в традиции темы, порожденные творческим воображением, по определению автора являющиеся результатом процессов символизации и метафоризации, даже если в их основе иногда лежат некие мифологические представления (с. 487). В частности, это касается темы «лунной одиссеи». Правда, первичные для этого небесного светила значения — Луна как иной мир (мертвенность Луны) и интерпретация пятен на Луне как фигуры некоего перемещенного туда существа — еще сохраняют фольклорно-мифологическую основу, но уже такие «лунные» ассоциации, как обман, ложь,

глупость, безумие — продукт авторского творчества. При рассмотрении причин затухания определенной темы в словесной традиции следует учитывать ряд других обстоятельств, в том числе наличие серьезных и пародийно-комических регистров ее разработки, а также переломные события научной и общественной жизни, — например, для деактуализации лунной тематики большую роль сыграли полеты в космос.

Вопрос генезиса определенной темы, отнесения ее словесных разработок к той или иной группе (по определению автора монографии, к формам первичным или вторичным) оказывается весьма непростой задачей, поскольку это можно установить лишь с помощью сложных семантических реконструкций. Это наглядно демонстрируют наблюдения над литературными реализациями мифологического образа хтонической бездны, связанной с топосом «пленник ямы». Несмотря на некоторую рационализацию места пленения героя, превращающегося в разных произведениях в земляную тюрьму (Толстой), подземное кладбище (Киплинг) или песчаную яму (Кобо Абэ), во всех случаях сохраняются исконно присущие этому месту признаки царства смерти.

Монография представляет собой итог исследований, которые велись на протяжении последних 25 лет. Некоторые фрагменты работы публиковались в виде отдельных статей, но для настоящего издания они были существенно переработаны и дополнены, в том числе новым материалом. И все же лишь помещение их в монографический труд с полной очевидностью демонстрирует, насколько системными и последовательными были эти исследования и насколько плодотворен выработанный в их рамках научный метод, позволяющий рассматривать столь разнообразный материал. Немаловажно и то, что в монографии суммируется богатейший опыт, накопленный представителями отечественной и зарубежной фольклористики, литературоведения и других дисциплин (философии, языкознания, лингвистической семантики, психологии, социологии и т. п.), на работы которых автор постоянно ссылается. Убедительный и блестящий анализ доказывает, что лишь единство преемственности интеллектуального наследия и привнесенных в него инноваций способно обеспечить научное развитие.

Не сомневаясь в теоретической и практической значимости рецензируемой книги, нельзя, однако, отрешиться от впечатления некоторой элитарности данного вида разысканий. Глубина высказанных мыслей и уровень достигнутых обобщений (особенно когда автор использует свой опыт монголоведа) заставляют думать, что исследовать литературу и устное творчество именно таким образом может лишь ограниченный круг ученых. В то же время известно, что предлагаемый в монографии научный метод исследования фольклорно-литературных связей уже на протяжении долгих лет успешно применяют в своих разысканиях коллеги и ученики С. Ю. Неклюдова. В этом смысле монография «Темы и вариации» стала классической задолго до своего выхода в свет.

IN SEARCH OF PATTERNS IN THE TEXT-GENERATING POTENTIALITIES OF CULTURAL TRADITION

Rzepnikowska, Iwona

Dr. Habil.

Extraordinary Professor,

Department of Slavonic Studies,

Nicolaus Copernicus University (Poland)

Ul. Fosa Staromiejska 3 87-100 Toruń

Tel.: +48 (606) 294-469

E-mail: iwo@umk.pl

A review of: Neklyudov, S. Yu. (2016). *Temy i variatsii* [Themes and variations]. Moscow: Indrik. 520 p., ill. (In Russian).

To cite this article:

RZEPNIKOWSKA, I. (2018). V POISKAKH ZAKONOMERNOSTEI TEKSTOOBRAZOVATEL'NYKH POTENTSII KUL'TURNOI TRADITSII [IN SEARCH OF PATTERNS IN THE TEXT-GENERATING POTENTIALITIES OF CULTURAL TRADITION]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 228–233. (IN RUSSIAN).

Received January 3, 2018

О. В. АУРОВ, Д. В. ЗАЙЦЕВ

Ауров Олег Валентинович
кандидат исторических наук
доцент, ведущий научный сотрудник,
Лаборатория античной культуры, ШАГИ РАНХиГС
заведующий кафедрой всеобщей истории,
Институт общественных наук, РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
доцент, кафедра всеобщей истории,
Историко-архивный институт,
Российский государственный гуманитарный университет
125267 Москва, Миусская пл., 6
Тел.: +7 (495) 250-64-56
E-mail: olegaurou1@yandex.ru

Зайцев Дмитрий Владимирович
преподаватель,
Институт общественных наук, РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: dmitriyzaits@yandex.ru

АНТИЧНОСТЬ ПОСЛЕ АНТИЧНОСТИ

Античность — особая эпоха в истории европейской цивилизации. Период появления Европы, особого европейского самосознания и культурного своеобразия, вместе с тем это время уже в Средние века превратилось в источник колоссального количества политических и культурных образов и метафор и остается таковым до сих пор. Создатели империй и отцы-основатели республик, революционеры и консерваторы, идеологи европейской интеграции и адепты крайнего национализма — все они *volens nolens* обращались к этой неисчерпаемой сокровищнице политических идеалов, образцов и риторических средств. Именно поэтому проблематика, связанная с исследованием форм восприятия античности в европейской истории, политике и культуре, является воистину неисчерпаемой. Ниже мы постараемся дать общую характеристику хода и результатов круглого стола «Античность в европейской истории, политике и культуре: Средние века. Новое время. Новейшее время», состоявшегося в Школе актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС **13 сентября 2017 г.**, обратив особое внимание на содержание тех докладов, которые не были опубликованы, а также на общий ход научной дискуссии.

Первая тема, обсуждавшаяся в ходе утреннего заседания, была сформулирована следующим образом: «Культура в политике и политика в культуре: античный мир от расцвета к упадку». Первый доклад («Двойные стандарты в

оценках римской демократии») в рамках секции представил **Андрей Михайлович Сморгчов**. В центр своего исследования докладчик поставил осмысление римской политической системы в современной историографии. По его словам, на протяжении долгого времени Римскую республику характеризовали как олигархию. Однако затем эта точка зрения была оспорена. Спровоцировал дискуссию Ф. Миллар, который заявил, что республика долгое время была такой же, в сущности, демократией, как и Афины V в. до н. э. По мнению докладчика, обе стороны дискуссии методологически неправы, поскольку в качестве критерия оценки римской демократии выступает сравнение с демократией афинской. Однако если использовать этот критерий для анализа современных государств, последние точно так же не могут быть признанными демократическими. Первый критерий — влияние народа на принятие решений — относится к римской политической системе с ее ежегодными выборами и регулярными собраниями гораздо больше, нежели к современным государствам. Второй критерий, который используется для опровержения демократичности римлян — утверждение внесенного законопроекта путем голосования. Однако конкурентный характер голосования не является показателем демократии, тем более что римские политики вносили в народное собрание законопроект только тогда, когда были уверены в его успехе. Отрицательные результаты голосования могли стать угрозой для дальнейшей политической карьеры автора законопроекта. Таким образом, докладчик пришел к выводу, что Римская республика была более демократична, нежели современные демократии. Во всяком случае, римский гражданин обладал правом личного участия в принятии важнейших политических решений и реализовывал его, являясь в народное собрание. Ему не было необходимости делегировать свои права представителям — посторонним для него людям, не пользующимся его полным доверием.

В ходе краткой дискуссии, состоявшейся по окончании доклада, в которой помимо докладчика приняли участие О. В. Аулов и Б. М. Никольский, подчеркивалась некорректность утвердившегося скорее в политической науке, чем в антиковедении, устойчивого противопоставления «демократической Греции» и «олигархического Рима». Было обращено внимание на особую роль олигархических моделей организации политической власти не только для античных, но и для всех архаических (а возможно — и не только архаических) обществ. Именно поэтому «демократические» и «монархические» (авторитарные) элементы политического устройства слишком часто оказывались вторичными, не играющими определяющей роли. При ближайшем рассмотрении античные и средневековые «монархические», «демократические» и «олигархические» политические структуры обнаруживают больше сходных черт, чем различий.

Доклад **Ивана Михайловича Никольского** «“Раннесредневековое” развитие “позднеантичной” политической модели: *Satisfactio* Драконция в редакциях V и VII вв.» был посвящен сочинению «*Satisfactio*» («Искупление») римского ратора, юриста и поэта Блоссия Эмилия Драконция (ум. после 496 г.), жившего в конце V в. в Карфагене. Докладчик наглядно показал, что рассматриваемый текст позволяет детально воспроизвести модель идеального правителя в представлении позднеантичного интеллектуала и вывести корре-

ляцию между ней и политическими событиями того времени. При этом отдельный интерес представляет дальнейшая судьба сочинения: оно оказалось востребовано спустя 200 лет, когда вторую жизнь в виде новой, несколько видоизмененной редакции ему дал толедский епископ Евгений II (ум. в 657 г.), крупная фигура в политической и культурной жизни вестготской Испании своего времени.

В ходе общей дискуссии по итогам работы секции подчеркивалась значимость формирования общих представлений о фундаментальных особенностях форм политического устройства в античности, удачно отраженных докладчиками. Если объектом анализа у А. М. Сморгчова выступила античная «демократия», то у И. М. Никольского — античная по своей сути «монархия», особенности которой были выявлены на примере политического устройства варварского королевства вандалов. В последнем случае, как подчеркнул в ходе дискуссии И. М. Никольский, представления о легитимности власти были прямо связаны с ее римскими истоками, в том числе с фактами прямого родства вандальских королей с императорами Запада, как это видно в случае короля Хуннериха (Гунериха, 477–484); отсюда же проистекала и традиция использования императорской титулатуры и некоторых иных внешних атрибутов королями вандалов и аланов в Северной Африке. О. В. Ауров подчеркнул роль текста (в данном случае — сочинений Драконция, в поздней редакции которого ощутимо также влияние идей Аврелия Августина, Исидора Севильского и некоторых других позднеантичных авторов) как матрицы, фиксирующей значимые элементы политической культуры. Вместе с тем была поставлена под сомнение идея докладчика о «средневековом» (в противовес непосредственным «античным» предшественникам) характере литературного наследия не только Евгения II Толедского, но и Юлиана Толедского (ок. 642 — 690), во многом продолжавшего его традиции и как действующий политик, и (особенно) как идеолог. В ответ на это замечание И. М. Никольский поставил проблему хронологической и сущностной границы между античностью и Средневековьем в широком смысле, поскольку в противном случае невозможно четко определить специфику «античного» по отношению к «средневековому». Было признано целесообразным рассмотреть эту глобальную проблему позднее, с учетом результатов работы «средневековой» секции.

Дневное заседание, темой которого стала «Античная идея Империи в политике и культуре средневековой и ренессансной Европы», открыл доклад **Марии Александровны Черновой** «Античные образцы в репрезентации власти в Сербии XIII–XV вв.». Он был посвящен античным образам в системе репрезентации власти средневекового Сербского государства на примере житий, дарственных грамот сербских правителей, родословов, летописей и визуальных источников. Основная стратегия сербских правителей в сфере репрезентации заключалась в апелляции к святой династии Неманичей, а также в сравнении с целым рядом библейских персонажей. Но, несмотря на очевидную христианскую направленность всей политической культуры Сербского государства, античные образы в ней активно присутствовали. В докладе были рассмотрены два из них — Александр Великий и Константин Великий.

Образ Александра Великого приобрел популярность на Балканах в связи с распространением в XIV в. перевода позднеэллинистического романа Псевдо-

Каллисфена «Александрия». В это же время в литературе появляется первое сравнение с образом македонского царя, сербского короля Стефана Уроша II Милутина (1282–1321) из династии Неманичей. Еще одним античным образом, широко распространенным на Балканах (как и во всем христианском мире), стал образ Константина Великого, воспринимавшегося как защитник христиан и первый христианский император. Исходя из этого представления, болгарский книжник Константин Философ (Константин Костенечки, 1380 — после 1431), автор «Жития Стефана Лазаревича», возвел к императору Константину всю сербскую династию Неманичей. Кроме того, образ Константина Великого присутствует в житийной литературе и на фресках многочисленных монастырей-задушбин (построенных во имя спасения души основателя) сербских правителей. Таким образом, античные герои органично вплелись в христианскую идеологию репрезентации сербских правителей.

В ходе краткой дискуссии, состоявшейся по окончании доклада (О. В. Ауров, М. В. Шумилин и др.), подчеркивалась значимость приведенных примеров из истории Сербии именно в том, что им несложно найти параллели в культурах других средневековых христианских монархий — не только балканских, но и западно-средиземноморских и западноевропейских в целом. И эпические произведения об Александре Македонском, и образ Константина Великого (ср. эпитет «Новый Константин», применявшийся современниками к императору Фридриху II Гогенштауфену), получили широкое распространение, что говорит о высокой степени единства средневековой христианской (не только латинской) Европы.

Олег Валентинович Ауров представил доклад «Сюжеты римской истории в “Истории Испании” Альфонсо X Мудрого (1252–1284 гг.)». В центре внимания докладчика находились образы из римской истории, отраженные в большой хронике «История Испании», созданной по инициативе короля Кастилии Альфонсо X Мудрого. Создание этого незавершенного сочинения, написанного на старокастильском языке и составившего (наряду с «Великой и всеобщей историей») своеобразную историографическую диологию, докладчик прямо связал как с образом античного наследия, сформировавшимся к середине XIII столетия в культуре пиренейских монархий, так и с политической ситуацией на Пиренейском полуострове.

Причины появления сюжетов и образов из римской истории в тексте памятника могли быть самыми разными. Во-первых, хронистами мог двигать чисто познавательный интерес к античному прошлому. Во-вторых, темы, которые были избраны Мудрым Королем и его сотрудниками, сильно зависели от круга источников, среди которых основными являлись «Энеида» Вергилия, «История против язычников» Павла Орозия и некоторые другие. Наконец, третья причина (которую следует признать основной и которая соответствовала изначальной задаче составления хроники) была обусловлена восприятием истории Рима как своеобразной политической лаборатории, опыт которой хронисты пытались использовать и популяризировать на новом этапе существования королевства Кастилия и Леон, претендовавшего на гегемонию в масштабах всего Пиренейского полуострова — единой Испании. Эта новая, еще не существовавшая страна вписывается в европейскую и мировую историю именно через посредство Рима, одним из прямых преемников которого

оказывалась *Espanna* Альфонсо Мудрого, образ которой создавала хроника. Обращаясь к ее рукописной традиции (прежде всего к люминированной рукописи Y-i-2 (конец XIII в.) из собрания Королевской библиотеки Эскориала), докладчик обратил внимание слушателей на сходные моменты и в декоративном оформлении ключевых рукописных свидетельств истории памятника.

В ходе краткой дискуссии, состоявшейся по окончании доклада (О. В. Ауров, М. В. Шумилин, Е. В. Илюшечкина, М. А. Чернова, И. М. Никольский), была подчеркнута значимость «Фарсалии» Лукана как одного из универсальных средневековых источников по истории Рима. В частности, в «Истории Испании» именно оттуда заимствована информация о римских магистратах (представленная вслед за рассказом о Пунических войнах и царском периоде римской истории), политическом устройстве императорского Рима и др. Лукан выступал в хронике в качестве одного из главных авторитетов, на мнение которого ориентировались хронисты. Наряду с ним следует подчеркнуть роль произведений Вергилия, Овидия, в меньшей степени — Горация и Ювенала. Но главным источником являлась все же «История против язычников» Павла Орозия, информация которого составила цифровой каркас повествования, вокруг которого «выстраивались» сведения, почерпнутые из других текстов, что в итоге позволяло связать историю «Испании» с историей Рима, создать образ Испании как своеобразного «воображаемого сообщества». При этом не следует забывать, что «История Испании», наряду с «Великой и всеобщей историей», составляла дилогию: если первая начиналась с описания деяний Геркулеса, основателя испанских городов, то вторая — с сотворения мира, судя по «Хронике» Евсевия-Иеронима. Важное значение для создания образа единой Испании, связанной общностью прошлого, имело и использование кастильского языка, который способствовал широкому распространению историографической модели памятника; свидетельство тому — наличие различных версий текста и богатство рукописной традиции «Истории Испании».

С заключительным докладом секции «Ученый гуманист vs античный автор: комментарии раннего Нового времени к энциклопедии Плиния Старшего» выступила **Екатерина Викторовна Илюшечкина**. Центральной темой ее сообщения стали комментарии Маркантонио Сабеллико (1436–1506), Стефана Аквея (? — ок. 1537) и Якоба Далекампия (ок. 1513–1588) к «Естественной истории» римского автора Плиния Старшего. Докладчик рассмотрел особенности восприятия труда Плиния Старшего в раннее Новое время, изменения во взглядах и подходах ученых-гуманистов XV–XVI вв., которые сыграли важную роль в становлении науки об античности.

В ходе общей дискуссии, состоявшейся по итогам работы секции, ее участники, И. М. Никольский, Н. П. Таньшина, М. В. Шумилин и И. А. Женин, подчеркнули в первую очередь сложность и разнообразие форм трансляции античного наследия в периоды Средневековья и раннего Нового времени. Кроме того, были подведены итоги начатого на утреннем заседании обсуждения хронологических границ античности и критериев их проведения. В последнем случае, помимо констатации определенной условности самого определения понятия *античность*, было подчеркнуто, что проведение более или менее четкой границы между античностью и Средневековьем необходи-

мо лишь в процессе преподавания соответствующих дисциплин и в целом недостаточно целесообразно в рамках академической науки, в силу крайней сложности конкретного материала и его многообразия. С учетом этих замечаний О. В. Ауоровым было предложено два основных критерия для проведения хронологической границы между античностью и Средневековьем в широком смысле.

Первый из них — окончательное исчезновение как античной гражданской общины в собственном ее виде, так и генетически связанной с ней позднеантичной церковной организации. Последняя, подобно первой, выстраивалась в пределах городской черты, статус клира заимствовал ряд важных элементов статуса и функций античных магистратов, традиция массовых собраний в больших храмах-базиликах в определенной мере выступала в качестве преемника народных собраний античного времени и т. д. В хронологическом плане, как подчеркивали участники дискуссии, можно говорить приблизительно о рубеже VII–VIII вв., поскольку, в частности, в реалиях церковной жизни каролингской эпохи античные черты уже не присутствовали в сколь-нибудь системном виде. Например, в организационном плане каролингская Церковь ориентировалась уже прежде всего на сельскую местность; ее ключевыми структурными элементами являлись сельские приходы и монастыри, а основную паству составляли *rustici*, тогда как роль города в церковной организации резко сократилась во всех возможных аспектах.

В качестве второго критерия было выдвинуто возникновение культуры мертвого латинского языка, торжество которой являлось, вероятно, наиболее наглядным свидетельством исчезновения римской школы — едва ли не главной основы римской гражданской идентичности, общественно-политическая роль которой известна нам в первую очередь по данным сочинений Квинтилиана и Аврелия Августина. Внешние проявления кризиса, последовавшего за исчезновением античной школы около середины VII в., могли быть самыми разными. Далеко не всегда речь шла о явном упрощении риторических конструкций и грамматических форм, а также об оскудении лексики. Наоборот, культура вестготской Испании VII в. — от Исидора Севильского и его современников до Юлиана Толедского — характеризуется скорее искусственным усложнением письменной речи, которая становится все более изысканной, изобилует плеоназмами, сложными метафорами и риторическими фигурами, отличается крайним богатством лексики (в том числе за счет греческих заимствований). При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что эта искусственная усложненность являлась, главным образом, следствием предельного сокращения круга образованных людей, которые в своих произведениях ориентировались почти исключительно на узкую группу высокообразованных современников — островок в море торжествующего обскурантизма. В этом смысле показательно, в частности, содержание трактата «Наставления к воспитанию» (VIII в.), отражающего идеальную систему образования и воспитания, основная идея которого, несомненно, восходит к «Государству» Платона. Отсутствие практического значения этого текста, представляющего своеобразную педагогическую утопию, очевидно: знания и навыки, которые его автор предлагал выработать у учащихся, были абсолютно неприменимы в условиях VIII столетия. К этому времени разрыв между устной и письменной

традицией принял совершенно необратимый характер: письменный язык уже не только не воспроизводится, но и не понимается без специальной подготовки. Видимо, с этого столетия и следует начинать Средневековые (при том, что и названная дата не лишена условности).

В ходе дискуссии с О. В. Ауоровым М. В. Шумилин, И. М. Никольский и Е. В. Илюшечкина обратили внимание на специфику византийской цивилизации, в истории культуры которой также можно указать на выраженный «лингвистический поворот», проявившийся в первую очередь в окончательном вытеснении латинского языка из сферы права и делопроизводства в том же VIII столетии. Вместе с тем глубокие изменения в этой сфере проявились еще ранее — уже в VII в. В это время пресекается традиция языческой эпиграммы, утверждается негативное представление об эллинах как язычниках и т. п. Эти черты, несомненно, имеют параллели в истории западной культуры рубежа античности и Средневековья. Однако они возникли в условиях сохранения античной школы, традиция которой не пресекалась до самого конца Восточной империи. Есть даже точка зрения, согласно которой Византия сохранила верность принципам античного прошлого на протяжении всей своей истории, и можно говорить лишь о смене одних моделей восприятия античности другими.

Сказанное не отрицает справедливости замечаний, высказанных на западном материале, но заставляет рассматривать их как частный случай проявления тенденций более общего характера. Следует также уйти от упрощенных представлений об эволюции латинского литературного языка в первые века н. э., тем более что дистанция между литературной и разговорной («народной») латынью была весьма ощутима даже во времена расцвета римской культуры. Поэтому говорить о выраженных «разрывах», одномоментном (или даже резком) сломе традиции в данном случае едва ли возможно. В итоге дискуссии констатировали сложность проблемы и необходимость дальнейшего изучения целого ряда ее конкретных аспектов.

М. А. Чернова и И. А. Женин обратили внимание на определенную уязвимость попытки распространения О. В. Ауоровым понятия «воображаемое общество», введенного Б. Андерсеном главным образом на конкретном примере Австро-Венгерской империи, на историю национальных государств, тем более с учетом тех многочисленных ограничений, с которыми это последнее понятие может быть использовано применительно к Средневековью.

О. В. Ауоров признал известную обоснованность высказанного замечания, подчеркнув, однако, что в первую очередь в данном случае его интересовала степень применимости выводов, полученных в процессе изучения механизмов нацистроительства XIX–XX вв., связанных с формированием национальных идентичностей, хорошо изученных на материале Германии, Франции, Австро-Венгрии и ряда других стран и регионов, к процессам политогенеза архаических общностей. В ряде случаев подобная экстраполяция (разумеется, при наличии существенных оговорок) является достаточно плодотворной. В частности, это видно на примере Тулузского и Толедского королевств вестготов, ключевым моментом политической эволюции которых стало осознание территориальной, этнической и культурной самодостаточности Испании, которое не произошло само по себе, естественным путем, но стало следствием

конкретных, сознательно предпринятых усилий со стороны местных элит, в данном случае — верхушки образованного клира. Пик этого процесса связан с деятельностью Исидора Севильского (ок. 560 — 630), Юлиана Толедского, а также ряда их современников. Так, первый в своей «Истории королей готов, вандалов и свевов» выделил Испанию (ранее — крайне гетерогенную в том, что касалось этнической структуры населения и территориально-административной системы) из общего пространства бывших латинских провинций Рима, воспел ее географическую и природную самодостаточность, особость и неповторимость. Он же окончательно отказался от характеристики испанцев как «римлян», связав понятие *Romani* исключительно с ромеями-византийцами. Что же касается Юлиана Толедского, то его «История короля Вамбы» логически завершила этот процесс, уверенно используя понятие «испанцы» (*Hispani*) и ставшее синонимичным ему «готы» (*Gothi*) в принципиально новом значении. Отныне они превратились в обозначения испанской знати, жестко противопоставленной «франкам», «иудеям», «галлам» и «баскам». Кроме того, он четко разграничил Испанию и Галлию, наделив образ последней выраженными негативными коннотациями и определениями.

Конечно, это разграничение не возникло одномоментно. Но его фиксация в конкретных текстах стала сознательным актом обозначения территориальной и социальной общностей, де-факто еще не существовавших и превратившихся из потенциальной возможности в реальность лишь в результате сознательных действий образованных представителей политической элиты. Эта сознательность, по мнению О. В. Аунова, и позволяет говорить о названных выше сообществах как о «воображаемых». Точно так же вполне осознанно столетия спустя действовал и Альфонсо X Мудрый, создавая образ единой Испании как территориального сообщества, связанного общностью языка и истории. В этом контексте важны даже кастильские версии топонимов и антропонимов, использованные в «Альфонсовых историях», которые являлись частью механизма воплощения в жизнь политических идей Мудрого Короля об испанском единстве — территориальном, лингвистическом, историческом и в конечном счете поэтическом. Едва ли описанные сценарии противоречат моделям нациестроительства, проявившимся в Новое и Новейшее время. Хотя, конечно, применять к архаическим политиям понятие нации нельзя уже потому, что носителями политической идентичности в древности, в Средние века и раннее Новое время выступали не нации современного типа, а исключительно политические и культурные элиты. Однако при всей своей важности эта оговорка не меняет основной сути явления.

Отвечая О. В. Аунову, И. А. Женин подчеркнул, что при всей убедительности высказанных соображений в данном случае можно говорить скорее о метафоре «воображаемого сообщества»: слишком уж прочно утвердилась традиционная трактовка понятия, основу которой составили феномены империи и имперского опыта. О. В. Аунов принял это замечание к сведению, признав его обоснованность.

Вторая секция дневного заседания была посвящена теме «Античность в политике и культуре Англии / Великобритании (позднее Средневековье и раннее Новое время)». С докладом «Интерес к античности в среде джентри XV в. Казус Уильяма Уорчестера» выступила Елена Давыдовна Браун. Речь в ее до-

кладе шла о ценностной шкале джентри и об Уильяме Уорчестере (ок. 1415 — ок. 1482) — известном антикваре и авторе «*Annales Rerum Anglicarum*».

Доклад **Александра Валентиновича Воеводского** «Роль античного наследия в осмыслении имперского опыта Британии (на примере трудов Джеймса Милля)» был построен на анализе трудов британского (шотландского) экономиста Джеймса Милля (1773–1836).

В ходе общей дискуссии по докладам секции помимо докладчиков выступили А. М. Сморчков, Е. В. Илюшечкина, О. В. Ауров, И. А. Женин и Н. П. Танышина. О. В. Ауров, касаясь содержания доклада Е. Д. Браун, отметил, что в англосаксонской традиции (насколько это ему известно) престижность знания об античности обеспечивается, с одной стороны, ролью университетов как центров подготовки элит. Вместе с тем всегда присутствовали интересы политического и идеологического характера, в частности, выделявшие роль Греции как родины демократии.

Отвечая на это замечание, Е. Д. Браун отметила, что, разумеется, в XV–XVI вв. об интересе к демократии говорить сложно. Действовали иные, более характерные причины, например, такие как интерес к истории троянцев, в которых видели родоначальников заселения Британии. Этот стереотип, закрепленный средневековой историографией, был очень стабильным. При этом необходимо учитывать, что образ Древней Греции в сознании образованных британцев рубежа Средневековья и раннего Нового времени представлял собой комплекс штампов, воспринимавшихся крайне утилитарно и ограничено. К тому же традиция изучения греческого языка возникла позднее.

Е. В. Илюшечкина, продолжая тему, обратила внимание на подобное явление в скандинавской историографии XVII–XVIII вв., где в схожем контексте всячески подчеркивалась роль Улисса-Одиссея. О. В. Ауров напомнил об аналогичной функции Геркулеса, основателя Кадиса и Севильи, «сына короля Юпитера», в средневековой испанской (в частности, кастильской и леонской) историографии. А. М. Сморчков подчеркнул роль образа Греции как своеобразного «родоначальника» историй самых разных европейских народов.

А. В. Воеводский отметил тот факт, что герой его доклада, Дж. Милль, в греческой истории особо выделял значимость фигур Платона и Демосфена (первый из которых, кстати, не являлся сторонником демократии). В целом, по его мнению, до XX в. интерес к античной демократии в англо-саксонской традиции неочевиден, его возникновение в следующую эпоху имело вполне конкретные причины. И, конечно, многое объясняет присутствие античности в системе образования. Кроме того, А. В. Воеводский подчеркнул, что Платон и Аристотель являлись наиболее влиятельными политическими мыслителями в Британии начала XIX в., ни Гоббс, ни Локк, ни другие просветители не могли похвастаться подобной ролью. В качестве примера было указано на значимость идеи Аристотеля о политической соразмерности для британской политической мысли упомянутого периода. Продолжая эту мысль, И. А. Женин обратил внимание на тот факт, что интерес к философско-политическому наследию Локка в Европе резко возрос в эпоху распространения тоталитарных режимов.

Оживленную дискуссию вызвало также содержание доклада А. В. Воеводского. А. М. Сморчков аргументированно показал, что, несмотря на все доводы Дж. Милля, именно римский опыт (если исходить из наших совре-

менных знаний об этом сюжете античной истории) оказывается типологически гораздо ближе к британской модели колонизации, чем греческий. Отвечая на это замечание, А. В. Воеводский подчеркнул значимость идеи духовного единства, которая ставилась либералами-утилитаристами XIX в. (к которым принадлежал и Дж. Милль) выше политической своеобразности. Показательно, в частности, в этот период расширение прав Канады и предоставление ей статуса доминиона. Ситуация несколько изменилась лишь к концу столетия, когда, в частности, Б. Дизраэли стал открыто говорить о Британской империи как «новом Риме». Важно также отделять политику, применяемую к так называемым переселенческим колониям (Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.), от ситуации в британских колониях в Индии и Африке, по отношению к которым прямо провозглашалась идея миссии «белого человека» и ставилась цель искоренения «варварства». В то же время идеи мыслителей, подобных Дж. Миллю, были реализованы в статусе доминионов, самоуправление которых рассматривалось как важное средство достижения экономического процветания. В связи со сказанным А. М. Сморгков заметил, что как раз на примере доминионов особенно хорошо видны принципиальные отличия британской модели колонизации от модели древнегреческой: ведь греческие колонии изначально, с момента своего основания являлись самостоятельными государствами, тогда как доминионы вырастали из зависимых территорий; таким образом, сходство греческих колоний с моделью доминионов при ближайшем рассмотрении оказывается лишь внешним.

Вечернее заседание круглого стола было посвящено теме «Античность в политике и культуре Франции (XIX — начало XX в.)» и включало два доклада, первый из которых, «Франсуа Гизо и образы античности», был представлен **Наташей Петровной Танышиной**. В своем выступлении она сосредоточилась на анализе научного и политического наследия Франсуа Гизо (1787–1874), знаменитого французского историка периода Реставрации, одного из ведущих политиков эпохи Июльской монархии; влияние античных образов и сюжетов было охарактеризовано докладчиком как весьма значительное, поскольку, по мнению Н. П. Танышиной, выступает в роли своеобразной матрицы современной французской и в целом европейской цивилизации.

Игорь Владиславович Игнатченко в докладе «Пьер де Кубертен и возрождение Олимпийских игр в XIX в.» рассмотрел обстоятельства жизни знаменитого основателя олимпийского движения в связи с его деятельностью по возрождению Олимпийских игр. В своем выступлении докладчик подчеркнул прагматический характер интереса своего героя к соответствующей части античного культурного наследия. Не замеченный в особом интересе к античной культуре, барон Пьер де Кубертен (1863–1937) рассматривал спорт и спортивные состязания в первую очередь как одну из форм воспитания молодежи для формирования будущей элиты французского общества. Не менее значимой целью олимпизма, по мнению политика, являлось утверждение взаимного уважения и международного диалога между нациями, что звучало особенно актуально в эпоху, непосредственно предшествовавшую Первой мировой войне.

После завершения докладов состоялась заключительная дискуссия, в ходе которой высказались все участники круглого стола. Была единодушно признана плодотворность его проблематики и намечена возможная те-

матика последующих круглых столов, посвященных роли и месту античного наследия в европейской истории и культуре.

О. В. Ауров подчеркнул значимость и многообразие последнего, обратив внимание на феномен «долгой античности». Рецепция античного наследия по этой причине вовсе не сводится к набору традиционных образов и сюжетов (греческая демократия, Поздняя Республика, Ранняя Империя, любимая англосаксами проблематика *decline and fall* и т. п.). К этому надо добавить и очевидные проявления «псевдоантичного», приписываемого античности без должных оснований; в частности, это явление ощущается в восприятии варварства как явления, сопряженного с абсолютной свободой, в котором гораздо больше от идей Ш. де Монтескье и Ф. Гизо, чем от подлинных реалий античности. В диалоге с Н. П. Таньшиной О. В. Ауров прямо связал идеализацию варварства, а также идеи идеального сочетания «свободы и порядка» (примеры которого Ф. Гизо, О. Тьерри, португальский историк А. Эркулано и ряд их современников видели в античном и средневековом прошлом своих стран) с политическими реалиями первой половины XIX в., в частности со становлением идеологии умеренного либерализма в соответствующих романских странах.

А. М. Сморгков высказался за дальнейшую разработку в формате круглых столов проблематики политической истории в самом широком смысле, истории и функционирования политических структур, а также параллелей и псевдопараллелей с античным прошлым, использовавшихся в политических идеологиях Нового и Новейшего времени.

Н. П. Таньшина обратила внимание на важность сочетания в тематике будущих круглых столов, посвященных рецепции античного наследия, проблемно-хронологического, страноведческого и регионального подходов. Кроме того, она подчеркнула значимость участия в круглых столах такого рода для историков Нового и Новейшего времени.

Е. В. Илюшечкина подчеркнула важность обращения к истории рецепции античного наследия в контексте проблематики культуры европейского гуманизма вообще, и в частности — форм усвоения и интерпретации гуманистами значимых античных памятников, в первую очередь «Естественной истории» Плиния Старшего. Крайне существенна, например, роль этого сюжета в истории формирования облика современной Европы, а также энциклопедизма в самом широком смысле.

Е. Д. Браун подчеркнула значимость тематики истории представлений об античности в их эволюции в самом широком проблемном и хронологическом контексте. В то же время история преемственности античных политических институтов и практик для Средневековья при всей ее важности представляется весьма узкой, способной заинтересовать лишь относительно небольшой круг специалистов.

И. А. Женин обратил внимание на значимость визуальных аспектов рецепции античного наследия не только в контексте истории архитектуры и изобразительного искусства, но и на уровне литературных образов, приведя в пример сравнение Берлина с «Афинами на Шпрее». С образами такого рода ассоциировались представления об идеальном обществе, учености, высшей справедливости и т. п. Кроме того, по мнению И. А. Женина, следует учесть и разницу

восприятия античного в разные периоды истории одних и тех же стран. В качестве примера были приведены периоды до и после объединения Германии и создания Второго рейха в 1871 г. Также было обращено внимание на всплеск интереса к философскому наследию Платона в нацистской Германии. Эти сюжеты, по мнению И. А. Женина, актуализируют проблематику, связанную с инструментальной функцией античного наследия в его эволюции. Наконец, несомненно огромное место античности в рамках истории понятий. Не следует забывать, что Греция и Рим оставили потомкам не только понятие демократии, но и концепт террора, а также целый ряд других концептов того же рода. Причем они подчас радикально меняли свое значение в процессе эволюции. Так, негативно характеризовавшаяся древними *демократия* приобрела в наше время выраженный позитивный оттенок.

В завершение была подчеркнута роль античной составляющей классической системы образования, утвердившейся в Европе под влиянием идей Просвещения, и его значения для формирования политических элит в европейских и американских обществах Нового и Новейшего времени.

ANTIQUITY AFTER ANTIQUITY

Aurov, Oleg V.

PhD (Candidate of Science in History)

Associate Professor and Leading Researcher, Laboratory for Classical Studies

Head, Department of General History,

School of Advanced Studies in the Humanities,

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

Associate Professor,

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

Associate Professor, Department of World History,

Russian State University for the Humanities

Russia, 125267, Moscow, Miusskaya sq., 6

Tel.: +7(495)250-64-56

E-mail: olegaurov1@yandex.ru

Zaitsev, Dmitry V.

Lecturer, Institute of Social Sciences,

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: dmitriyzaits@yandex.ru

Abstract. The article reviews the content of the reports and the discussions presented within the framework of the colloquium "Heritage of Antiquity in European History, Politics and Culture: Middle Ages, Modern History, Contemporary History", which took

place on September 13, 2017. The special role of Antiquity in the European history is emphasized, because it was the source of many important images and metaphors used during the following epochs. Specific examples and models of translation and reception of the heritage of Antiquity are presented, with special attention paid to the national histories of Spain, France and Great Britain.

Keywords: reception of the heritage of Antiquity, notions about Antiquity, political ideology of Modernity, nationalism, democracy, empire

To cite this article:

AUROV, O. V., ZAITSEV, D. V. (2018). ANTICHNOST' POSLE ANTICHNOSTI [ANTIQUITY AFTER ANTIQUITY]. *SHAGI / STEPS*, 4(2), 234–246. (IN RUSSIAN).

Received January 15, 2018

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ КНИГА:

Чекалов К. А. Популярно о популярной литературе: Гастон Леру и массовое чтение во Франции в период «прекрасной эпохи» / ШАГИ ИОН РАНХиГС; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Французская массовая литература неизменно пользовалась большим успехом у русских читателей; между тем накопленный ею опыт до недавних пор не являлся предметом осмысления со стороны отечественных ученых. К наиболее продуктивным периодам в развитии этой сферы французской словесности относится конец XIX — начало XX в. («прекрасная эпоха»), когда массовое чтение, сохраняя приверженность традиционным для себя повествовательным и стилистическим принципам, подверглось вместе с тем существенному обновлению. Этот процесс особенно ярко запечатлен в творчестве Гастона Леру (Gaston Leroux, 1868–1927). В России не имеется ни одного исследования о Леру, чьи произведения к тому же недостаточно полно представлены в русских переводах. В подготовленной книге в доступной для широкого читателя форме рассмотрено романное творчество Леру, с учетом его обширного наследия как журналиста. Особое внимание уделено общему контексту французского массового чтения «прекрасной эпохи». Отдельные главы посвящены пребыванию Леру в России и русской теме в его прозе и публицистике; роли произведений Леру в становлении детективной литературы (в сопоставлении с Морисом Лебланом); поэтике ужасного в романах Леру; архитектонике его масштабных романских циклов (в сопоставлении с циклом романов П. Сувестра и М. Аллена о Фантомасе).

Научный редактор

М. В. Ахметова

Редактор английского текста

Х. Баран

Корректурa

Н. В. Сайкина

Верстка, дизайн

В. Ф. Лурье

Academic Editor

M. V. Akhmetova

English Language Editor

H. Baran

Copy Editor

N. V. Saikina

Layout Editor, Designer

V. F. Lurie

ISSN 2412-9410

Адрес редакции: 119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 9
Postal address: Russia, 119606, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82, corpus 9

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

The journal is published by The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
In case of reprinting, reference to the journal is obligatory.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.
All articles published in the journal have been peer-reviewed.

Подписано в печать 15.06.2018

Формат 70×100/16

Тираж 500 экз. (первый завод — 200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–61736 от 07.05.2015

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

© Авторы

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

© Authors